СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2

2020

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2020 — 2(59)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Доктор Фаустус» — новое прочтение вечной темы: К 145-летию со дня рождения выдающегося немецкого писателя XX века Томаса Манна (1875—1955)..... 3

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ, ПЬЕСА

Игорь Карлов. Дважды краснознаменная повесть имени генерального секретаря ЦК КПСС, президента СССР Горбачева М. С. (главы из повести)..... 25

Вячеслав Лямкин. Отпусти его на небо, душа, отпусти... (главы из повести)..... 44

Ефим Гаммер. Оки-доки: Мурманск — Североморск — Амдерма (главы из повести)..... 54

Виталий Ковалев, Олеся Янгол. Ночи Дианы (из книги «Побережье наших грез»): Мыс: (главы из романа)..... 63

Рагим Мусаев. Эполеты для губернатора (пьеса)..... 70

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Ольков. Гиблое дело..... 99

Николай Макаров. Хирургия..... 111

Михаил Смирнов. Урожайная пора..... 116

Алексей Яшин. Константиновский рублевик на Шелковом пути (из жизни коллекционеров)..... 121

Евгений Асташкин. Волчья балка..... 141

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Сергей Даштамиров. Пушкинская проза онегинской строфой..... 153

Александр Ланцов. Снежная крепость..... 172

Александр Дивеев. Время..... 175

Яков Шафран. К 500-летию Тульского кремля..... 177

Юрий Токарь. Эхо надежды..... 179

Ольга Иванова. Письмо из Крыма на Сахалин..... 181

Николай Еремин. Быль..... 182

Наталья Окенчиц. На светлой горе..... 184

Леонид Золотухин. Венки на воде..... 185

Елизавета Баранова (Весина). *Personalia*..... 190

Владимир Цыганков. «Вновь рисует зима за окном...»..... 198

Константин Струков. «Три штыка взметнулись выше этажей...»..... 200

Владимир Хохлев. Поэзия — Санкт-Петербург (поэма)..... 203

Валерий Бутов. В полете..... 215

Валерий Акимов. Фронтовики..... 218

Анатолий Арестов. На целину! 221

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Алла Новикова-Строганова. Чертовы куклы закабаленной России:
Лесков — обличитель «чиновничьей шушеры»..... 223
Евгений Новичихин. «Понять, что русский по судьбе...» (о творчестве Игоря Лукьянова)..... 235
Вадимир Трусов. Женский поэтический десант (о новых именах в поэзии Кольского Заполярья)..... 239
Валентин Огнев. Непутевый..... 249
Игорь Карлов, Евгений Трещев, Людмила Пенькова. К десятилетию альманаха «Ковчег»
всероссийского литературного журнала «Приокские зори»..... 253
Яков Шафран. Поэма любви. О книге Людмилы Алтуниной «Чайка с того света...»..... 258
Евгений Трещев, А. И. Юрьев. Рецензии на книгу Николая Макарова
«Воспоминания тульского десантника»..... 276
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Яков Шафран, Федор Абрамов, Алексей Яшин, Елена Васильева, Александр Чикин, Николай Иванов, Юрий Бондарев, Роман Тишковский, Ольга Карагодина, Аркадий Мар, Марина Чайкина, Анатолий Аврутин, Евгений Скоблов, Валерий Савостьянов, Николай Макаров, Е. М. Давыдов, Марина Баланюк, Владимир Корнилов, Людмила Воробьева, Евгений Трещев, В. Ф. Шугля, Евгений Асташкин, Федор Ошевнев)..... 282

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:
Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Евгений АСТАШКИН (Омск) — и.о. зав. отделом прозы
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— альманах «Московский Парнас»
— газета «Русскоязычная Америка NY"
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2020

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ДОКТОР ФАУСТУС» — НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ ВЕЧНОЙ ТЕМЫ

К 145-летию со дня рождения выдающегося немецкого писателя XX века Томаса Манна (1875 — 1955)

Тут опять их логика;
но ведь в логике и всегда тоска.
Ф. М. Достоевский «Подросток»

♦ В мировом литературоведении, а Томас Манн суть творец мирового масштаба, самый выдающийся немецкий писатель XX века, вопрос познания художника слова всегда принято соотносить с метафизикой, мистикой и интуицией. Здесь достаточно ссылок на Платона, Аристотеля, Канта, Гегеля. Возьмите основной труд любого классика философии: всюду вопрос познания будет одним из центральных: в сократических диалогах Платона, в «Метафизике» Аристотеля, «Критике чистого разума», гегелевской «Науке логики». Но это слишко обще. Рассматривая философские системы новейшего времени, неслучайно встретим попарное упоминание имен Фридриха Ницше и Анри Бергсона. Именно их имена — наиболее громкие в философском ожесточении конца XIX — начала XX вв, когда, наряду с окончательной формулировкой основных положений позитивизма и материализма, происходило бурное возрождение и переоценка ценностей идеалистических и метафизических теорий всевозможных направлений. Последние выставили два боевых знамени в вопросах теории познания: ницшеанство — с его отрицанием истинного познания мира, другое — Бергсоново познание методом мистической интуиции. Все остальные многочисленные философские системы на рубеже веков размещаются между ними, либо группируются «справа» и «слева».

Однако метод мистической интуиции Бергсона в художественном творчестве был предвосхищен за много лет до появления его учения, а именно витал в европейской литературе в идее «поэта-мага» и проявился впервые в «Страданиях юного Вертера» Гёте, во всем творчестве которого так заметна, правда, не совсем оконченная, борьба между идеалистическим и реалистическим мировоззрением. Но законченная идея поэта-мага, живущего, чувствующего и познающего окружающий мир интуитивно-мистически, лежит в основе творчества Новалиса (особенно «Генрих фон Офтердинген» и «Ученики в Саисе»). Но если идея мистической интуиции помогла создать прекрасные образы романтической литературы, то в философском отношении она выглядит неудовлетворительной, своего рода частной стороной теории познания. Ибо здесь рвется естественная и прямая связь ощущения и представления. Последнее постоянно получает подпитку от гипертрофированного интуитивистского механизма.

Философская система Бергсона, как, впрочем, и большинства «поэтических» философий, не представляет той завершенной, исчерпанной в самой себе философской системы, какими были учения Канта, Гегеля, Шопенгауэра. Отсюда и неудовлетворительное объяснение механизма чувственного познания у Бергсона. Но еще художественно величественнее другой аспект Бергсоновой теории: об особой относительно-

сти времени; это воплотилось в эпопее Марселя Пруста. Не следует однако забывать, что прекрасные произведения Новалиса и Пруста обязаны своими качествами в первую очередь высокой степени развития у этих художников творческого познания, в том числе и в его чувственных формах. Ибо когда художник слепо проводит в художественном произведении схему исповедуемой им философской теории, то в итоге он и пишет схему, а не художественное произведение.

Из учения же Ницше трудно сделать однозначный вывод, ибо каждой его фразе в его же наследии всегда можно отыскать исключающую ее антифразу. Это одна из основных трудностей в изучении Ницше; приходится доискиваться истины между Сциллой и Харибдой этих пар: фраза — антифраза, а по своей пессимистической иронии и доходящей до желчи категоричности они именно есть Сцилла и Харибда. Поэтому-то вся философия Ницше воспринимается чаще всего однобоко, хотя есть попытки осторожного, объективного подхода, например у Л. Шестова. Однако чисто в философском плане Ницше отрицает истинное познание мира. В чем-то он дитя своего времени, а потому и приверженец, значительно ранее Бергсона, интуиции и инстинкта в познании: «*Самую большую долю сознательного мышления следует отнести на счет инстинктивной деятельности, и философы в этом отношении не представляют исключения... Каждый философ в большей доле своего сознательного мышления тайно находится под руководством своих инстинктов, которые и вынуждают его двигаться по определенным путям*»,— пишет он в «По ту сторону добра и зла».

Но есть у Ницше работа, целиком посвященная значению чувственного познания для художественного творчества: «Происхождение трагедии». Разумеется, впоследствии Ницше, оставаясь верным самому себе, опроверг «антифразами» многие положения этой первой его большой и серьезной работы, написанной «со всем жаром молодости», но основное не в этом; в «книге о Греках» Ницше ответил на два вопроса: а) о роли чувственного познания для художественности; б) о связи чувственного и логического познания. Ответ на первый вопрос представляет значительный интерес: чувственное познание исторически и психофизиологически — фундамент художественного творчества человека. Высшее искусство античного мира — греческая трагедия родилась из союза аполлоновского духа сновидений, восприятий и представлений, и дионисийской музыки и гармонии жизни — ощущений. Именно в таких терминах сейчас следует понимать эту мысль Ницше в «Происхождении трагедии», если отбросить рассуждения о Шопенгауэровой воле, которой, как Ницше позже сам признавал, он «испортил язык своей книги». Итак: чувственное восприятие музыки (Дионис), пластического мира и представления о нем (Аполлон) — вот основа художественности античного мира: «*В виду невероятной пластической точности и верности их глаза, вместе с их светлым и правильным чувством колорита, нельзя не предположить, к стыду всех позднейших поколений, что и в сновидениях их была та же логическая связь линий и контуров, красок и групп, ряд сцен, напоминающих их лучшие барельефы, совершенство которых и их несравнимая красота, если б можно было сравнение, дали бы нам право назвать грезящих греков Гомерами, а Гомера — грезящим греком: и это имело бы более глубокий смысл, чем если б современный человек по отношению к своим сновидениям рискнул сравнить себя с Шекспиром*».

Но ответ на второй вопрос представляется сомнительным: не единство чувственного и логического познания увидел он в трагедиях Еврипида, *а разрушение сократовской логикой чувственно познанного мира — стержня греческой трагедии*. Ницше вводит понятие эстетического сократизма, где «*все должно быть согласно с разумом, чтобы быть прекрасным*». Именно соединение логического и чувственного начал в познании, по мысли Ницше, губит истинное искусство.* Та же мысль нега-

* Характерно, что Сидни Финкелстайн, известный американский литературный критик, не затронул этот вопрос при рассмотрении «Происхождения трагедии» в своей книге об экзистенциализме (русск. пер.— М.: Прогресс, 1967).

тивно присутствует и в поздних произведениях Ницше («Рихард Вагнер в Байрейте», «По ту сторону добра и зла», «*Ecce Homo*», «Генеалогия морали», «Так говорил Заратустра»). В приводимых выше цитатах затрагиваются сновидения. Итак, мы сталкиваемся с вопросом: такая форма чувственного познания, как представление, рождает художественное отображение реального мира, складываясь из ощущений, восприятий, работы памяти, активного сознания и подсознания. А сон является освобожденной работой подсознания.

♦ Для разнообразия иллюстраций обратимся к естественно-научному познанию. Люди, которым так или иначе довелось творчески заниматься точными естественными науками (чистая математика, теоретическая физика), пожалуй, согласятся, что решение очень трудной задачи скорее всего приходит не поздним вечером, хотя целый день перед этим был отдан тщательному анализу, но утром по пробуждении. Вполне допустимо, что решение приходит и во сне. Это наглядная иллюстрация «чистой» работы подсознания.

Вообще роль подсознательного (или что то же: бессознательного) исключительно велика в логическом познании. Существуют две замечательные работы, принадлежащие знаменитым французским математикам: Адамару и Пуанкаре, где рассматриваются вопросы о роли бессознательного в творческом математическом процессе. По мнению Адамара и Пуанкаре, подсознание, или краевое сознание, выполняет в случае математического открытия роль ЭВМ, перебирающей миллионы вариантов и выбрасывающей в активное сознание попадающееся ей верное решение. «*Краевое сознание и собственно сознание так близки друг к другу, обмены между ними столь непрерывны и быстры,что кажется почти невозможным различить их роль в столь внезапном явлении, как озарение*»,— пишет Ж. Адамар. Именно эта «внезапность» идеи, озарения и сообщает эффект сверхъестественного работе подсознания, хотя механизм его работы глубоко прост и понятен: «*...Некоторые авторы испытали своего рода страх перед бессознательным и даже отказывались признать его существование. Этот отказ, может быть, реакция на полет воображения, которому были подвержены другие. Тот таинственный характер, который приписывают бессознательному, видимо, отталкивал других исследователей*».

Но еще нелепее было бы отрицать участие подсознательного мышления в формировании представлений, формы чувственного познания. Даже обычный человек видит изумительно колоритные и гиперболизированные сны, но эти же сны — тысячекратно перевернутый и зеркально отображенный мир — дал творчески одаренного человека.

Предшествующими рассуждениями мы совсем не хотим признать абсолютное первенство в части образования художественных ассоциаций сновидений, подсознательного, просто уравниваем в возможностях и правах активное и краевое сознание в художественном и творческом процессе, как оно уже уравнено и признано в математике. Сон, как представление в области чувственного познания, конечно же не выдуманная напраслина. И проницательные художники прекрасно понимали и понимают роль этой чувственной «субформы» познания и ее роли в творческом процессе. Обычно в литературоведении этот вопрос связывают с творчеством Томаса Манна.* Разговор о «Волшебной горе» особый, но уже в «Иосифе и его братьях» автор постоянно обращается к художественному анализу сновидений; характерные фрагменты из романа:

---

* Уже в древних поэтических памятниках сон, прорицание во сне — обычный художественный прием. Смотри толкование вещего сна Святослава в «Слове о полку Игореве»: «Святослав видел мутный сон: «В Киеве на горах, ночью с вечера, одевали вы меня... черным покрывалом на тесовой кровати...».

— сон, как художественное представление реальной жизни: «...Великие и по-детски яркие сны снились ее герою, будут здесь сниться сны и другим лицам»;

— сон, как чисто подсознательная работа художника: «Облекать сны в слова и рассказывать их почти невозможно, потому что не так важна самая суть сна,— ее-то именно и можно выразить, как его аромат и флюид, тот непередаваемый дух ужаса или счастья (или того и другого сразу), которым он пропитан и которым порой наполняет душу сновидца еще долгое время спустя»;

— сон, как чувственная форма познания: представление, имеющее своей базой ощущения и восприятия, художественно транслированные краевым сознанием:

«Неверно считать сон свободной и дикой областью, где все, что запрещено днем, всегда может с лихвой взять свое. Того, что совершенно неведомо яви и начисто отрезано от нее, не знает и сон. Граница между этими двумя областями зыбка и проницаема; она неуверенно проходит через одно и то же пространство души, а что пространство это для совести и для гордости неделимо, доказало смущение, доказали стыд и тревога, охватившие Мут не только по пробуждении, но уже и во сне, когда ей ночью впервые приснился Иосиф».

— Прекрасные по глубине проникновения в суть художественные определения природы сновидений... Истинный художник всегда старается отдавать себе отчет: из каких компонентов чувственного и логического познания проистекает развитие и самовыражение его таланта? И, конечно, форма представления, ибо как сказал Райнер Мариа Рильке: «*В этом смысл всего того, что когда-либо было в прошлом; того, что это прошлое не остается мертвым грузом, но возвращается к нам, чудесным образом глубоко в нас воплощаясь*».

Художнику Томасу Манну, которого всегда глубоко волновал феномен таланта и его живительной почвы: познание мира и его закономерностей, принадлежит одна из книг века — имеется в виду «Доктор Фаустус», литературная биография, история жизни, творчества и гибели несчастного и трагического Фауста прошлого столетия — Фридриха Ницше. Хотя бы в романе и идет речь о музыканте с реальным прототипом — Арнольдом Шёнбергом... Можно спорить и не соглашаться с философской подоплекой «*этой первой и, так сказать, предварительной* ***биографии*** *(выделено нами — А. Я.) дорогого мне человека и гениального музыканта, с которым столь беспощадно обошлась судьба, высоко его вознесшая и затем низринувшая в бездну*»* (С. 25), но эта книга — катехизис всякого мыслящего художника, заставляющий его постоянно задумываться об истоках, ближних и дальних последствиях тех методов познания, которые творческий человек избирает в качестве наиболее предпочтительных для себя.

Коль скоро речь зашла о роли подсознательного в творческом познании, то неловко не вспомнить и еще одно громкое имя второй половины XIX века, о котором тот же Жак Адамар писал: «*Учитывая, что иногда выдвигают причины небесные, мы не должны особенно удивляться, услышав, что привлекаются так же и дьявольские силы. Один дерзкий немецкий философ фон Гартман рассматривает бессознательное как универсальную злую силу, которая действует на вещи и людей пагубным образом; и пессимизм, который порождает в нем страх перед этим ужасным бессознательным, таков, что он советует даже не индивидуальное самоубийство, которое он считает недостаточным, но «самоубийство космическое», надеясь, что мощные разрушительные силы, которые подготовят человечество, позволят ему разрушить единым ударом всю планету — в некотором роде предчувствие того, что теперь стало возможным*».

---

* Томас Манн. Доктор Фаустус. Жизнь немецкого композитора Адриана Леверкюна, рассказанная его другом»: Пер. с нем.— М.: «Художественная литература», 1975.— 608 с.

Заметим, Гартман*, как эпигон Шопенгауэра, сделал недоброе дело, отбросив часть его учения о разумных идеях. Он усилил, взрастил мистику и инстинктивизм на бесконечно-обширном, говоря языком Гомера, поле мировой, внезаконопланомерной воли в учении Шопенгауэра. У Гартмана всякое чувственное познание оттесняется всемогущим бессознательным инстинктом. Причем Гартман толкует инстинкт как единосущее, общеживотное, бессознательное, не оставляя места чувственному и логическому познанию. Его учение вызывает в памяти прекрасные, но неразумные, как неразумны и прекрасны детские рассказы, трактаты Мориса Метерлинка: «Жизнь пчел» и «Разум цветов».— С тем отличием, что естественно-научные трактаты Метерлинка пронизаны поэзией, как и его лучшие пьесы. «*Что такое юность? Сон. Что такое любовь? Содержание сна*»,— заключает сборник своих афоризмов Сёрен Кьеркегор. Истинно таким содержанием, но не только одной лишь юности, а всей жизни человека, считал любовь, точнее ее экстракт — *Libido* — Зигмунд Фрейд, личность, оказавшая на мировую литературу, театр, вообще — искусство, огромное влияние. Фрейдовским психоанализом мы заключаем краткий обзор аспекта подсознательного в формировании чувственных представлений, хотя с него можно было и начинать в очерке, ориентированном на творчество Томаса Манна.

♦ Прежде всего: неформальный интерес представляет вопрос, кто из двух, Ницше или Шопенгауэр, повлиял на выработку мировоззрения Фрейда?— Неправ, очевидно, Сидни Финкелстайн, писавший: «...*Фрейд скорее находился под непосредственным влиянием Шопенгауэра, чем Ницше*». Ибо на этот счет есть запись самого Фрейда: «*Значительные совпадения психоанализа с философией Шопенгауэра — он не только выступал за примат аффективности и первостепенное значение сексуальности, но знал даже и механизм вытеснения — совсем не вытекают из моего знакомства с его учением. Я прочитал Шопенгауэра в очень поздние годы жизни*». Это важный момент, ибо «автономность» фрейдизма от философского учения Шопенгауэра показывает наличие в нем многих рациональных корней; естественно и рационально то, что естественно и независимо от предшественника возрождается не единожды; а время отделило истину в учении психоанализа от гениального, но слепого интуитивизма.

---

* Надо заметить, что единственно имеющееся издание основного труда Гартмана на русском языке не является переводом немецкого подлинника; оба тома есть вольное изложение философии Гартмана переводчиком (Козловым). Это плохо хотя бы в том отношении, что не передает прекрасный литературный стиль изложения самых сложных моментов философии, что унаследовали от своего учителя эпигоны Шопенгауэра. Очевидно, неудовольствие от чтения Гартмана в переработке Козлова, сделавшего медвежью услугу русским читателям, разделяли очень многие: Н. В. Крушевский, последователь и ученик знаменитого лингвиста Бодуэна де Куртенэ, в одном из писем своему учителю писал: «...Именно для выяснения этой разницы (речь идет об отличиях идей бессознательного в трактовке де Куртенэ и Гартмана — А. Я.) я принялся во время каникул за томительное и нудное изучение философии Гартмана в переработке Козлова».

Кстати, поскольку тематика нашей работы вплотную касается вопросов художественного творчества, а значит и художественности выражения, вполне закономерно немного задержаться на обсуждении литературного стиля работ по философии и психологии. Несомненно, что достаточную роль в привлекательности идей Шопенгауэра сыграла превосходная литературная образность и стиль его сочинений. То же читающие по-немецки и в хороших переводах Гартмана могут сказать и об этом его последователе. Как правило, хороший литературный язык и у большинства философов-экзистенциалистов; имеется в виду не один лишь Сартр, которому сам бог велел писать превосходно литературно. К сожалению, этого не скажешь о русских философах мистической школы: Вяч. Иванове, С. Н. Булгакове, Церетелеве; будучи неплохими писателями, они в смысле стиля сильно перебарщивают в своих теоретических работах. Лишь Льва Шестова трудно упрекнуть в этом. В психоаналитической и психофизиологической школах идет добрая традиция от Фрейда, причем эта традиция сейчас жива, особенно во французской школе лаканистов (но в то же время не характерна для представителей экспериментальной психологии Фресса и Пиаже...). Но, вообще говоря, современности эти добрые литературные традиции настолько чужды, что доходит до парадоксального: к статье С. Леклера, помещенной в коллективной монографии Тбилисского международного симпозиума по проблемам неосознанной психической деятельности (1978), присовокуплено следующее характерное примечание редакции: «Статья С. Леклера, одного из наиболее ярких представителей психоаналитической школы Ж. Лакана, привлекает внимание читателя прежде всего своеобразием манеры изложения, необычностью стиля, в котором она написана. Этот стиль статьи немало затруднит для тех, кто непривычен к литературным традициям лаканистов, понимание ее содержания».

Неверна одна из центральных посылок психоанализа: «*Согласно Фрейду, толкование сновидений, так же как и анализ неврозов, показывает, что законы бессознательной психической активности коренным образом отличаются от законов сознательной активности*»,— пишет В. Холличер в книге «Человек и агрессия» (М.: Прогресс, 1975) — выше подробно говорилось об этом. Но что дал Фрейд художественному творчеству и чего у него не отнимешь, так это усиленный интерес, а порой и *метод* к высшему, «второму» уровню психологии человека. Уже третья столетие наблюдаем прямое влияние фрейдизма на искусство: более осознанный подход художника к проблеме формирования представлений в сложной, функциональной их связи с изначальными ощущениями и восприятиями в чувственном познании, особенно в области психологии любви. Поэтому вполне можно было эпиграфом к «Поискам утраченного времени» Марселя Пруста в сюжетно-композиционном плане взять слова Фрейда: «*Вся такая цепь патогенных воспоминаний должна была быть восстановлена в памяти в хронологической последовательности и притом в обратном порядке: последняя травма сначала и первая в конце, причем невозможно было перескочить через последующие травмы прямо к первой, часто наиболее действительной*». Этот подход к художественному формированию представлений — один из ведущих композиционных методов современной литературы.

Во всяком учении должно отделять зерна истины от плевел домысла; в конце концов не эти ли жемчужные зерна и удерживаются в мировой сокровищнице мысли даже в случае частичного неприятии общих теорий их авторов. Обратимся к мифу об Эдипе, а именно в плане темы врожденных представлений — Эдипова комплекса, когда чувственные познания одного человека генетически наследуются всем его родом. Это древнейший мотив философии и искусства. Он присутствует в древних религиозно-философских памятниках: в Ветхом Завете и Евангелие это родовой грех «семижды семи» поколений, в буддизме — это учение о Карме. Фольклорные источники возникновения мифа об Эдипе подробно исследуются у В. Я. Проппа «Эдип в свете фольклора» и так далее.

Фрейд же нормализует Эдипов комплекс на стадии идентификации ребенка, когда под посылками чувственных ощущений формируется искаженное детским умом и потому неправильное восприятие. Проявление же Эдипова комплекса у людей со сформировавшимся сознанием надо мыслить как патологию, а по законам первобытного общества человек с патологией становится изгоем — в античном мире подвергался остракизму, а род его уничтожается во избежание генетической передачи патологии. Очевидно, так следует понимать природу Эдипова комплекса и причину «наследственного» греха, хотя подобное толкование в категорической форме утверждения редко встречается в литературе. Может дело в самих литераторах? С точки зрения чувственного познания это выглядит следующим образом: когда Эдипов комплекс из нормализованного, детского состояния переходит в патологию зрелого ума, то наличие такого примера искажает нормальный процесс формирования восприятий и представлений на основании ощущений органов человека; тем самым формирование представлений становится болезненно-фантастическим, приобретает художественно-вымышленный характер, потому-то Фрейд и считает всякого яркого талантливого художника патологизированной личностью, ищущей освобождения («вытеснения» — по его терминологии) в творческом самовыражении. Здесь можно сравнить с известной книгой Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство».

Но мы уже приблизились к тому разделу фрейдизма, где наиболее непримеримы защитники и противники психоанализа. Нас же интересует чисто творческий аспект; так вот, если говорить о нем, то среди легиона посредственных писателей-фрейдистов вроде «наивного фрейдиста» Дэвида Лоуренса, строившего романы по «дичайшим фрейдистским схемам», найдем немало великих талантов: Джеймса Джойса, Томаса Манна, Юджина О'Нила, Фрэнка Ведекинда. Действительно, фрей-

довское толкование чувственного восприятия, представления и их патогенных норм мы встречаем в «Улиссе» Джойса: Леопольд Блум — главный герой — типичная жертва либидинозной недостаточности, как пишет и довольно аргументировано об этом А. Старцев: «*Внутренний монолог Блума, отражающий его личность, в полувысказанной, невысказанной, едва зародившейся и еще только формирующейся мысли, хоть и шит кое-где белыми нитками, не лишен смысла. Это тягостный, однако же правдоподобный этюд патологического сознания*».

Известно, что в процессе развития своего учения о психоанализе Фрейд произвел фундаментальные изменения: первоначальную борьбу между либидо и влечением к самосохранению он впоследствии заменил борьбой между Эросом и Танатосом: сексуальным влечением и влечением к смерти. Последняя мотивация поведения и была положена Томасом Манном в основу «Волшебной горы». Здесь, в интересующем нас аспекте художественной роли чувственного познания, находкой автора является взаимосвязь чувственных ощущений и восприятий двух противоположностей: картин разрушительной смерти и неумирающей, даже на Волшебной горе, в туберкулезном санатории, любви,— и результирующие от них представления. В итоге — глубочайший психологизм, не достижимый при использовании иного приема.

Трилогия Юджина О'Нила «Траур — участь Электры», современная «Орестея», отмеченная не меньшим искусством трагизма, является одной из вершин драматургии XX века. Эта пьеса общепризнанно считается «художественной иллюстрацией» учения Фрейда. Но сам О'Нил дает разгадку, сообщая, что он «*достаточно знал женщин и мужчин, чтобы написать* «*Траур — участь Электры» и обойтись без Фрейда, Юнга и любого другого*». Ни О'Нил, ни Джойс, ни кто-либо другой из талантливых художников, кроме, быть может, Томаса Манна, да и то взявшего из психоанализа лишь общее положение,— не думал писать по фрейдистским схемам, и даже многие из них не читали и не знали теорий психоанализа, просто законы диалектики изначальны и никто не в силах их преломить, а суть чувственного познания человека не изменяется при изобретении или забвении всевозможных теорий. Художник, чувственно познавая окружающий *реальный мир*, дополняя скомбинированные сознанием и подсознанием представления работой логики ума, художественно воссоздает, по принципу кибернетической обратной связи, в своих творениях этот реальный мир. Так что зритель, читатель, слушатель благодарит за полученное им наслаждение не основателей психологических и философских систем, а универсальный мир — Природу, давшую всему свое место и назначение. Но это только в случае, когда мир отображается художником, а не схематиком-апологетом, неблагодарным мучеником породившей его воображение теории.

♦ Коль скоро речь пошла о глобальных категориях: Мире, Природе, то всякий сразу сообразит: речь пойдет о сотрясателе гегелевской системы, младшем друге Иммануила Канта, творце воли и франкфуртском затворнике Артуре Шопенгауэре, которому автор одной брошюры о нем поставил эпиграфом из Шекспира: «*У всякого безумца есть своя логика*». Дай нам, бог, всем быть такими безумцами... «*То, что все познает и никем не познается, это — субъект. Он, следовательно, носитель мира, общее и всегда предполагаемое условие всех явлений, всякого объекта: ибо только для субъекта существует все, что существует, таким субъектом каждый находит самого себя, но лишь поскольку он познает, а не поскольку он — объект познания*»,— позиция Шопенгауэра в вопросах познания и познающего субъекта.

Ни один мыслитель не облекал своих теорий в такой предельно ясный, конкретный, литературно прекрасный вид. Его учение предельно законченно и помещено на некоем удаленном от сборищ пьедестале и покрыто чарующим, манящим и таинственным покрывалом Майи. А об итоговом впечатлении от учения Шопенгауэра можно сказать: отрицательный результат есть тоже результат. Для него предельно верно замечание наиболее знаменитого из последователей — Ницше: «*Всякий выдающийся*

человек инстинктивно стремится замкнуться в себя, уйти в свои тайники, где он оказывается освобожденным от толпы». Поэтому мир Шопенгауэра — прибежище тех, кто не смог остаться в реальном, шумном и некрасивом мире и ищет для себя мир абсолютной гармонии — мир, живущий дирижированием единой и всеопределяющей Воли. Недаром Федор Сологуб, этот «провинциальный Шопенгауэр из подвала», как его окрестили еще при жизни, писал, что в философии Воли его более всего привлекает — хоть и искусственная, но все же замкнутая в самом себе гармония мира. Замкнутость и гармония — притягательность покрова Майи.

Поскольку философия Шопенгауэра противоположна учению материализма, кроме, быть может, истолкования «мира разумных идей», то нет основания для критики одного из разделов этой философии — теории чувственного познания, ибо основание для критики есть наличие хотя бы ближних точек соприкосновения, а их у материализма, философии мировых закономерностей, и шопенгауэрианства, философии единого, замкнутого в себе «Я», нет. Познание шопенгауэровского человека, в том числе и чувственное,— не более как одно из бесконечных представлений-спектаклей мировой Воли. Это — хаос в пределах рамок, соблюдаемых Волей, а человек, пользуясь уже заезженной цитатой из Шопенгауэра,— утлый челн в бушующем хаосе мирового моря — Воли. Эта безотносительность человека и его познания породила огромный пласт в художественном творчестве; о нем речь уже шла выше, ибо идея Шопенгауэра распалась на учения Фрейда, Кьеркегора, Ницше, Гартмана. Идея «человека в бушующем море неизвестности судьбы» постоянно присутствует в мировой литературе. Это и Апулеев «Золотой осел», и все бесчисленные приключения и мытарства Вертера, Фауста, героев Достоевского. *Очевидно, лишь Томас Манн эту идею воплотил изначально осознанно в «Иосифе и его братьях» и в «Приключениях авантюриста Феликса Круля»*.

На теории Шопенгауэра закончим рассмотрение «чувственно-познавательных» разделов тех учений, или авторов, которые ныне притча во языцех в современном, особенно западном, литературоведении, искусствоведении. Анализ этих своеобразных теорий совмещается с отбором того истинно ценного, что они привнесли в объяснение художественных моментов в познавательной деятельности человека.

Философскими предыстоками идеалистической теории познания были: агностицизм Юма с его принципиальным отрицанием познаваемости мира; «вещь в себе» Канта, которая вызывает наши ощущения, но тоже, как у Юма, принципиально недоступна человеческому познанию. Сюда следует отнести и методологический позитивизм Огюста Конта, и многие другие учения XVIII—XIX веков, в XX веке возродившиеся в несколько иной терминологической окраске. Самое интересное, что недоверие к ощущениям, их априорности, высказывали не только философы, но и ученые-естественники: физиолог Иоганн Мюллер полагал, на основе ошибочного вывода из опытов, что ощущения передают только состояние наших органов чувств, а не характеристику вещей вне нас. Сомневался в показаниях органов чувств и такой крупный ученый, как Герман Гельмгольц. В своей основополагающей работе о теории зрения он пишет: «*Одно только допущение не приводит ни к каким противоречиям,—допущение, рассматривающее все представления о пространстве, как основанные на опыте, и полагающее, что и локальные знаки наших зрительных ощущений, и качества их сами по себе суть только знаки, значение коих мы должны научиться понимать, мы и научаемся их понимать, сравнивая их с результатами наших движений и теми изменениями, которые происходят вследствие их во внешнем мире*». Объективно-идеалистическая идея в теории познания исторически начинается Платоном и венчается в системе объективного идеализма Гегелем. Познание же, «являющееся отражением мистической идеи», настолько толковано-перетолковано, что лишний раз пересказывать не имеет смысла. Смотрите «Эстетику» Гегеля.

Материализм на ранних ступенях развития, до теории Маркса, в особенности ра-

бот Энгельса, утверждал познаваемость мира, но это был метафизический материализм — не диалектический, не принимавший истину как результат развития познания. Само познание сводилось к наблюдению, в смысле созерцания, природы, а человек полагался неким абстрактным наблюдателем, как, например, в теории относительности вводится «идеальный наблюдатель». Особой «антидиалектичностью» отличалось учение вульгарного материализма. Классические представители его Бюхнер, Молешотт, Фогт и другие, преимущественно естественники, медики, в 50—60-х гг. XIX века сделали шаг назад даже по сравнению с французскими материалистами восемнадцатого века. «Мысль — это секрет мозга», причем в натуральном понятии: некоторая мыслительная жидкость. Это знаменитое изречение Карла Фогта цитирует его последователь и единомышленник Людвиг Бюхнер: «*Поводом к этой главе служит известное, вызвавшее столько издевательств изречение Карла Фогта:* «*Мысли находятся в тех же отношениях к мозгу, как желчь к печени, или моча к почкам*». Воздержимся от критики познавательного раздела философии Фогта и Бюхнера, хотя чтение их трудов — занимательное дело, когда имеешь перед глазами вольнообоснованную фантазию.

♦ Существует распространенное мнение, что художник есть некая исполнительная машина в руках ниспосылающей благодать озарения Природы. Вот мнение Хайдеггера: «*Художник для произведения есть нечто безразличное, можно даже сказать, что он, уничтожая себя в процессе творчества, способствует возвышению произведения искусства*». В том же смысле выражает свое понимание личности художника модернизатор учения Фрейда Карл Густав Юнг. Он пишет в своей книге «*Психология и литература»: «Искусство — род врожденного стимула, который охватывает человеческое существо и делает своим инструментом. Художник — это не личность, одаренная свободной волей, которая стремится к своим собственным целям, но тот, кто позволяет через себя искусству реализовать его цели; как человеческое существо, он может иметь определенное расположение духа, волю и личные цели, но как художник, он — человек в более высоком смысле,— он «коллективный человек», тот, кто выражает и формирует бессознательную психическую жизнь человечества... Всякий раз, когда творческая сила доминирует, человеческая жизнь направляется и формируется подсознательным против активной воли, и сознательное «я» уносится подземным потоком, будучи не чем иным, как беспомощным наблюдателем событий. Произведение в итоге становится судьбой поэта и определяет его психическое развитие. Не Гёте создал Фауста, но Фауст создал Гёте...*». Есть в этих словах истина, есть и заблуждение, типичное для интуитивистов. И понять, что все-таки есть художник,— в этом поможет исследование определения соотношения чувственного познания и художественного творчества.

Художник и ощущения. Общеизвестно, что у одаренного человека наблюдается более значительное развитие органов ощущения: слух у музыканта, зрение у живописца, к зрению прибавляется особая, чаще — вырабатываемая, чувствительность кожи пальцев — у скульптора, у поэта, а поэтом называем по старым канонам любого литератора, обострены все его органы восприятия: слух, зрение, осязание, обоняние, вкус... Это понятно: ощущения — база для построения восприятий и представлений. Но нелепо понимать, что человек рождается художником, если у него обоняние ищейки, осязание парапсихологического медиума, глаз сокола. Этого может не быть за исключением: музыкальному таланту обязательно сопутствует развитый слух, живописцу — зрение. Был бы, как говорится, талант. Но любой талантливый индивидуум стремится доразвить, если это в человеческих силах, органы, дающие приток ощущений, разумеется, не в физиологическом смысле доразвить слух, зрение, а доразвить методом комбинированного ощущения; например, если слух его несовершенен, то он старается компенсировать, где возможно — зрением, осязанием, вкусом. И сама человеческая природа идет тем же путем; поэтому-то у глухонемых

от рождения развито сильно зрение и обоняние, у слепых — после угасания зрения даже в немолодом возрасте улучшается слух. Природа даже в крайних ситуациях старается поддержать в человеке некий средний минимум уровня ощущений. Неутолимое желание художника жадно воспринимать отражения предметов окружающего мира — само за себя говорит о роли ощущений, *как базы художественного творчества, базы материальной*.

В формировании восприятий участвуют все органы чувств; акт восприятия — полная информация о предмете из реального мира, представленная в ощущениях человека всеми своими имеющимися качествами: звуком, внешним видом, цветом, объемом, формами, запахом, вкусом. Художнику необходимо как можно более полное восприятие; поэта интересуют все качества предмета, живописца — его пространственно-цветовые характеристики, музыканта — звуки. На стадии восприятия важно уже преобладание ощущений, доставляющих информацию необходимого художнику характера. Таким образом, выявляются две непреложные истины: а) чувственное познание — есть материальная база художественного творчества; б) род врожденного таланта художника определяет преимущественную необходимость в соответствующих типах ощущений.

Отметим особенное положение художника в области музыки. Музыкант стоит особняком в среде носителей искры божьей. Ему достаточно одних звуковых ощущений. Музыка — искусство, наиболее непосредственно воздействующее на человека, но в то же время — она имеет наиболее сокровенную тайну своего рождения. Не зря Шопенгауэр считал музыку непосредственной — в человеке — объективацией Воли, языком, которым Воля говорит в откровении с человеком. Если отбросить субъективно-идеалистическую терминологию философии скептицизма, то так оно и получается: музыка — воплощение мировой гармонии, а музыкант — Орга́н мировой гармонии. Этим мы в определенном смысле предваряем рассмотрение «Доктора Фаустуса» Томаса Манна.

Завершим сравнительно общие рассуждения о природе чувственного познания и его роли в художественном творчестве: отдельные эвристические моменты в этой части. Далее бóльшее внимание будет уделяться достаточно специальным вопросам роли чувственного познания в формировании личности художника и создании им произведений и иллюстрации выдвигаемых положений.

♦ Непререкаемым образцом, нет — вершиной! — такой художественной личности и созданных им произведений в XX веке стал Томас Манн. И выше, что называется подспудно подводя к теме очерка, обосновывая с общефилософских и литературоведческих позиций <самодовлеющую> роль метафизики, интуиции, отчасти и мистики, в творческом познании, мы обращались к его произведениям: «Волшебная гора», «Иосиф и его братья», «Доктор Фаустус» и незаконченный роман «Признания авантюриста Феликса Круля» (1954 г.).

В отличии от своего старшего брата Генриха Манна, безусловно высокоталантливого писателя, избранного президентом Академии искусств ГДР (но не успевшего вступить в эту должность, поскольку скончался в США накануне возвращения на родину...), Томас Манн — автор лишь пяти романов, включая незаконченные «Признания...», хотя бы «Иосифа и его братьев» иногда называют циклом романов. Но если во второй половине XX века читатели помнили (в этом веке читателей романов и вовсе нет...) Генриха Манна, по преимуществу, лишь как автора историко-литературной дилогии о короле Генрихе IV (1935 и 1937 гг.), то Томас Манн уже при своей жизни стал признанным явлением мировой литературы. И пусть не смущает тот факт, что Нобелевская премия была присуждена ему в 1929 году за самый первый его, в значительной степени автобиографический, роман-хронику «Будденброки», написанный двадцатипятилетним писателем (1901 — год издания), хотя бы уже была создана «Волшебная гора» (1924). Но ведь впереди еще были «Иосиф и его братья»

(1933—43), знаковая повесть «Лотта в Веймаре» и вершина творчества — «Доктор Фаустус» (1947). ...Так часто бывает, ибо по статусу Нобелевская премия вручается только живущим лауреатам, в данном случае — писателям. А значит и творчески работающим, ибо подлинный писатель-творец «пенсии не знает». Более того, Томасу Манну выпал удачный удел: премия за почти-что юношеские «Будденброки» стала для него, для его признания, тем счастливым авансом, что позволил, употребим такое определение, писателю в возрасте максимума творческой зрелости «художественно раскрепоститься», создать «Иосифа и его братьев», а главное — «Доктора Фаустуса», в которых Томас Манн в достижимой для литературного творчества полноте обосновал и реализовал свое кредо, которое мы сформулируем следующим — в современной терминологии.

Творческая и социальная эволюции человечества в период цивилизации и культуры движутся по оси исторического времени контекстно и корреляционно. Вектор социальной эволюции (в терминах точных наук — оператор) коллинеарен оси исторического времени и имеет своим операторным действием коллективизацию социума, в пределе — что есть прерогатива нашего с вами, уважаемые читатели, времени — переходящую в глобальный человейник (термин А. А. Зиновьева) с полным расчеловечиванием homo sapiens, превращением его в винтик машины глобализма. Творческая эволюция, в целом коррелируя с эволюцией социума, то есть проходя этапы возникновения → становления → апофеоза «великих творческих эпох» (название цикла книг Ромена Роллана) → «предувядание» от окончания XIX века до последней четверти XX века → глобализации и... см. выше, в части <суммы> искусств движется от метафизических и интуитивных <античных> начал через гармонию, олицетворяющую единство Храма природы и художественности мышления человека, к предельной материализации художественного творчества, что есть утилизация и упразднение самих искусств.

Таковое свое кредо Томас Манн литературно обосновал — в терминах и литературном языке своего времени — в «Докторе Фаустусе», для художественной выразительности и объективной реалистичности выбрав конкретный вид искусства — музыкальное творчество.

...Практически все литературоведческие исследования творчества Томаса Манна отмечают удивительный, «многослойный», как бы мы уточнили, параллелизм Гёте и Манна, хотя и разделенных по времени творческой жизни полутора веками. Оба яркие представители немецкой культуры, но понимаемой ими в неразрывном единстве с культурой европейской, а значит и мировой. Главные произведения обоих суть фаустиады, написанные на закате жизни своих создателей, значит, вершины их творчества. Отсюда, учитывая «позднее» создание главных своих произведений, при жизни Гёте ассоциировался с его «Вертером», а Томас Манн с первым своим романом «Будденброки», каковую «привязку» закрепила и Нобелевская премия (см. выше). И только по окончанию их жизненного пути при упоминании имени Гёте тотчас следует в памяти его «Фауст», а для Томаса Манна «Доктор Фаустус». Такие вот любопытные литературные реминисценции, такова «избирательно-короткая» память человеческая. И чем дальше по времени, тем более творение великого художника, в данном случае писателя, «округляется» до одного названия. Сейчас однозначно тот же Сервантес полагается лишь автором «Дон-Кихота», а почти про сотню других его романов знают только «узкие» специалисты-литературоведы, исследователи творчества Сервантеса.

Мы несколько отвлеклись, впрочем — в контексте темы. Но перейдем к «Доктору Фаустусу».

♦ ...И в русской литературе последних двух веков тема фаустиады (немцы и французы суть наши главные учителя европейской традиции!) одна из наиболее популярных. Вспомним хотя бы А. Н. Толстого с его «Невзоровым», а в XIX и вовсе

многие имена в памяти сразу всплывут. Источник: прочтение «Фауста» Гёте. И мы, ничтоже сумняшеся, свой роман о советском Фаусте сочинили на досуге.* Отдали, так сказать, долг вечной теме.

Каждая из национальных литератур, вошедших в мировой культурный ареал, имеет наиболее характерный для нее исторический праобраз. Наш образованный читатель и без намека тотчас выделит таковой для французской, английской, итальянской, испанской литературных традиций. И для сравнительно молодой русской — тоже без сомнения. Для немецкой литературы таковой праобраз, конечно же, доктор Фауст. Он у Гёте и Томаса Манна стал образом-обощением, мировым явлением, но и до Гёте немецкая литература не раз обращалась к Фаусту**, а Фридрих Максимилиан Клингер*** и вовсе современник великого поэта, ученого-естественника и веймарского премьер-министра, с которым то дружил, то ссорился (об этом чуть ниже).

Как, а главное — почему, возник, и именно в Германии, праобраз такой оригинальной национальной формы о человеке, продавшем свою бессмертную душу в обмен на свободу: телесную и творческую, не стесняемую окружающим социумом? Прежде всего, Фауст — лицо сугубо историческое; в первой половине XVI века, как следует из литературно-исторических источников, о нем свидетельствуют многочисленные, сами вошедшие в мировую известность, современники, прежде всего из круга общения Ульриха фон Гуттена, Мартина Лютера и Франца фон Зиккингена. А это непререкаемые исторические авторитеты.

Кем был исторически достоверный Фауст? — Источники свидетельствуют: ученый шарлатан, алхимик и астролог Георг Фауст, умерший в 1540 году, но оставивший после себя разросшуюся народную легенду. В книге «Легенда о докторе Фаусте», см. сноску выше, представлены характерные литературные тексты: «Исторические и легендарные свидетельства о докторе Фаусте», «Народная книга <о Фаусте>», «Свидетельства о постановке народной драмы и кукольной комедии», кукольные комедии «Доктор Иоганн Фауст», «Доктор Фауст или Великий Негромант», «Иоганнес Фауст», а также «Трагическая история доктора Фауста» Кристофера Марло и отрывки из недошедшей до нас трагедии «Фауст» Лессинга. Именно Лессинг в своих «Письмах о новейшей литературе» (1758 г.) первым указал на огромный творческий потенциал праобраза-легенды о докторе**** Фаусте в части его, если позволительно так выразиться, «художественной идеологии». Заметим, что сам Лессинг, много лет работая над трагедией о Фаусте, пожалуй, единственный из авторов фаустиады, кто отошел от стержневого сюжета народной легенды, а именно: «своим пером» он спасает Фауста, тем самым оправдывая дерзость попытки *познать неведомое* ценою продажи своей бессмертной души дьяволу — Князю тьмы. И еще Лессинг указывает на *всемирность* праобраза Фауста для европейской литературы; в семнадцатом письме (из названного выше цикла «Писем»; цит. по книге «Легенда...», см. ссылку выше) он пишет: «*То, что в наших старых пьесах было действительно много английского, я мог бы обстоятельно доказать без особого труда. Стоит назвать хотя бы самую известную из них: «Доктора Фауста» — пьесу, содержащую множество сцен, которые могли быть под силу только шекспировскому гению. И как влюблена была Германия, да и сейчас еще отчасти влюблена, в своего «Доктора Фауста»*! (С. 246).

---

* Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К», 2004.— 481 с., ил. (В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

** Легенда о докторе Фаусте: Пер. с нем. 2-е изд. / Подгот. В. М. Жирмунским.— М.: Наука, 1978.— 423 с., ил. (Серия «Литературные памятники»).

*** Клингер Ф. М. Фауст, его жизнь, деяния и низвержение в ад: Пер. с нем. / Под ред. О. А. Смолян.— М.—Л.: ГИХЛ, 1961.— 227 с.

**** Признанные чинопочитатели, немцы исторически уважают звание доктора. Отсюда и подчеркивание: от доктора Фауста до... доктора Геббельса, тоже продавшего свою душу дьяволу...

...Но «линия Лессинга» в литературе продолжения не получила, что и закрепил в своем гениальном «Фаусте» Гёте, работавший над главным своим произведением большую часть своей творческой жизни (1790—1831 гг.).

Раз обещали еще раз упомянуть о «Фаусте...» Ф. М. Клингера, то и исполним. Во-первых, в отличие от множества фаустиад до него и после, Клингер строго придерживался сюжетной основы народной книги о Фаусте (см. выше). Кстати говоря, в образ своего Фауста он ввел многие черты Иоганнеса Фуста, как бы сейчас сказали, «компаньона» первопечатника Иоганна Геннсфляйша Гутенберга. Здесь, и опять к делу, вспомним известное высказывание Льва Толстого, которое понятийнее будет передать словами не абы кого, но... Льва Давидовича Троцкого, не только ленинского «Иудушки», но и блестящего публициста, а именно: «*Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Н е в е ж е с т в а (здесь и далее выд. Л. Д. Троцким.— А. Я.) — это, пожалуй, слишком сурово, но д и л е н т а н т и з м а — это несомненно*» («Литература и революция», 1923).

То есть и Клингер, равно как намного позже Толстой, введением в образ своего Фауста хара́ктерных черт первопечатника Фуста (символизм созвучия имен!) неоднозначно оценивал сам факт книгопечатания: «знания в массы», говоря лозунгово, таят в себе нечто от дьявола, но явно проявившееся лишь сейчас: глобализация и глобальное же расчеловечивание... Не слишком ли мудро дальновиден был Клингер?

Во-вторых, имя Клингера очень тесно соотнесено в истории с Россией. Будучи студентом, но по причине нищеты бросил Гисенский университет и перебрался в Веймар — тогдашний литературный центр Германии под теплой и дружеской эгидой Гёте. Именно так великий поэт и опекал молодого литератора. Но Гёте все рос и рос в чинах веймарского правительства, и Клингер, как страстный последователь движения «*Sturm und Drang*» («Буря и натиск»), то собиравшийся в Америку воевать против англичан-колонизаторов, то с разными резкими инициативами выступавший, вскоре получил у Гёте «холодную отставку». Через несколько лет скитаний, нищеты и службы в австрийской армии Клингер попадает в Россию и поступает на военную службу, успехи в которой теперь и созвучны с литературным «ростом», в том числе созданием своего «Фауста» (намного раньше Гёте!). А с вступлением на престол Александра I Клингер и вовсе входит в придворный либеральный круг Сперанского, Новосильцева и возвращенного из вечной ссылки Радищева.

От либеральных друзей царь скоро избавился, но практичный немец Клингер пошел по линии министерства просвещения, со временем став генерал-лейтенантом Федором Ивановичем (вместо Фридриха Максимилиана...) Клингером, он занял многие вельможные должности — одновременно,— в том числе директора Первого кадетского корпуса и главноначальствующего Пажеским корпусом.

♦ ... Мы не только из-за «обрусения» Клингера остановили на нем внимание попристальнее — среди многих авторов фаустиад,— но именно по причине его трактовки образа Фауста с намеком на книгопечатание. Это не просто чисто сюжетная, художественная конкретизация праобраза Фауста, но, как нами не без основания полагается, даже в чем-то более акцентированная по сравнению с «Фаустом» Гёте идейно-философская трактовка вечной темы: решимся и такое сказать. И именно от «книгопечатания» у Клингера суть магистральный путь к «композиторству» Томаса Манна в «Докторе Фаустусе». Но — к сущности таковой связи вернемся далее. Сейчас же вкратце завершим рассуждения о причинности появления праобраза Фауста и особой «любви» к нему в Германии (см. выше слова Лессинга).

Собственно любые легендарные сюжеты о договоре человека с дьяволом имеют теодицейные корни — дуализм христианского вероучения в соотнесении добра и зла. Носителем первого выступает во всех своих деяниях бог; ему «во зле воинствующем» противостоит дьявол — мятежный ангел, отпавший от бога, сопротивляющий-

ся ему в соревновательности добра и зла в пользу последнего. Согласно догматам христианства, дьявол не властен в социумном ареале, но может овладеть бессмертной душой отдельного человека. Зло, то есть соблазны дьявола, в каноническом христианстве определено в <первом> послании Иоанна Богослова: «*Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира (сего)*» (гл. 1, ст. 15, 16).

Таким образом, догматы исходного христианства — от Нагорной проповеди Христа и заповедей блаженств Нового Завета — принципиально расставляют добро и зло по своим местам: добро от бога — истинная жизнь социумного христианина, зло от дьявола — индивидуальная жизнь преступившего Заветы человека. В этом, кстати говоря, кардинальное отличие христианства от зороастрийства и сект наподобие манихейских, где добро и зло суть равносоревновательны...

Опять же — прямой путь от первородного христианства к современному коммунистическому воззрению.*

После прошествия «темных средних веков», опять же после изобретения книгопечатания, то есть с началом европейского литературного процесса, тема магов-поборников дьявола становится наиважнейшей: с одной (церковной) стороны — «Молот ведьм», с другой, более широкой, как народной, так и антиклерикальной — легенды с праобразом магов, коими становятся продавшие дьяволу свою душу люди; как правило — незаурядные личности.

Но вот феномен Фауста и именно в Германии? — А здесь припомним, хотя бы из курса школьной истории, каким было это время — первая половина, даже первая треть, XVI века, когда и появился реальный доктор Фауст и легенда о нем (см. выше). Правильно — в немецких землях объявился другой доктор — по части богословия,— доктор Мартин Лютер, грандиозные деяния которого и породили доктора Фауста. Конечно, попутно породили, как следствие сдвига мотива на цель, выражаясь в терминах науки психологии.

Реформация — великий раскол западно-христианской, католической церкви — ударил «с севера» оплот католицизма в тогдашней Европе — Священную римскую империю германской нации (ее официальное название) именно в тот момент, когда Османская империя «с юга» объявила газават Европе, создав пиковую опасность для Германии, понимаемой расширенно. Войска султана Сулеймана I Кануни захватили Буду (тогда Пешт был еще отдельным городом) и сделали Венгрию своим вассалом, а затем вплотную подошли к Вене. Правда, штурм Вены и захват Рима не удался.

Таким образом, прибитые Мартином Лютером 31-го октября 1517-го года к дверям Виттенбергского собора своих девяносто пяти тезисов против индульгенций, что и было символическим началом Реформации, во многом подвигли и скорую Крестьянскую войну в Германии (1524—25), вождь и идеолог которой Томас Мюнцер активно поддерживал Реформацию. Фр. Энгельс особо подчеркивал, что в своей направленности Крестьянская война вместе с Реформацией и свершили первую из трех (другие в Англии и Франции) великих европейских буржуазных революций. А итоги ее, как социальные, так и религиозные — отпадение от папской власти (со временем) почти всей Германии и Северной Европы, от Англии до Скандинавии и Прибалтики,— во многом «обязаны» натиску османов на Европу и именно в ареале Священной империи. Вот и говори после этого, что История чуждается фольклора, дескать, мил черт одному сатане...

Итак, на фоне неспокойной жизни в немецких землях первой половины XVI века,

---

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто: РАЕН, ПАНИ, НОАН.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с., ил. (в электронной форме на сайте www.pz.tula.ru).

когда теснейше переплелись все коллизии, противостояния в религиозной, социальной и экономической ипостасях, как черт из табакерки, вполне своевременно и явился праобраз Фауста. В многочисленных и многомудрых исследованиях о происхождении народной книги (легенды) акценты ставятся различные, порой и прямо противоположные: вроде как реакция вновь возникшего протестантизма на старую римско-католическую власть, продавшую душу дьяволу, от царства небесного через власть — и корыстолюбие пап и кардиналов — перешедшую к телесному, земному устроению. Проще говоря, вместо церкви божьей устроившей *status in statu*, государство в государстве, слившейся с властью земной. И обратное мнение присутствует в таковых комментариях фаустиад: дескать, Фауст, поскольку он всегда (за исключением такового у Лессинга, см. выше) терпит поражение в своем богоборчестве, есть реакция-образ «догмата» на «апокриф», говоря языком церкви.

Имея свое мнение — не потому что все идут не в ногу и пр.— во главу поставим все же реалии немецкой буржуазной революции с религией нового, буржуазного класса — Лютеровым (далее — и в особенности! — добавился Кальвин) протестантизма. Праобраз Фауста как раз попал в прокрустово ложе двух реалий протестантизма: первоначальная религия души, но не церкви-учреждения (римское католичество), и явно противоречащая ей практика «освобожденного человека» в первоначальном накоплении капитала; как сейчас принято говорить: ничего личного, только бизнес! То есть это ложе между <первоначальным> лютеранством и кальвинизмом — истинной религией-идеологией буржуазной формации. И праобраз Фауста, таким образом, явился двояким литературным символом: а) в исторически-временной конкретизации — «человек нового времени» (как нынешний «новорусский»...), решивший освободиться, даже с помощью дьявола, от религиозно-феодальных «пут совести и морали», надеясь в своем индивидуализме обрести полное знание, с которым он пока не знает — ведь идет только созревание буржуазности! — что делать? б) в устоявшейся исторически-временной литературно-философской традиции праобраз Фауста был определен выше в сформулированном «кредо» Томаса Манна в «Докторе Фаустусе».

Итак, круг определенный замкнулся, для чего нам и понадобилось столь пространно остановиться на символизации Фауста и его исторической обусловленности.

Отметив самоочевидное, что величайшим по философской образности Фаустом в мировой литературе стал Великий инквизитор из «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского, перейдем-таки к «Доктору Фаустусу».

♦ Если в «Фаусте» Клингера, как уже было замечено выше, сюжет и фабула иносказательно соотнесены с книгопечатанием (см. выше высказывание Льва Толстого в интерпретации Л. Д. Троцкого), то у Томаса Манна уже безо всякого «намека» они объективированы на музыкальном творчестве. Подзаголовок книги прямо говорит об этом, как и ее 600-страничное содержание. Более того, после первого издания книги чуть ли не с судебным иском к автору «Доктора Фаустуса» обратился известный теоретик музыки, создатель двенадцатитоновой (додекафонической — отсюда обидная «какофония» и пр.) системы композиции Арнольд Шёнберг с обвинением в интеллектуальном воровстве — плагиате по принятой политкорректности. Действительно, вся глава XXII романа посвящена — в форме беседы двух персонажей — литературно-адаптированному изложению сущности двенадцатитоновой системы, причем без единого <во всей книге> упоминания имени ее автора. Более того, на всем поле действия романа из жизни музыканта, композитора импульс его творчества и развития своего композиторского *Я* базируется на теории Шёнберга. Но Томасу Манну удалось изящно-ловко, но в то же время совершенно искренне, «отбиться» от тяжкого обвинения. В понятийной речи это звучит так: да, уважаемый Арнольд, для романной конкретности я взял вашу, не менее уважаемую, систему... фонии, но не мог же я упоминать вашу достославную фамилию, коль скоро именно использование такой

системы моим персонажем и было условием его договора с дьяволом (!) Словом, по русской пословице: кто зла отлучится, тот никого не боится... Но, не будя лихо, пока оно тихо, во всех последующих изданиях <и на русском языке тож> Томас Манн на последней странице романа указывает на первоавторство Шёнберга в создании додекафонии.

Перед каждым, кто пишет о «Докторе Фаустусе», вполне резонно встает вопрос, занимающий и автора этого очерка. Предыстория здесь следующая. Первое мое чтение романа пришлось на время инженерной молодости, чуть ли не в год поступления в Литературный институт им. А.М. Горького Союза писателей СССР (так он тогда официально именовался). И с тех пор, по сей день включительно, во многом специально заводя разговор о великом романе, не встретил *ни одного* читавшего «Доктора Фаустуса» (?) А разные собеседники попадались: однокашники по Литинституту, сплошь в советское время читающая молодая <и не очень> инженерная братия, представители самых разных профессий и увлечений, конечно же, и братия пишущая — и не без успеха пишущая! Понятно, что здесь можно было и не упоминать литинститутских однокашников, ибо на рубеже 70—80-х годов они подчеркнуто гордились «от-сохи-происхождением» (даже если и имели степень кандидата наук — не редкость на заочном отделении), а хорошим тоном полагалось читать только и исключительно «шестидесятников» и «деревенщиков». А поэты и вовсе берегли зрение («чукча не читатель, чукча — писатель» — из знаменитого литанекдота). Но остальных-то в разы больше встречалось!

...Чтобы не было обидно за «Доктора Фаустуса», добавлю: не встречал и читавших «Волшебную гору» и «Иосифа и его братьев». Нобелевских «Будденброков» тож. Уже и не помышляю говорить о Марселе Прусте и «Улиссе» Джойса.* И это мы говорим о времени «самой читающей в мире страны», что и было правдой. О нынешнем времени — в этой, равно как и в других частях — грустно промолчим.

А все сказанное о «резонном вопросе» к тому, что пишущий о «Докторе Фаустусе» рискует попасть в ситуацию разговора... впрочем, следуя нынешней архитолерантности и мегаполиткорректности, не будем всуе поминать людей с дефектами слуха и зрения. Словом — такого вот разговора. Но и мы, не хуже чем Томас Манн перед Арнольдом Шёнбергом, вывернемся перед <не> читателем «Доктора Фаустуса», сосредоточив все внимание на современной, двадцатого века, фаустиаде и раскрытию Томасом Манном ее содержания в терминах (речь идет о широком, не специализированном понимании этого слова) метафизики, интуиции и мистики, без которых традиционно и по сути никакая праобраз-фаустиада состояться по определению не может...

♦ Если все же по ходу изложения нельзя не коснуться сюжетно-фабульной организации романа, то только по той причине, что она многопланова — в отличие от всех предшествующих фаустиад.

Первый план (*in primitive*), сугубо реалистический, суть жизненный путь композитора Адриана Леверкюна, рассказываемый — это и есть сюжетное содержание романа — его <единственным на всю жизнь> другом Серенусом Цейтбломом, добропорядочным по немецким меркам гимназическим учителем-латинистом, человеком традиций и своей семьи, хорошо — если не глубоко, и так можно сказать — чувствующим и понимающим классическую музыку. Оба дружески знакомы со школьных лет, проведенных в своих бюргерских семьях в старинном средневерхненемецком (и сам Томас Манн из тех земель, из ганзейского «вольного города» Любека) городке

* Обычная отговорка (до начала массового «книгопечатания» в 90-е годы), что-де «В поисках утраченного времени» и «Улисса» «коммуняки запрещали печатать»,— это для ленивых. В любой библиотеке статуса областной имелись и тома Пруста, выходившие в 30-е годы, и готовые подшивки журнала «Интернациональная литература» (предшественник послевоенной «иностранки»), в номерах которой за 1934—35 гг. печатался «Улисс». Никто их не сжигал и в спецхран не упрятывал...

Кайзерсашерне — название вымышленное,— который и на пороге XX века выглядит как и во времена Реформации и Крестьянской войны. Цейтблом не оставляет свою дружбу с Леверкюном и после окончания (он на два года раньше выпустился) гимназии: «пересекается» с ним в университете Галле, в других местах Германии и Швейцарии, а последние почти два десятка лет жизни композитора в деревушке близ Мюнхена часто его навещает. И насыщенная их переписка. Время жизни Леверкюна — последнее десятилетие XIX века и еще сорок лет в последующем столетии, из них завершающие десятилетие без небольшого — полностью клиническое, но не буйное, в домашних условиях, отъединение от реальной жизни. Естественно и от музыки. Значит время действия: созданная Бисмарком Германская империя, Веймарская республика и Третий Рейх, то есть от «железного канцлера» до бесноватого канцлера-фюрера.

Сопоставительным является второй план: Цейтблом («руками и головой» Томаса Манна) пишет свои воспоминания-биографию Адриана Леверкюна, уволенным от гимназической своей должности в тридцатые годы (за какие грехи? — не сообщается), во время Второй мировой войны, ближе к ее окончанию и завершает повествование падением Берлина. Суть сопоставления — от первой до последней главы романа — фаустиада Адриана Леверкюна, завершающаяся полным его безумием, и фаустиада гитлеровской Германии, понятно чем заканчивающаяся.

Метафизический план, не отделимый существенно от интуитивного, есть художественное исследование сущности праобраза Фауста, не важно, проявляющегося ли в сугубом индивидууме (Адриан Леверкюн), в социуме (Третий Рейх), в искусстве (музыка и композиторство Леверкюна), в иных сторонах социумной и индивидуальной жизни (это от главы к главе романа при чтении следует прослеживать).

Мы вовсе не «для красного словца» в начале очерка неоднократно обращались к мистике, ибо она есть непременный атрибут фаустиад и движитель сюжетно-фабульной линии подспудно. Это как шлюпка (извините, как человек военно-морского воспитания, не употребляю слова «лодка»...) с гребцами, движущаяся к тому же по течению: гребцы двигают веслами сюжетно-фабульное содержание романа, а <с берега зрителями> не замечаемое течение еще более мощно несет своими водами содержание к поставленной автором художественной сверхзадаче.

Итак, мистический план выполняет роль течения даже в столь объективно-реальном произведении, каковым является роман Томаса Манна. Мистическим является и само идейно-смысловое построение романа по типу «матрешки»: реалистическое произведение, использующее праобраз легендарного Фауста для художественного обобщения философии Ницше (не упоминая ее в романе) с ее «распадом на афоризмы» и только, причем таковое обобщение в сюжете и фабуле проводится через образ композитора, <создающего в романе и> использующего музыкальную систему Шёнберга (не упоминая его в книге). Точно, мистическая «матрешка»!

...Кстати, возвращаясь — по сути дела!— к сказанному выше о <не> читателях «Доктора Фауста». Здесь еще одна обычная оговорка: музыкальная специфичность романа — и как ее читать без принадлежности к этой форме искусства? — Грубоватое возражение: а детективы с описанием хитроумных убийств читаете «на раз-два», будучи мирнейшими любителями диванно-кухонного уюта? А если серьезно, то для чтения романа вполне достаточно школьных, во всяком случае советского периода, уроков музыки, конечно, при условии, что к таковым имелся познавательный интерес, а также не быть профаном в части классической музыки — слушать ее по жизни, а прочтя в «Докторе Фаустусе» о сравнении творчеств Римского-Корсакова и Брамса, на досуге все же прослушать по паре опусов того и другого, придя к определенному выводу. Как, например, мы это делаем в сопоставлении Вагнер — Бородин, и Чайковский — Григ. Однако, вернемся к мистике, пронизывающей внешне сугубо реалистический роман Томаса Манна.

♦ Даже сам «акт» соглашения Адриана Леверкюна с дьявольской силой представлен — как бы поизящнее выразиться? — в форме «мистического реализма», есть бред наяву композитора, мозг которого уже в полной мере поражен — при норме внешней, физиологической и сохранении (более того — взлете!) творческой жизни. Этот разговор с дьяволом имеет в литературе во многом схожего предшественника: глава «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского. Надеемся, что у Достоевского-то поболее читателей...

В беседе Леверкюна с дьяволом мистическое его содержание передается реальностью: как болезнь мозга, так и содержание этой «беседы» — оба, Леверкюн и вызванный им силою болезненного воображения дьявол, подшучивают даже над мистикой фаустиад. Дескать, прошли те славные времена, когда наши с тобой предшественники скрепляли договор о продаже бессмертной души распиской кровью на пергаменте. И даже легкую перебранку меж собой устраивают: Леверкюн подсмеивается над *vis-à-vis*, мол, это мой <больной> мозг тебя сконструировал, так что не воображай себя моим хозяином! Итак далее — все в оболочке реальности, даже тяготеющей от субъективности к объективизации.

Столь же реален (куда еще реальнее, куда денешься от *Geschlechtskrankheiten* — дурной болезни, как бы сказали немцы?) и источник главной мистической линии, договора Леверекюна с дьяволом. Как и Ницше — уже в полной реальности,— Леверкюн в молодые годы случайно (козни дьявола) попадает в бордель, но тотчас в ужасе бежит из него, запомнив лишь проститутку,что дотронулась до его плеча. Так возникает мистический лейтмотив договора с дьяволом, который Леверкюн обозначает образом *Hetaera esmeralda**. И отныне во всех его произведениях Гетера Эсмеральда в буквенном символе *h e a e e s*, представляемом в додекафонической системе <гармонии и контрапункта>, обозначает факт договора Фауста — Леверкюна с дьяволом.

Начинающий композитор сам стремится в объятия дьявола, разыскивая ту Эсмеральду, находит ее в другом городе и, несмотря на ее предупреждение, заражается сифилисом. В мистическом плане это и есть начало действия договора с дьяволом. А последний всяческими, но реалистически убедительными (смерть одного врача-венеролога, арест другого) средствами препятствует излечению уже *своего пациента*, быстренько — все же недолгим общением Леверкюна с врачами — заглушая первичные признаки сифилиса, «проскакивая» вторичную стадию и загоняя болезнь в мозг — третичная фаза, вяло текущий, но с годами набирающий разрушительную мощь сифилитический менингит. Итак, дьявол — до полного безумия *своего пациента* — дарует Леверкюну двадцать четыре года полной, ничем не стесненной творческой жизни, а в обмен тот создает свою двенадцатитоновую систему музыкальной композиции, создает величественные и страшные произведения, в итоге... разрушающие саму музыку.— В том ее вселенском, надчеловеческом качестве, как ее определил Шопенгауэр (см. выше).

Мистический дьявол «опекает» Леверкюна все эти двадцать четыре года, не давая тому ни на йоту отвлечься в обычных мирских делах и чувствованиях от «стратегии дьявола»: руками выдающегося композитора разрушить феномен музыки. Понятно, вся эта «опека» суть сплошная реальность жизни: нелепо, из-за женской ревности, погибает его единственный (речь не о Серенусе Цейтбломе — тот просто *по жизни* единственный друг) друг в сфере музыкальной; так же нелепо он не может соединить свою жизнь (в третичной форме сифилис не заразен) с единственной женщиной, которую он полюбил. Последний удар: в пятилетнем возрасте от детского менингита (созвучие болезней!) умирает его племянник Непомук («Эхо» — как сам

* Классификационное название (лат.) большой тропической бабочки; буквально «Изумрудно-зеленая блудница».

себя называл малыш, и музыкальное эхо становится доминирующим в симфонических произведениях Леверкюна...), к которому композитор единственный раз в жизни почувствовал отцовскую привязанность. Леверкюну теперь остается только его вершина творчества, оно же разрушение музыки, и полное безумие: ни людей, ни нот, ни звуков он более не узнает.

♦ Еще в юные годы Адриан Леверкюн ставит перед собой задачу, уже осознавая свою полную принадлежность к грядущему музыкальному творчеству: создать систему композиции, органично объединяющую вокал и инструмент, гармонию, контрапункт и полифонию, вершиной практического воплощения которой у него, у Леверкюна, станет создание произведения, равного, или даже превосходящего, Девятую симфонию Бетховена с ее вокальным окончанием «Ода к радости».

В романе означены этапы продвижения Леверкюна к цели жизни. Укрупненно они обозначены созданием зна́ковых произведений: «Апокалипсис» с его возвратом от гармонии к полифонии; «Чудеса Вселенной», в котором <перечисляемые в романе> цифры космоса, космологические константы, как принято говорить в астрономии, отображены в точной, математически рассчитанной композиции*; наконец, вершина творчества Леверкюна — симфоническая кантата «Плач доктора Фаустуса».

Творческий метод Леверкюна поясняется на примере «Апокалипсиса»: «*Хор и оркестр не противопоставлены друг другу четко, как человеческое и вещественное,— они растворены друг в друге: хор инструментирован, оркестр же вокализирован до такой степени, что фактически грань между человеком и вещью как бы стирается; это сделано намеренно и, несомненно, способствует художественной цельности, хотя — для меня во всяком случае — здесь есть что-то тягостное, опасное, недоброе*» (выд. нами.— А. Я.) (С. 430—431; здесь и далее цит. по изданию «Доктора Фаустуса», означенному в сноске выше). Это Серенус Цейтблом говорит о своем восприятии произведения своего друга.

Музыка — время — дьявольское искушение; сказано откровенно: «*В наш век не пройти правым путем и смиренномудрому; искусству же и вовсе не бывать без попущения дьявола (выд. нами.— А. Я.), без адова огня под котлом. Поистине, в том, что искусство завязло, отяжелело и само глумится над собой, что все стало так непосильно и горемычный человек не знает, куда ж ему податься,— в том, други и братья, виною время*» (С. 567).— Это уже исповедь Леверкюна за считанные минуты до его внезапного, полного и окончательного безумия. Исповедь перед созванными им в свою деревушку близ Мюнхена (опять подчеркнуто — *Мюнхен*, город, где фюрер подписал свой договор с дьяволом — это в плане сопоставительном; см. выше) гостями, всеми теми, с кем жизнь его так или иначе сталкивала. Созванными для прослушивания его нового произведения, имя которому — разрушение музыки, ибо после насторожившей всех исповеди Леверкюн успел только тронуть пару клавиш рояля — и был унесен дьяволом в небытие безумия...

Потому-то вершиной творчества Леверкюна остается симфоническая кантата «Плач доктора Фаустуса», написанная как антипод Девятой симфонии Бетховена. Именно — антипод, хотя в своей жизненной (двадцать четыре года по договору с дьяволом) программе он предполагал лишь соревновательность с главным произведением Бетховена. И «Оде к радости» он противопоставил музыкальную вокализацию «Оды к гибели и распаду», как это можно назвать. И Цейтблом, завершая свою книгу воспоминаний о друге и композиторе Адриане Леверкюна, пишет о «Плаче доктора Фаустуса» под грохот последних дней войны, ассоциируя эту симфоническую кантату с гибелью той национальной идеи, которую Германия (не в одиночку же Гитлер шесть лет воевал со всем миром?) избрала, подписав кровавый договор с

* Литературный аналог такого «оцифровывания» — композиция «Улисса» Джеймса Джойса, где все линии развертывания сюжета этого романа, по объему лишь малость уступающего Библии, строго математически рассчитаны...

дьяволом. «*Эти слова: «Гибну как дурной, но добрый христианин»,— составляют главную тему вариационного творения Леверкюна. Двенадцать слогов в этой фразе. Им соответствуют все д в е н а д ц а т ь (выд. нами.— А. Я.) тонов хроматической шкалы; в ней применены и использованы всевозможные интервалы.*

...Эхо тождества уже не знает ничего нетематического, в нем тотально господствует порядок материала, так что внутри его идея фуги становится чем-то бессмысленным: все равно ни одной свободной ноты уже не существует. Но этот порядок отныне служит более высокой цели, ибо — о чудо, о сатанинская шутка! — именно благодаря абсолютности формы музыка как языковое выражение обретает полнейшую свободу» (С. 554, 555).

Но полнейшая свобода, как категория на стыке метафизики, интуиции и мистики, как идея, доведенная до совершенства, суть абсурд и разбивается о логику, хотя и «скучную» (см. эпиграф к очерку), Гегелевой диалектики, где свобода есть осознанная необходимость. Этот логико-философский приговор «идее Фауста» сам Леверкюн проводит лейтмотивом *h e a e e s* — *Hetaera esmeralda* в своей музыке — символом договора Фауста с дьяволом. Сам фон, окружение Леверкюна оттеняют мрачный итог жизни композитора — с преобладанием темы безумия и самоубийств.* «Ландшафтность» (в широком понимании) развертывания сюжета «Доктора Фаустуса» заставляет вспомнить специфику генофенотипики Томаса Манна: отец его, купец-сенатор из вольного (ганзейского) города Любека с особым типом немецкого характера, а мать с бразильскими корнями. Не отсюда ли отзвуки сугубо латиноамериканского магического реализма? — Сопоставьте с романом Маркеса «Сто лет одиночества»...

♦ Для принятой краткости очерк озаглавлен как «новое прочтение вечной темы», но таковое <название>, *a fortiori* (исходя из более весомого, лат.), не отражает глубинную сущность романа Томаса Манна. Определение «новое прочтение», имманентное фаустиадам Клингера, Кристофера Марло и Лессинга (о его трагедии «Фауст» можно судить только по дошедшим до нашего времени отрывкам), не совсем уместно по отношению к «Фаусту» Гёте и «Доктору Фаустусу» Томаса Манна — особенно последнему. Если у Гёте достигнута высшая степень философского обобщения, то у Манна таковое перетекает за пределы метафизического — в диалектику социумного человеческого бытия и за полстолетия с лишком *интуитивно* предугадывает наше текущее время перехода биосферы Земли в ее новое биогеохимическое (по акад. В. И. Вернадскому) качество *ноосферы* с неизбежным этапом *глобализации*. Это сейчас все на слуху, что называется, посмотри в окошко... а там тебе не лукошко дадут, но услышите тяжелую, железную поступь Великого глобализатора, старшего брата уже кажущегося безобидным шалуном Великого инквизитора из «Братьев Карамазовых» нашего величайшего провидца Ф. М. Достоевского... Ноосферизация и глобализация суть завершающая эпоху *человека биологического* грандиозная фаустиада, но это за пределами темы настоящего очерка.** Мы же остановимся в его завершении на таком факторе глобализации, как всеобщее *оцифровывание* мышления человека, *замена знания информацией*. Здесь прямая связь с «Доктором Фаустусом», коль скоро разработанная Леверкюном (то есть Арнольдом Шёнбергом и далее британским теоретиком музыки Теодором Адорно) двенадцатитоновая музыкальная система композиции и доведенная им в своих позднейших произведениях, особенно в

---

* Явно перенос фактов своей биографии: две сестры Томаса Манна покончили жизнь самоубийством; видимо таковые недуги в семье Маннов шли по женской линии, не коснувшись трех братьев, из которых два стали выдающимися писателями.

** Развертыванию ноосферы и этапу глобализации посвящена наша серия монографий (на сегодняшний день издано 16 томов) «Живая материя и феноменология ноосферы» — различные издательства Москвы, Твери и Тулы; в электронной форме см. на различных сайтах (trinitas.ru; pz.tula.ru и др.) по поисковику.

«Плаче доктора Фаустуса», до полного совершенства, «полнейшей свободы» (см. цит. выше), есть *оцифровывание музыки*. Примитивная аналогия: это как периодически, в двадцатые, в пятидесятые и пр. годы прошлого века, вспыхивал в нашей стране любительский интерес к научению игры на гитаре «по цифровой системе». Даже популярные пособия и публикации в молодежных изданиях на эту тему появлялись. То есть полностью лишенный музыкального слуха человек, совершенно не знающий нотной грамоты, глядя в таблицу цифр, имитирует аккорды и в их последовательности мелодию... Равно как современный же автолюбитель производит починку своего авто, совершенно не разбираясь в его конструкции (да это ему и не требуется!), пользуясь видеофильмом в поэтапным показом последовательности и операций починки на экране своего планшета или смартфона. Это и есть глобальное оцифровывание, замена знания и мышления сугубой информацией, а в итоге — *расчеловечивание* человека и всего социума. Таковое содержание процесса глобализации вовсе и не скрывается его тайными (тайными ли?) мировыми вершителями. Один рекламный девиз «От слова к цифре» все объясняет...

Оцифровывание музыки, то есть ее формализация, идет в параллель с навязыванием такого же качества остальным видам искусства: абстрактная живопись, сценические искусства с упрощением антуража навроде Отелло в «одежиде О'Нил» на фоне вкаченного на сцену «мерса» рекламируемой в сезоне модели... а про литературу читающие этот очерк и сами все знают без подсказки.

Понятно, что процесс глобализации с его расчеловечиванием, в искусстве тем более, не на пустом месте зиждется, не включился где-то на рубеже 80—90-х годов прошлого века этаким релейным щелчком, но, согласно законам биоэволюции и вообще эволюции, готовился исподволь. Просто эволюционное движение следует экспоненциальному закону возрастания <любого> качества, то есть столетние, даже тысячелетние медленные, не осознаваемые изменения качества с эффектом внезапности «вдруг» в считанные десятилетия, а далее и годы, неимоверно возрастают — далее «срабатывает» диалектический закон перехода количества в качество.

Также и с оцифровыванием, то есть формализацией, музыки. Без привязки к системе Шёнберга — Адорно в отечественном музыкальном искусстве достаточно указать линию: Стравинский → Шостакович → Шнитке (при всем уважении к их творческой индивидуальности...) — и все становится понятным.

Формализуемая, оцифровываемая музыка есть существенный элемент в расчеловечивании. Цейтблом в «Докторе Фаустусе», анализируя композиторство Адриана Леверкюна, постоянно отмечает все большее возрастание ощущения слушателем невольного страха. Действительно, в современной (называть ее «серьезной», «классической» — язык не поворачивается... скорее всего — серийной) музыке подбором — рассчитанных «по цифрам» — тонов, ритмики, «вокализированной инструментировки» (в романе), особенностей контрапункта, использованием инфранизких частот и пр. не сложно достичь эффекта пугающего, страшного для уха человека. Сразу вспоминаются «временно раскрепощенные» девяностые годы, в каковые на телеэкранах часто показывали особый вид фильмов, как правило, скандинавского, североевропейского производства, обычно для контрастного подчеркивания снятых в черно-белом варианте. Сюжеты таковых, убийства, доля извращенчества, психопатология и пр., как раз и сопровождались описанной выше «страшной музыкой», подавляющей в зрителе-слушателе традиционные морально-этические чувствования. И если хрестоматийного Владимира Ильича расслабляла, отвлекала от задач революции «Лунная соната», то современная серийная, оцифрованная, формализованная музыка прямо, целенаправленно, главное — санкционировано, расчеловечивает. И это все суть содержание «Доктора Фаустуса», сдвинутое в наши дни. На примере продажи бессмертной души дьяволу за двадцать четыре года «полнейшей свободы» композиторства с расплатой в виде полного безумия.

Итак, глобализация с ее оцифровыванием и расчеловечиванием есть свершающаяся на наших (увы! — нет ни одного поколения без катаклизмов...) глазах грандиозная фаустиада. Томас Манн о таком масштабе еще не помышлял, справедливо — для его времени жизни и творчества — полагая, что национал-социалистическая идея, воспринятая Германией и есть величайший в истории договор с дьяволом. Но на примере формализации музыки он предугадал нынешнюю нашу глобализацию — хотя бы пока и в ареале искусства.

Глобализация и последующая ноосферизация есть завершение эволюции человека биологического, после чего произойдет его виртуализация — царство автоматов, а знание и мышление перейдут в «чистую» информацию. Таково завершение фаустиады человечества, которое на заре своего оразумления «подписало» договор с... неудобно социальную эволюцию оттождествлять с дьяволом. Согласно ему, человечеству отведено десять тысяч лет эпохи цивилизации и культуры, в которую человек, то есть самоосознающее себя мышление, заключенное в биологическую оболочку, достигнет вершины разума и знания. Но — неумолима расплата за такой щедрый дар, и, согласно римскому праву, неизбежен *judicium imputans* (вменяющее суждение, приговор, лат.) — переход от человека биологического к его виртуальному «слепку». И все это есть сугубое следование необсуждаемым законам эволюции. Социальной эволюции в частности. Увы, мавр сделал свое дело, но вселенская эволюция неостановима.

... Д. С. Мережковский сто с лишним лет назад писал в своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский»: *«...Человек... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся... вместе с тем предчувствует, что он, человек,— не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу*».

На этом поставим *point sur les «i»* в нашем видении великого произведения Томаса Манна.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Игорь Карлов
(г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт)

ДВАЖДЫ КРАСНОЗНАМЕННАЯ ПОВЕСТЬ ИМЕНИ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС, ПРЕЗИДЕНТА СССР ГОРБАЧЕВА М. С.

(Глава из повести)

Лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Заведующий отделом международных связей журнала «Приокские зори». Наш постоянный автор.

VIII

Первое, что увидел Рогов, распахнув дверь в заводское общежитие,— строгое лицо восседающей за столом объемистой старухи в платке и пальто. Ни нелепость столь теплого наряда в августе, ни то, что старомодная одежда заношена до ветхости, не мешало вахтерше выглядеть просто-таки царственно: надменно и на всякий случай сурово. Казалось, что посетителя встречает не живой человек, а портрет, гравюра, по гордой осанке и выражению лица годная для украшения денежных купюр Екатерининской эпохи. Собственно, это и было не лицо. Это была вывеска учреждения.

Пожилая женщина выглядела настолько величественно, что Рогов даже оробел, подходя к ее скрипучему трону. Он опасался, что присущий ему панибратский демократизм нарушит установившийся здесь придворный этикет. Возможно, приближаться к матроне надлежало, отвешивая определенное количество поклонов; может быть, следовало бы нести перед собой на вытянутых руках приличествующие ее статусу дары; у Рогова же в запасе имелись лишь слова привета от их общей знакомой, феи чистоты из храма просвещения для юношества, желающего постичь премудрости ремесленного искусства. Впрочем, услышав этот пароль, привратница милостиво кивнула, хотя и не проронила ни слова...

Где лежат истоки величавости вахтерш, швейцаров, дворников, милиционеров — науке пока не известно. Вполне объяснимо, отчего среди них встречаются суетливые, нервные, хитроватые людишки. А вот на чем зиждется осознание ими своей значительности?.. Может быть, это осознание приходит к тем, кто серьезно относится к профессии? Может быть, существуют субъекты, способные перед началом дежурства, перед тем, как заступить на пост, перед тем, как открыть дверь караульного по-

мещения, произнести про себя: «Итак, приступаю к исполнению должностных обязанностей» и отрешиться от всего постороннего? Может быть, произнося подобное заклинание, с головой погружаясь в служебные дела, некоторые научились отделять в себе профессионала от обывателя? Вдруг они, как ни нелепо, как ни смешно это прозвучит для разгильдяев, составляющих большинство нашего населения, на самом деле, высоко понимают свой долг?.. Или профессиональные охранители преисполнены важности потому, что окружающие часто доверяют им свои маленькие бытовые тайны?.. Или в глубине души эти люди стесняются выбранной стези, стыдятся опостылевшей должности, а маска надменности защищает их ранимые души от нашей бесцеремонности?..

Так или иначе, но если бы кто видел, как царственно кивнула баба Дуся в ответ на слова Рогова, не усомнился бы, что в жилах ее течет аристократическая кровь. И словно лакею, присланному к ней от другой аристократки (малость шизанутой уборщицы из ПТУ), мановением руки приказала она пришельцу замолчать, когда на столе ее зазвонил телефон... Лишь завершив разговор и положив трубку на рычажки, Дуся вновь воззрилась на Рогова, опять молча, только глазами повелевая ему продолжать.

Когда же стало понятно, кого разыскивает посетитель, Дуська удивилась и даже несколько обеспокоилась. Впрочем, догадаться об этом смог бы лишь очень внимательный наблюдатель, заметив, как сторожиха заерзала на своем троне... Нет, не то чтобы заерзала, а два-три раза совершила колебательные движения внушительным тазом, что несколько нарушало старательно, годами выстраивавшуюся монументальность скульптурной композиции под названием «Баба Дуся на посту». Легкое волнение вахтерши было вызвано тем, что вот уже второй день Володиной настойчиво интересовались самые разные люди, а некоторые прямо сейчас находились в ее комнате. Непонятная, подозрительная суета вокруг Машки дезориентировала, и Дуся теряла уверенность в том, что заняла правильную позицию по отношению к разгульной девке. Похоже, столь ярко и зримо начертанные в мечтах планы мстительного торжества рассыпались в прах ввиду каких-то загадочных обстоятельств. Однако, не желая показать постороннему свое замешательство, дежурная еще строже поджала губки и смерила гостя недоверчивым взглядом.

Рогов с каждой минутой все более смущался. Теперь ему казалось, что вахтерша подозревает его в чем-то нехорошем, возможно, в тайном сожительстве с Марией... как ее? Васиной? Васильевой? Володиной! От волнения он не сразу вспомнил фамилию женщины, которой пришел сделать предложение о замужестве. Напряжение немного спало, когда старуха, до этой минуты проявлявшая себя лишь мимикой, жестами и телодвижениями, наконец, перешла к вербальному общению с просителем:

— Володину-то? Машку-то? Знаю я ее, как же,— и баба Дуся назвала номер Володинской комнаты и этаж.

— Ну, так я пройду... На минуточку,— пробормотал Рогов, бочком обходя стол дежурной.

Он старался как можно скорее, насколько только позволяли его короткие ножки, прошмыгнуть внутрь, и главный вопрос Дусинеи застал его уже пред лестницей:

— А вы по какому вопросу?

— По личному! — сдавленно выкрикнул Рогов и юркнул в сумрак ступенчатых пролетов.

Поднявшись на четвертый этаж, он нашел нужную дверь, постучал и, не дожидаясь ответа, шагнул через порог.

Сразу за порогом Рогов неожиданно запутался в каких-то ситцевых полотнищах, едва не ударился об огромный шкаф, повернутый к посетителю дэвэпэшной рубчато-сетчатой неприветливой своей стороной — так жильцы отгородили крошечную часть

помещения, где можно было оставлять «уличную» обувь и хранить скарб, коему в комнате не место, но и за дверями держать жалко, ибо сопрут. То, что с первого шага не довелось ни с кем столкнуться, помогло Рогову справиться с волнением и сделать следующий шаг. В комнате же, по сравнению с наперсточной «прихожей» показавшейся просторной, он увидел суженую-ряженую. Точнее — ее силуэт, поскольку Мария сидела спиной к окну, а бившее с улицы августовское солнце не давало рассмотреть лицо женщины. Однако даже расплывающееся в заслезившихся вдруг глазах очертание на фоне белесого прямоугольника дневного света показалось Рогову выразительным: напряженно прямая спина чуть откинута, плечи развернуты, руки картинно перекрещиваются на заметном животе, словно защищая ребенка в утробе.

Но что удивительно, кроме хозяйки, в комнате находилось трое мужчин. Смурной какой-то мужик полулежал на застеленной кровати, привалившись спиной к стене; у стола присели двое: хмурый татарин и довольно красивый юноша. Все собравшиеся мрачно молчали, разглядывая вошедшего.

Рогов, обнаружив здесь целое сходбище странных субъектов, опешил. Он собирался с ходу, прямо с порога откровенно объясниться с женщиной, раскрыть свой план, а там пусть она решает. Теперь же не в состоянии был выдавить из себя ни слова, даже «здравствуйте», понимая, что в присутствии посторонних рассказывать о грандиозных, но могущих со стороны показаться бредовыми и вообще-то секретных замыслах ни к чему. Подозрительно косясь по сторонам, он торопливо пересек комнату наискосок и присел на краешек свободной койки у противоположной стены.

Теперь Рогов получил возможность как следует рассмотреть женщину, ради которой вляпался в такую глупую историю. Интерес, возможно, праздный, ну а вдруг все-таки с ней жить придется? Не хотелось бы рядом с собой всю жизнь видеть какого-нибудь крокодила...

Осмотром Рогов в целом остался доволен. Внешность Марии он оценил как приятную: светлые волосы, серо-голубые глаза, мягкие очертания лица... Пожалуй, нос чуть толстоват, но это уж если придираться. А так-то на роль соратницы, обеспечивающей надежный тыл, вполне годится — отметил Рогов с чувством глубокого удовлетворения. Женщина тоже внимательно рассматривала гостя, и взгляд ее еще больше обнадежил залетного жениха. Спокойный взгляд, но не отрешенный. Взгляд оценивающий, но не мелочно-придирчивый. Взгляд человека, умеющего прощать, но не собирающегося безоглядно верить твоему первому слову. Или, может быть, это был взгляд человека, перенесшего сильный шок и уже не реагирующего на новые раздражители?

Желание немедленно найти ответ настолько захватило Рогова, что он погрузился в отвлеченные размышления о тайне женского взора вообще, о загадочно меняющемся цвете глаз данной конкретной женщины, и даже забыл, где находится в настоящий момент, в какой неоднозначной ситуации оказался. Очнулся же Рогов от болезненного ощущения: его буравили еще три пары глаз. Рогов почувствовал себя пловцом, секунду назад безмятежно плескавшимся в голубой водице нежных женских очей, в которых всплывали то летняя зеленоватая бархатистая тина, а то холодные серые льдинки весеннего половодья, и внезапно стукнувшимся о жесткий берег мужского взгляда. Рогов вынырнул на поверхность реальности, встревоженно огляделся и понял, что все присутствующие безмолвно требуют, чтобы он, наконец, объяснил цель своего появления.

Но ведь это решительно невозможно! Легче выброситься в окно, так кстати распахнутое хозяйкой, чем выставить на всеобщее обозрение свою заветную мечту, чем объяснить чужим, случайным людям, зачем Рогову нужна Мария, как он станет воспитывать ее ребенка, какой цели послужит их семья, если она возникнет. Рогов никак

не мог заставить себя заговорить, понимая: все, что он скажет сейчас, окажется неточным, приблизительным, грубым, ни в коей мере не отразит красоты и величия его трепетных сокровенных устремлений, будет выглядеть глупо.

Тяжелое молчание меж тем стало просто невыносимым, словно его специально нагнетали в комнату неким насосом. Казалось, еще секунда угнетающего безмолвия — и произойдет что-то страшное, непоправимое. Тогда Рогов решил начать разговор с темы, никак не связанной с сутью его замыслов; правда, подобрать таковую в незнакомой, к тому же явно не расположенной к общению компании оказалось непросто, да, собственно, и не удалось. Мысль Рогова билась конвульсивно, с надрывом, о чем все присутствующие могли догадаться по его сосредоточенному сопению да по невнятному визгливому бормотанию панцирной сетки кровати, на которой разместился гость. Наконец, несколько раз нервически откашлявшись, Рогов выдал самое, наверное, неподходящее в данной ситуации:

— Слыхали? Горбачев в отпуск улетел... Тут в стране такое творится, а он отдыхает!

Найденный зачин для общего разговора Рогову казался идеальным. За последнее время политик-самоучка привык к тому, что стоит лишь напомнить согражданам о происходящем в стране, как в ответ раздается целый хор возбужденных голосов, привычно транслирующих в пространство сумятицу мнений. Да и желающих поворчать на охочих до отпусков руководителей всегда много... Однако на этот раз ничего подобного не последовало; в помещении упорно продолжало уплотняться нудное молчание, нарушить которое Рогов почему-то считал своей обязанностью.

Тогда он, дурея от собственной развязности, вторично пересек по диагонали комнату и, приблизившись к противоположной стене, где углядел висевший репродуктор, решительно крутанул на аппарате ручку громкости. Что толку! Вместо ожидаемой бодрой музыки или выпуска новостей, прослушивание которых могло бы придать подобие осмысленности творившемуся вокруг абсурду, в комнату хлынуло бессодержательное шипение эфирного прибоя. Загадочные, даже пугающие шумы крайне раздражали и без того воспаленные нервы. Казалось, это не они пятеро вслушивались в завывание вьюги радиопомех, а кто-то, стремящийся все знать и все контролировать (баба Дуся?), притаившись за стеной, подслушивал их самих при помощи шумящей, подобно морской раковине, пластмассовой коробочки. Рогов поспешно выключил приемник и метнулся на прежнее место. Панцирная сетка под ним сварливо заскрипела.

— Твою мать...— членораздельно и раздумчиво произнес мужик на соседней кровати, ни к кому конкретно не обращаясь.

Рогов силился уразуметь, кто тут собрался и для чего, не догадываясь, что самая разнузданная фантазия не помогла бы восстановить логическую цепь событий, приведших сюда всех этих людей. Очевидно одно: сам он оказался здесь в неподходящее время. Разумнее всего было бы убраться подобру-поздорову, да только разум пасовал перед всеподчиняющей инерцией бездействия. Подняться еще раз с продавленной лежанки, вновь привлечь к себе всеобщее внимание?! Ни за что на свете! Рогов согласился бы хоть целый год просидеть сиднем на визгливой койке, лишь бы избежать этого; он бы не шевелился, может, и не дышал бы, дабы не выдать своего присутствия в комнате, явно имевшей свойство волшебно преображать всякого, кто здесь появляется. Абсолютной неподвижностью Рогов добьется, чтобы его перестали замечать, как не замечают ежедневно попадающийся на глаза план эвакуации в случае пожара, прикрепленный к двери. А превратившись в невидимку, Рогов тихонько выскользнет из общежитской клетушки, убежит куда-нибудь далеко-далеко в надежде поскорее забыть все произошедшее, как забывают мучительное сновидение, не поддающееся толкованию.

Пока же приходилось изнывать от тоски в ловушке, в которую он по какому-то недоразумению сам себя загнал, да еще поплотнее захлопнул. Странность поведения сошедшихся здесь персонажей, явно враждебный настрой мужчин по отношению друг к другу, полное непонимание их целей, невозможность предугадать их дальнейшие поступки,— все это (не говоря уже про испытующий взгляд единственной необходимой Рогову женщины) лишало инициативы, сковывало волю.

Минуту назад Рогов попытался свергнуть власть безмолвия, опутавшего людей нерушимыми чарами, но после провала позориться еще раз не собирался. А уж излагать этим сердитым молчунам заповедные замыслы, заводить с ними разговор о возможной женитьбе, о воспитании наследника своих идей — убежденного коммуниста, человека будущего... Только представив такие откровения в незнакомой компании, Рогов содрогнулся от отвращения.

Он с удивлением обнаружил в себе, стороннике революционной простоты во всем, старорежимную стыдливость и интеллигентскую нерешительность. Для стойкого большевика слабость непростительная! Следовало собрать волю в кулак, повести откровенный разговор и прямо спросить: пойдет за него Мария замуж или не пойдет? может он рассчитывать на то, чтобы использовать ее ребенка в своих целях или не может? Тут стесняться нечего! Рогову не до церемоний, он не в игрушки играет. У него (единственного в этой комнате!) серьезнейшая, ответственнейшая, можно сказать, всемирного масштаба задача. Он, если угодно, исходит из производственной необходимости: поскольку спасать родину и революцию предстоит именно ему, он не имеет права медлить, не имеет права упускать свой, может быть, последний шанс!

Рогов и не собирался отступать, пока не добьется от Марии четкого ответа (кстати, не обязательно утвердительного: отрицательный результат — тоже результат; коль скоро теперешняя его задумка провалится, надо будет измыслить другой план действий). Зная свой характер, Рогов справедливо полагал, что умучает себя самоедством, дойдет до грани сумасшествия, ежели оперативно и достоверно не выяснит, останавливать ли свой выбор на Володиной, либо приступать к поиску другой сподвижницы. А если сегодня решительного объяснения не произойдет, придется приходить в общежитие снова, снова объясняться со старухой-вахтершей, снова тащиться на четвертый этаж, стучаться в двери странной комнаты... Зачем ему повторно тратить драгоценное время на малоприятные и неэффективные действия?! Желательно было бы нынче же все выяснить.

Это Рогов прекрасно понимал, но, как ни распалял доводами здравомыслия свою решимость, по-прежнему не в состоянии был вымолвить ни слова, точно заколдованный. Он ощутил себя доисторической мошкой, влипшей в густеющий янтарь молчания: теперь бесполезно дергаться, жужжать — замри занятным экспонатом для будущих исследователей...

Впрочем, не одного только Рогова разыгрывавшаяся здесь фантасмагория ввергала в тоску, доходившую до апатии. Оказавшись в окружении сосредоточенных на собственных потаенных мыслях и интимных переживаниях незнакомцев, каждый почувствует себя опереточным героем, нечаянно подслушавшим чьи-то откровения, не имея возможности ни оградить слух от пошловато-скучных секретов, ни ретироваться, ни выставить из помещения посторонних. Все мужчины, расположившиеся в комнате, испытывали неловкость, оттого что приходилось осваивать амплуа простака из дурного фарса, но никто не ощущал себя вправе крикнуть: «Занавес! Скорее занавес!»

Наконец, сидевший у стола крепыш в сером костюме (пожалуй, самый хмурый из присутствующих здесь субъектов) решился прекратить затянувшийся спектакль. Подводя итог перепалке, которая, как можно было догадаться, бушевала в общежи-

тии до появления Рогова, и подавая своей репликой сигнал всем разойтись, он проговорил с каким-то туманным подтекстом, как это привыкли делать ответственные товарищи:

— Ну, хорошо. Я пойду; вы обдумайте мое предложение и потом свяжитесь со мной.

Угрюмый ответработник уже начал было подниматься со стула, но тот, кто был постарше остальных, остановил его:

— Ладно, ладно, обдумаем. А вот только скажи мне: если у нее не пацан родится, а девка, ты ее все одно примешь?

— Я приму,— быстро заговорил бледный юноша, нервно заерзав на своем месте.— Я приму. Мне это абсолютно безразлично.

— Да ты-то, конечно... Ты приемщик великий, сразу видать. Правда, самому еще титьку сосать впору. А так ты всех примешь, зятек,— резко и язвительно откликнулся мужик в годах. Получилось у него хлестко, и он оглядел присутствующих с видом хозяина положения, явно довольный тем, как ловко ведет переговоры с молодежью.

Рогов постепенно начинал разбираться в ситуации: краснобай с деревенскими замашками, скорее всего, отец молодой женщины. Тогда двое других... Двое других, получается,— прямые соперники Рогова, претенденты на роль мужа... Как все странно складывается! Неужели они втроем случайно сошлись здесь в один день, в один час с одной и той же целью?..

Такое невероятное совпадение должно было бы обеспокоить Рогова: следовало поторопиться, недвусмысленно обозначить цель своего прихода, покуда более расторопные конкуренты не увели из-под самого носа и женщину, и будущего наследника. Однако странная апатия не отпускала. Рогов по-прежнему не мог решиться на объяснение, да, впрочем, никто его об этом и не просил. Непостижимым образом люди в комнатке чувствовали себя связанными явственно ощутимыми, но слабенькими и прерывистыми флюидами. Казалось, что собрались здесь давние знакомцы, часто делившие на всех и радости, и горести, научившиеся понимать друг друга без слов; а вместе с тем каждый был словно наедине с собой, и остальные представлялись ему не настоящими людьми, а какими-то голограммами, выставленными в прозрачных витринах. Каждый сейчас будто бы блуждал в стеклянном лабиринте, где чуть мутные на просвет перегородки разделяют ищущих выход; можно видеть силуэт соседа, его лицо, но подойти вплотную нельзя, и даже голоса звучат приглушенно, неотчетливо.

Вот так отрешенно, не участвуя в происходящем, а наблюдая за всем со стороны, Рогов воспринял приход еще одного посетителя. Тот вошел, убирая в карман бумажник, бурча себе под нос о какой-то вредной старухе. Едва переступив порог коммунальных апартаментов, пришелец замер на месте. Уплотнившееся до упругости молчание не пустило его дальше. Подозрительно оглядев всех собравшихся, нежданный гость остановил взгляд на Марии, представился: «Чернышев». Никто в ответ не назвал себя, и Рогов не назвал, потому что здесь они были не Чернышевыми, не Роговыми, не Володиными, а безымянными сгустками боли, комками разочарований, клубками неудач, шматками безнадежности, пластами грусти — переживаниями в чистом виде, без половых, возрастных, национальных, общественно-политических примесей. И Чернышев как-то сразу понял это, и захотел в этом участвовать, и, секунду помедлив, добровольно ступил в лабиринт, возведенный вязким, тягучим, как расплавленное стекло, молчанием. Не попытавшись ни к кому приблизиться или подать руку (все равно бесполезно: прозрачные перегородки помешают), Чернышев прошел в незанятую пока стеклянную клетушку (напротив входной двери, у раскрытого окна), навалился толстой попой на подоконник и скрестил на груди руки.

Приняв позу надменного зрителя, Чернышев оглядывал присутствующих с любопытством экскурсанта, случайно оказавшегося в каком-нибудь зооуголке. Во взгляде его сквозили то снисходительная ирония по отношению к выставленным на обзор почтенной публики экзотическим существам, то озорство сорванца, готовящегося поверх жестяной таблички с трафаретной надписью «Животных не кормить!» перебросить в вольер булку. Сквозь грани хрустального лабиринта безмолвия, которые до карикатурности увеличивали иные изображения, Рогов отчетливо видел, что новый персонаж, хотя и включился в их общую игру, хотя и моментально догадался о бесполезности слов, хотя и старался доказать, что выстрадал, как все присутствующие, право на свой кусок тишины, демонстрирует показное, притворное смирение, ибо печаль его мимолетна.

Видя, как Чернышев безуспешно пытается решить уравнение с несколькими неизвестными-немтырями, понимая, что четверть часа назад сам выглядел таким же растерянным тугодумом, Рогов с удовольствием вживался в роль старожила диковатого, но, в общем-то, уютного мирка, похожего на братство исихастов. Рогов уже пообвыкся среди молчальников, стал находить, что чуть искаженная реальность, в которую он погружен, пожалуй, более ярка, чем привычное для всех формально-логическое существование, детерминированное вербальностью. Впрочем, какой-то черточки, венчающей сюрреализм происходящего, не хватало. И вскоре, воплощая в реальность принципы театра абсурда, на сцене появился еще один статист, довершив фантасмагорию своим выходом.

Ворвавшись в комнату, этот последний посетитель резко захлопнул за собой дверь и немедленно привалился к створке спиной, как будто боялся, что следом вломятся разгневанные преследователи, которые чуть не настигли его у самого входа. Пришелец зачем-то завернулся в простыни; так мог бы выглядеть маскарадный костюм абиссинского негуса, изготовленный школьником младших классов для новогоднего утренника. Но Рогова не удивило немыслимое одеяние незнакомца. Абсолютно не удивило. Наоборот, Рогов ждал прихода людей гораздо более экзотической наружности. Наверняка, сегодня их еще немало наберется (Рогов знал это почти наверняка, поскольку, ступив за порог психоделической общаги,— только теперь догадался! — угодил в зазеркалье многократно виденного сна, известного до мельчайших поворотов сюжета). И все те, кто нынче сойдется здесь, будут немного сумасшедшими, но, в общем-то, незлыми.

Подтверждая сюрреалистическое озарение Рогова, вошедший, который только что плотно прижимался затылком к двери, оглядывая собравшихся затравленным взором мученика, несколько раз глубоко вздохнул, тряхнул спутанными локонами и вдруг заговорщицки подмигнул. От хитрованской ужимки на подвижном лице его моментально собралось столько морщинок и складочек, что лица-то будто не стало; незнакомец словно бы с величайшим проворством натянул и снял некую маску. Похоже, засевшим в чужой комнате угрюмым молчунам как раз этого сейчас и не хватало: усмешки, пусть даже плутовской, но жизнерадостной, побуждающей к действию. Поэтому в ответ на гримасу похожего на циркача пришельца мужчины разом заговорили, стараясь убедить окружающих в серьезности и значительности своих намерений.

Рогову показалось, что он очутился в большом и гулком певческом зале. Невнятно, как сквозь вату, слышался нестройный хор разных по тембрам, но унисонных по просительной интонации мужских голосов. Каждый говорил о своем, не слушая других, сам отвечал на заданный им же вопрос; то все одновременно пытались исполнить соло, то поочередно стихали, прислушиваясь к отголоскам прозвучавших партий. Рогову столь неприятны были мучительные поиски гармонии, что он недоволь-

но морщился, склонив голову на грудь и прикрывая глаза рукой. Хотелось пропустить черновой этап спевки и поскорее насладиться слаженной кодой.

Володина тоже раздражал возникший диссонанс. Несколько минут назад он чувствовал себя хозяином положения; давая всем понять, что последнее слово останется за ним, награждая собравшихся самыми нелестными эпитетами, говорил метко, хлестко, словно гвозди загонял в доску с одного удара и по самую шляпку. Теперь же Виктора Алексеевича вроде бы в расчет уже не принимают, зато каждый лезет со своей правдой. Нельзя так!

И дело не только в том, что колхозный бригадир значительно старше всех собравшихся (разве, лишь Шамсутдинов годился ему в младшие братья). Речь не о старшинстве, не об опытности, не об исключительных привилегиях отцовства — много их сейчас слушают, отцов-то. Неоспоримое, непреложное право рассудить неразумных сих досталось Володину от высших доверителей: от весенней пашни, дымящейся торжеством будущего урожая; от тянущихся вдоль полей рощиц, привыкших по осени философствовать листопадом; от летних полдней, плавящих воздух; от зимних закатов, в которые с разгону влетаешь на санях с бубенцами под топотание и храп коня. Вся жизнь Виктора Алексеевича, нудная, бестолковая и тяжелая, как нынешняя поездка в город, но проживаемая же им зачем-то (может, в угоду городским недотепам, наконец-то собравшимся здесь, чтобы взглянуть ему в глаза?), нескладная его жизнь, не прервавшаяся Бог весть почему при самом начале своем, в том страшном первом военном году, который по сей день отрыгается Володину лепехами из мерзлой картошки, тошнотворная, как паточный самогон, жизнь давала ему право один раз сказать любому правду в глаза. В первый раз (и, судя по всему, в последний) мнение Виктора Алексеевича было настолько важно, что могло изменить чью-то судьбу или даже судьбы нескольких человек. Это явственно ощущал он сам, это явственно ощущала молодежь и до поры не смела противоречить крестьянину.

Хотя... что ж корежить из себя вершителя чужих судеб, когда родимая твоя кровиночка так дурацки устраивает свою собственную! Стыдно-то как: вроде, сватовство идет, а сватов всамделишных нет, жениха (одного, единственного, настоящего!) и того нет, почтения отцу невесты никто не выражает, никто не поднесет рюмочку, а хорошо бы сейчас шарахнуть глоток маслянистой отравы, дабы оттенить горечь грядущей разлуки с дочерью. Да, стопку Виктор Алексеевич сейчас опрокинул бы с удовольствием, а после смачно крякнул бы и лихо махнул рукой на все предстоящие расставания, на пробивающуюся из мутных глубин души подленькую радость освобождения от родительских забот, на впервые подступившее комком к горлу ощущение неотвратимости старения, махнул бы рукой так, что плечо чуть не выскочило бы из сустава, да сказал после того взмаха: «Согласен! На все это согласен!»

Вот ведь с самого начала не задалась эта его поездка в город! А завершается она, прямо сказать, не по-людски! Собрались какие-то посторонние неприятные мужики и делят его дочку, имеют какие-то свои виды на его внука. Обидно до слез! И совсем уж мерзко было представлять, что кто-то из этих охламонов (или даже не один?!) лапал Машку, лез ей под юбку, ну и все такое прочее... Тьфу!

Однако, как ни странно было это сознавать, постепенно из омерзения, обиды и стыда, как бледные ростки озимых из обильно удобренных пластов чернозема, пробивались всходы надежды и умиротворенности. Вроде бы, в том диком балагане, куда судьба занесла Володиных, неоткуда было взяться спокойной уверенности в счастливом исходе, но вопреки логике безосновательный оптимизм теплой волной разливался в душе Виктора Алексеевича. Будущее дочери уже не представлялось ему трагически одиноким и беспросветно скверным: одна она теперь точно не останется; ведь вот они — женишки; пусть плохонькие и чудные, зато отбоя нет! Значит, Маш-

ка сможет выбрать одного из этих тетерь в мужья, оплести его податливыми, но прочными кольцами женских прихотей и вьюнком по пряслине полезть вверх, к радости устроенного и стабильного житья. Если, конечно, дочь его непутевая очнется да всерьез займется устройством своей судьбы, потому что пока Машка сидит скучная, как будто ей и дела нет до страстей, кипящих на ее жилплощади.

«Гляди-ка: застеснялася! — Виктор Алексеевич мысленно комментировал поведение дочери, телепатически пытаясь едким сарказмом вывести из непонятного оцепенения эту неудачницу, дороже и роднее которой нет и не будет в мире, заставить Машку на что-то решиться, пока не упущена («Да, да, да, по-ка не у-пу-ще-на!» — чуть аритмично, но в унисон с надеждой стучало родительское сердце) возможность словом или поступком изменить роковую предопределенность постоянных житейских провалов.— Давать кому ни попадя она, гля, не стеснялася, а сейчас сидит, язык в задницу засунула. А надо бы как-то определяться, не сидеть так-то, ватной бабой на чайнике!» Однако, видя, что отравленные стрелы его злой иронии то ли не попадают в цель, то ли отскакивают от брони полуобморочной Машкиной апатии, Володин взял инициативу в свои руки:

— А ну-ка! Притихните, зятьки! Чтой-то разгалделись! Становься в очередь на усыновление! Да... А то, может, вы ждете, что она пятерню принесет? И каждому по ребеночку обломится? Ты, Машка, уж расстарайся. Поясница у тебя, вон, широкая, давай, поднатужься, раз людям так надо, подсоби родине с детями... А серьезно сказать: горько мне на вас смотреть. Не по-людски выходит, зятьки. У людей-то ведь как? Пришел ты к девке... ну, к бабе, так и так, скажи, мол, люблю тебя, жить с тобой хочу совместно. А у вас все свои выгоды на уме...

— Я! Я. Я ее люблю,— встрепенулся снова самый молоденький.

— Да ты ж ее знать не знаешь! — вразумлял Виктор Алексеевич.— Откуда вдруг — люблю? Ты присмотрись к ней, погуляйте вместе, походите, поговорите. Она-то еще чего скажет.

Саша сник, потупил голову, притих на скрипучем казенном стуле. Юноша чувствовал себя неимоверно уставшим, измученным. Ему сегодня пришлось совершить множество подвигов. Он сумел проникнуть в сказочный замок, который под влиянием чар некоего злого мага всем остальным представлялся рабочим общежитием; он правильно ответил на головоломные вопросы сфинкса-привратника в обличии любопытствующей старухи; он решился войти в заветную комнату, где томилась заколдованная принцесса; он вступил в напряженный словесный поединок с другими претендентами на руку красавицы. Теперь ему требовались силы и мужество для нового подвига — подвига стоического долготерпения. Саша понимал, что в шумящем под этими пыльными сводами рыцарском турнире он сможет завоевать даму сердца не красноречием, не силой логики, а силой любви, преданностью и скромной верностью. И пусть другие участники ристалища, обличая заблуждения соперников, отстаивают собственную правоту и право на благосклонность Марии, Саша выбрал другую тактику. Он смиренным, но постоянным присутствием убедит возлюбленную в своей надежности, необходимости, незаменимости. Саша был уверен, что так победит. Беспокоило только, что один из женихов, тот, щуплый, пониже всех ростом, похоже, разгадал его военную хитрость и также до времени притаился в засаде.

Рогов, в самом деле, решил дать другим наговориться вволю, а потом уже высказаться самому: так оно внушительнее получится, весомее, убедительнее. Пока же пусть болтуны-ветрогоны, постоянно перебивающие друг друга, тщетно ищут выход из призрачного лабиринта нескончаемого спора. Пусть они попытаются выкарабкаться из-под нагромождений своих абсурдных мыслей, пусть попробуют разгрести железобетонные обломки своих нелепых идей, пусть постараются поскорее откаш-

ляться от кирпичной пыли своих несуразных слов. У Рогова найдется более важное занятие, чем участие в легковесных прениях (благо, голоса спорщиков звучат все глуше и почти не отвлекают). Пока есть время и возможность, надо очередным натужным усилием мозга хоть на сантиметр подтащить себя к обретению смысла жизни. Пока есть время и возможность, надо сосредоточиться на корневых понятиях, которые требуют скорейшего досконального истолкования.

Конечно, отправные положения марксистско-ленинской философии в каком-либо толковании не нуждаются, они должны быть априори приняты за аксиому. Тут вопрос веры, а в вере Рогов оставался крепок. Пытливый пролетарий в какой-то момент не столько осознал, сколько догадался, что научный коммунизм лишь по традиции или для проформы называется научным, а на самом деле давно уже перерос рамки науки и перешел в разряд религиозных учений (без противоречащей логике идеи о высшем существе, разумеется), а религиозные учения, как известно, чужды доказательности. Рогов как раз и мечтал отключить закипавший от работы на холостых оборотах мозг, чтобы сполна насладиться гармоничной стройностью, доступной внятностью усвоенного мировоззрения, так четко объяснявшего законы вселенной, генезис и сущность человека, принципы функционирования общества. Однако треклятая практика воплощения теоретических построений классиков не давала снять умственное напряжение, порождала постоянные мучительные сомнения, доводящие до сумасшествия.

Рогов с яростью камикадзе отбивался от неотступных и неослабевающих ренегатских колебаний. Рогов чуял наличие революционного духа в толще народной массы, как натренированная легавая чует дичь под ворохом опавшей листвы, и готов был, как бультерьер, неотрывно вгрызться в свою добычу, чтобы даже после смерти не разжимать челюстей. Рогов, подобно опытному мастеровому, прикидывал реальную возможность раздуть мехами созидательной работы пока еще теплящийся в золе повседневного прозябания огонек принципиальности и обеспечить ровное горение вечного огня коммунизма. Дело вполне посильное, надо лишь все время поддерживать советское общество в состоянии повышенной идейной боеготовности, надо каждому изо дня в день упражняться в преданности идеалам.

Но как этого добиться? Человеческая природа ненадежна, в комфортных условиях развитого социализма граждане Страны Советов расслабились, потеряли бдительность; следовало бы их хорошенько встряхнуть. Если для тренировок на ринге потребен спарринг-партнер или боксерская груша, то для поддержания постоянного боевого тонуса народа очень пригодилось бы наличие свирепого противника или хотя бы присутствие в обыденном сознании представления о таком противнике. Только вот на данном историческом этапе неоткуда взять подходящих спарринг-партнеров! Разные там империалисты все реже проявляют свою агрессивность, поэтому широкими кругами населения в качестве супостатов уже не воспринимаются... Воинственные прежде китайцы притихли у себя за стеной... Даже ограниченный контингент советских войск в Афганистане — и тот был погружен в сугубо мирные заботы: судя по репортажам программы «Время», наши солдаты там занимались исключительно посадкой деревьев да ремонтом местных школ...

Предъявить бы народу врагов внутренних... Как назло ни одного не осталось! Всех победили еще наши деды и отцы, о чем неоднократно заявлялось с самых высоких трибун. С кем нам сегодня бороться? На каком поприще свершать великие деяния во имя торжества революции? На поприще борьбы с пьянством? На поприще повышения культуры быта? Имеющиеся недостатки, конечно, необходимо изживать, но как-то мелковата такая задача, не соответствует планетарным масштабам классовой борьбы. Проявлять рабочую доблесть в социалистическом соревновании? В рос-

те производительности труда? Бессмысленно, поскольку наращивание производства при плановой экономике не бесконтрольно же осуществляется; наверняка как повышения, так и понижения процентов роста заранее просчитываются при наметке горизонтов пятилеток. Не могут не просчитываться.

Вот и получается (вопреки словам великого пролетарского писателя), что в повседневной советской жизни нет места подвигу. Возможности для героического маневра народу не оставили коммунистические генералы, сузили вселенский оперативный простор до размеров парадной площадки. Что уж нынче мечтать о доблестных дерзаниях, когда любое мало-мальски самостоятельное перестроение на плацу кажется отцам-командирам неоправданным безрассудством!

А ведь люди неизбежно чахнут в отсутствие ярких, возвышающих страстей; череда однообразных житейских впечатлений затягивает тоскливой ряской все благородные стремления, заболачивает родничок духа. Душа, изнывающая под тяжестью волокуши будней, почти ослепшая в шорах обыденности, зашуганная окриками погонщиков, постепенно мертвеет. Тут уж беда, настоящая беда, поскольку человек так устроен, что нет для него ничего страшнее и отвратительнее, чем носить в себе (живом!) мертвое сердце. И вот он, бедолага, пускается на поиски подручного средства, дабы быстрее и безболезненнее усыпить душу. Кто-то перед ее ампутацией оглоушивает себя пьянством, доводя организм до полной бесчувственности, когда внутренняя пустота уже не пугает, даже не ощущается; тот настойчиво и грубо выжигает нутро цинизмом, зато потом спокойно живет бодрым роботом; этот зажимает трепетную психею в тисках быта и давай корнать ее рашпилем жадности; другой в пыльном спортзале своего равнодушия день за днем качает тонюсенькие стенки сердечной мышцы, пока они не превратятся в непробиваемую мускульную броню.

Отчего же из нашей жизни постепенно, но неотвратимо испаряется все героическое?.. Рогову по какой-то неуловимой аналогии вспоминались уроки начальной военной подготовки, резко вмешавшие в кислый запах школьной рутины непривычные брутально-романтические ноты порохового дыма и ружейной смазки. Эти нотки, почти неуловимые, однако до конца так и не выветривавшиеся, приятно щекотали ноздри, стоило переступить порог специально отведенного под НВП учебного кабинета. Один вид спецкласса, оборудованного двумя металлическими дверями и сигнализацией, вызывал почтительный интерес. Не удивительно, что на время новый предмет сделался любимым для старшеклассников, увлеченно отрабатывавших сборку-разборку автомата Калашникова. С каким трепетом ждал юный Рогов того момента, когда возьмет в руки прославленное оружие, ощутит его весомую значимость, лихо передернет затвор! Да не один Рогов — такое же волнение переживал каждый ученик третьей ступени... Правда, лишь приступая к занятиям, пожалуй, только в первом полугодии девятого класса. А с приближением дня вручения аттестата зрелости операция по анатомированию автомата становилась все докучнее. Уже не казалось чудом то, что выпотрошенный вороненый остов и лежащая рядом груда отливающих сталью внутренностей под умелыми руками легко воссоединяются, возрождаясь к новой жизни. Перекормленный плодами древа познания десятиклассник уже с ленцой воспроизводит однообразные, надоевшие пассы, выполнявшиеся десятки раз, прочно вошедшие в двигательную память, и при этом ритуально бесполезные, поскольку выданный строгим военруком (подполковником в отставке!) самопал ни при каких условиях не сможет произвести выстрел, даже холостой. Многоопытному, искушенному подростку-выпускнику уже очевидна чисто декоративная роль доверенного ему на несколько секунд муляжа, игрушки со спиленным бойком и рассверленной газоотводной трубкой.

Подобная удручающая перемена произошла с Роговым и в зрелые годы. Его, без-

заветного, горячего сторонника советской власти, советская же власть и обратила в диссидента! Так шампанское, под бой курантов вырывающееся из бутылки шипучей праздничной многообещающей струей, затем, простояв нетронутым в бокале всю новогоднюю ночь, безвозвратно утрачивает свою игристую легкость, превращается наутро в препротивнейшую кислятину, которую с раздражением выплескивают в раковину.

Оставалось только удивляться, до чего трудно жилось в СССР убежденному, идейному коммунисту. Ни в чем не видел он отрады; ни в чем не удавалось ему приблизиться к торжеству своих воззрений. Еще было бы полбеды, если бы потерпело крах мировоззрение одного отдельно взятого Рогова, но ведь за его личной трагедией просматривалась грядущая глобальная катастрофа. Если уж созданное на благо всего народа государство не в силах сделать счастливой столь лояльную, столь непритязательную клеточку социального организма, каковой являлся Рогов, то об общем счастье и думать не приходится. Налицо абсолютная недееспособность созданного в СССР идейно-политического механизма. А ведь со стороны он выглядел таким совершенным, таким привлекательным, таким мощным, таким хитроумным!

Как ни жаль, но приходилось признать, что достоверность марксистской теории не подтверждена практикой; в конкретно-исторических условиях воплотить великие замыслы удалось лишь частично. Следовательно, учение изначально содержало неустранимые изъяны. Следовательно, обещанное коммунистическое завтра — миф... Рогов окончательно убедился: глубинный смысл истории непостижим для индивидуального сознания, глупо надеяться, что конечная цель прогресса познана кем-то из смертных. Ее, конечной цели, может, вовсе не существует. Жизнь идет вразнос, грозно лязгает на стыках неизвестно кем и куда проложенных рельсов, неосмотрительно проносится мимо истерически пульсирующих красным семафоров морали и гуманизма. Провожая глазами мелькающие вагоны этого шального эшелона, который вне всяких расписаний, без каких-либо виз мчит безбилетное человечество во мрак неведомого, Рогов с трудом сдерживал горькие слезы разочарования.

А иногда, дойдя до крайней степени интеллектуального изнурения, он впадал прямо-таки в ярость, свойственную человеку, оказавшемуся на грани нервного срыва. Во время подобных приступов благоговение перед величием коммунистического идеала неожиданно для самого Рогова оборачивалось бешеной ненавистью к практикующим коммунистам. Правдоискатель-одиночка разражался внутренними монологами, сочившимися ядовитой патетикой, перенасыщенными риторическими фигурами.

«И что же вы наделали, коммуняки?! — с болезненной возбужденностью восклицал (про себя, пока что только про себя) Рогов во время своих припадков.— Взялись, и не подняли. Понесли, да бросили. Не удержали, не удержали... Какую вещь испортили! Какую идею загубили! Величайшую из идей человечества. Да ведь после того, как вы своей ленью и узколобостью все испоганили, будет похерена любая попытка воплотить в жизнь эту идею. Теперь любой, кто хотя бы призадумается над тем, что такое равенство, что такое братство и альтруизм, обречен на насмешки и издевательство! Теперь никто в мире даже мысль не кинет в сторону создания справедливого общества. Никто и никогда! Никогда в истории человечества! Ты понимаешь, что это значит: никогда в истории человечества!»

Рогов и сам бы не объяснил, к кому конкретно адресуется в своих филиппиках, почему переходит в обращении с множественного числа на единственное, а только обязательно надо было вызвать к барьеру какое-нибудь ответственное лицо. С кем-то непременно следовало посчитаться за возникший в душе болезненный, беспрестанно саднящий надрыв; кто-то так или иначе должен был поплатиться за то, что недолго-

временное пребывание на свете уникальной человеческой личности оказалось навсегда лишено пленительного возвышающего смысла, превратилось вдруг в нелепую ненужность. До нервической дрожи хотелось кому-то персонально бросить в лицо страстное обвинение, исполненное досады и праведного негодования.

А сейчас, во время дурацкого спектакля, разыгрывавшегося в тесной комнате незнакомого общежития, Рогова словно слабым электрическим током било. Легкие конвульсии то и дело пробегали по телу, причем не только от отвращения к посторонним, неприятным людям, против воли втянувшим его в дрянную трагикомедию. Незадачливый статист готов был скоморошничать, фиглярствовать, валять ваньку, ибо знал, во имя каких благородных идеалов выступает сегодня в унизительной роли паяца, просящего внимания к себе, словно милостыни. Но за самим фактом этой гнусной инсценировки виделись происки все того же неназванного пока злонамеренного субъекта, виновника крушения всех возвышенных надежд,— вот что заставляло беспокойно ерзать на скрипучей панцирной сетке чужой кровати! До каких же пор изворотливый враг будет уходить от ответа?! В том, что волна народного гнева рано или поздно настигнет кознодея, сомнений не было. Но когда же, наконец, это произойдет? И сможет ли он, Рогов, послужить орудием справедливого возмездия? На скулах страдальца микроскопическими цунами вспухали и опадали желваки, веки то хищно сужались, то распахивались чуть не на пол-лица, делая весь его облик по-детски трогательным.

В мимике Рогова так непосредственно и живо отражалась безостановочная смена мощных, глубоких эмоций, что Саша, внимательно присматривавшийся к затаившемуся до времени сопернику, просто залюбовался. Тщедушный человечек с мелкими невыразительными чертами вдруг увиделся художнику по-новому. Лицо его, словно колышущееся под ветром спелое поле, по которому в летний облачный день пробегают переливчатые тени туч, то слепило бликами грандиозной утопии, то омрачалось сомнением; на щеках временами проступал горячечный румянец митингового оратора, страстно зовущего внимающую ему толпу к несбыточному всеобщему счастью; в серых глазах слезно блестела непреложная вера в осуществимость захватившей его навязчивой идеи. Подсвеченная изнутри неукротимой одержимостью, вся кургузая фигура мечтателя представала уже не карикатурной, а фантасмагорической.

Саше представилось, что перед ним не реальный человек, а персонаж какой-то картины... Скорее, даже не картины — пробного наброска, признанного неудачным и заброшенного в дальний угол мастерской. И вдруг этот начерно намалеванный мужичок соскользнул с этюдника, как соскальзывает порой незакрепленный лист бумаги, разметал по полу пустые жестянки из-под краски, расшвырял ненатянутые подрамники — багеты, зияющие креативной несостоятельностью, оконные переплеты, выкорчеванные с фасада заброшенного дома творчества,— и выбрался из захламленного высокохудожественной рухлядью чулана на свет Божий, чтобы встретиться со своим создателем...

Саша еще не успел осознать зародившийся в душе импульс к труду живописца, а пальцы помимо воли уже шарили по столу в надежде наткнуться на карандаш: пойманный образ просился на полотно. Неплохая получилась бы работа — «Портрет современника». В глазах своей модели Саша показал бы и горькие слезы неудачника, и тревогу за будущее, и страх очередного предательства, и необъяснимую, ни на чем не основанную надежду на лучшее.

И сумасшедшинка была-таки, была в этих глазах! А как иначе назвать стремление непременно соединиться с впервые увиденной женщиной, стремление настолько эксцентричное, что повергло в столбняк самого же незваного жениха? Как по-другому определить состояние человека, внезапно обнаружившего у себя симптомы

неподконтрольной разуму эмоциональности?.. Впрочем, стоит ли подбирать слова? Слова бесцветны и бесплотны; только краски могут живописать, как росток любви взламывает заплеванный асфальт души современника. Вот и нужно запечатлеть на картине чудесное преображение простолюдина-горожанина в рыцаря, преклоняющего колени перед непостижимым величием красоты. Надо попытаться передать через портрет мятущегося натурщика священный трепет, который внушила художнику (именно художнику!) их (одна на всех — так уж получилось) дама сердца, их горделиво-смиренная донна...

Тогда, может быть, задуманный портрет следовало бы назвать иначе: «Жених»... Или: «Молодой отец»?.. Интересно, можно ли отразить на холсте то, как удивительно меняется лицо человека, пробующего применить к себе слово «отец»? Постижение отцовства, вообще говоря, трудно приходит к молодым мужчинам. Попервоначалу нелегко расчистить в голове да в сердце пространство, где будет вечно храниться новое, непривычное ощущение личной ответственности за неизвестно откуда появившегося в доме постоянно верещащего пупса, в чьей метрике зачем-то упомянут и ты. А уж литогенез родительских чувств, не связанных с близостью с конкретной женщиной, дается совсем мучительно. Сколько времени, сил потребуется, чтобы в твоей душе интерес к футболу и беззаботным дружеским посиделкам постепенно заместится стремлением постоянно и деятельно опекать своего детеныша! Впрочем, не только своего, а любого человеческого детеныша, ибо стремление это втерто в подкорку всем представителям сильного пола с незапамятных веков, когда ребенок был общим достоянием, залогом будущего процветания, порой даже выживания первобытного племени.

Как далеко, однако, способна улететь мысль художника — от портрета современника в непроглядную темь истории! Саша не переставал удивляться: серенькое лицо этого... как его?.. Он, кажется, даже не представился. Впрочем, это и не важно! Так вот: серенькое лицо модели внезапно явилось взору живописца словно бы ценным полотном, которое вдумчивый реставратор просвечивает рентгеном, открывая все новые и новые напластования изображений. В облике натурщика ясно отразилось, например, и то, что личность формируется только на противоходе, только на преодолении.

Каких усилий стоит человеку поиск его собственного, единственного его пути! Какое мучительное счастье испытывает он, делая первый шаг! С каким неимоверным напряжением дается каждый шаг последующий! Как старательно скрывает он смятение и сомнения, пытаясь не спасовать перед уверенными в себе, раскрепощенными попутчиками, твердо шагающими по своим дорожкам, и насколько обострены все его чувства мнительностью, боязнью стушеваться на фоне других. И чего стоит ему, преодолев нерешительность, проверив и перепроверив себя, все-таки идти, все-таки торить свою тропу, на том простом основании, что это *его стезя*.

Впрочем, даже выбившись на свою дорогу, нельзя быть уверенным в том, что достойно пройдешь ее до конца. Вот так же, как этого несчастного человечка, потихоньку оттеснят тебя на обочину расторопные конкуренты и, не оглядываясь, попрут дальше к финишу. А ведь человечек, может быть, самый достойный из всех претендентов на руку Марии! Однако ни явные достоинства, ни вопиющие недостатки участников гонки никакого влияния на исход состязания не имеют! Достойнейший слишком часто оказывается проигравшим, и такой порядок вещей давно обрел черты незыблемого принципа бытия. Принять же жизнь такой, как она есть, без надежды на торжество справедливости, тяжело. Пожалуй, даже невозможно. Уж Саше-то это известно лучше многих других.

Замысел нового портрета постепенно обретал черты этапной работы, вырастал до

масштабов исповедального художественного высказывания целого поколения. Все новые и новые побеги эмоций пробивались сквозь сухую корку невозделанной души, пышно колосились захватывающими идеями; казалось, что эти добрые злаки своими спелыми усиками ласкают сердце, и от их ласки наполнялось смыслом существование. А ведь Саша уже стал забывать, как весело ощущать за грудной клеткой биение крыльев фантазии, стал забывать, что главное дело его жизни — налюбовавшись той жар-птицей, распахивать клетку и выпускать на волю трепетную пленницу. Дело это и болезненное, и немного зазорное, и жаль расставаться с пернатым чудом, и страшновато отпускать его в необжитой, неуютный мир, но иначе поступить невозможно, иначе изменяешь себе самому. И сколь сладостно было сейчас почувствовать позабытое покалывание в пальцах, ищущих несуществующий карандаш на чужом столе, сколь радостно было понять, что осталась в прошлом протезная чужеродность собственных рук, безвольно повисавших при предстоянии перед чистым холстом, сколь восхитительно было после долгих месяцев творческого бессилия вновь осознать себя художником.

Это заслонило собою даже чудный, манящий свет, исходивший от Марии, это оказалось важнее несбывшихся мечтаний о счастье в соединении с женщиной. Так вот для чего пришел он в неприятное, гадкое общежитие: не за женой, а в поисках вдохновения! Вот во имя чего претерпел он множество унижений! Вот зачем была ему ниспослана помрачившая рассудок страсть: чтобы, изжив ее, возродиться измененным в новых полотнах! Саша облегченно вздохнул, и с этим вздохом немедленно отлетели в небытие и катакомбообразный подвал кинотеатра, и до тошноты пропахшая одеколоном «художка», и мающийся у ее дверей преданный собутыльник-квазимодо. А самое главное: испарилась обморочная любовь его. Отпустила, ушла.

Саша, словно вырвавшийся из водоворота пловец, не мог надышаться созидательной свободой, которая нежданно вернулась к нему таинственным промельком, но не в лике возлюбленной, а в физиономии едва знакомого человека, почему-то ставшего самым дорогим и понятным в мире существом... Портретисту показалось вдруг, что чужое, аляповато слепленное лицо преобразилось, приобретя его собственные черты... Да почему же показалось? Так и было, ведь любой портрет — всегда автопортрет. Теперь суметь бы все до мельчайшего штриха запечатлеть на картине! Рассказать бы достоверно, чем живет каждая неприкаянная душа, отчего так невыносимо ей на свете. Не только же от отсутствия любви. Нет, не только от этого...

«Ты не убивайся так-то уж, друг! — мысленно утешал Саша своего натурщика.— Да, мир спроектирован суровым, индифферентным к конечному результату и, пожалуй, чуть небрежным зодчим. Да, в нашей горестной юдоли если и обретешь каким-либо случаем чувство глубокого удовлетворения, то всего на миг, не дольше. Никогда не было такого, чтобы отдельная человеческая единица, не говоря про целый народ, в конкретных исторических условиях сколь-нибудь долговременно наслаждалась бы гармонией и радостью бытия. И мы с тобой, видя, что творится вокруг, конечно, не считаем себя счастливцами. Но, может быть, через четверть века наше время назовут наисчастливейшим в истории страны...

Да, сегодня мы с тобой жестоко страдаем от очевидных пороков системы, мы удручены и раздражены, мы гневно отвергаем привычный уклад жизни. Но завтра-послезавтра забудут о бытовых неурядицах, о вопиющей глупости управителей, о разъедающем общество ханжестве, а сохранят в памяти лишь задекларированную нашим строем аксиологию. А ведь она сконцентрирована на ценностях незыблемых, выверенных всем ходом развития человечества! И объявят потомки наше с тобой время великим, потому что суть этого времени в обращении к лучшему в человеке».

«В обращении к лучшему? — Рогов перехватил Сашин взгляд, на мгновение явив

вместо романтично-сосредоточенного профиля сердитый фас, и художнику показалось, что натурщик, возмущенный неприлично пристальным созерцанием, ответной репликой попытался дополнить замысел картины.— В обращении... Тогда уж в призыве. В мобилизации. В назойливом подталкивании к лучшему — вот в чем суть нашего времени. Но навязанные взгляды не укореняются в душе, не становятся внутренним убеждением, а потому легко уносятся прочь, не задерживаясь, катятся за горизонт этаким идейным перекати-полем при первом порыве интеллектуального сквознячка».

Рогов отвернулся, но Саша уже поймал его движение, поймал и увидел новый ракурс портрета. Неожиданный отклик модели обрадовал живописца так, словно бы он прочел мысли гипсового конуса или проник в душу мраморного бюста. Сердце наполнилось нежностью к чужому, вроде бы, мужчине: «Ах ты, милый мой современник! Знаю, знаю я эти твои раздумья. Ты еще дороже мне стал своим возражением! Теперь-то я понял, как тебя писать! Появились и силы, и непреклонная решимость перенести на холст родные, необыкновенно близкие черты твоего лица, усталого лица часового великих истин. Растерянного лица рядового распущенной армии, лица человека на краю пропасти, пытающегося совладать с паникой; человека, боящегося узнать, что ждет его впереди. А ждут тебя сомнения, унижения, боль и страх. Никто уже больше не назовет тебя мерой всех вещей. Напротив, сам ты станешь вещью, не очень ценной вещью, которую, однако, жаль все-таки выбросить. Сколько же тебе придется перестрадать, чтобы доказать всему миру, что ты сам способен решать свою судьбу!..

Да, это будет великий портрет. Портрет брошенного всеми человека, навсегда оставляющего дом и направляющегося в трудный и опасный путь к неразличимой пока цели... Впрочем, равным образом это портрет человека, прошлое которого было смутно и тягостно.

Конечно, предшественники наши, утверждая непреходящие смыслы эпохи, действовали грубо, жестоко, прямолинейно. Конечно! Но ведь предшественники прорастают из реальной истории и поэтому всегда таковы, каковы есть. Конечно, методы современников немногим лучше тех, что использовали в прошедшем, и дискредитируют утверждаемые ценности. Конечно! Однако других современников нам тоже неоткуда взять. А потом: они хотя бы попробовали! Попробовали приспособить мечту для повседневной жизни. А это немало. Это дорогого стоит.

Я согласен с тобой: чтобы воспитать генерацию убежденных приверженцев некогда выстраданной идеи, следовало действовать гораздо более артистично. Но ведь хранителям учения всегда кажется, что следующие за ними поколения обязаны воспламеняться вменяемыми догматами из одной лишь благодарности за свершенное ранее... На самом же деле для Клио нет аксиом; все теоремы да теоремы, и доказывать их нужно ежедневно, убедительно, вдохновенно, так, чтобы заинтересовывать молодежь, которая зажигается живыми делами, стремится подражать стильным, ярким личностям. Образно говоря, ленинская кепка здесь уже не годится, а вот берет Че Гевары подошел бы. Как бы не так! Хранители учения у нас как огня боятся всего своеобразного, нестандартного; тип современного революционного романтика, раскрепощенного и жертвенно-мужественного, бездарно потерян для пропаганды... А зачем наши коммунистические тузы затоптали чехословаков, попытавшихся три десятка лет назад сказать новое самобытное слово? Для чего вот совсем же недавно выкрутили руки полякам? Почему делают вид, что в упор не видят югославского пути? Какого черта нас призывают к одному, а в жизни требуют совсем другого, подчас противоположного?!»

Если бы Саша говорил вслух, то на этих словах непременно возвысил бы голос

до звенящих патетикой нот. И Рогов, давно уже ответивший на внимательный взгляд художника не менее внимательным взглядом, вдруг явственно услышал не прозвучавший в реальности Сашин выкрик, вздрогнул и снова отвел глаза.

Еще только подходя к незнакомому общежитию, Рогов уже испытывал смутное беспокойство человека, не до конца осознающего последствия своего поступка. Переступив порог подозрительной комнаты, он с тоской почуял, что вторгся в некую измененную реальность, явно враждебную ему, где весь предыдущий опыт окажется бесполезным, где предстоит решительно и необратимо измениться. Потом началась совсем уж дичь: непостижимый пространственно-временной сдвиг вызвал к жизни людей-фантомов, обживавших иррациональный мирок с будничной обстоятельностью, с деловитой самоуверенностью. Теперь же, неожиданно для себя обретя способность одновременно слышать как речи собеседников, так и их мысли, Рогов пришел в ужас, ощутив, что проваливается под лед обыденности и медленно погружается в студеную бездну неведомого.

Он слышал то, что произносили Чернышев, Шамсутдинов и Иммануил, обращаясь друг к другу, к Марии или к Виктору Алексеевичу, и всякое слово было фонетически узнаваемо, доступно по смыслу. Но в это же самое время (помимо желания!) Рогов, как будто сквозь вату в ушах, улавливал, воспринимал и то, что крылось за фразами присутствовавших, то, что адресовалось почему-то конкретно к нему, к Рогову.

Выспреннее остальных краснобайствовал чудик в дурацкой белой накидке, сорившей словесами, словно шелухой подсолнечника. Нескладный верзила ухитрялся сразу и спорить с Чернышевым о доходности набиравшего обороты мистического предприятия, и пытливо поглядывать на Виктора Алексеевича, проверяя, поддерживает ли его будущий тесть, и время от времени разухабисто подмигивать Марии.

При этом, несмотря на комическую суетливость, он ревниво следил за сутью безмолвного разговора, который вели между собой Саша и Рогов. Иммануилу не терпелось свой грошик тоже бросить в пошедшую по кругу шапку вековечной славянской беседы:

«Эк вас занесло! В глобальные проблемы! Перестаньте! Не про нас это! Куда там русским с их ленью-матушкой, с их необязательностью, с их дрябленьким всепрощением, с их расслабляющей добротой проводить столь масштабный, требующий полной концентрации и полного самоконтроля эксперимент! Вот если бы немцы взялись, у них вышло бы... Однако отчего-то не взялись немцы. И англичане не взялись, и французы... А ведь марксизм-то этот... Это было их дело, европейское, на них скроенное, на них сшитое. За социалистической идеей явно виден и Ренессанс, по-детски обомлевший от обнаруженных им безграничных возможностей венца творения, и галантное осьмнадцатое столетие, изверившееся в Боге, но упорно не замечавшее одномерности восхваляемого на все лады разума, и век девятнадцатый, давший европейцу возможность впервые в истории наесться досыта, до обжорства, так, что потребовалось ослабить пояс и даже расстегнуть пуговичку на жилете. Только вот о чем думает насытившийся человек? О том, как же вокруг него много голодающих? Нет! Он о том думает, что бы еще послаще положить в рот на десерт. И ничего страшного! Это нормально, естественно для смертных. Из естества надо исходить во всем, из естества! А не гоняться за коммунистическими призраками! Кстати, в Европе это давно поняли, потому Маркса своего нам спихнули, чтобы мы тут мучились, над собой ставили всякие опыты. Ну, давайте, давайте! Экспериментируйте. Только без меня!»

Приливы и отливы голосов (как различимых ухом, так и воспринимаемых лишь телепатически) качали Рогова на своих гребнях, баюкали, а затем зазвучали дико-

винным адажио, свелись в вычурную мелодию, витую, литую, похожую на одинокую чугунную колонну, установленную кем-то неизвестно где и непонятно зачем. Рогов вдруг оказался вознесенным на самую капитель этой колонны, да так высоко, что трудно стало дышать. Преодолевая приступы головокружения, он подполз к краю плоской площадки и взглянул вниз. Едва различимый стилобат циклопического столпа был установлен все в той же общежитской комнатенке, а вокруг массивного цоколя копошились суетливые человечки. Глядя на их оживленную жестикуляцию, можно было догадаться, что они по-прежнему отчаянно препираются друг с другом, но сюда, на металлически равнодушную высоту, не долетало ни звука.

Рогов пожелал выяснить, что говорит... ну, хотя бы, вот тот, коренастый... лысоватый такой... По роговскому хотению пневматическая почта тут же доставила на верхотуру серебристую капсулу, разъяв которую, Рогов обнаружил протокольную запись выступления указанного субъекта.

Протокол гласил: «Слово предоставляется тов. Шамсутдинову Р. Х. Выступающий обратил внимание присутствующих на то, что важна не коммунистическая идеология сама по себе, а установленный под ее воздействием строгий порядок во всех сферах жизни, каковой порядок длительное время предопределял наше поступательное движение вперед. Достигнутая ценой немалых усилий стабильность государственного устройства (что в особенности важно для такого государства, как наше, занимающее довольно обширную площадь и населенное неоднородным по этническому составу населением), имевшаяся в наличии до самых недавних пор, представляет собой базис дальнейшего развития. В последующем означенный базис необходимо неукоснительно сохранять, в то время как идеологическая надстройка, вызывающая у населения определенные нарекания, могла бы быть постепенно модифицирована как не имеющая первостепенного значения. Возникающая при этом опасность деструктивных перекосов будет сведена к минимуму отлаженной работой госорганов, что необходимо обеспечить дополнительными директивными мерами и мероприятиями по материально-финансовому обеспечению госслужащих.

Однако в настоящее время руководство страны занимает прямо противоположную позицию, объявив т.н. войну бюрократии. В результате столь недальновидной политики не только ставится под угрозу безопасность самого руководства, но и подрываются устои государства, поскольку лишь опытные специалисты-администраторы способны снизить возможность негативных последствий при осуществлении реформ. Следовательно, необходимо оперативно свернуть кампанию критики номенклатуры. Напротив, следует настойчиво разъяснять массам важность той функции, которую осуществляют ответработники, нейтрализуя подчас возникающее у рядовых граждан чувство беспокойства по поводу определения дальнейшего курса развития страны и тем самым позволяя основной массе населения сосредоточиться на текущих делах, высвобождая общественную энергию для решения экономических и гуманитарных задач. Именно должностные лица, службисты являются становым хребтом государства, именно им следует перепоручить проведение преобразований».

Прочитав это, Рогов поморщился, резко выбросил правую руку в пространство, прямо из воздуха, не глядя, достал солидную перьевую ручку, которой размашисто начертал на документе резолюцию: «Че-пу-ха!» Рядом поставил свою витиеватую подпись и, уложив бумагу в пулеобразный футляр, отправил его обратно. Роговские каракули понеслись по многочисленным трубкам пневмопочты, на каждом новом коленце обрастая дополнительными смыслами, трансформируясь в полноценное, обоснованное суждение, так что внизу трехсложное словцо явилось читателям язвительным памфлетом:

«Вся власть ответственным работникам? Ха-ха! Да перед кем же они отвечают?!

На поверку ни перед кем. Какова мера их ответственности?! Нулевая! Если плохо выполнено конкретное задание, вышестоящий чиновник может взыскать с нижестоящего. Но кто и когда был наказан, если дело касалось функционирования всего государственного аппарата? В случае системных сбоев или коллапса канцелярские крысы разбегаются, подставив под удар высшее руководство. Кто-нибудь из наиболее одиозных сановников порою возлагается на алтарь общественного недовольства, в целом же бюрократический класс не только не несет тягот вместе со всеми, но, напротив, постоянно пухнет, несмотря на любые народные бедствия. На место отданного на заклание столоначальника немедленно является толпа новых претендентов. И все они уже насобачились выдавать свою сервильность за умение вести дела! Все пускают сладострастную слюну в ожидании спецпайка, все нетерпеливо роют землю копытами, стремясь поскорее ринуться в отделы спецобслуживания! Все благословляют ту минуту, когда их полупрозрачные тельца нежизнеспособных моллюсков оказались надежно укрыты непроницаемым панцирем исключительных кастовых привилегий: из-под этого панциря можно безбоязненно выпускать длинные жадные щупальца, шаря вокруг себя в поисках поживы... И вот среди нас находятся те, кто предлагает чуть ли не законодательно закрепить за чернильными душами некий особый статус. За какие же такие великие заслуги?!»

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

ОТПУСТИ ЕГО НА НЕБО, ДУША, ОТПУСТИ...*

Вячеслав Михайлович Лямкин, молодой прозаик, кандидат в члены Союза писателей России, лауреат православной литературной премии им. Святителя Макария, митрополита Алтайского, технический редактор журнала «Бийский Вестник».

5

— Вы приезжая? — мужчина интеллигентного вида присел рядом на лавочку, держа на поводке таксу. От него пахло туалетной водой.

— Да, вы правы! К сыну приехала погостить.

— Борис Валерьевич,— представился мужчина.— Мы с Рудиком частенько выходим погулять в утренние часы. Знаете, говорят, благотворно влияет на сердечно-сосудистую систему. Гуляем по кварталу, а вас я заприметил недавно.

— Вы наблюдательны...

— Пололожение обязывает. У меня высшее педагогическое... Сейчас молодежь пошла, то и дело норовят обхитрить. Приходится держать ухо востро. Кхе-хе.

Мария понимающе кивнула.

— Извините, можно задам вам вопрос личного характера? — спросил он.— Ваши родные пенаты далеко?

— Павловск, знаете?

— Павловск! Конечно! Назван в честь царевича Павла Первого. Несостоявшаяся столица края! А грибные места у вас просто отменные!

— И хорошо, что несостоявшаяся! — поддержала разговор Мария.— А то бы не любовались мы сейчас чудными местами. И лес бы весь вырубили, и пруд бы в лужу превратили. Многоэтажек понастроили, асфальтом дороги закатали и название придумали — микрорайон Касмалинский, и мы бы с вами сидели сейчас и ностальгировали о сосновом боре и теплой речушке, а ученые гадали, кто принял данное решение.

— Да, да. Вы правы. Даже приятно, когда человек защищает свою землю, а вы именно защищаете...

Подобные беседы стали происходить регулярно.

Надька, не замедлив, поинтересовалась:

— Чего Малюков на лавочку к тебе стал подсаживаться? Всю жизнь с матерью прожил. Ни ребенка, ни котенка, хоть собаку завел на старости лет и то ладно. Бабка год назад померла, скучно, наверное, стало, теперь ищет, кто его обстирывать и кор-

* Главы из повести.

мить будет, а то кроме кефира, яблок и корма собаке в «стекляшке» ничего не берет, видно в университетской столовой питается.

После этих разговоров Мария ночью переворошила в памяти гулянки Михаила. Раз припугнула мужа:

— Пить будешь, к Бродькину уйду!

Бродькин (их огороды смотрят друг на дружку) визгливый мужик, ходивший постоянно со свисающей мотней на штанах, с вечно текущими соплями по бороде, вечно подбирающий по дороге или на свалке всякий хлам.

Спустя несколько дней они возвращались из центра и по пути встретили Бродькина, вытаскивающего из лужи ржавую железяку. Михаил напротив соседа остановил Маньку и, повернувшись к Марии, сказал:

— Чего сидишь, вот он, Бродькин! Ссадить?

Долго потом еще хохотали над этим.

Воспоминание стало небольшой отдушиной перед визитом Бориса Валерьевича.

Утром, проводив домочадцев на работу, она по обыкновению вышла подышать свежим воздухом. Малюков встретил ее с букетом цветов.

— Мария Петровна, не сочтите за... вам... мы взрослые люди, нам нечего таиться... хорошо узнали друг дружку... чувства появятся, поверьте, переезжайте ко мне!

— Не стоило тратиться, Борис Валерьевич! — сказала она и даже не задержалась, прошла мимо, а он, проводив ее своим обыкновенным грустным взглядом, положил цветы на скамейку, дернул таксу за поводок, скомандовав, как ни в чем не бывало:

— Рудик, домой!

Цветы пролежали на лавочке до вечера, пока Надька их не забрала:

— Добру зря пропадать! Вон красотишша какая!

На следующий день Надька встретила ее улыбкой:

— Ну, раз на кавалеров фартит, пойдем, я тебя с настоящим мужчиной познакомлю! Хоть развеешься, отвлечешься! А то киснешь, сидишь в своих воспоминаниях. Подожди минутку, домету.

— Еще кавалеров не хватало!

— Пойдем хоть у меня посидим! День рожденья сегодня, как-никак!

— Поздравляю, Надюш! Только без подарка неудобно!

— Да брось! Неудобно, Машка, на потолке спать, одеяло соскальзывает. А здесь я тебя приглашаю.— Надька потянула ее за руку, и Мария сдалась.

— Ну, разве ненадолго!

— Конечно! Посидим, поболтаем. По рюмашечке вмажем!

У Надьки просторная двушка. Бардак в квартире соответствовал ее холеричному характеру. На скорую руку накрыли на стол — колбаски порезали, сыра, огурчиков. Пока накрывали, Надьке все кто-то названивал. Поговорить выходила в коридор. До Марии через раз доносилось:

— В магазин зайди! Да хоть в нашу стекляшку! Давай скорей, а то мы уже накрыли...

— Ты там с кем? — поинтересовалась Мария.

— Да родственник сейчас придет в гости. Поздравит!

— Слушай, ну что я вам буду мешать. Я тогда пойду, внучка скоро со школы вернется,— отнекивалась Мария, но именинница настаивала на своем.

— Уйдешь, я обижусь! Буду считать, что ты мне испортила праздник.

Пришлось остаться.

Гость — примерно их возраста с выделяющимся животом на фоне хиленькой груди и тонкой шеи. С лицом неприятным, отекшим и красноватым. Над верхней губой выбриты полоской усики-ниточки. От него за километр несло туалетной водой. В руках он держал увесистый пакет.

— Эдуард Витальевич! — представился он Марии.— Подполковник в отставке.

— Мария Петровна! — ответила она и почувствовала стыд, хлынувший жаром в лицо.

— Наденька, взял все по вашему желанию! — отчитался Эдуард, потряхивая содержимым пакета.— Водочка, пиво «Чешское», шоколадку «Россия — щедрая душа!», колбаса «Краковская».

Пока Надька выкладывала провиант на стол, гость начал распечатывать бутылку.

— Вы что будете? — спросил он у Марии.— Пиво, водочку?

— Конечно водочку! — ответила за Марию Надька, крутясь у холодильника.

— Знаете, одному скучно! — разливая спиртное говорил Эдуард.— Женщину я свою давно похоронил. Дети уже выросли, внуки подрастают. Сейчас найти собеседника по интересу дорогого стоит. Вообще, я считаю женщину нужно сравнивать с красным вином — чем старше, тем ценнее! Поэтому, Надежда Валерьевна, пьем за вас, за ваше здравие и женскую привлекательность!

Чокнулись, выпили.

— Видишь, Машка, не извелись еще мужики, ценящие нас! — сказала Надька и тут же спохватилась: — Блин, сока-то забыли взять!

У Надьки даже варенья не оказалось сделать морс.

Пришлось запивать «Чешским».

Толи от намешанного пива с водкой, толи действительно немного отвлеклась от грустных мыслей и расслабилась — Марию заметно развезло. И они уже на пару с дворничихой смеялись над пошлыми анекдотами, вставляемые то и дело в разговор их новым знакомым.

Зазвонил Надькин мобильник. Она чертыхнулась. Вышла разговаривать в коридор.

— В соседнем доме у кого-то трубы прорвало,— оповестила она, накидывая куртку.— А ключи от подвала у меня. Вы сидите, я сейчас мигом! Да заодно в магазин заскочу, бутылочку возьму, а то чувствую, мало будет!

— Наденька, и сигарет еще пачку захвати! Бонд синий, пожалуйста,— вдогонку ей бросил Эдуард.— Я с тобой потом рассчитаюсь.

Мария сидела и улыбалась, думая о чем-то своем.

Дальнейшие события происходили, будто в тумане.

Ей стало дурно, и вроде она попросила его отвести ее в спальню. Отвратительные усики отставного подполковника перед глазами, запах перегара (ее или его — уже неважно), губы в чем-то жирном и его холодное костлявое тело, льнущее к ней, торопливые руки, срывающие с нее одежду.

Толи сон страшный снился...

А потом кровь на его голове. Текущая из раны быстрее, чем обычно от поднявшегося давления (говорят, от выпитого бывает). Разбитая, хрустальная ваза, стоящая рядом с кроватью на тумбочке, исцарапанные щеки, испуганный взгляд Надьки и свежий воздух, хлынувший ей в лицо на улице...

6

Будто бы от изнурительного похмелья невыносимо, только болит не голова, а душа...

Хорошо, обошлось без последствий: отставной офицер сильно не пострадал. Дворничиха вовремя подоспела — остановила кровь, обработала рану зеленкой, обмотала голову бинтом.

Всю ночь Мария не спала — винила себя. Казалось, супруг следит за ней и корит ее за проступок.

Перед глазами стояли последние деньки, проведенные с ним...

...Два года назад Михаилу поставили стенд на сосуд в области сердца. Врачи предупредили о серьезности положения: «Лекарства сильные, но готовьтесь — в любой момент может случиться ухудшение...»

И тогда Мария воскресила в памяти бабу Лену, водившую ее в молодости к гадалке:

— Пойдем, Маша, к бабке Потанихе, она правду говорит.

Седая бабка Потаниха, разложив старые потрепанные карты на столе, выдала будущее, открывшееся только ей:

— До шестидесяти немного не доживет!

А молодым казалось — шестьдесят наступят нескоро, но не успели оглянуться, и им уже не по двадцать. Жили, не оглядываясь назад, работали, воспитывали детей, не замечая стремительно бегущего времени, а не успели опомниться, пенсия подоспела.

Михаил часто говорил:

— Бросай работу! Хватит бегать, не молодая. Знаешь, дома плохо одному. Ты пенсию получаешь, я получаю, вдвоем нам хватит. Хоть напоследок вместе побудем!

Чувствовал, что недолго осталось. Оттого и принялся за несколько дел сразу, хотел многое переделать. Наставления давал.

Когда его выписали из больницы (он проходил плановое обследование раз в полгода) явного улучшения он не ощутил.

Чаще стал просить выпить. Мария злилась на него, но шла навстречу, не в силах отказать, думая, вдруг от ста граммов муж будет лучше себя чувствовать.

— Возьму четок и ни капли больше! И за ограду ни ногой, понял! — говорила ему.

— Пивка еще полторашечку... Схожу Ваньку угощу!

— Ага! Ванек мне не хватало! А то сейчас начнется, Танька мне выдаст!

И утешалась мыслями: «Может, выпьет да ему полегчает». А легче не стало.

Сидели утром на кухне, пили чай, и Михаил ей сказал:

— Маша, пришла моя смерть!

Она не придала значения его фразе, ходила и еще подтрунивала над ним, наблюдая за мужем, бегающим со сберкнижкой в руках.

— И чего ты с ней секотишь? — буркнула Мария.— Положи на место, на эти деньги похоронить и хватит!

— Мужики приедут и закопают!

— Закопают, жди! Закопать сейчас не меньше пятидесяти тысяч надо.

— Меня не надо с почестями, по-простому...

— Ну-ка, стой! А ты чего лыбишься, довольный, дерябнул, поди?

Проследила за ним. Подозрительным показалось его шмыганье в бендейку. Проверила и сразу нашла трехлитровую банку с остатками мутной бражки. На днях сын приезжал в гости, сок березовый в колках собирали, он, похоже, одну баночку и приберег. И ходил с утра, глаз щурил.

Поход в магазин тоже восстановила по минутке — дорога шла через лес, и Михаил часто останавливался, опирался на сосну, пытался вздохнуть полной грудью, но не получалось. Мария видела его мучения и страдала вместе с ним.

— Давно мы, Маш, не ходили нашей дорогой! — замечал Михаил, пытаясь отвлечь ее.— Даже не узнать! Посмотри, лес-то помолодел! Последний раз по нашей дороге давненько ездили.

— Старые деревья спиливают, другие их место занимают, оттого и молодеет!

— И у людей то же происходит,— заметил Михаил и долго потом о чем-то думал.

Пока шли, освежили в памяти молодость, друзей, дискотеки. И даже поцеловались. Разговор по душам оказался для них последним...

Время, когда помирает кто-то из близких людей, запоминается надолго. Мария чуть ли не поминутно могла пересказать трагический день.

С утра вышла на улицу, а Михаил лавочку новую у палисадника мастерит.

— Наконец, снесла курица яйца! — всплеснула руками она.

— Не шуми! — забивая гвоздь в доску, ответил Михаил.— Вдруг гости придут, хоть посидеть будет где людям!

И снова она не придала его словам значения.

А Михаил готовился. Чувствовал — раз отправился прощаться по улице: добрый, безобидный, простой, как три копейки.

Долго беседовал с узбеками, строившими неподалеку дом. Разговорился с бригадиром — молодым парнем из Алтайского. Рассказывал о многом. Про сорок лет, прожитых на поселке. (Мария потом узбека расспросила).

Припомнил — на соседней улице раньше дома не стояли, а просторная полянка перед их воротами только недавно застроена. Поделился: крепкий асфальт в селе на их улице, в укладке он тоже принимал участие. Жаловался на сына, работающего в городе, хотел чаще его видеть, но не получалось. А напоследок сказал бригадиру, может, главное:

— Я слышал, Юрка, сосед чурками недобитыми вас называл! А ты, паря, не обращай внимания — все под Богом ходим! Люди мы — и поверь, на небе различия не будет!

Мария несколько раз выглядывала за ворота, проверяя мужа. Удостоверившись в нормальности его состояния (боялась, угощать его начнут), снова хозяйничала по дому.

После разговора с бригадиром Михаил направился к Ивану Дымову. Она хотела остановить его, но муж махнул на нее рукой:

— Опять выбежала! Иди, иди домой! Посижу с Ванькой немножко и приду.

Мимо пробегала ребятня, и он обратился к ним:

— Ух, мальцы! Ну, живы?

— Живы, дядь Миш, живы!

— Ну, тогда и живите! — сказал он им в след.— Место у нас хорошее — лес, речка. А я пошел...

У Марии до сих пор перед глазами стоит сцена, когда она делает мужу искусственное дыхание — вдыхает, вдыхает в него воздух, а он, зараза, выходит обратно...

Возвращалась мыслью к фельдшеру запоздавшей «скорой», отстранившему ее от мужа. А она не хотела отходить и кричала, цепляясь за рубаху, сшитую недавно по его просьбе:

— Мишенька, родненький, дыши! Дыши, родненький, дыши!..

7

Утром Мария, надеясь не встретить Надьку, тихо спустилась по ступенькам и выскользнула из подъезда.

До Никольской церкви рукой подать, но она проехала несколько остановок на автобусе, затем сошла, решив прогуляться. И пока двигалась по проспекту, вспоминала. Не заметила опасность — пытаясь перейти на другую сторону проспекта, выскочила на проезжую часть, прямо под колеса троллейбуса...

Под визг тормозов кто-то схватил Марию за рукав и потянул обратно на тротуар.

— Ты чего, мать, надумала!? Жить надоело? — пожилая женщина держала за руку Марию.

Она поблагодарила спасительницу, так и не поняв, что могло произойти, поспешила в храм.

На утреннее богослужение опоздала. В церковной лавке купила две большие свечи по семьдесят рублей, спросила, где ставят за упокой, и прошла вдоль стены в левую часть храма к указанному канону с распятием.

Перекрестилась. Осторожно зажгла свечку.

Рядом стояли две женщины и тихо переговаривались:

— А некрещеных отпевают? — спросила одна у собеседницы.

— Говорят — нельзя!

Мария горько улыбнулась услышанному — Михаил некрещеный был. Бабка знахарка его в воду погружала... А в Бога верил... По своему! Из календаря вырезал лик Николая Чудотворца и у печки на стенку приклеил...

Мария неотрывно глядела на горящий огонь, погружаясь в дорогие сердцу воспоминания...

...После бани стригла Мишу, а он смиренный, родной, то и дело шутил, а она читала нотации.

— Боролась с тобой, боролась, думала, человека сделаю! А не получилось. Непутевым и остался!

— Ты меня, непутевого, еще целовать будешь!..

Накануне перед смертью выпросил у нее на бутылочку. И когда уже легли спать, Миша три раза приходил в спальню. Сначала постоял у кровати, за руку взялся, подержал в мозолистых ладонях и ушел. Через несколько минут опять тихо позвал: «Маша! Ты спишь?» Но не дождавшись ответа, снова ушел в другую комнату. А в последний раз присел в ногах. И долго сидел, гладя ее ступни.

Странными показались его хождения. Выпивши, он ни разу подобным образом себя не вел. Обычно поговорить надо. Пофилософствовать. На улицу выйти. Посвистеть. Покричать: «Дороги!», или сядет на крылечке, гармошку в руки возьмет, меха рвет. Поэтому лежала Мария, притворяясь спящей, думала, снова начнет на бутылку просить. Опять пойдет за самогоном да завалится к Ваньке Дымову, и на всю ночь Таньке — жене Ивана не видать покоя. Лежала, не откликалась. А знала бы, то поговорила бы с ним. Может, и выспросила о плохом его состоянии. А он и не показывал. Приходил прощаться, а она не поняла!..

Горит свеча... Трепещет пламя перед образами. Святые внемлют мольбе Марии.

Лишь бы не погасла!.. Плохой знак. Погаснет — не услышат на небесах просьбу...

Горит свеча — жива вера на лучшее, на снисхождение Господа, надежда на спасение души...

И вдруг... Мария увидела Михаила...

Руки у него в тисках железных зажаты. Похожи на те, что в бендейке стоят... Тиски сжимаются. Больно ему... Кинулась она на помощь, да кто-то не пускает!.. Держит!.. И в сторону отводит... От мужа...

— Нельзя, вам, Мария... Суд Божий идет... Перед Богом он!

— Ему же больно!..— захлебываясь слезами, пытается вырваться Мария.— Пустите!.. Господи Иисусе!.. Прости его, грешного!..

С трудом Мария открыла глаза. Почувствовала себя нехорошо. Присела на лавочку. Разрыдалась...

Перед глазами кружилось и шумело в голове.

Как добралась домой, не помнит. В квартире никого не было. Сын уехал с семьей помогать свекру на даче. Мария выпила таблетку и прилегла на диван. В неродных стенах еще с большей силой почувствовала одиночество.

Некому излить душу. Дочь далеко, а разве по телефону передать той малой толики, что хочется сказать, глядя человеку в глаза. Думала, у сыночка обретет душевную теплоту, но Николай отдалился. С возрастом очерствел. Возможно, она виновата — недолюбила сына, уделяя больше внимания Михаилу. Может, недодала материнской любви, занятая насущными проблемами?.. Но старалась же!.. Старалась следить, чтобы дети были сыты и обуты. И даже когда становилось тяжеловато с деньгами, прокручивала в магазине махинации с ломом печенья да со списанными конфетами, добавляя их в свежую партию, лишь бы дети ни в чем не нуждались.

«Теперь ничего не исправить. Не нужна никому! От того и горько! Ой, как горько!» — думала Мария. И вдруг в памяти всплыл момент, как уже не ходячая бабушка Лена просила:

— Доча, отвези меня домой! Слышишь! В родных стенах хочу умереть!

— Баб, кто за тобой ходить будет? Нина учится, Рая работает, ей некогда. А я не набегаюсь, далеко.

— Христа ради прошу! Отвези!..

Но она тогда даже не захотела слушать.

Сколько лет прошло, а до сих пор нехорошо от мысли, что бабушка после отъезда из родного дома не два месяца прожила бы, а дольше, если бы выполнили ее просьбу.

Мария не решалась тогда сказать ей о том, что на дом, построенный отцовскими руками, уже найден покупатель.

Тетка, смотревшая добротный пятистенок, ходила и охала: «Старый». Еще не купив, намеревалась сломать перегородку между комнатами, планируя сделать просторную залу.

Речь покупательницы резала ножом по живой памяти об отце...

Мария не сдержалась:

— Ничего у вас не получится!

— Не поняла? — выпучила глаза тетка.

— Я вам не позволю! И вообще... Я... Я передумала! Дом не продается!

— Ну, знаете, милочка! — тетка дернулась.— Вам тут не детский сад!

Покупательница побагровела и, выходя, запнулась о пустое ведро на веранде.

Но рано или поздно всему приходит конец. Дом пришлось продать. Девчонки выросли, обзавелись семьями, разделили наследство. В довесок к деньгам Марии достался стол, стоящий до сих пор у нее в сенцах...

8

Мария не слышала, как вернулись домочадцы. Ритка заглянула в комнату и, удостоверившись, что бабушка дома и спит, ушла к себе.

...Удивительная черта людей заглушать тоску-печаль песней, превратившейся в исцеляющий бальзам...

«*В полном разгаре страда деревенская, доля ты русская, долюшка женская, вряд ли труднее сыскать...*» — пела бабка Домна. Дребезжал голос старухи, похожий на стекло, готовое от удара разлететься на мелкие кусочки, а удар тот — слово...

Бедная, не узнавшая, где могилы сыновей. Читающая и перечитывающая последние письма, пришедшие с фронта...

Воображение Марии рисует образ Домны, зарытой по голову в пески.

Ах, как хочется обнять бабушку, натереть скипидаром непослушные ноги, поговорить!..

Спросить:

— Ну, как ты, Домна? Где взяла силы пережить лютое горе? А я ведь теперь понимаю! Ох, понимаю! Тяжко на душе! А может, ты знаешь способ избавиться от щемящей боли в сердце, выжигающей, подобно кислоте, нутро.

Мария наклоняется к Домне, подносит к беззубому рту стакан с водой. Домна шевелит пересохшими губами, хочет дать внучке важный завет. Но Мария его не слышит. Она пытается раскопать Домну, но та с головой исчезает в песке...

...В квартире тихо и только из комнаты сына доносятся голоса:

— Мир на этом не обрушился!

— Она мешает?..

— Чего завелся? Заладил одно!.. Коля, пойми, у нее еще не тот возраст подле нас сидеть! Пусть на работу устроится, в конце-то концов. Ей же лучше будет!

— От чего лучше? От одиночества?..

— Ей сейчас надо переболеть! И сроду не одна, мы будем на выходных приезжать. Или давай продадим дом?.. Купим рядом с нами малосемейку. Мать будет под присмотром.

— Да не поедет она в малосемейку. И дом продавать не согласится!

— А ты поговори!..

— Сама говори!..

Чтобы себя не выдать, Мария лежала не шевелясь и смотрела, как медленно идут часы... Тик... Так... Слышала ворочанье сына с боку на бок. Он тоже долго не мог заснуть.

От чего-то вспомнилось, как выбирала рубашку, в которой положили мужа в гроб.

В ритуальных услугах не оказалось немаркой, простой, как любил Михаил. Пришлось побегать по магазинам, пока не нашла нужного размера и цвета.

Позже представила сосновый бор, защищающий поселок от ненастья, и поняла, что хочет домой. Обратно, где прошли лучшие годы. Представила безжалостный ветер, обрушивающийся на ее дом — одинокий, безмолвно принимающий удары стихии...

Сейчас, вдалеке от родных мест, пришло осознание — в расставании есть сила, которая позволяет распознать правдивое, искреннее и неподдельное, очищающее душу. Это время дает человеку понять: чувства, сильнее любви,— не найти. А вера, как лакмусовая бумага проявит — не сорняк ли вырос.

Мария еще долго не могла приспособиться к дивану, но главное — к ней пришла уверенность — за эту ночь обрела истину.

9

Выпал первый снег. Сидя на кухне, Мария наблюдала с третьего этажа за непогодой: хлесткий ветер, резвясь между пятиэтажек, теребил рябину, в осень посаженную под окнами, и покрывал дорогу скользкой наледью. Люди, застигнутые непогодой врасплох, кутаясь в легкие курточки, прятали лица от ветра, сновали по тротуару; и ей стало неуютно оттого, что неуютно прохожим на улице. Захотелось всех ра-

зом пожалеть, приласкать добрым словцом, обогрев горячим чаем с малиной. Уподобилась Михаилу — он постоянно хотел обогреть обездоленных, приводя их домой.

Когда родные разошлись, Мария собрала вещи. Позвонить не решилась. Знала — Николай сорвется с работы. Не хотела отвлекать. Написала короткую записку и направилась на вокзал. Уезжая из города, поняла — возвращалась домой свободной, сбросив груз, непомерной тяжестью лежавший на душе.

Выйдя в райцентре, не стала дожидаться «ГАЗели», ходившей каждый час до их поселка, а пошла пешком.

Перешла мост. Мимо проезжавший автобус тормознул у обочины. Дверь открылась, и она увидела махавшего ей шофера — Алексея Устинова.

— Теть Маш, вернулись! А я смотрю, вы не вы! Даже сразу и не признал! Я до лесхоза. Садитесь! Подброшу.

— Спасибо, Леш!..

— Нагостились? Быстро! Хорошо в городе?

— Хорошо!

— Колька кем работает!

— На заводе, начальник цеха...

— Ясно! Здорово пристроился! А вы слыхали новость?! На поселке часовенку хотят ставить.

— Часовенку? — удивилась Мария Петровна.

— Ну да! Дядя Миша часто сетовал, что поселок наш на змеином саду построен. Говорят, церкви участок уже отдали или продали на опушке у дамбы. Поп приезжал, освящал место! Говорят, лесхоз уже добро дал — к весне выделят пятьдесят кубов бруса!

— Хорошее дело задумали! — ответила она.

От конторы пошла пешком через бор той дорожкой, по которой любили они с Михаилом ездить на лошади.

Лес встретил ее шепотом сосновых вершин. Принял под хвойный покров, направив в ее сторону слабое дуновение озимого ветерка. Выпавший вчера первый снег почти сошел, но местами цеплялся из последних сил за пожухлую траву, за наломанные ветром ветки, за неглубокие ложки, открывая ей некий смысл и, словно боясь больше не вернуться в эти места, старался задержаться, не подразумевая,— через короткое время снова вернется на долгие месяцы. А пока обласканная внезапной оттепелью душа отогревалась — с каждым шагом, приближавшим ее к родному уголку, набиралась силенок и, выйдя на полянку перед домом, ожила, точно земля, после долгих зимних дней истосковавшаяся по весеннему солнцу.

Дом уже не выглядел большим. Казалось, подобно сиротке, осунулся, врос в землю, сутулясь меж ивовых зарослей и опушкой бора.

Кошка, спрыгнув с навеса, бросилась в ноги.

Мария взяла Симку на руки, приласкала, приговаривая:

— Заждалась! Пришла ваша непутевая хозяйка! Простите вы ее!

Остаток дня провела в домашних хлопотах: попросила Ивана Дымова залить воду в систему. После — долго натапливала печь, загоняя тепло в дом, делала генеральную уборку. И ближе к вечеру, намывшись в бане, поймалась на мысли — безмерно рада оказаться снова в родном гнездышке, где жила в труде, иногда в нужде, но с чистой душой, любя мужа, детей, радуясь малому, ценя дарованное Господом...— простую жизнь.

И от усталости провалилась в сон,— со дня похорон толком не могла глаз сомкнуть, и случилось то, чего ждала долгое время — приснился Миша:

— Тише, тише! — улыбаясь, шепчет Мария, вдыхая пряный аромат светлых лу-

гов, наслаждаясь прохладой березового колка, да застывшим румяным закатом. На дне ложка озерцо с парной водой. Рядом стоит перегревшийся старенький «Днепр» свекра, на котором они тайком уехали с сенокоса.

Натруженные, сильные руки Михаила пытаются заключить ее в крепкие объятья, а она, дразня его, вырывается, смеется.

— Погоди, Миша! Ты не сказал! Ну, говори!

— Чего говорить! — Михаил делает вид, якобы не зная, что от него просят.

— Признавайся, без кого тебе нет жизни!

— Без тебя!

— Имя назови! — властно требует она.

— Мария! — произносит Михаил.

— Мало! — не унимается она и снова отстраняет его руки.

— Мария! — повторяет муж.

Она бежит вниз к воде и, оглядываясь назад, кричит:

— Главного-то не сказал!

Михаил пытается догнать ее, но она уворачивается, улыбка не сходит с ее губ. Они становятся дальше друг от друга, и она слышит его приглушенный голос:

— Люблю тебя, Маша!

Над утренней зорькой во сне летала душа Марии. В стоявшей тишине поселка дорога ее бежала вперед, а густые сосновые ветви шептали, подглядывая в темные проемы окон:

— Отпусти его на небо, душа, отпусти!

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ОКИ-ДОКИ:
МУРМАНСК — СЕВЕРОМОРСК — АМДЕРМА
(главы из повести)

Ефим Гаммер — член редколлегии израильского и российского журналов «Литературный Иерусалим» и «Приокские зори», автор 25 книг, лауреат Бунинской, «Левша» им. Н. С. Лескова и других премий; печатается в журналах России, Израиля, США, Франции, Канады, Германии, Австрии.

12

Кронштадтский вестник
(опубликовано 12 мая 1900 года по старому стилю)

«Вчера, 11-го мая, в Санкт-Петербурге, происходило морское торжество — спуск на воду крейсера 1-го ранга «Аврора». Погода была ясная, тихая, теплая. Крейсер выходил из-под крыши эллинга кормой вперед, и на нем поднимались флаги. Как только носовая часть крейсера погрузилась в воду, были отданы оба якоря. С судов, стоящих на Неве, был произведен установленный салют».

Эта заметка — размер 13×18 сантиметров, фотобумага фирмы «Унибром» — была отпечатана на фоне крейсера «Аврора» и прикноплена к деревянному мольберту, стоящему в кабинете Эриха Эриксона. Кабинет был пуст, но за ним, в «больничной палате», слышалась какая-то невнятная возня.

— Вы уже кончили? Кто-то пришел! — донесся приглушенный женский голос. По тембру вроде бы пропавшей нашей красавицы Янат.

— Одевайтесь!

Врач выглянул из-за двери.

— Это вы? Я ведь просил не раньше, чем через часик...

— Помешал?

— Не то, чтобы помешали. Не ко времени. Она еще не отлежалась.

— Могу и в другой раз.

— Другого раза не получится, если вы все поймете превратно.

— «Ничего не видел, ничего не знаю». Так, что ли?

— А что вы видели?

— Ничего.

— Тогда откройте глаза, посмотрите на пациентку. Янат! — позвал он девушку.— Вы свободны.

Как-то неловко, припадая на ногу, будто ей больно ходить, Янат вышла из каюты-палаты.

— Здравствуйте,— пряча глаза, она виновато шмыгнула носиком и протиснулась между мной и мольбертом к выходу.

Мне стало как-то совестно, словно подглядывал в замочную скважину. Но я ведь никуда не подглядывал! Попросили — пришел. И тут — на тебе! — душа пропащая, по всему судну разыскиваемая. Что ей сказать?

— Привет, Янат-Таня! — сказал, и добавил автоматически: — Ливик тебя не доищется. С ума сходит. Сам картошку чистит.

— Догадываюсь.

Нервным тиком исказило лицо девушки и, едва сдерживая слезы, она выскользнула за дверь.

Эрих Эриксон указал мне на стул, сам сел за стол, напротив.

— Вопросы?

— У матросов нет вопросов,— ответил я, не желая преждевременно, до реакции Ливика Генделиста, вмазываться в выяснение непонятных мне отношений.

— Тогда вопрос у меня. Почему Янат-Таня?

— По кочану! Слева направо — Янат, справа налево — Таня. Двойное имечко, для латышей — латышское, для русских — русское. Братство народов, пхай-пхай!

— А расшифровывается на еврейский лад?

— Я не шифровальщик. Я филолог. ЛГУ, отделение журналистики.

— Что ж, тогда проверим давление. Снимите пиджак. Заверните рукав рубашки. Так... Вот так... Молодцом.

Док охватил мне мышцу правой руки черной надувной повязкой, стал пальцами раз за разом давить на грушу и наблюдать за шкалой, по которой чуть ли не до верха резко подскочил ртутный шарик, чтобы потом плавно опуститься вниз, порывисто вздрагивая на двух отметинах: 110 и 70 .

— У меня зачастую чуть пониженное,— подсказал я врачу.

— С похмелья? Или от сгонки веса?

— И от сгонки тоже.

— Значит, кофе вам только на пользу. У меня растворимый. «Элит».

— Откуда? — удивился я, помня, что это — «посылочное» кофе в металлических баночках — большая редкость даже в Риге, и его можно достать только у евреев, имеющих родственников в Израиле. А их еще не сильно много.

— Оттуда,— невозмутимо ответил Эрих Эриксон.

— У меня там никого нет! — среагировал я совсем некстати. А в мозгу стрельнуло: «Не стукач ли?»

— И у меня. Но я не учусь читать справа налево.

— Вы — потомственный моряк. Читаете по звездам.

— А-а, и вы, значит, видели?

— Что?

— Летающие тарелки.

«Точно, и не просто стукач, а комитетчик! — поставил я диагноз.— Стасик ведь говорил, что никто о них не обмолвится на судне ни словом. Видел, не видел — главное — молчок! Иначе законопатят! А этот?..»

Я сделал постную физиономию.

— Какие тарелки?

— Те самые, что у нас по курсу из-под воды выскочили.

— Не видел.

— Так вот! Да будет вам известно, и Янат их не видела. А потом — бац! — и оказалась на борту одной из них.

— Вы меня за этим пригласили?

Эрих Эриксон разлил кофе.

— И за этим.

Затем нагнулся, вытащил из нижнего ящика стола фляжку с медицинским спиртом, плеснул по мензуркам.

— И за этим.

— А сухой закон?

— Вы все равно сегодня еще не сухой. С похмелья.

— Мокрый еще, совсем мокрый, как после тренировки.

— Тогда — «прозит»!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком. И меня как-то отпустило. Хрен его знает, может, и не стукач. Кто их разберет, этих загранщиков? По одному их на берег в иностранном порту не отпускают. Ходят тройкой. А один из троих, пожалуй, и пишет рапортички. В чужую шкуру не залезешь, а свою все равно не убережешь, сколько ни осторожничай. У тебя с «ними» всегда — первопуток, а у «них» с тобой иначе. У «них» всегда — тропа, проторенная предшественниками, освоенная на уроках психологии, изученная до каждого извива. Ты слышишь от постороннего человека об Израиле, инстинктивно определяешь его — «не свой», и сразу кидаешься в подозрения: не провоцирует ли? А он, поди, просто любопытствует. Может быть, и ему желательно выхватить хоть толику об этой загадочной стране, родине библейских пророков. Как никак, но в Шестидневной войне малышка эта разгромила самые мощные на Ближнем Востоке арабские армии, оснащенные, кстати, советским оружием. Да, но почему Эриха Владимировича понесло к летающим тарелкам? Знаком с тем выпуском «Советской молодежи» об НЛО над Сигулдой? Или кто-то стукнул, что я уже не первый раз встречаюсь с ними? Вот и вывел — это к смеху, конечно,— будто инопланетяне прилетают на связь со мной. Нет, не утрируй. Не своди свои дурости к космической шпиономании! А то ведь с похмелья и впрямь водка по мозгам ударила. Тут что-то другое. Но что?

Вот это — «что?» — из меня и вывалилось невзначай.

— Что? — спросил я, чувствуя, как хмель катает меня уже в потных ладонях, и потянулся мензуркой за второй порцией спирта, который — хитрец! — имеет свойство оказывать с опозданием свое пагубное влияние на организм: чем больше жидкости в себя вольешь, хоть колодезную воду, тем сильней окосеешь.

Судовой врач разлил по второй. Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

— Подозрения отпустили? — поинтересовался Эрих Эриксон.

С пьяной смелостью я ответил:

— Временно отпущены. Под подписку о неразглашении.

— Разглашения не будет. Должны понимать, при разглашении Янат спишут на берег. И — прощай море.

— Здесь она, понятно, нужнее,— схохмил я.

— Ваше остроумие неуместно. Вы и не подозреваете: она действительно побывала там,— он показал пальцем на потолок.— И там с ней проделали какое-то медицинское чудо, не пойму — как и, главное, зачем. Вынули из нее зародыш ребенка, понимаете...

— Аборт?

— Если бы аборт... Нет, ничего в ней не вычищали. Я сейчас все проверил. А вы некстати все засвидетельствовали. Теперь мы повязаны... Узнают... Мне за проявленную самодеятельность и за недонесение тоже быть списанным и визы, пожалуй, больше не видать.

— Не узнают. Я из породы молчальников.

— Это и видно. Тогда слушайте дальше. Не представляю — как, но там вынули плод, а это уже полностью сформировавшийся ребенок. Вынули, и все тут. Будто — там,— он опять показал на потолок,— они способны довести младенца до кондиции.

— Вырастить,— перехватил я,— и прислать к нам иноземного шпиона под видом человека.

Эрих Эриксон недовольно поморщился.

— Бросьте! Какой из вас майор Пронин? Все гораздо сложнее. У вас хоть есть какое-то представление, откуда они прилетают? Вы — журналист, с разными людьми общаетесь. С учеными мужами, полагаю, со степенью в области физики, астрономии.

— Представление у меня есть,— заверил я, готовый в «кирном» состоянии высказать свои революционные идеи.— Но прежде уясните простую истину.

— Попробую. Ну?

— Где мы находимся?

— В море.

— А под морем — что? Продолжение Сибирского кряжа. Многокилометровый подводный шельф. Миллионы лет он существовал прежде, в мире с динозаврами, над поверхностью моря. А потом опустился туда, к рыбам на дно.

— Вместе с динозаврами?

— А вы без иронии, Эрих Владимирович! Не только с динозаврами. Но и с людьми. Вы — что? — думаете за сто двадцать миллионов лет существования динозавров не появились в ту пору разумные человеки? Какая же после этого эволюция? Никакая! И Чарльза Дарвина следует перечеркнуть. А теперь задумаемся: когда появилось современное человечество? Всего каких-то шесть тысяч лет назад. Так?

— По Библии мы и от сотворения Вселенной далеко не ушли.

— Бросьте теперь вы городить чепуху, товарищ Эриксон! Человек, как разумное существо, развивается всего где-то шесть тысяч лет. Это и без Библии известно — ученые доказали! При этом только за последний век этот наш человек сумел из первых самолетов братьев Райт пересесть на спутники и шагнуть в космос. Теперь представьте себе, что у наших предшественников был хотя бы один полезный для развития ума миллион лет. Это из ста двадцати, положим, пещерных, не пригодных для разумного развития. А? Примите это за рабочую версию. И будьте уверены: они такие подземные ангары отгрохали до потопления на окраине Сибирского кряжа, что любо-дорого. И преисполненные комсомольского энтузиазма ушли под воду со всеми полезными ископаемыми, чтобы оттуда вылетать наружу и смотреть за нами, неумехами: правильным ли путем идут их товарищи по эволюции. А потом, когда убедятся...

— Продолжайте, продолжайте...

Но «продолжение» застряло у меня в горле. Оно выглядело «несъедобно», если предположить, что Эрих Эриксон примазан таки каким боком к скрытому племени комитетчиков.

— Давайте лучше еще по маленькой! — нашелся я.

— Еще по маленькой, а потом, дорогой мой человек, в «солому».

— Куда?

— Спать!

Мы глотнули в один прием, крякнули, запили кофейком.

— И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет,— затянул я, чтобы сбить судового врача со следа моей мысли, но не преуспел в этом. Он логически точно развернул мой намек во всю его опасную ширь.

— А потом, когда убедятся, что их товарищи по эволюции идут неправильным путем, заменят их так, что никто и подмены не углядит. Выведут новую породу...

— По образу и подобию нашего человека,— подсказал я, коль уже деваться было

некуда.— И отсель, от Старого Сибирского кряжа, вновь пойдет вперед человечество. Семимильными шагами — к новому светлому будущему.

— Русское по крови и существу? Это вы имеете в виду?

— Русское-русское, Эрих Владимирович Эриксон. Но с примесью динозавра. Раскосые глазки, знаете ли, зубастая пасть. К тому же неизвестно, какие алфавиты изучали они на дне морском. Может быть, подводным Марксом созданные... справа — налево, так сказать.

— Умно, но...

Тут мне вспомнилось, что о предстоящем спортивном матче мы и не упомянули.

— Товарищ Эриксон,— сказал я, поднимаясь со стула.— А где у вас тут боксерская груша к потолку подвешена? Обещали ведь показать...

— Дошли до кондиции?

— А что нам, малярам? Постоим за русскую землю! Давай сюда иноземцев с летающих тарелок!

— Пройдемте...

В приемном покое — палате на четыре койки, поставленные в два яруса,— Эрих Эриксон легким тычком заставил грушу, прикрепленную на электрошнуре вровень с его плечом, плавно ходить из стороны в сторону.

— Бей!

Я ударил и промахнулся.

— Бей! — повторил он.

Я ударил, и груша стала вертеться вокруг оси, как ужаленная. Видимо, задел ее лишь костяшками кулака, скользяще, по краю.

— Идите спать,— резюмировал доктор.— Вы еще не в форме, что и следовало доказать.

Я повернул на выход. Но он остановил, хватко взяв за локоть.

— Куда вы? Без пиджака? И в таком виде, с подвернутым рукавом? Заметят — доложат. А мы в море, у нас сухой закон. Ложитесь здесь.

— Но здесь Янат-Таня лежала,— заартачился я с «поддачи».

— А теперь полежите вы. И приснится вам...

Он не закончил. Но я уже точно знал, что мне приснится.

К слову, то самое и приснилось: летающие тарелки, выскакивающие из-под воды, с маленькими голубоглазыми и белобрысыми человечками, похожими на меня, как близнецы-братья.

13

В полночь я приволокся в свою каюту и застал Ливика Генделиста в каком-то помраченном состоянии. Локти на тумбочке, подбородок в ладонях. Полуодет — полураздет: кальсоны, тельняшка, морская курточка. Сидит на койке у ночника и долгим немигающим взглядом пялится на лампочку, будто это экран телевизора.

— А ты где пропадал? — незряче посмотрел на меня.

И действительно натруженным глазам его я мог представиться форменным привидением.

— На летающей тарелке,— пошутил я.

Но мой приятель, стукнутый переживаниями, шутки не принял.

— И тебя тоже?

— Тоже,— брякнул я, не определяясь в ситуации.

— Оки-доки, материал на первую полосу! Пиши информ-бляшку,— вздохнул Ливик.

— Но ни одна редакция не примет.

— Ну да! Янатку утащили прямо из камбуза. И куда? В космос. Ребенка вынули, девку домой доставили, и сказали: «молчи!». Кто такое напечатает?

— И не поверит.

— А ты веришь? Ах, да! Ты сам был там. Был?

— Был!

— С ней встречался?

Я немного замялся. Подумал: «куда это Ливик клонит?»

— Нет, она лежала в женском отделении! — бухнул первое, что пришло в голову. Я обнял страдальца, по-приятельски похлопал по спине.— А сейчас в «солому», хватит дурака валять!

И, не раздеваясь, отвалил на подушку.

Последнее, что услышал, это скрип цепей.

— Якоря!

— Что, Ливик? — пробормотал я спросонья.

— Оки-доки. Якоря отдают. Североморск!

14

Танкер был «опечатан». На палубе краснофлотцы-автоматчики. На причале они же. Черные шинели, черные бушлаты, поперек — черные стволы АКМ.

Шла откачка топлива, доставленного «Юрмалой» в Североморск. Курить категорически запрещалось даже в отведенных прежде для этого местах. «Несанкционированное» передвижение членов экипажа во время разгрузки тоже не приветствовалось. Словом, «не высовывайся наружу — здоровее будешь» — превратилось из анекдота в правило поведения.

Мне оставалось бы лицезреть постную физиономию Ливика Генделиста до самого вечера, если... Но тут раздался стук в дверь, и Ливик весомо сказал:

— Войдите!

На пороге показался вестовой — мичман-сверхсрочник. В черной шинели, черной фуражке, с черной кобурой от «Макарова» на поясе.

Вспомнились стихи Есенина о черном человеке.

Моряк лихо вскинул руку к козырьку.

— Разрешите доложить. Машина подана.

— Оки-доки, ждите на причале. Сейчас будем,— барственно ответил с койки Ливик Генделист.

— Вы не один?

— Доложите командованию. Со мной паразит.

Я с недопониманием взглянул на мичмана.

Мичман с полным пониманием происходящего кивнул:

— Есть доложить, пропуск на двух человек.

— Не забудьте вписать в пропуск: «маэстро Ливий и личный его паразит».

— Так точно! Разрешите идти, товарищ маэстро?

— Свободны.

Мичман отдал честь, развернулся и был таков. Я же с новым интересом посмотрел на Ливика Генделиста. Как воспринимать подобное хамство? То он канает под Пушкина и пишет стихи, которым вредные критики выдергивают ручки и ножки на полпути к печатному станку. То превращается в боксера и вешает на уши доверчивых слушателей, что он уже перворазрядник и готов — пусть кровь из носа! — постоять за честь любимого судна. То, совсем уже не к месту, зная несколько гитарных

аккордов, обзаводится прозвищем Раймонда Паулса «маэстро» и переименовывается из зарегистрированного в ЗАГСе Лива в римского патриция Ливия.

Не соскучишься.

— Ливик! Что за концерт? — обратился я к мастеру на все руки, когда он, нырнув под кровать, вытащил увесистую сумку с накрахмаленным колпаком повара из фешенебельного ресторана.— Куда ты собрался?

— Ты со мной разве не пойдешь?

— С тобой можно и на край света, хотя ты не женщина.

— Забудь французское — «ищите женщину»! Моя женщина... Пойми, я и сам в удрученном состоянии и трагедийных чувствах. Но актер, и при личной трагедии, должен соответствовать роли.

— Не подскажешь, какой?

— По договоренности, я им устраиваю оргию в порту.

— Что? Что? — обалдел я.

— А, испугался за моральный облик? Не пугайся. Лучше вернись на первый курс своего «универа» и навались на античную литературу.

— У меня по Гомеру пятерка. Уж кто-кто, а Лея Черфас за просто «хорошо живешь» пятак не поставит.

— Но то по Гомеру. Родственная душа! А по Вергилию? Апулею с его «Золотым ослом»? В Риме побывать слабо? Забыл? Оргия у римлян — это никакой тебе не свальный грех, а простая обжираловка. Дошло?

— Ладно тебе, Ливик. Уже уел меня!

— Ам-ам, вкусно нам! — Ливик повторил мою шутку и сделал вид, что облизнулся.— Соглашаешься быть моим паразитом?

Что за подвох? Я напряг память: что-то вспоминалось, но толком так ничего и не восстанавливалось.

— Оки-доки! Не мучайся. Вот тебе мой конспект. Хоть я и не ходил твоими коридорами по «универу», но знаю не меньше.— Ливик вытащил из сумки общую тетрадь в коленкоровом переплете.— Тут как раз все по кулинарной теме. Страница пять. Читай: информ—бляшка первый сорт!

Я прочел: «В Древней Греции любили устраивать обеды в складчину. Составлялись списки приглашенных в гости. Каждый из них имел право привести с собой кого-либо из приятелей, но только человека мужского пола. Вот этого, незваного распорядителями на пир, и называли — «парасит» — все остальные античные гости. (Не античные отдали дань современности и переименовали его на русский манер «паразитом».)

— Теперь понял, кем ты будешь на нашей оргии?

— Оргия и без баб?

— Раз-цвай-драй — бабы-выпивка-курение — все официально под запретом. Район взрывоопасный.

— А бабы при чем?

— При том! Бабы — мины замедленного действия.

— Тебе что за выгода во всей этой истории?

— Товарообмен! На уровне командования! Я им — оргию-деликатес, они мне — два ящика тушенки. Вот и будут у нас макароны по-флотски. А то, сам видишь, борщ да борщ — кругом.

— Мы бросаем в свой животик все, что скушать хочется. У них — что? — некому сготовить макароны по-флотски?

— Опять — двадцать пять! Макаронами они объелись. Я же говорю, товарообмен! На уровне командования! Они нам — тушенку, я им — деликатес под видом

древнеримской оргии. Любопытно, знаете ли, отведать то, что уже не подают к столу две тысячи лет.

— Что именно?

— Страница четвертая! Читай!

Я прочел: «В Древнем Риме существовало определенное представление о полноценном обеде с изобилием блюд. Назывался он — «Цена». Может быть, оттуда у легионеров и пошли строчки: «Мы за ценой не постоим». Состоял обед из закуски, основного угощения и десерта. Все в больших количествах. В качестве закуски подавали салат, яйца, рыбу под пикантным соусом. На второе — горячие блюда: мясо, курица, рыба, запеченная в тесте, различные морепродукты. В качестве десерта — печенье, соки. Но основное достоинство стола заключалось в умелом использовании приправ и пряностей, таких, как оливковое масло из Палестины, уксус, соль, перец, зелень майорана из Сицилии, семена аниса, укропа из Греции, тмин из Карии, сельдерей и петрушка из Македонии, тимьян из Фракии, имбирь и корица из Индии...».

— У тебя все это есть? — удивился я.

— Названия! И пакетики! — Ливик потряс сумкой, вызвав струнный перезвон, нахлобучил колпак, посмотрел в иллюминатор на «погоду».— Не замерзну,— пробормотал с некоторым удовлетворением и повернулся ко мне.— Собирайся, друг-человек и «парасит» впридачу. Время пошло.

По трапу мы спустились на причал, сели в военный газон: мичман впереди, рядом с водителем, я с Ливиком и его пахучей сумкой сзади.

— Полный вперед! — скомандовал мичман, и машина тронулась.

Два-три часа — вот тот срок, на который судовой кок Ливик Генделист переквалифицировался в маэстро Ливия. И следует сказать, это получилось у него превосходно. Полуметровый накрахмаленный колпак возвышал его над всеми людьми из приданной ему в подчинение поварской команды. Маленький Ливик был вровень с высокими по званию офицерами флота, собравшимися на оргию. Среди них — каперанг, два кавторанга, три капитан-лейтенанта и «наш» мичман. Разумеется, никто не представлялся. Так что ни фамилий, ни имен. Но скушано было!.. И с какой подачей! Маэстро Ливий организовал подачу блюд, как, наверное, это делалось в Кремле, в довоенную пору, когда Хрущев под дирижерскую палочку товарища Сталина отплясывал гопак на паркетной плитке, выложенной при царе Иване Грозном.

Вынося во главе белых фартуков и колпаков Верховное блюдо на праздничное застолье, Ливик с оглядкой на мое чувство юмора, несколько подпорченное обилием черных, как столовый перец, кителей, провозгласил:

— Кушанье римских легионеров подано к столетию со дня рождения Ленина!

— В какое время жуем! — воскликнул мичман и, встав по стойке «смирно», отдал честь главнокомандующему поварской бригады.

15

Опять мы в открытом море. Тихое урчание двигателя, подрагивание переборок, плеск волн. Я еще не поднялся с койки. Сонливое состояние не отпускает. Хочется еще разок потянуться, зевнуть раз-другой. Но стук в дверь, и высовывайся из-под одеяла, поспешно влезай в пиджак, брюки, туфли...

— Кто там?

— Вестовой. Разрешите войти?

— Входите, не заперто.

В каюту вошел парень приблизительно моего роста, но шире в плечах и корпусе.

— Вам пакет.

— От кого?— недоуменно спросил я.

— Первый помощник капитана распорядился.

— По какому случаю?

— В Североморске нас догнала почта. А там журнал с вашей статьей.

— Какой журнал?

— Московский. «Вымпел». Три штуки. Вот Яков Иванович и распорядился. Один в кают-компанию, один в судовую библиотеку и один вам — лично в руки.

— Расписаться? — насмешливо поинтересовался я.

— Расписки не требуется. У нас все на полном доверии.

— Тогда гуляйте!

Вестовой — по выправке чувствовалось, что он недавно из армии — козырнул мне двумя пальцами. Но не покинул каюту.

— Разрешите вопрос.

— Спрашивайте.

— Я слышал, вы набираете команду боксеров.

— А вы — что? Боксировали?

— Первый полусредний вес. Третий призер первенства города Балтийска.

— Когда?

— Год назад, когда служил там на флоте.

— Земеля, значит...

— То есть?

— Калининградская область. Вы в Балтийске. Я в Калининграде. Между нами даже матчевые встречи проходили. Пилотки против бескозырок. Но что-то вас не припомню.

— Опоздал родиться.

— Что?

— Просто позже призывался. А вообще я приметный. У меня такая конфигурация в имени — отчестве — фамилии, что любой приметит и запомнит.

— А ну?

— Константин Григорьевич Бровиков.

— И что?

— А то! В итоге по первоначальным буквам — КГБ.

— Боятся?

— На судейскую коллегию действует. Опасаются засудить.

— И как же вы им свои опознавательные знаки выкладываете?

— На взвешивании, при предъявлении паспорта. Не засудят и здесь. Моржовый край, а понятия столичные.

— Поспарринговать не хотите?

— Это можно. У меня и перчатки имеются.

— А где? — я оглядел каюту, поморщился.

— Здесь тесно,— согласно кивнул матрос.— Но я слышал, что вы вызвались на мойку танка, то есть трюма. Там можно и побоксировать.

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

НОЧИ ДИАНЫ
(из книги Побережье наших грез)
(*главы из повести*)

Наши постоянные авторы.

История вторая
Вишневое варенье с капелькой дождя

МЫС

5. Рубина

Мозаика на стене детского отделения была незатейливой — мама вела маленькую дочку в школу. На девочке школьная форма и огромные белые банты. У мамы желтый плащ и кошмарные красные сапоги. Кто-то из детей умудрился отколоть маленький камушек, как раз в том месте, где у мамы были губы. Теперь, отныне и навеки, мамина улыбка превратилась в злобный оскал.

Яна любила рассматривать это мозаичное изображение. Она садилась на подоконник и разглядывала желтый мамин плащ, невероятные сапоги и «загадочную улыбку». При этом мысли ее были далеко за пределами детского дома, в том неопределенном будущем, которое для Яны было давно определено как совершенно невозможное. Будущее имело вид маленькой однокомнатной квартиры, в которой она жила со своей дочкой. Девочкой, которая походила на ту — в маленьком мозаичном мире. А квартира напоминала квартиру Анастасии Сергеевны — старшей воспитательницы. Яне однажды посчастливилось быть у нее в гостях.

Двухэтажный детский дом ничем не отличался от множества таких же детских домов, с прохладными коридорами, лестничными пролетами, общими туалетами, пахнущими хлоркой, и добрыми нянечками, снующими повсюду со своими швабрами. На первом этаже были устроены классы, столовая, и актовый зал. Второй поделен на два отделения — для младших и старших. Здесь было уютнее, и даже коридоры казались теплее.

Рядом со здоровыми детьми жили и больные, и разницы для них не существовало. Если кто-нибудь заходился в истерике, бился об пол, его просто старались успокоить, потом чем-нибудь отвлечь. У детей были свои, выработанные ими методы, и они редко звали взрослых на помощь. Такая жизнь казалась им нормальной, и ничего необычного они в этом не видели. Все новички быстро к этому привыкали. Так что жизнь в детском доме была вполне сложившейся и спокойной.

В старшем отделении, среди девочек, существовала негласная игра. Каждая выбирала себе малыша из младшей группы и старалась за ним ухаживать, словно за

своим ребенком. Маленькие детишки с радостью принимали участие в такой игре, порою даже происходили мелкие ссоры из-за дележа «мам».

Ее привезли поздно ночью, и только утром в столовой Яна увидела как воспитательница из младшей группы привела за руку маленькую девочку. Усадила за стол. Девочка была очень напряжена и, в отличие от остальных детей, не принималась за завтрак. Сложив худенькие ручки на коленях, она уставилась пустыми, карими глазами в тарелку с рисовой кашей. Пришлось воспитательнице накормить ее самой.

На летние каникулы детей отправляли партиями, по очереди, в лагеря и санатории. Яна обычно ездила в санаторий во второй половине лета. Сейчас был июнь, так что приходилось скучать без друзей, которых уже увезли.

Как-то раз Яна, слоняясь по пустынному коридору, услышала разговор Анастасии Сергеевны и медсестры.

— Девочка с явно выраженной дистрофией,— тихо говорила медсестра Вера Ивановна.— Я считаю, ни о какой школе не может быть и речи.

— Мы могли бы ее определить в спецгруппу,— настаивала Анастасия Сергеевна.

— Не знаю, стоит ли. Такие дети, обычно, с каждым годом деградируют все больше. Доживают лет до восемнадцати, а бывает и раньше... А девочке уже десять лет, а выглядит пятилетним ребенком.

От услышанных слов тело Яны покрылось мурашками. «Неужели ей десять лет! Она же совсем еще как ребенок!»

Дождь лил уже четвертый день, наполняя сумерками и скукой пустые коридоры. Читать Яне не хотелось, рисовать тоже, да и лучшая подруга Юля, с которой Яна любила вместе рисовать, была отправлена в санаторий. Сколько девочки ни просили директора, чтобы он посылал их вместе, ничего из этого не вышло. Вообще, июнь Яне не нравился. Она читала в своей комнате или слонялась по коридорам, и однажды заметила, что у ее любимого окна кто-то стоит. Явно кто-то из малышей. Погода была пасмурной, и поэтому Яна не сразу разглядела. Это была та самая девочка. Маленькая, стриженная под «ежик» головка и огромные темные глаза. Только глаза эти смотрели в никуда. И в тоже время в них затаилась печаль. Печаль такая робкая, пуганная, затерянная внутри маленького, щупленького тельца.

Санька села на подоконник рядом с девочкой и улыбнулась.

— Тебе нравится эта мозаика? — показала она на стену.

Девочка не ответила. Она даже не посмотрела в ее сторону. Она вздохнула и пошла по коридору прочь от Яны.

Дождь все еще лил, а Яна все сидела на подоконнике, разглядывая мозаику.

«Как там Юлька? Ей, небось, весело сейчас. Хотя, я точно знаю, она скучает по мне. Я ей еще одно письмо напишу. Вот она удивится, когда сразу два письма придут».

— Ну, что, Яночка, скучаешь?

Нянечка, тетя Нина, протирала пол в коридоре.

— Угу.

— Да ты, доченька, не скучай, скоро месяц кончится, в лагерь поедешь. Небось, жениха найдешь! — отирая пот со лба и подмигивая, произнесла тетя Нина.

— Вот еще! — резко сказала Яна.— ...Тетьнин, а вы знаете, как ту новенькую, маленькую девочку зовут?

— А, так это цыганочка у нас, Рубина. Красивенькая такая, глазки то какие. Как камни драгоценные! А вот здоровья-то Бог не дал.

— А что с ней?

— Кто ее знает? Я не доктор, но скажу так — или мать ейная совсем дуреха, иль я даже не знаю что...

— Как это — «дуреха»?

— Ну, родила ребятенка, таскала в подоле, вроде кормила, а вот только любить

забыла. А она то, Рубина, без любви и заболела. Это я вот так считаю. А по наученному, это ты у Веры Ивановны спроси. Тут я тебе ничего не скажу.

Однажды, встретив маленькую девочку в коридоре, Яна взяла ее за руку и пристально посмотрела в глаза,— Рубина, теперь я буду твоей мамой. Поняла? Мы будем вместе, я гулять с тобой буду, книжки читать... И кормить тоже буду.

Рубина ходила за Яной словно хвостик. Куда бы та ни пошла, всюду за ней следовала малышка. Яна брала девочку за руку и ощущала прохладную немощь маленькой, хрупкой ладошки. И в то же время немощь ее была внутренне цепкой, неприкрыто доверчивой. Яна ловила себя на мысли, что пугается этой доверчивости.

Дожди кончились, засветило солнце, и теперь девочки выходили во двор. В библиотеке Яна набрала множество разных сказок с красочными картинками. Она усаживала свою «дочку» в беседке и до самого обеда читала ей сказки.

Однажды Яна, читая очередную сказку, взглянула на сидящую рядом Рубину и удивилась. Взгляд девочки как будто бы ожил, хотя казался отсутствующим. Яна готова была поклясться чем угодно, что мысли девочки были в той сказочной стране, о которой она слушала. Игрушечная мама обняла свою игрушечную дочку и поцеловала в носик. Рубина разжала нервно сцепленные пальчики и положила ладошки на руки Яны.

— Яна, зайди ко мне в кабинет, я должна с тобой поговорить.

Вера Ивановна положила руку на плечо Яны и повела в медпункт.

— Ты уже взрослая девочка, поэтому позволь мне говорить с тобой откровенно.

Медсестра усадила ее на стул, а сама села напротив за письменный стол.

— Я давно наблюдаю за вашими играми в дочки-матери. Поначалу все это казалось забавным, и даже помогало воспитателям. Вы молодцы, ухаживаете за малышами, одеваете их, гуляете вместе. Все это очень хорошо. Но скажи мне, зачем вы просите, чтобы они звали вас мамами?

Яна не знала, что ответить. Она никогда не задумывалась над этим.

— Просто это такая игра,— ответила она тихо.

— Девочка моя, с этим играть нельзя. Ты должна понять это раз и навсегда. Я не собираюсь тебе читать лекцию, но ты должна обещать мне. ...Обещаешь?

Яна, опустив голову, упрямо молчала.

На следующий день Яна захватила с собой альбом и разноцветные фломастеры. Выйдя из здания детского дома во двор, она обнаружила Рубину на лавочке у мозаики. Та ждала ее, нервно сжав крошечные кулачки. Яна подошла к девочке, и та, неожиданно протянув ручку, доверчиво взяла ее за руку. Прохладная ладошка крепко сжала руку двенадцатилетней девочки.

Яна шла со своей «дочкой» по зеленой аллее. Гравий дорожки шуршал под босоножками. Рядом с ней шагали маленькие детские ножки. И вдруг Яне стало страшно. Мозаичная картина на стене детского отделения ярко и неожиданно возникла в ее памяти.

«Словно я настоящая мама, веду дочку в школу».

«Ты уже взрослая девочка. С этим нельзя играть».

Последняя неделя перед отъездом в лагерь тянулась ужасно долго. Яна не выходила из спальни. Она много рисовала и читала. Вернее, делала вид для взрослых. К ней не приставали с расспросами. На самом деле Яна просто боялась встречаться с Рубиной. Она боялась ее последнего взгляда, боялась ее доверчивой ладошки, сжатой в ее руке. Задавать себе вопрос «зачем?» она тоже боялась.

«Пусть только эта неделя пройдет, а там и в лагерь». Успокаивала она себя.

Июль пролетел незаметно. Лагерь, костры у реки, интересные поездки... Все это

позади. И вот снова перед ней знакомые зеленые стены и поколупленая мозаика на стене. Наконец-то август, и теперь они снова вместе с Юлькой.

Встреча их была бурной, радостной и веселой. Рассказы не прекращались до поздней ночи. Девочки сдвинули свои кровати изголовьями, и рассказывали друг другу о летних приключениях. Яна позабыла маленькую Рубину. Она просто выбросила из головы воспоминания о нелюбимом июне.

Однажды к Юльке приехала бабушка и забрала ее к себе на выходные. И снова начались холодные дожди. Отвратительная погода и одиночество злили Яну. Ноги сами привели ее в детское отделение. Было время тихого часа, широкий коридор пуст за исключением подоконника. Рубина, по-прежнему маленькая и хрупкая, с коротко стриженой головкой, стояла у окна и смотрела на мозаику. Вдруг она заметила стоящую в глубине коридора Яну.

— Мама, ты пришла!

Звонкий голосок пронзительно зазвучал в тишине. Девочка отбежала от окна и бросилась к Яне. Добежав до нее, Рубина крепко обняла свою «мамочку». Яна молча положила свои ладони на голову девочки, а взгляд ее был устремлен на мозаичное чудовище в желтом плаще и красных сапогах.

6. Снова вместе

— Ну, вы и сони! Девочки, рыба уже почти готова. Сейчас буду варить кофе.

Диана подняла полог над катамараном и оглянулась на полусонную Яну.

— Янка, наши уже рыбу жарят. Чуешь запах?

— А говорили, что со мной будут ловить!..

— Мы ловим с самого утра,— помахал им от костра рукой Михаил.— Вы так крепко спали, что не стал вас будить. Намаялись. Ничего, зато все готово.

— Мы сейчас, только умоемся и себя в порядок приведем. Вставай, Янка!

Пропали ночные тени, исчезли ночные страхи. Утреннее солнце озаряет все вокруг. Ветви ели, склоненной над водой, слегка покачиваются на легком ветерке и едва касаются зеркальной поверхности реки. Тишина, покой и стрекот кузнечиков в разогретой солнцем траве. В голубом небе, над их головами, замерли размытые ветром перья белых облаков.

— Так, попробуйте рыбку! Всем угощайтесь, что видите. Денис, вот кофейник, организуй водичку, сейчас кофе сварим,— сказал Михаил, подбрасывая сучья в огонь.— Сегодня участок будет посложнее. Будут пороги, примерно такие, Диана, как ты уже видела. Просто их будет больше. Как и вчера, проходим между камнями. В одном месте надо быть особо внимательными. Яна, ты у нас будешь с картой. Мы сейчас здесь, смотри за поворотами реки. Вот, за этим поворотом, до него часа два, будет метровый водяной скат. Как мне говорили, на скорости через него перескакивают. Некоторые, конечно, и обходят. А что мы будем делать? — спросила Диана.

— У меня предложение — обойти,— тихо произнесла Яна.— Если, конечно, вы не против.

— А мы не будем спешить,— успокоил ее Михаил.— Подойдем к берегу, посмотрим, что за скат... Обходить — это значит катамаран разбирать. Увидим, короче.

— А что за скат? — поинтересовалась Диана.

— Что-то вроде плотины небольшой. Перепад в уровнях воды. Самое главное там скорость набрать, чтобы подальше приземлиться. Там, понимаешь, обратное течение образуется, под скат затягивает. Так что после перескока грести тоже надо изо всех сил. Но ничего. Я посмотрю и там решим. Если что, Яна, мы тебя высадим, а

потом заберем. Можно и так. В крайнем случае, перенесем катамаран. С вами, конечно, не буду рисковать.

— Все будет хорошо, Янка! — повернулась к ней Диана.— Попробуй рыбу. Вкусная!..

— Сейчас и кофе закипит,— Михаил укрепил кофейник над огнем.— Яна, что— то рыбка не очень... Костлявая?

— Есть немного.

— Тогда сыр, ветчину бери... А вот и кофе.

Со стороны реки послышались голоса. Два катамарана показались из под ветвей ели и неспешно проплыли мимо.

— Все нормально? — донеслось с катамаранов.— Помощь не нужна?

— Все хорошо! — крикнул им Михаил.

— Вы не налетели там на те сучья на повороте?

— Налетели. Три дырки заклеивал.

— Вот, и мы тоже.

На катамаранах заработали веслами, и они скрылись из виду.

— Слава Богу,— сказал Михаил.— Не одни мы такие. Сегодня зевать нельзя. Но зато будет что вспомнить!.. А, Яна?.. Ты становишься настоящим путешественником!

— Да чего я там!.. Лежу себе, как рюкзак, сзади.

— Сегодня ты нас по карте ведешь. У тебя роль ответственная.

— Да мы там запросто перескочим,— уверил Денис.— Что мы, хуже других?..

Пороги начались постепенно. Сначала гладкая поверхность реки лишь кое-где вспенивалась на выступающих из воды камнях, и они просто обходили эти места. Но через полчаса все вокруг них словно закипело. Шум плеска воды перекрывал все другие звуки. Катамаран огибал выступающие камни, проходил между ними. Иногда было слышно, как резина гондол шипит на гладких камнях, под набиравшим скорость катамараном.

— Яна, не хочешь тоже погрести? — крикнул ей Михаил.— Весло очень легкое, только не урони его за борт.

Яна посмотрела на желтое, пластиковое весло, лежавшее рядом с ней, но только еще крепче ухватилась за поручни. «Не буду и пробовать,— подумала она.— Не хватало, еще весло потерять».

Диана сопровождала визгом особо крутые виражи и все оглядывалась на Яну, словно желая убедиться, что та на месте.

— Яна, какой уже поворот? — кричит ей Михаил.

— Кажется, третий...

— Как, «кажется»... Их же четыре было. А, Денис?..

— Сейчас пятый будет.

— Давайте-ка к берегу. Разберемся сейчас.

— А на берегу опять эти острые ветки. Сплошной лесоповал,— отвечает Диана.

— Сразу за поворотом ищем место, где пристать,— командует Михаил.— Где-то здесь должен быть тот водный скат.

Набравший скорость катамаран чуть заносит на повороте реки, и все видят на ставшей снова ровной поверхности воды преграждающую им путь пенную линию речного перепада, растянувшуюся от одного берега до другого.

— Все нормально,— кричит Михаил,— набираем скорость. Денис, Диана, изо всех сил!.. Надо перелететь, как можно дальше! Яна, держись!..

Диана мельком оглянулась на Яну и вместе с Денисом начала яростно грести. Она ясно почувствовала, что это — кульминация всего их пути, и теперь надо отдать все свои силы. Катамаран набрал огромную скорость. Он шел прямо по середине ре-

ки, пенная преграда была все ближе. За ней уровень реки был гораздо ниже. Диане стало не по себе, когда она увидела смещение уровней. Ей показалось, что там побольше метра будет. А как же там Янка? Но не было никакой возможности оглянуться. Диана смогла крикнуть:

— Янка, держись!

И, увидев линию перепада воды прямо перед катамараном, она сделала взмах веслом и вложила в него все свои силы.

Река словно выстрелила катамараном на перекате воды. Он пролетел в воздухе несколько метров и с громким хлопком плашмя упал в воду. Она бушевала вокруг них, а сзади, с грохотом, падала стена воды. Среди плеска, пены и брызг катамаран стоял на месте!.. Михаил, Денис и Диана отчаянно гребли, но им казалось, что они движутся назад, к водовороту, под стеной падающей воды.

Яна никогда еще не испытывала такого страха. Это был даже не страх, а паническое осознание, что надвигается что—то ужасное. Она оглянулась и увидела камень речного перепада совсем рядом. Снова посмотрела вперед. Диана, Денис, Михаил — все яростно работают веслами. Не понимая, что она делает, Яна, машинально, встала на колени, схватила пластиковое весло и, упершись им в камень ската, навалилась на него грудью.

— Идем!..— закричала Диана.

И катамаран, словно оборвались путы, державшие его на месте, резко устремился вперед, все больше и больше набирая скорость, а Яна, потеряв равновесие, упала на дно катамарана, больно ударившись лбом о какую-то планку.

Дианка и Денис стукнули в воздухе ладонями.

— Яна,— радостно кричал Михаил,— ты сегодня герой! Ребята, если бы не она... А весло, кажется, унесло? Ну и... ладно... Зато мы сделали это! Девчонки, вы прошли самый сложный участок. Если бы вы знали, сколько людей здесь пасуют и переносят катамараны!

Яна без сил лежала позади катамарана на рюкзаках и потирала лоб. Лицо ее было обращено к небу. Она ни о чем не могла думать, а только смотрела на облака, на птиц в небе и чувствовала на лице тепло солнечного света.

...Через час пути снова пристали к берегу. Михаил взял Яну на руки и поднялся с ней по травянистому откосу, на вершине которого пролегало шоссе. Машин не было видно. За дорогой простиралось огромное поле, а на горизонте тянулась полоска далекого леса.

Здесь, на шоссе, высоко над рекой, видя лежащий далеко внизу на песке катамаран, они распрощались с Михаилом и Денисом. Денис сразу побежал вниз к воде, а Михаил чуть задержался.

— Ты в порядке? — наклонился он к сидящей на траве Яне и осторожно пригладил края пластыря на ее лбу.

— Все хорошо... Только вот весло потеряла.

— Забудь. Это ерунда. Сегодня твой вклад был решающим. Не могу даже представить, что было бы, если бы не ты.

Он обнял Яну и, поднявшись, протянул руку Диане.

— Буду следить за твоими книгами,— сказал он.— А как тебя звать полностью? Ну, чтобы книжку найти.

— Диана Асарова.

— Запомню. Ну, всего вам, девочки!.. Вы уверены, что мы в правильном месте остановились?

— Да, вон мельница, про которую Ник говорил.

— Тогда удачи!

Михаил стал быстро спускаться по травяному откосу к реке. Диана с Яной помахали им рукой, когда катамаран отошел от берега и, подхваченный течением, скрылся за деревьями.

— Все, Янка! — опустилась на траву Диана.— Сейчас хочется просто лежать и не шевелиться. Даже язык у меня не шевелится... И даже... мыслей никаких нет...

— Дианка, совсем мы варенье с тобой забросили!

— Ничего, может оно у нас того, настаивается. Глядишь, новый рецепт открыли. Знаешь, как в старинных рецептах писали. Повари вишню в сахаре пять минут, а потом три дня не подходи. Пусть настаивается в собственном соку. Оттого ягоды крепче станут, и прозрачнее. И будет тебе на зиму радость летняя...

— Я уже мечтаю попробовать. Так вкусно ты придумала. Давай ребятам звонить! — предложила Яна.

— Да. Надо звонить.

Диана достала из сумочки телефон и набрала номер.

— Ник! — сказала она бессильным голосом.— Скорее подбирайте нас. Мы тут валяемся на краю дороги. Лежим бездыханные. Потом все расскажем. Вы не поверите, какие у нас были приключения!.. Да, мы тут, где мельница. Чуть не доезжая до нее. Мы видим мельницу отсюда. Отлично!.. Ждем!

Диана отбила звонок, обернулась к Яне, чтобы что-то сказать, и замолчала. Яна сама поднялась с земли и стояла перед ней, заслоняя собой солнце.

— Дианка,— прошептала Яна едва слышно,— я как-то по-другому себя чувствую. Я сама сейчас встала.

— Хорошо... Пройди немного.

Яна сделала несколько шагов и, от шага к шагу, ее движения становились все более уверенными. Она оглянулась на Диану.

— Мне кажется, я увереннее могу идти.

Диана ничего не ответила. Она внимательно смотрела на Яну, на то, как та шаг за шагом отходит от нее по дороге.

— Они приедут оттуда,— показала Диана.— Хочешь, пойди им на встречу. Они уже близко.

— Я пойду,— сказала Яна и улыбнулась Диане.— Вот будет Женьке сюрприз!..

— Да. Только иди по краю. Будь осторожна. Тут все же ходят машины.

Яна шла по дороге. Как давно она не чувствовала свое тело таким сильным! Неужели эта встряска так подействовала на нее? Боже, какое чудо! Я иду сама! — шептала Яна.

Она смотрела на свою тень на дороге, на раскаленный от жары асфальт. Он казался мягким. Она шла и шла вперед. Мимо проносились редкие машины и, когда стихал шум моторов, до нее доносилось пение какой-то птицы в поле. Иногда птица поднималась над землей и, сделав несколько кругов, снова садилась среди колосьев.

Яна оглянулась назад, но не увидела Диану. Та была скрыта кустами на краю дороги.

И тут Яна услышала шум машины. Она знала этот звук, и улыбнулась, услышав его. Закрыла глаза и подумала, что, если, досчитав до десяти, открыв глаза, она увидит их, то все в жизни будет хорошо. С закрытыми глазами Яна стояла на краю дороги и считала про себя, слыша пение птицы, свое дыхание и скрип щебенки под ногами... И когда на счет десять открыла глаза, увидела, что все в жизни будет хорошо. И все они будут счастливы.

Рагим Мусаев
(г. Тула)

500-летию тульского кремля

ЭПОЛЕТЫ ДЛЯ ГУБЕРНАТОРА

Музыкальная комедия в 3 картинах на основе реальных событий

Писатель, драматург. Член Академии российской литературы, белорусского литсоюза «Полоцкая ветвь». Родился в г. Богородицке Тульской обл. Окончил Юридический институт МВД РФ, Московский университет им. С. Ю. Витте. Нач. отдела анализа и контроля СУ УМВД России по Тульской обл., подполковник юстиции. В России и ряде стран — более двадцати постановок в театрах и множество публикаций в журналах. Лауреат международных и российских литературных конкурсов. Победитель Всероссийского конкурса на лучшее произведение о работе следователя («Журналистика и литературная публицистика» (2011 г.). Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова и других премий. Постоянный автор нашего журнала.

Действующие лица:

Аннушка,
будущая актриса

Степаныч,
ее отец, оружейный мастер

Ерошка,
молодой мастер

Екатерина II,
*императрица всероссийская, 58 лет**

Кречетников Михаил Никитич,
тульский генерал-губернатор, 58 лет

Вельяминова Наталья Афанасьевна,
его фаворитка, 31 год

Болотов Андрей Тимофеевич,
управитель императорских имений, 49 лет

Василий Рыкалов,
комик

Трофим Константинов,
трагик

* Возраст реальных прототипов героев на момент описываемых событий не принципиален для пьесы.

а также
мастеровые, туляки и гости

Действие в тульском кремле:
кремлевские стены и башни, колокольня с часами.
Июнь 1787 года.

КАРТИНА I.

Явление 1.
Мастеровые наводят красоту:
метут площадь, тащат доски, расставляют горшки с цветами.

Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть
Даже думать не моги!
По полям да по лесам,
Застревая тут и там,
Тульских пряников поесть
Едут, едут гости к нам!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!
Туле эту ночь не спать —
Самовары начищать!
Это вам не просто так —
Государыню встречать!
Нынче полон рот забот:
Вымыть, что не мылось год,
Починить, прибить, полить,—
Тула наша расцветет!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Мастеровые расходятся.
Появляются Ерошка и Аннушка.

Аннушка. Ерошка!
Ерошка *(радостно)*. Аннушка!

Аннушка. Куда пропал?

Ерошка *(опомнившись).* Работы много...

Аннушка. Так много, что и взглянуть на меня некогда?

Ерошка. Третьего дня насмотрелся. Спина до сих пор не зажила.

Аннушка. Да ты никак батюшки испугался? А как же любовь?

Ерошка. Любовь любовью. Только отец твой, если нас вместе еще увидит, обещал меня обратно в черные работы сослать. А я мастером стать хочу, понимаешь? Мне уже механизмы доверяют...

Аннушка. Вот с ними и обнимайся, коли они тебе меня дороже.

Ерошка. Не дороже! Да пойми ты...

Аннушка. Опозорил на всю округу. Все же знают, что мы целовались уже.

Ерошка. Откуда?

Аннушка. Машка растрепала.

Ерошка. А она откуда знает? Мы ж вдвоем были...

Аннушка. Я рассказала. Я думала ты... А ты... Ты...

Ерошка. Ну что ты... Аннушка... Хорошая моя... Любимая...

Появляются мастеровые.

Мастеровой 1. Ты гляди, что творится!

Мастеровой 2. Эх, Степаныч вас не видит.

Мастеровой 3. Позвать, что ли...

Аннушка убегает.

Ерошка. Только скажите Степанычу, я вам...

Мастеровой 1. Что? Что ты нам?

Мастеровой 2. Давно ли сам с нами станки драил да мусор таскал?

Мастеровой 3. Он теперь не такой! Это мы люди крепостные, бесправные, нас в любую работу засунь.

Мастеровой 4. Мы и рта открыть не смеем, ибо наукам не обучены.

Мастеровой 5. Он в подмастерья выбился! Уже нос задрал? Мастером себя чувствуешь?

Ерошка. А меня кто учил? Где подсмотрел, где спросил, где сам додумал... Так и пошло. Да и какой там нос. И мастером не стану, и Аннушку потеряю...

Мастеровой 1. Да ладно тебе, образуется еще. Степаныч же сам из простых в мастера вышел. И сам дочку мастера сосватал.

Ерошка. Да ладно!

Мастеровой 2. А ты не знал?

Мастеровой 3. Ты это Степанычу и напомни.

Мастеровой 4. Ага, а мы по тебе панихиду в заводской церкви закажем.

Ерошка. В заводской церкви? Можно и в заводской. Только там не одну панихиду служить умеют!

Появляется Степаныч.

Степаныч. По ком панихиду служим? По тебе, беспарточник? Спина не зажила?

Ерошка. Зажила.

Степаныч. Так живи да радуйся. Только про Аннушку мою забудь. Мне зять-беспорточник в семье без надобности.

Ерошка. Петр Степанович, а за мастера отдадите?
Степаныч. За мастера отдам. Только не бывать тебе мастером.
Ерошка. Поживем — увидим. Спасибо на добром слове, Петр Степанович.
Степаныч. Тебя добрым словом никто не привечал. А ну с глаз моих, бездельник!

Ерошка убегает.

Степаныч *(натыкаясь на кучу бревен)*. А это здесь зачем?
Мастеровой. А куды ж их, Петр Степаныч?
Степаныч. И то верно... К той башне ставьте, потом спрячем.

Мастеровые тащат бревна к башне на заднем плане.
Появляются ожидающие встречи с императрицей дамы, затем Болотов.

Явление 2.
Те же, дамы и Болотов.

Дама 1. Это здесь? Скажите, это будет здесь?
Дама 2. Здесь вообще ничего не будет, я у мужа узнавала.
Дама 3. Много ваш муж знает!
Дама 4. Спросить бы... (Степанычу) Скажи, любезный, матушку императрицу в кремле встречать будут?
Степаныч. Избави Бог, сударыня! Что здесь показывать! Одна разруха.
Дама 2. Я же говорила.
Дама 1. А где? Где будет? Я должна стоять в первом ряду встречающих.
Дама 4. С какой такой превеликой радости?
Дама 1. Знаете, сколько за это платье уплачено? (шепчет на ухо).
Дама 2. То-то я и смотрю. За такие копейки ничего приличного не сыщешь. Столько только мои чулки стоят.
Дама 3. С таким мужем можно...
Дама 4. Можно подумать, люди придут не на императрицу смотреть, а на вас.
Дама 2. Люди на императрицу. А императрица на нас.
Дама 1. Уж женщина такое точно не пропустит.
Дама 4. Императрица на такое и не взглянет. У нее все платье в жемчугах и алмазах. Про ткань и говорить нечего.
Дама 3. Императрица и без мужа может.
Дама 1. Так где? Где все будет?

Мастеровые тащат бревна к башне на заднем плане.

Мастеровой. Посторонись!

Дамы ретируются.
Появляется Болотов.

Болотов. Тише, черти! Зашибете! Раньше времени к праотцам отправите.
Степаныч. А, Андрей Тимофеевич! Наше почтение!
Болотов. Любезный Петр Степанович! Сердечно рад!
Степаныч. Какими судьбами к нам в Тулу из Богородицка?
Болотов. Да вот, пораньше приехал. Даст Бог, матушку-государыню увижу.

Степаныч. Что же, любопытство? Либо чаешь дельце какое провернуть?
Болотов. Как управляющий императорским имением об успехах доложить хочу.
Степаныч. Так и об успехах?
Болотов. А вот погляди.

Болотов показывает Степанычу альбом с рисунками.

Степаныч. Неужли и в самом деле ты в Богородицке такую красоту развел?
Болотов. Заезжай в гости, сам увидишь.
Степаныч. Некогда, Андрей Тимофеевич. Все дела, дела... А рисовал кто? Сам?
Болотов. Сын помогал, Павлуша.
Степаныч. Который же ему год?
Болотов. Семнадцатый пошел. Вот и хочу я альбомец этот государыне преподнесть, да о месте для сына похлопотать...
Степаныч. Ты куда лезешь, беспорточник!
Болотов. Что?
Степаныч. Нет, ну ты погляди! (в сторону, мастеровому). Куда ты лезешь! Глаза повылазили?

Мастеровые под руководством Степаныча тащат бревна за кулисы.
Болотов присоединяется к процессу.

Явление 3.
Появляются Аннушка и Ерошка.

Аннушка. Не заметили?
Ерошка. Не! Больно заняты.
Аннушка. Стало быть, пришли...
Ерошка. Вроде того. Аннушка, давай, подымай юбку.
Аннушка. Ерошка... Прямо здесь?
Ерошка. Ага. Пришли же. Чего застыла? Или забыла, зачем пришли?
Аннушка. Я думала там...
Ерошка. Где там?
Аннушка. На колокольню хочу.
Ерошка. Ну чего ты... Там лестница узкая, ступеньки крутые. Ну, Аннушка!
Аннушка. Зато птички летают, облака бе-е-елые... Пуши-и-истые... Что перина. Ероша...
Ерошка. Все вам, бабам, о глупостях думается.
Аннушка. О любви нам думается! А вот вам, мужикам, только о шестеренках!
Ерошка. Так к любому механизму подход нужен. У каждой шестеренки, у ей тоже душа имеется. Ты это чуешь?
Аннушка. Чую.

Достает из-под юбки огромную шестеренку и швыряет.

Аннушка. В Туле на любой на случай
Ты отыщешь мастеров.
Тот хороший, этот лучше,
Не сыскать лишь женихов.
Шестеренки с рычагами
Затуманили мозги.

Прикрутили-постучали,
Повернули-испытали!
Механизмы да расчеты...
А когда же о любви?

Вместе: Коль глаза встречаются, то дорожки сходятся!
Уст уста касаются, а потом как водится!

Ерошка. Ни один сурьезный мастер
Дочку замуж не отдаст,
Коль жених не головастый,
Коли в деле не рукаст!
Шестеренки с рычагами...
Изломал себе мозги.
Прикрутили-постучали,
Повернули-испытали!
Механизмы да расчеты...
А когда же о любви?

Вместе: Коль глаза встречаются, то дорожки сходятся!
Уст уста касаются, а потом как водится!

Ерошка. Ну что ты, глупая. Аннушка, я же о нас забочусь. Помнишь, что батюшка твой мне сказал?

Аннушка. Что ты желторотый беспорточник?

Ерошка. Да нет!

Аннушка. Да да. Так и сказал: «Ты, беспорточник желторотый, прежде чем на девок глядеть, на портки себе заработай».

Ерошка. Он пообещал отдать тебя, коли мастером стану.

Аннушка. Пиши пропало. Чтобы мастером стать, надо свое мастерство явить, да так, чтобы все рты открыли. А ты что делаешь?

Ерошка. Что?

Аннушка. Разве этими шестеренками кого проймешь? Да на заводе таких...

Ерошка. Таких, да не таких. Я механизм придумал. С музыкой.

Аннушка. С какой еще музыкой?

Ерошка. Для часов. На колокольню хочешь?

Аннушка. Ну чего ты... Там лестница узкая...

Ерошка. Узкая...

Аннушка. Ступеньки крутые...

Ерошка. Еще какие...

Голос Степаныча. Ты куда руки суешь, беспорточник!

Аннушка. Отец!

Аннушка и Ерошка подхватывают принесенную шестеренку и скрываются в колокольне.

Явление 4.

Мастеровые продолжают наводить порядок.

Степаныч. Поднажми, ребята! Чуток осталось. Бог даст, к вечеру кончим.

Мастеровой 1. На завод бы вернуться, Петр Степаныч. Мы все ж таки не дворники...

Степаныч. Разнылись! Так и я вроде мастер оружейный. Только кто кроме нас?

Мастеровой 2. Да мало ли в городе крепостных!

Степаныч. Крепостных много. Только они все на своих господ спину гнут. А вы к заводу государеву приписаны.

Мастеровой 3. Это верно. Ни один хозяин обслугу от своей персоны и на день не отпустит.

Степаныч. Вы завод государев обслуживаете. А государя в Туле кто представляет? Губернатор. Так что его приказы все равно что царские. Встреча государыни — самое государственное дело.

Мастеровой 4. Харчей бы побогаче, Петр Степаныч.

Степаныч. Каких тебе харчей?

Мастеровой 5. Хоть хлебушка вволю...

Мастеровой 4. Задрала пареная репа!

Степаныч. Цыц! Я тебе задеру! Дорог нынче хлеб, потому как не уродился. Засуха. Неурожай. Нешто не знаете?

Мастеровые. Само собой. Знаем.

Степаныч. Так хлеб нынче по четыре копейки фунт! В прошлом году фунт за копейку брали. Накормлены, и будет с вас, беспорточники. Не того полета птицы.

На заднем плане возникает Вельяминова: «К свиньям!»

Мастеровой 4. Зато эта свинья еще того полета!

Мастеровой 5. Держись, Степаныч!

Степаныч. Поговори мне! Лучше на башню влезь да посмотри, не пылит ли дорога. Вдруг гонец от императрицы. Брысь!

Рабочие разбегаются.

Явление 5.

Степаныч, Вельяминова.

Степаныч. Матушка Наталья Афанасьевна, не извольте беспокоиться! Все исполнено. Мусор выметен, цветы по пути следования высажены, дома по главной улице выбелены...

Вельяминова. Как они выбелены?

Степаныч. А известно как, белилами. Желтыми да голубыми.

Вельяминова. Какими, к свиньям, белилами! Ты почему только первые этажи выкрасил? Вторые на их фоне совсем страшными кажутся.

Степаныч. Так из спички при всем хотении стола не выстругать.

Вельяминова. Какие тебе столы! Ты мне про побелку отвечай!

Степаныч. Отвечаю. Белила казенные на дом Петра Николаевича пошли да дворовые постройки.

Вельяминова. Какого Петра Николаевича?

Степаныч. Сестрицы вашей, старшей, единоутробной, Варвары, законного супруга.

Вельяминова. А, Петруши...

Степаныч. Ну да, советника казенной палаты.

Вельяминова. Чего кричишь?

Степаныч. Я не кричу.

Вельяминова. Продолжай.

Степаныч. Я и говорю, мусор выметен, цветы высажены, дома по главной улице выбелены, негодные постройки разломаны и прибраны.

Вельяминова. Куда прибраны.

Степаныч. А сюда и прибраны, за стены кремлевские. Как наказывали. Места ведь, правда, много, а толку с него мало.

Вельяминова. Это от тебя толку мало! Почему не вывезли?

Степаныч. Так лошади заняты. Камень возят.

Вельяминова. Какой, к свиньям, камень?

Степаныч. Дом Андрея Ивановича строят.

Вельяминова. Какого еще Андрея Ивановича?

Степаныч. Супруга сестрицы вашей младшей, Екатерины.

Вельяминова. А, Андрюшки...

Степаныч. Ну да, председателя губернского дворянства.

Вельяминова. Кричишь зачем?

Степаныч. Я не кричу.

Вельяминова. С завода бы лошадей взял.

Степаныч. С оружейного завода? Как можно?

Вельяминова. Нужно, значит, можно. Чай не каждый день матушка государыня в Тулу наведывается.

Степаныч. Так завод станет!

Вельяминова. Без тебя, великого ружейного мастера, не стал? А без кобыл и подавно не станет.

Степаныч. За что ж вы так со мною, Наталья Афанасьевна? Мало того, что меня, ружейного мастера, отрядили городские улицы мести да красить...

Вельяминова. Тебя команды справлять отрядили. Чтоб центр губернии как на картинке сверкал.

Степаныч. Пусть так. Но ведь все исполнено! За что хулите?

Вельяминова. Все, да не все. Что за бревна у той стены свалены?

Степаныч. Так это же здесь, за кремлевскими стенами. С улицы не видать.

Вельяминова. Точно не видать?

Явление 6.

Входит Болотов.

Болотов. Точнехонько! Не извольте беспокоиться, никакого беспорядка! Одно рачение и благочиние. Здравствуй, матушка Наталья Афанасьевна.

Вельяминова. А, это ты, Андрей Тимофеевич? Поглазеть?

Болотов. С вашего разрешения, не поглазеть, а доложить об успехах в управлении имением императорским. Извольте удостовериться.

Болотов показывает альбом с рисунками.

Вельяминова. И что с того? На картинках вся Киевская каменными доминами уставлена. А на деле... Степаныч, ты фасады деревянные по петербургскому образцу точно сделал?

Степаныч. Разумеется, Наталья Афанасьевна! Не извольте беспокоиться. Щели меж досками законопатили, сверху выкрасили, от каменных не отличить. Дома будто настоящие стоят.

Вельяминова. А ну как государыня вздумает в окошко заглянуть? А там и рвань, драть да пустота.

Степаныч. Так мы шторки изнутри повесили да задернули.

Вельяминова. В некоторые окна по девке посади. Пусть машут. И чтобы восторженно! Все картинка натуральнее.

Болотов. Мои картинки с натуры писаны, сын помогал, Павлуша. Заезжайте в гости, сами увидите.

Вельяминова. Сын, говоришь?

Болотов. Семнадцатый пошел. Хочу я альбомец этот государыне преподнесть да о месте для сына похлопотать...

Вельяминова. Вот оно что... Чтоб на место заступить, талантами обладать надобно. Не только бумагу красками марать.

Болотов. Он обладает...

Вельяминова. Не всякому дано государеву службу исполнять.

Болотов. Так оба зятя ваших служат, оба деверя. Даже братец ваш, Василий, с двух лет в гусарском полку числится...

Вельяминова. Так моя родня — таланты. Гляди, как бы тебя не заменили.

Песня Вельяминовой.

Нынче люди обнаглели,
Совести нет ни на грош.
Все в начальство захотели!
Вынь им место да положь!
Только кто из вас подумал:
Должность вам не аксельбант!
Как перчатки ни наденешь,—
Нужен к должности талант!
Талант — он послан свыше,
Он к сыну от отца!
Он к брату от сестрицы,
И нет родне конца!
Зятья, кузены, тетки!
Чужак не вариант!
Служить у нас достоин
Лишь истинный талант!
Через кровь талант дается,
Все оттуда: ум и стать.
Нужно правильно родиться,
Дабы человеком стать.
Как занять удачно место?
Должен быть отец умен,
Чтоб вписал сынка, где нужно,
До того, как тот крещен!
Талант — он послан свыше,
Он к сыну от отца!
Он к брату от сестрицы,
И нет родне конца!
Зятья, кузены, тетки!
Чужак не вариант!
Служить у нас достоин
Лишь истинный талант!

Песня прерывается невнятными механическими звуками, издаваемыми часами кремлевской колокольни.

Вельяминова. Кто часы тронул? Доломать к свиньям решили? Я вам покажу, как казенное имущество портить!

Вельяминова бросается к колокольне, за ней все остальные.

Явление 7.

Из бокового лаза, озираясь, появляются Ерошка и Аннушка.

Аннушка. Зачем влез?! Сломал же!

Ерошка. Никак не уясню, к чему та шестерня идет?

Степаныч *(появляясь)*. Так вот он кто! Я тебя про Аннушку предупреждал? Ты языка русского не понимаешь? А в механизм на кой полез? Совсем сдурел? Часы год стоят. Иноземная работа! Мастера на них выписали, никак не доедет! Куда лезешь, беспорточник?!

Ерошка. Хочу часы пустить. Нечто не смогу?

Степаныч. Не сможешь. Сломаешь только.

Ерошка. Сделаю.

Степаныч. Пооговаривайся мне!

Ерошка. Говорю же, сделаю! И мастером я стану!

Степаныч. Цыц! Всяк сверчок знай свой шесток! Мастер нашелся!

Аннушка. Батюшка, вы и меня останавливаете. А я в актрисы хочу.

Степаныч. Дома сиди, щи вари.

Аннушка. Щи щами, а мечта мечтою!

Ерошка. Вы же сами из крепостных, мастером оружейным стать мечтали. И стали!

Степаныч. Ты оружейное дело с кривляньем да танцульками не равняй. То дело, а то забава.

Аннушка. Из ваших ружей людей убивают, а театр — он человеку радость дарит, надежду!

Степаныч. Убивают, значит...

Аннушка. Убивают.

Ерошка. Молчи, дуреха...

Степаныч. Из моих ружей, говоришь?

Аннушка. Из ружей...

Степаныч. Вот ты как про отца!? Ай да Нюрка! Я тебе покажу радость! Я тебе подарю надежду! В башню! Немедля!

Аннушка. Куда?

Степаныч. В башню заходи.

Аннушка. Батюшка... Может я домой...

Степаныч. Нюрка, заходи по хорошему! В актрисы не пущу!

Аннушка заходит в башню. Степаныч ее запирает.

Степаныч. Домой! Чтобы этот прохвост к тебе прискакал? Нет уж, сиди здесь, на глазах.

Ерошка. Петр Степаныч!

Степаныч. А тебя, жених, увижу с ней рядом, пеняй на себя! Обратно в черную работу сошлю.

Ерошка. Но, Петр Степаныч...

Степаныч. И часы за версту обходи!

Ерошка. Петр Степаныч!

Степаныч. За две! Пока себе беды не нажил. А теперь брысь! Беспорточник...

Ерошка уходит.

Явление 8.
Те же, мастеровой и Кречетников.

Мастеровой *(на башне)*. Едут! Едут!

На крик сбегаются встречающие туляки.

Вельяминова. Кто? Кто едет?
Мастеровой. Уже никто. Приехали. Губернатор приехать изволили.

Входит Кречетников.

Кречетников. Как я выгляжу?

Одобрительный гул.

Вельяминова. Великолепно!
Кречетников *(мастеровому)*. Едут?
Мастеровой. Нет покуда.
Кречетников. Смотри мне.
Мастеровой. Смотрю.
Вельяминова. Рано ты, батюшка Михаил Никитич, вестового выставил. Перепугал совсем.
Кречетников. Так погоди, я тебя пуще напугаю. К нам едет государыня.
Вельяминова. Нашел чем пугать. О том вся губерния гудит. На днях будет. А у нас все и готово. Эй, где там речь?
Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...
Кречетников. Довольно, это завтра, кстати, будет.
Вельяминова. Завтра? Как завтра... Государыня приедет завтра! Завтра!? То-то мне сон снился...
Степаныч. Как завтра?
Кречетников. И не просто завтра. Государыня возжелала кремль осмотреть.
Степаныч. Как кремль...
Кречетников. Императорский указ был: крепости старинные не рушить, а в порядок приводить как память о славных подвигах дедов наших. Указ про кремли был?
Вельяминова. Про кремль? Что за указ? Когда?
Кречетников. Аккурат, когда мы собрались эту развалюху снести, дабы центр столицы губернской не уродовать. Еще над проектом новой площади думали...
Вельяминова. Думали...
Кречетников. Значит, указ был?
Вельяминова. Был...
Кречетников. А тогда что это? Почему указ не исполняется? Стены валятся, крыши в башнях текут, кругом грязь хуже свинарника! Что прикажешь государыне отвечать? А?
Вельяминова *(ищет крайнего)*. А? А... *(находя Степаныча)* А!
Степаныч. Батюшка, Михаил Никитич! Казни меня прямо здесь. Не успеть. Стены, крыши... Тут стройки на месяц! До завтра не успеть.
Вельяминова. Да я тебя в кандалы! В Сибирь!

Болотов. Стойте! Не нужно в Сибирь! Стойте... Знаю! Знаю, что делать!

Кречетников. Грязь да мусор ты за ночь, положим, уберешь... А стены? Развалившиеся места заново выложишь? Крыши вновь перекроешь?

Болотов. Да стойте же! Там, где не справятся строители, справятся художники.

Степаныч. Какие художники?

Болотов. Театральные. Доски еще остались?

Степаныч. Этого добра в достатке.

Болотов. Нужно возвести декорацию.

Кречетников. Декорацию? Как в театре?

Болотов. Именно.

Кречетников. Как в театре... Театр!

Вельяминова. Театр! Сам же сказывал, как Потемкин императрицу в Тавриде встречал! И ведь ей понравилось! А если и нам...

Кречетников. Немедля послать гонцов по губернии. Все табуны лошадей, стада коров, овец и свиней гнать к дороге, по которой императрица поедет. И чтоб от самого Мценска на юге и до Серпухова на севере у каждой деревни императрицу встречали крестьяне с хлебом-солью.

Вельяминова. В праздничных одеждах. И чтобы с песнями, да веселыми.

Кречетников. Ну и здесь постараться надобно. Так что вы, братцы, теперь художники. Ты, Андрей Тимофеевич, тоже ведь к рисованию способен. Подсоби, посоветуй!

Болотов. Я как раз вознамерился государыне альбомец преподнесть, да...

Кречетников. Пособи, сделай милость.

Болотов. Да хотел о месте для сына похлопо...

Кречетников. Позже сладим. Позже. Принимайся, брат, за работу. Как все это, однако, не вовремя. Мало того, что неурожай и цены на рынке взлетели, так еще и с кремлем не управились. А ты говоришь, орден!

Вельяминова. Говорю. И еще раз повторю. Ты, батюшка, по подвигам своим, достоин ордена!

Кречетников. У меня их четыре штуки.

Вельяминова. Пусть будет пятый!

Кречетников. Скажешь тоже. Те ордена за подвиги военные получил, а здесь хозяйством ведать надобно.

Вельяминова. Ты и ведаешь. А я помогаю. И сия на благо отечества служба тоже ордена достойна! Или эполета наградного!

Кречетников. Наталья Афанасьевна, есть у меня эполет.

Вельяминова. Это который с бриллиантами?

Кречетников. Он самый.

Вельяминова. Но он один. А плеча два. Тебе нужен второй эполет! Нужны эполеты! Верно, господа?

Присутствующие нестройно, но дружно поддерживают.

Кречетников. Скажете тоже!

Болотов. Надобно признать, для губернии вы, Михайло Никитич, и правда постарались. Взять хотя бы...

Кречетников. Я на оружейный завод. Новые ружья испытывать. Как я выгляжу?

Вельяминова. Великолепно! Осталось только, дабы императрица сие заметила и оценила. *(Степанычу)* Так что смотри! Не справишься — в Сибирь пойдешь. У вас одна ночь.

Кречетников и Вельяминова уходят.
Появляется Ерошка.

Ерошка *(появляясь)*. Петр Степанович, разрешите помочь.

Степаныч. И ты здесь, помощничек? Хочешь оружейным мастером стать, стенки фальшивые рисуя? Или думаешь, меня в Сибирь упекут, а ты здесь с моей дурехой останешься? Так я ее с собой возьму.

Ерошка. Петр Степанович, разрешите помочь.

Степаныч. Ладно. Помогай. Только коли увижу вас рядом, пеняй на себя! Мне теперь все одно дорога в Сибирь, могу и...

Ерошка. Спасибо, Петр Степанович!

Степаныч. Спасибо... Ну, ребяты, выручай!

Явление 9.
Мастеровые под руководством Степаныча и Болотова преображают кремль с помощью декораций.

Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть,
Даже думать не моги!
По полям да по лесам,
Застревая тут и там,
Тульских пряников поесть
Едут, едут гости к нам!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!
Туле эту ночь не спать —
Самовары начищать!
Это вам не просто так —
Государыню встречать!
Нынче полон рот забот:
Вымыть, что не мылось год,
Починить, прибить, полить,—
Тула наша расцветет!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Темнеет.

КАРТИНА II.

Явление 10.

Утро.

Рассвет проявляет преображенный кремль.

Появляется Ерошка с лестницей. Он пробирается к башне, подставляет лестницу к башне сбоку и поднимается к окну.

Ерошка. Аннушка... Аннушка...

Аннушка *(выглядывая из окна)*. Кто там... Ерошка!

Ерошка. Тсс!

Влюбленные обнимаются, собираются поцеловаться, но часы на колокольне начинают скрежетать, собираясь пробить новый час.

Ерошка. Тсс! Не время. Позже. Позже...

Часы слушаются. Влюбленные целуются.

Появляются Степаныч и Болотов.

Аннушка прячется, Ерошка кубарем слетает вниз.

Степаныч. А что, Андрей Тимофеевич! Может, Сибирь моя отменяется? Молодцы, беспорточники! Вот шельмы!

Болотов. Художники! Как деревяшки изукрасили! Нипочем не поймешь, что не камень!

Степаныч. Неужто правда доски?

Ерошка. А как же.

Степаныч *(указывает на лежащую на земле декорацию стены)*. И эта из дерева?

Ерошка. Само собой. Из чего ж еще за ночь такую сварганишь.

Степаныч. Ну так ставьте на место, одна башня неприкрытая осталась.

Ерошка с мастеровыми поднимают фальшивую стенку и закрывают ею башню, в которой сидит Аннушка, и приставленную Ерошкой лестницу.

Декорацию приколачивают к башне.

Степаныч. Эй! В кремль зевак не пускать. Нечего тут. Да и краска покуда сохнет... Еще башню какую попортят.

Болотов. Театр... Сплошной театр... Искусство! Декорация!

Степаныч *(Ерошке)*. Театр, беспорточник! Понимать надо! Искусство!

Болотов. Только искусству театра в театре быть надлежит.

Степаныч. Когда Сибирью пахнет, не до рассуждений. Где господа решат, там и будет.

Ерошка. Справимся, Петр Степанович!

Степаныч. Ты молчи, беспорточник.

Болотов. Бойкий парень, смышленый. С оружейного?

Ерошка. С него самого. Мастером стать мечтаю.

Степаныч. Мечтай, ничего у тебя не выйдет.

Болотов. Что ж так жестоко, любезный Петр Степанович! Мечта — большое дело для человека.

Степаныч. Для человека большое. А для беспорточника, что мне в зятья набивается... Да что о пустом. *(дозорному на башне)* Эй, не видать?

Мастеровой *(на башне)*. Так господин губернатор с госпожой Вельяминовой еще затемно за город встречать выехали. Покуда ждем...

Степаныч. Смотри мне!

Мастеровой. Смотрю...

Степаныч. Ждем... А мусор куда дели?

Ерошка. А в башни и ссыпали, куда ж его еще? На улицу ведь нельзя. Ее только давеча вымели.

Болотов. А ну как матушка возжелает башни изнутри осмотреть?

Степаныч. А мы перед входом тебя поставим. Будешь государыню своим альбомом отвлекать. Бог даст, пронесет...

Болотов. Как отвлекать?

Степаныч. Заодно про сына вставишь.

Болотов. Про Павлушу... Про Павлушу надо. Семнадцатый год...

Мастеровой *(на башне)*. Едут! Едут!

Степаныч. Кто? Кто едет?

Мастеровой. А шут его знает. Пыль столбом! Вроде и не наши... Наши! Наши! А карет! Что блох у собаки!

Степаныч *(Ерошке)*. Беспорточник, прячься! Матушка Екатерина пожаловать изволили! *(дозорному)* Куда правят?

Мастеровой. К оружейному вроде. Нее... Мимо... А куда это они? Ой...

Степаныч. А ну, голытьба, прятаться! Куда!? Туда! Кисти, краски спрятали? *(дозорному)* Сигнал! Сигнал к встрече давай!

Паника.
Дозорный свистит. Начинают бить колокола и стрелять пушки.

Явление 11.
Кремль наполняется встречающими туляками.

Дама 1. Я же говорила, что здесь! И муж мой говорил!

Дама 2. Мало ли кто чего говорил, государыня все сама, без мужа решает.

Дама 4. Видели как матушка одета?

Дама 3. Во что захотела, в то и оделась. Без мужа, оно еще и сподручнее.

Дама 1. Интересно, сколько же за ее платье уплачено?

В кремль торжественно въезжает карета.
Из нее выходит Екатерина II в дорожном платье.
С нею Кречетников и Вельяминова.

Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...

Екатерина. Позже выразишь, на официальной встрече. Пока дай дух перевести. Здравствуй, Михайло Никитич. Что тут у тебя?

Кречетников. Здравствуй, матушка! А вот, значит, и кремль наш старинный, с древними башнями. Все согласно указу.

Екатерина. Молодец, Михайло Никитич! Помню, первый раз здесь еще девчонкой с императрицей Елизаветой была. Тула в последние годы заметно похорошела!

Кречетников. Видит Бог, матушка, всеми силами радею за процветание губернии Тульской.

Екатерина. И губерния твоя мне по сердцу пришлась. По всей стране засуха, неурожай, а у тебя вдоль дорог стада тучные пасутся, табуны резвые гуляют, крестьяне опрятные, песни поют, хлеб-соль преподносят. Всюду чистота, порядок и изобилие. От плохого житья петь не станешь. А, Михайло Никитич?

Вельяминова. Так, матушка, так. Хозяйством, им же тоже заниматься нужно. Оттого и урожай. А при урожае крестьянин сытый да довольный. Что же ему песен не петь?

Екатерина *(к Степанычу в толпе)*. Поди, любезный. Почем на рынке фунт хлеба?

Степаныч *(в замешательстве, ловит знаки, подаваемые из-за спины императрицы Вельяминовой)*. ... так... это... по копейке, матушка...

Кречетников *(выдыхая)*. По копейке...

Екатерина. По копейке?! *(тревожная пауза)* Так тульская губерния — сущий рай! *(общий выдох облегчения)* Спасибо тебе, Михайло Никитич! Всю Россию проехала, а только у тебя в Туле нашла то, что желала бы найти и у других.

Вельяминова. Так он, матушка, и день, и ночь все о губернии печется, живота не жалеючи, дома не бываючи. Как по мне, так сие подвиг, достойный эполета!

Екатерина. Может, и эполета, поглядим. Да и туляки не промах! Не зря слава о мастерах местных впереди них летит! Как это в пословице... О добре трудиться — есть чем похвалиться!

Песня Императрицы.

Радостно мне видеть
Мой народ в достатке.
По сердцу пришлась мне
Тульская земля.
Если есть хозяин,
Будет все в порядке:
Улицы и храмы,
Реки и поля.

Руки золотые,
Помыслы живые,
Как без вас прожить!?
Силы молодые,
Души боевые,
Как вас не любить!

Все отлично знаю.
Много недостатков.
Но живет надежда,
Сердце веселя.
В Туле есть хозяин,
Значит, все в порядке:
Расцветай и здравствуй,
Тульская земля!

Руки золотые,
Помыслы живые,
Как без вас прожить!?

Силы молодые,
Души боевые,
Как вас не любить!

Падает та самая, последняя декорация «башни», открывая Ерошку на лестнице у окна, из которого выглядывает Аннушка.

Екатерина. Слышала, что любовь сильна, но чтоб она крепости рушила... Вот так Тула... Вот тебе, бабушка, и Юрьев день...

Степаныч. Нюрка! А ты, беспорточник...

Степанычу закрывают рот и уводят в сторону.

Кречетников. Не угодно ли, матушка, оружейный завод осмотреть? А на завтра бал да театр запланированы. Театр у нас преотличный, новый! Специально для Вашего императорского величества приготовлено сочинение драматическое господина Княжнина «Титово милосердие».

Вельяминова. Очень правильная пиеса о добродетельном государе, добродетелью своею страну к процветанию...

Екатерина. Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня. Сегодня ввечеру играть.

Вельяминова. Как сегодня?

Екатерина. Сегодня ввечеру. В кремле.

Кречетников. Прямо здесь?

Екатерина. Здесь, в кремле. И про кремль.

Кречетников. Как про кремль?

Екатерина. Вот так. Хочу века истории сей славной крепости лицезреть. Времени до вечера вдоволь, управитесь. Кстати, часы на колокольне идут или нет?

Кречетников. Иноземной работы механизм, а сломался. Послали за мастером, со дня на день починит.

Екатерина. Вот и славно. А теперь на завод!

Екатерина уходит. За нею свита.

Кречетников. Пронесло или нет? Как я выгляжу?

Вельяминова. Великолепно!

Кречетников за императрицей. За ним уходит тульское дворянство.

Вельяминова. Это что вы здесь за стенопад устроили? Ну да ладно. Сами себе работу нашли. Слышали? В кремле и про кремль!

Степаныч. Так труппа вся в Калуге, приедут завтра.

Вельяминова. Как в Калуге? Не зря я сегодня в холодном поту проснулась. Завтра вы все поедете в Сибирь!

Степаныч. Матушка, смилостивись, какой театр без актеров?

Вельяминова. Самый лучший, какой государыня видела. И чтоб, к свиньям, века истории! Чтоб... Лично головой отвечаешь. И стенку на место поставить не забудь.

Вельяминова догоняет царскую процессию.

Явление 12.
Степаныч, Ерошка, Аннушка, Болотов, мастеровые.

Болотов *(появляясь)*. Любезные, а когда же матушка в башню пойдет?

Степаныч *(не обращая внимания)*. Как она, зараза, отвалилась!? Прибивали ж гвоздями!

Болотов. Что такое?

Мастеровой 1. Так гвозди в стену не вогнать. Не кирпич - камень! Вот и прибили к бревнам, что к стене прислонили. А они и упали.

Степаныч. Камень, говоришь? А в раствор между камнями-кирпичами не забить было?

Мастеровой 2. Так раствор еще крепче!

Степаныч. Умели деды наши строить.

Болотов. Вот оно что...

Степаныч. Ну, что носы повесили?! Двум смертям не бывать, а одной не миновать! Сибирь так Сибирь... Ерошка, ты это, береги ее. Одна остается. Нет у нее больше никого.

Ерошка. Петр Степаныч, да как же это...

Степаныч. Что мог, я сделал. Комедию ломать — не умею. Ничего, и в Сибири люди живут. Все ж не на виселицу!

Аннушка *(из окна)*. Погоди, батюшка. Ты же сам учил никогда не сдаваться.

Степаныч. Учил. Только супротив иных задачек ничего не попишешь.

Ерошка. А чего, собственно, бояться? Всего-то и надо дурака свалять!

Болотов. Дурака, может, и сваляешь, а только театр — это вам не просто так.

Степаныч. Это искусство! Не глупее оружейного...

Аннушка. Когда Сибирью пахнет, не до искусства. Правда же, Ерошка?

Ерошка. Ну да... Но попробовать же можно! У вас получится!

Аннушка. У вас? А ты, значит, не с нами?

Ерошка. Негоже мастеровому оружейному...

Аннушка. Как обниматься, так он оружейник, как с поцелуями лезть, так он мастер, а как помочь...

Ерошка. Зачем ты ... при всех... ну, про это...

Степаныч. Кабы не Сибирь, показал бы я вам поцелуи!

Болотов. Сибирь... А что... Или мы не туляки? Или у нас руки и ноги отсохли? *(одобрительные возгласы)* А тогда слушать меня. Быть нам сегодня актерами!

Ерошка. А костюмы где взять?

Аннушка. Надо бы в театральную костюмерную пробраться... Может кто из актеров в городе остался?

Ерошка. А если не остался? Как в театр попадем?

Мастеровой 4. Чего проще! Там я замок на дверях ставил.

Мастеровой 5. Коли поставил, так и снять сумеешь.

Ерошка. И еще бы знать историю сей славной крепости...

Болотов. Ну, это дело нехитрое. С историей помогу.

Степаныч. И я что от дедов слышал, расскажу.

Болотов. Тогда за дело!

Оптимистичная песня строителей театра.
Под нее в кремле возникает импровизированная сцена,
напротив — место для императрицы.

— А если не получится?
— Получится, не плачь!
— А если не получится?
— Тогда привет, Сибирь!
— А если не получится?
— Как ты мне надоел!
Получится! Получится!
Нас ждет так много дел!

Хочешь жить — умей вертеться!
Мир устроен так.
Хочешь жить — умей вертеться!
Или сам дурак.
Если дружно навалиться,
Можно многого добиться!
Мир — театр, мы — актеры
И свои исполним роли!

— А вы играть умеете?
— А я предупреждал!
— В Сибири очень холодно?
— А я предупреждал!
— А если не получится?
— Как ты нам надоел!
Получится! Получится!
Нас ждет так много дел!

Хочешь жить — умей вертеться!
Мир устроен так.
Хочешь жить — умей вертеться!
Или сам дурак.
Если дружно навалиться,
Можно многого добиться!
Мир — театр, мы — актеры
И свои исполним роли!

КАРТИНА III.

Явление 13.

Вечереет. Кремль готов к театральному представлению.
Ерошка вновь на лестнице у окна Аннушки.

Ерошка. Аннушка...
Аннушка. Что, Ерошка?
Ерошка. Ты меня хоть чуть-чуть любишь?
Аннушка. Глупый, чего кричишь...
Ерошка. А ты ответь, любишь?
Аннушка. Я на глупые вопросы не отвечаю.
Ерошка. Ничего себе глупые! Я тут, можно сказать, на подвиг ради тебя решился. На сцену первый раз в жизни иду!

Аннушка. Еще один герой! Опять подвиг! Может, тебе тоже эполет нужен?
Ерошка. Эполет? Нет. Мне больше нужно.
Аннушка. Больше?
Ерошка. Гораздо больше.
Аннушка. Чего ж тебе?
Ерошка. Ухо подставь, скажу.

Аннушка придвигается, Ерошка обнимает ее и целует.

Аннушка. Вот дурной...
Ерошка. Ну так что, любишь?
Аннушка. Сыграешь спектакль для государыни, скажу.
Ерошка. А без спектакля никак?
Аннушка. Совсем дурной? Нас с батюшкой в Сибирь...
Ерошка. Знаю. Боюсь я перед всем народом... Вдруг слова со страха забуду. Что тогда?
Аннушка. Тогда? Тогда целоваться начинай. Публика это любит.
Ерошка. А ты?
Аннушка. Что я?

Аннушка поворачивается к Ерошке, тот обнимает ее и снова целует.
Из-за кулис слышится родное: «К свиньям все!»
Ерошка убегает.

Явление 14.
Аннушка и Болотов.

Болотов. К свиньям... Опять к свиньям...

Болотов подходит к башне и открывает дверь.

Болотов. Аннушка! Выходи.
Аннушка. А батюшка что скажет?
Болотов. Я его уговорил. Должна же ты к спектаклю подготовиться.
Аннушка. Правда!? Спасибо, Андрей Тимофеевич! Добрый вы... Вы не серчайте, только жаль мне вас.
Болотов. Жаль меня? Почему?
Аннушка. Человек вы мягкий, деликатный, видно, что ученый. Женский глаз, он наметанный. Ученый. Вроде и уважают вас, а только не в чести вы у них. Чужой вы.
Болотов. Женский глаз, говоришь? Что правда, то правда. Чужой.
Аннушка. Один против всех. И родни не имеете, и красть не умеете. Женский глаз наметанный. Не умеете. Поучились бы. У нее. Глядишь, своим бы стали.
Болотов. Поучился?
Аннушка. Это поначалу только боязно, а потом всем очень даже нравится.
Болотов. А если и потом не понравится? Должен же кто-то и дело делать. Не хочу как она. Знаю, что надо мною посмеиваются. Только я спать с чистою душою ложусь и в холодном поту не просыпаюсь. И ни на какие леденцы свой покой душевный я не променяю. Как говорили древние, делай что должно, и будь что будет. Так что мне и потом не понравится.

Аннушка. Попробуете — понравится. И душевные терзания пройдут. Время всех и от всего лечит.

Болотов. Время не лечит. Но время всех рассудит. Может лет через двести о ней только благодаря мне или тебе потомки помнить и будут.

Аннушка. Через двести? Блаженный вы. Или страх какой упорный.

Болотов. Так и ты упорная. Вопреки отцу на сцену идешь.

Аннушка. Иду. Только получается не вопреки, а ради него. Ведь жуть какая перед публикой выйти.

Болотов. Сама же вызвалась, людей за собой подняла. Про мечту говорила.

Аннушка. Сама. Говорила. Только не так я хотела... Вдруг государыне не понравится? Да и просто боязно. Одной против всех на сцене стоять. Ой... Прямо как вы.

Болотов. Мечта — великое дело. Не каждому сверху большая мечта дается.

Аннушка. Сверху?

Болотов. И не каждому случай ее воплотить выпадает. Иди за мечтой и ничего не бойся.

Песня о мечте.

Что такое мечта?
Это в небе звезда,
Что наш путь освещает в ночи.
Это смелый бросок,
Это сердца кусок,
Золотые от счастья ключи.

Фантазируй и мечтай,
Птицей в небо улетай!
Чтобы радуга сияла,
Чудо в жизни воплощай!

У тебя есть мечта?
У меня есть мечта!
Береги ее, не предавай.
Будет трудно в пути,
Будут вьюги мести,—
Все рассеется! Не унывай!

Фантазируй и мечтай,
Птицей в небо улетай!
Чтобы радуга сияла,
Чудо в жизни воплощай!

Явление 15.

Сумерки сгущаются.

Рыкалов, Константинов, Вельяминова, Степаныч, затем Болотов.

Рыкалов. Вот видишь, все туда-сюда и разрешилось. Хорошо мы остались, а уехали бы? Кто перед матушкой представление бы давал?

Константинов. Уехали бы и от тени бы своей не шарахались. А так ходи и думай: прознает или нет.

Рыкалов. Дел у нее больше нет, как про двух захолустных актеров слухи собирать.

Константинов. Кто это захолустный? Мне бы только попасть на столичную сцену! Я бы им показал, как Гамлетов шекспировых играть!

Быть иль не быть — вот он, вопрос. Должна ли
Великая душа сносить удары рока
Или, вооружаясь против потока бедствий,
Вступить с ним в бой и положить конец
Страданью...*

Рыкалов. Даже не страдай. Публика не туда-сюда, она комедии любит. Вот где бы я разошелся! Дурацкий грим, малохольный разговор, походка набекрень...

Константинов. Мозги у тебя набекрень.

Появляются Вельяминова и Степаныч.

Вельяминова *(примеряясь к креслу императрицы)*. Не жесткое?

Степаныч. Никак нет, Наталья Афанасьевна. В самый раз.

Вельяминова. Много ты понимаешь. Тебе, дураку, и на досках мягко. А тут матушка императрица! Да и еще из-за кремля разгневанная. Понимать надо.

Степаныч. Понимаю.

Вельяминова. Надо было из будуара моего кресло принесть. Все ж таки из Москвы вещь привезенная, не просто так. *(замечая Рыкалова и Константинова)* Это вы?

Константинов. Нет, это не мы.

Рыкалов. Смотря для какой надобности?

Вельяминова. Известно для какой. Комедия чьих рук дело?

Рыкалов. Не наших.

Вельяминова. Про кремль...

Константинов. Наших.

Вельяминова. Вы что, малахольные?

Рыкалов *(одновременно с Константиновым)*. Да!

Константинов *(одновременно с Рыкаловым)*. Нет!

Вельяминова *(Степанычу).* Ты за ними приглядывай. *(актерам)* Вас по какой причине на гастроль не взяли?

Константинов. По причине свирепой болезни, поразившей все естество, особливо утробу и чресла.

Вельяминова *(Рыкалову)*. А тебя?

Рыкалов. И меня так же. Друзья мы, куда он, туда и я.

Вельяминова. Что ж за болезнь такая опасная?

Рыкалов. Холодная ботвинья с лососиной.

Вельяминова. Так ботвинья — не болезнь вовсе, а кушанье.

Константинов. Вот ею, родимою, мы и накушались.

Рыкалов. А еще штофчик взяли, туда-сюда...

Вельяминова. Туда-сюда? Сколько ж вы съели?

Константинов. Изрядно.

Рыкалов. До чертиков.

Вельяминова. Знать, хорошее жалование актеры получают, что лососиной до чертиков обжираются.

Рыкалов. Не то, чтобы жалование...

---

* Перевод М. Загуляева.

Константинов. Туда-сюда...

Вельяминова. Все ли готово к представленью?

Рыкалов. Не извольте беспокоиться! Здесь, значит, сцена будет.

Константинов. Там фейерверки для финала заряжены.

Рыкалов. Сейчас на стенах плошки с маслом зажжем.

Вельяминова. А оркестр где сядет?

Константинов. А здесь же, на стене, за зубцами.

Веляминова. Так их же не видно будет.

Рыкалов. Зато слышно за версту.

Болотов *(появляясь)*. Любезные, так когда же матушка в башню пойдет?

Вельяминова. Вы здесь зачем, любезный? Все неймется?

Болотов. Так как же, сама государыня...

Вельяминова. Государыня не в духе. Так что со своим сыном не лезь.

Болотов. Позвольте, но я...

Вельяминова. Не позволю.

Болотов. Но как же так...

Вельяминова. А вот так. Ты, Андрей Тимофеевич, помнится, тоже против сноса этого злосчастного кремля высказывался?

Болотов. Так что с того. Разве ж мое слово что решало?

Вельяминова. А не надо под руку каркать! Снесли бы вовремя и горя сейчас не знали.

Болотов. Да как же снести...

Вельяминова. А сказали бы, мол, сам рассыпался. От времени. Нет кремля — нечего и ремонтировать, а нечего ремонтировать — и спросу нет. А теперь крутись свиньей на гребешке!

Мастеровой *(на башне)*. Едут!

Вельяминова. Все готовы?

Рыкалов. Готовы! Туда-сюда...

Вельяминова. Смотрите мне!

Степаныч. Давай, милые! Музыку!

Явление 16.

Оркестр играет торжественную встречу.
Парадный выход: Екатерина II входит в сопровождении Кречетникова,
свиты и представителей тульского дворянства.
Кремль наполняется встречающими туляками.

Встречающий. Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая, позволь выразить...

Екатерина. Спасибо, любезный. Давеча уже все выразил. Ну, Михайло Никитич, я от успехов оружейного завода еще отойти не успела, а тут новый сюрприз! Молодцы, изрядно потрудились. Вижу старание. И сцену хорошо устроили. Да вот спросить хотела. Что такое тумак?

Вельяминова. Тумак?

Екатерина. Да, заяц — тумак.

Болотов. Ну, так это просто, матушка. Тумак есть заяц, помесь беляка с русаком. Только мех у него не промысловый, ценности не имеет.

Екатерина. Пословицу народную услыхала. Хорош заяц, да тумак; хорош малый, да туляк. Что это значит?

Кречетников. Мало ли чего народ простой болтает.

Болотов *(встревает)*. Матушка, позволь преподнесть альбом с упоительными видами имения вашего Богородицкого, кои я и мой сын нарисовали для Вашего Величества.

Екатерина. Благодарствую.

Екатерина принимает альбом.
Болотова оттирают от императрицы.

Екатерина *(разглядывая альбом)*. Красота какая! Сущий цветник! Кстати, Михайло Никитич, не худо бы у стен кремлевских живописную набережную устроить, дабы вдоль речки гулять, красотами местными любоваться.

Кречетников. Матушка, мне сейчас только набережной не хватает, и так...

Екатерина. А ты не торопись, подумай. Не сделаешь ты, придет другой губернатор, порасторопнее. И сделает. Что же мы сегодня увидим?

Кречетников. А что приказывали, матушка. Пиесу про кремль тульский.

Екатерина *(располагаясь на своем месте)*. Превосходно! Стены эти не первый раз вижу, только молчат они. Хочется, чтобы заговорили, тайны свои поведали, летописи старинные оживили. Так что, господа актеры, оживите?

Степаныч (выходя на сцену). Мы, матушка, туляки - народ простой, мастеровой. Нам механизм выдумать, смастерить чего... До летописей руки не доходили. Но что деды рассказывали, помним. Дело, значит, было так.

Начинается спектакль.
Музыка. Поднимается занавес.

Степаныч (входит в роль). Я, Василий III, великий князь и государь всея Руси, года 1507, повелеваю поставить на левом берегу Упы, что в Диком поле, град каменный Тулу, дабы Москву и всю Русь от врага защитить. К делу сему пригласить зодчих италианских, что московский кремль возвели. И стоять сему кремлю на страже границы русской: врагам на устрашение, Руси на славу!

Лазутчик (появляясь). В кремле том устроили русские девять башен. Ворота с каждой стороны поставили дубовые да решетки к ним выковали железные...

Степаныч (в роли Василия III). Да вот еще... (подходит к Лазутчику и закрывает ему уши руками) Тайно вырыть подземный ход из кремля к речке, дабы в случае осады город без воды не оставить. Так-то (уходит).

Лазутчик. И встал тот кремль сначала в дереве, а к 1520 году в камне прямо на Муравском шляхе, по которому войска наши на Москву много веков ходили. Несколько раз наши взять его пытались, только ни с чем ушли, мой хан.

Девлет Гирей *(появляется на последних словах лазутчика)*. Все пытались. А я возьму. Сначала Тулу, а там и Москву! Пусть царь Иван знает хана Девлет Гирея!

Дозорный *(на башне)*. Едут! Едут!

Дальнейшая история изображается пантомимой или мультимедийными средствами (в том числе с эффектом дополненной реальности).

Туляк 1. Утром 22 июня 1552 года стены Тулы окружили ханские воины.

Девлет Гирей. И полетели на город ядра, посыпались стрелы огненные!

Туляк 2. Пока мужчины отбивали врага от стен, жены тушили соломенные крыши башен и изб внутри крепости. Один за другим малый гарнизон Тулы отбил несколько штурмов.

Девлет Гирей. Уже в темноте мои янычары тараном пробили ворота кремля. Захват Тулы отложили до утра. Никуда не денется!

Туляк 3. Всю ночь, пока мужья охраняли стены, жены и дети таскали к сломанным воротам камни да бревна, пока не завалили их совсем.

Девлет Гирей. И настало утро! Проклятые туляки!

Туляк 1. Разозленные янычары возобновили штурм с новой силой. Только на помощь тулякам уже неслась конница Ивана Грозного. Еле ушел Девлет Гирей от русской погони! И еще три года на Русь не совался.

Туляк 2. Шло время. Много осад пережил тульский кремль. И ни разу его ворота не открылись для неприятеля. Разве только в 1605 году, когда прибыл сюда чудом спасшийся царевич Дмитрий, сын покойного царя Ивана Грозного. Прибыл и объявил Тулу столицею России.

Появляются Ерошка в образе Лжедмитрия
и Аннушка в образе Марины Мнишек.

Лжедмитрий. Наконец этот день закончился. День... Сегодня день...

Марина. Сегодня великий день. Вы чем-то недовольны? Сколько городов русских присягнуло вам на верность. Говорят, в Туле собралось более ста тысяч человек разного звания и сословия.

Лжедмитрий. Да... Такое, пожалуй, и Москва не часто видела. Английский посол дар речи потерял, когда я Тулу столицею Руси объявил.

Марина. И Вы, наконец, объявили России о своем восшествии на престол.

Лжедмитрий. На днях жду бояр московских с печатью государственной, ключами от казны, скипетром и державою. Будут крест целовать на верность царю Дмитрию первому. Дурачье...

Марина. Почему дурачье?

Лжедмитрий. Поверили!

Марина. Во что?

Лжедмитрий. В чудесное воскрешение царевича Дмитрия. Я ведь даже старше.

Марина. Мне это нравится.

Лжедмитрий. Марина, так ты знала?

Марина. Марина Мнишек все знает с самого начала. И бояре в Москве знают.

Лжедмитрий. Тогда...

Марина. Нужен ты им. Пока. Так что будь осторожен.

Лжедмитрий. С такой царицей мне ничего не страшно!

Марина. Еще не царицей.

Лжедмитрий. Короную! Будешь первой коронованной царицей на Руси и... И...

Марина. И?..

Ерошка, все-таки забывший слова, целует Аннушку.

Степаныч. Ах ты, беспорточник!

Выскакивает на сцену, хватает Ерошку за шиворот
и отбрасывает в сторону.

Туляк 3 *(сочиняя на ходу)*. Вот так народ сверг самозванного царя...

Туляк 1 *(подхватывая)*. Но это случилось позже.

Туляк 2. А тульский кремль еще многие годы верой и правдой служил отечеству.

Актеры кланяются.

Екатерина *(смеется)*. Ну, молодцы! Угодил, Михайло, театром! Знал, чем порадовать!

Вельяминова. Михайло Никитич эполета наградного достоин.

Екатерина. Достоин. И лицедеи молодцы. Жалую каждому актеру по золотому. И по фунту хлеба. Выдать им сверх золотого по копейке на хлеб.

Рыкалов. Матушка, так это только на четверть фунта хватит.

Константинов. Хлеб нынче по 4 копеечки. Неурожай.

Вельяминова. Ах ты, зараза! Значит лососиной до чертиков обжираться у него деньги есть, а 4 копейки на хлеб ему поперек горла встали!

Константинов *(к Екатерине)*. Матушка, прости! С голоду мы!

Рыкалов. Бес попутал! Так живот сводило, что в каждом окне шмат сала мерещился. С голоду мы на обман пошли.

Екатерина. Какой еще обман? Теперь уж говорите.

Константинов. Одели в костюмерной золоченые камзолы и пошли в трактир...

Екатерина. Дальше.

Рыкалов. Там назвались приезжими дворянами из твоей свиты и ели... пока дурно не стало... А потом...

Екатерина. А потом?

Рыкалов. Потом... Туда-сюда... Сбежали!

Екатерина. Как звать?

Константинов. Трофим Константинов.

Рыкалов. Василий Рыкалов. С голоду мы...

Екатерина. Говоришь, с голоду? Поди сюда.

Кречетников. Бог с ними, матушка...

Екатерина. Я не тебя звала. Хочу тет-а-тет... преступника допросить.

Кречетников отворачивается, за ним отворачиваются все остальные, оставляя императрицу с преступником тет-а-тет.

Екатерина. Рыкалов, говоришь? Лицедействовать любишь?

Рыкалов. Люблю, матушка.

Екатерина. А как погоню тебя из театра?

Рыкалов. За что, матушка?

Екатерина. За то, что в жизни играть вздумал.

Рыкалов. Первый и единственный раз! Бес попутал! Пощади, матушка... Пропаду я без сцены... Как есть пропаду...

Екатерина. Говоришь, в каждом окне шмат сала мерещился...

Императрица хохочет, на ее смех присутствующие оборачиваются и тоже хохочут.

Екатерина. Что ж, повинную голову и меч не сечет. Если туляков провести смогли, которые саму меня провели, лицедеи вы изрядные. Рыкалова забираю в столицу. Там и мастерства наберешься, и хлеба вволю наешься.

Рыкалов. Помилуй, матушка, а друга моего? Актер он отменный. Да и тяжко одному на новом месте.

Екатерина. Обоих беру! *(Кречетникову)* Ну что, Михайло Никитич... Хорош заяц, да тумак; хорош малый, да туляк?

Кречетников. Матушка, прости! Не по злому умыслу... Управлял губернией по своему разумению...

Екатерина. Ты, Михайло Никитич, все в делах военных, в заводе оружейном. И твои успехи я видела. Но и кто здесь управлял, я вижу.

Вельяминова. Управлял. И еще как управлял. А снесли бы эту развалюху вовремя и вообще бы горя не знали.

Степаныч. Как же... Бога побойся. Без кремля никак нельзя. Сердце он наше.

Вельяминова. И мое что ль?

Степаныч. И твое. Всего города. С него Тула началась, им и продолжается.

Вельяминова. С него, может, и началась, да только песня его давно спета. Снести его да забыть.

Степаныч. Ты отца своего помнишь? Или из родительского дома выпрыгнула и из сердца вон?

Вельяминова. Ты отца со старыми кирпичами не равняй. Он жизнь мне дал!

Степаныч. Так и кремль Туле жизнь подарил. Не поставь здесь деды наши крепость для защиты от супостатов, не было бы Тулы.

Вельяминова. Как так не было?

Степаныч. А так. Поначалу в крепости лишь воины служили. Потом глядь - женами обзавелись, семьями. Где семьи, там дома. В каждом дому очаг горит, дите кричит, баба ворчит, а мужик молчит. Где дома — там не крепость уже, а город. А каждый город своим мастерством славен. Коли Тулу служилый люд обживал, так какому тут еще делу быть, как не оружейному. Тульские ружья шведа под Полтавой громили, турка при Очакове, поляка под Данцингом, пруссака в Берлине. А ты — снести! Кремль Тулу на ноги поставил, мастерство в руки дал, им Тула и поныне живет. Да кремль наш Москву от врага заслонил.

Вельяминова. Да когда то было. Нет больше тех набегов на Русь.

Степаныч. И слава Богу. Только помяните мое слово, Тула Москву от врага еще прикроет.

Внезапно кремлевская площадь оглашается механическим скрежетом.

Екатерина. Это что такое?

Степаныч. Ерошка, дурень! Куда влез? Казенную вещь вконец испортил! Не гневайся, матушка! По недомыслию он. Прости...

Часы на башне оживают и бьют мелодию.

Аннушка. Починил, батюшка! Починил!

Степаныч. Пошли... Сколько времени не работали... Молодец, беспорточник!

Аннушка. Ероша!

Екатерина. Дочь твоя?

Степаныч. Замуж за него собралась.

Екатерина. А ты что же?

Степаныч. А я условие поставил, чтоб сначала мастером стал.

Екатерина. Разве не мастер? Ни один тульский мастер к часам подступиться не посмел, все помощи заграничной ждали. А он их без всяких иноземцев починил. Да и лицедействовал мастерски. Может, в артисты подашься?

Ерошка. Благодарствую, государыня. Только с ружьями мне привычнее.

Екатерина. Быть по-твоему. Ружейные мастера всегда в цене. Ну что, отец, отдавай дочь за мастера.

Аннушка. Матушка, в театре играть хочу!

Екатерина. Вот и на театр желающие нашлись. А муж молодой позволит?

Ерошка. Так охота пуще неволи. Пусть идет.

Екатерина. Охота пуще неволи? Ха-ха-ха! Успехов новой актрисе. И всему театру тульскому процветания. Спектаклем своим и ум просветили, и душу потешили. Вот что, Михайло Никитич. Боевые твои подвиги во славу русского оружия помню. Рвение твое и прилежание ценю. То, что оружейный завод на новый уровень вывел, вижу. За то и кремль с хлебом прощаю. В других губерниях и того нет. *(Вельяминовой)* Ну а с эполетом, не обессудьте, украсить им второе плечо вашего губернатора пока не могу.

Кречетников. Эполет... Нынче театр стал эполетом для губернатора.

Екатерина. Достойно сказано. Можно губернии и без кремля жить, да с ним достойнее. А можно и без театра, только жизнь с ним краше.

Явление последнее.
Актеры снимают маски.

Актер, исполнявший роль Кречетникова. Так закончилась первая попытка снести тульский кремль. Впрочем, так ли оно было или не совсем так, нам неведомо. Только театр в Туле с губернатора Кречетникова начался.

Актриса, исполнявшая роль Екатерины. Екатерина все же наградила своего любимца. Спустя 4 года. За успехи в развитии оружейного дела. Ее правление до сих пор вспоминают как золотой век России, а саму ее — как Екатерину Великую.

Актер, исполнявший роль Степаныча. Мастер Степаныч еще долго трудился на заводе, покуда совсем не ослеп. Но к тому времени секреты оружейного мастерства он уже передал внукам.

Актер, исполнявший роль Ерошки. Ерошка стал знаменитым оружейником Ерофеем Пантелеймоновичем. Его ружья и пистолеты как произведения искусства по сей день хранятся в Эрмитаже.

Актриса, исполнявшая роль Аннушки. Аннушка же еще долго блистала на сцене. Тридцать пять лет спустя именно она помогала делать первые шаги на тульских подмостках тогда еще никому не известному актеру Михаилу Щепкину.

Актер, исполнявший роль Константинова. В столице Трофим Константинов прославился ролями трагических царей и благородных любовников. Затем уехал в провинцию и основал первую в России антрепризную труппу.

Актер, исполнявший роль Рыкалова. Василий Рыкалов стал первым комиком Петербурга и положил начало целой актерской династии. Его дочь Надежда имела шумный успех в пьесах Островского. Специально для нее написана роль Кабанихи в знаменитой «Грозе».

Актриса, исполнявшая роль Вельяминовой. Между прочим, из родни Натальи Вельяминовой все же вышел талант. Тот самый брат Вася, с двух лет зачисленный в гусарский полк, нам известен как русский поэт Василий Жуковский.

Актер, исполнявший роль Болотова. Андрей Тимофеевич Болотов прожил долгую жизнь, прославившись как ученый-энциклопедист, художник и литератор. О событиях тех дней мы знаем именно из его записок.

Актер, исполнявший роль Степаныча. Пять веков стоит на земле тульской кремль.

Актриса, исполнявшая роль Екатерины. Третий век на тульской сцене сменяются поколения актеров.

Актер, исполнявший роль Болотова. А связала их легенда о театре, ставшем эполетом для губернатора.

Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!
Две руки да две ноги,
Ноги в руки — и беги!
А о том, чтоб отдохнуть,
Даже думать не моги!
По полям да по лесам,
Из заморских разных стран
Гости много лет подряд
Едут к тульским мастерам!
Тула — город знаменитый!
Город-крепость, город-щит!
Каждый здесь мастеровитый,
Каждый шустр и башковит!
Тула — город самоваров,
Пряником набитых ртов!
Тула — город арсенала,
На все руки мастеров!

Занавес.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Николай Ольков
(с. Бердюжье, Тюменская область)

ГИБЛОЕ ДЕЛО
(глава из повести)

Родился в селе Афонькино Тюменской области. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького Союза писателей СССР. Член Союза писателей России. Автор более двух десятков книг, большинство которых вошли в пятитомное собрание сочинений, изданное «Российским писателем» (Москва, 2018 год). Лауреат нескольких региональных и республиканских премий, международных премий «Имперская культура», имени П. П. Ершова. Почетный аграрник Тюменской области.

— Ну и брызги же от тебя летят, Дарья Мартемьяновна, не поберегись — с ног до головы оплешешь.

— Не видишь, крыльцо домываю, скоро начальство придет, а у меня растворено — не замешано.

Дарья, подоткнув подол застиранной юбки и широко расставив ноги, спускалась по ступеням высокого конторского крыльца, выманивая за собой жирную октябрьскую грязь.

Она по голосу узнала Семена Федоровича, своего ровесника, и даже сердце екнуло. Сказала с деловой резкостью:

— А ты чего это с утра пораньше?

— К начальству вопрос,— уклончиво ответил ранний гость, тщательно уминая во влажную землю тощий окурок.

Дарья выпрямилась, отжимая тряпку, обернулась, у Семена, как всякий раз, душа замерла: не пожилую женщину, а крепенькую круглолицую белянку-красавицу, курносую, с кудряшками видел он перед собой

— Ты, верно, по большому делу, коли в хромовых сапогах и при шляпе. Шляпу-то зачем надел, сроду не видела тебя при шляпе.

Семен Федорович обиделся:

— Не смотришь в мою сторону, Мартемьяновна, вот и дивно тебе, что я прибарахлился. А я, шутки в сторону, всегда стараюсь быть при аккурате, стало бы тебе известно. Чтобы ваш брат, бабы, не чесали языки по моему поводу.

— Да ладно тебе, в обиду впал. Я ведь без злобы.— Она вытряхнула тряпку,

отойдя чуть в сторону от Семена, выплеснула из ведра воду и подошла к гостю, вытирая озябшие руки подолом верхней юбки.

— Как поживаешь, Семен Федорович? Авдоха твоя как здоровьем?

— Я ничего сам себя ощущаю, а Авдотья плоха, совсем гиблое дело. Дотянет до лютых морозов, потом всей деревней яму долбить придется.

— Христос с тобой! Такие речи!

— А я, Дарья, без сожаления, скорей бы. Детей нет, рыдать некому, сам для приличия слезу пущу, и опять вперед.

Дарья вздохнула.

— Ты проходить будешь или тут подождешь?

— Постою, пусть просохнут плахи-то, а то наслежу, опять от тебя взысканье.

— Много я с тебя взыскивала.

Семен встрепенулся:

— А ты суммируй, какую жизню я прошел, много чего получается после нашей разлуки, и все за твой счет.

Дарья вздохнула:

— Нашел время и место. Грех тебе при живой жене такие разговоры заводить. А вот и начальство идет.

Председатель колхоза Григорий Яковлевич Гурушкин в плаще и резиновых сапогах, но тоже при шляпе, громко поздоровался, омыл сапоги в большом корыте, глянул на Семена.

— Ты не ко мне ли, Семен Федорович?

— Ежели примите, благодарен буду, а нет времени на меня — дождусь парткома, тот обязан.

— Проходи,— сказал председатель,— парткома теперь до второго пришествия не будет.

— А что с Володимиром Тихоновичем?

— Ты телевизор смотришь?

— «Рабыню Изауру». Третий раз. Смотрю и плачу.

— Не о том слезы льешь, Семен Федорович. Разве не слышал, что советы распустили и партию прикрыли?

— Так то не нашу! — обрадовался Семен Федорович.— Прикрыли какую-то в недоразвитых странах, знаю.

Гурушкин вздохнул:

— Ладно, пошли в кабинет.

Семен присел на краешек стульчика у стола, невысокого роста, чисто выбритый, сухой лицом и телом, не по годам подвижен и бодр.

— Григорий Яковлевич, ты мне скажи, как дальше будет деревня? Вчерась, сам видал, дойных коров погрузили на скотовозы, колбасы, стало быть, захотелось новым князьям и боярам. И что дале? Коров прирежем, чем кормиться будем? Ты же вечный крестьянин, хоть и молодой, но ты же в понятии, что без скотины деревня пустой станет.

Гурушкин размял сигарету, затянулся, разогнал клубы дыма рукой.

— Спросил бы что попроще, Семен Федорович, к примеру, дровишек или тесу на забор.

— Ты мне про тес не намекай, сам знаю, что два века не живут, тесины меня вторую пятилетку на чердаке дожидаются. Батьку твоего вон на сколь пережил, а он только на три годика и постаре. Я тебя сурьезно спрашиваю, потому как не могу ума дать, что деется. Хлеб куда нынче дели? Молотили—молотили, через два дня пришел — скукурикало зернышко, под метлу увезли. Терлись, сказывают, тут трое чер-

нявеньких. Это не продзавёртка ли возобновилась? Говорили, что в тех отрядах голубоглазых тоже немного было.

Григорий Яковлевич посмотрел в лицо этому пожилому человеку, давно пенсионеру, но понимающему колхоз как родное существо, хотелось сказать ему все, о чем думал в дни, да и вообще весь год шел к этому вопросу: а что дальше? Даже в районе слова не давали сказать, в область вовсе не приглашали. Но неизбежность формулировать свое понимание снова пришла вместе с любознательным и беспокойным стариком.

— Дядь Сем, ты же видишь, что творится стране. Оказывается, мы жили плохо, теперь все перестраивают, чтобы жилось лучше.

— Э-э-э, Гриша, такое я уж не пятый ли раз слышу на своем веку: сегодня плохо, потому что завтра должно быть хорошо. А ведь мы было зажили кучеряво: и зарплатешка выровнялась, и в магазинах кой-что стало появляться, мужики легковушек в кредит понабрали. Это плохо, скажи, плохо?

Гурушкин промолчал.

Старик понимающе кивнул:

— Хотел картошку продать заезжим хачикам, но таперика воздержусь, а то в мировую систему меня на носилках придется заносить. Отходишков для поросенка у тебя нет, зерна для курей тоже не продашь, стало быть, из живности остается старуха и кот блудливый. Потому картошка незаменимый стратегический продукт, по всей расейской истории так, ежели шутки в сторону.

Семен думать любил, рассуждал сам с собой, иногда даже ссорился, да громко, так что было сомнение у народишка насчет дальности его ума. Сам Семен этим особо озабочен не был, до пенсии плотничал, топором играл, на спор сургуч с водочной бутылки на чурке одним ударом срезал, но на народе больше молчал. Были в деревне несколько человек, с которыми он мог откровенничать безбоязненно, с ними и отводил душу. Но иногда срывался и на народе, высказываясь притчами и намеками.

Вот как человеческая жизнь так извернется, что вроде и полгроба из задницы торчит, прости господи, а все равно как не жил. Скоротечность и неуправляемость жизнью больше всего волновали Семена. Он сильно огорчился, когда пенсионную книжку получил, где написано, что назначена пенсию Семену Федоровичу по старости. Он аж отпрянул: почто по старости, не старик еще, кажись? Пошел в отдел кадров, попросил Фросю, чтобы поискала, может, есть книжки, где не старость записана, а, допустим, возраст. Фрося и говорить не стала: бумаги в райсобесе готовят, там и проси.

В район Сема не поехал, он района боялся еще с тех пор, как ездил хлопотать за друга своего Якова Матвеича, отца нынешнего председателя. Они на фронте шибко подружились, одной бомбой и ранило их при налете тяжелой авиации, только Сему контузило слегка, а Якова едва откачали, ногу отпилили и кое-что из внутренностей выбросили. Вернулся он в деревню совсем никакой, робить не может, а на пенсию документы где-то затерялись. Ну и рванул Сема в район, в одном здании пошумел, в другом, из третьего его под белы руки увели в камеру, а утром отправили в город соседний, в специальную лечебницу, ну, дурдом, по-нашему. Сема там только месяц и провел, но насмотрелся на всю жизнь. Какой-то доктор приехал, из умных, осмотрел Сему и заключение написал: в деревне рабочих рук не хватает, а тут здоровый мужик в калошах по двору ходит и кукишки воробьям показывает. Сему и отправили домой. Вместе с ним прибыло и народное подтверждение: точно, умом сшевеленный Семен, в дурдоме зря держать не будут.

Вот почему жизни нет простому русскому мужику? Вроде не шибко зло употребляет, работать может, а все как-то впустую. Крепко занимала умишко эта проблема: почему плохо живет мужик в деревне? Сема вспоминал свою жизнь. Первую само-

стоятельную борозду на пашне под зорким оком отца, когда послушная Пегуха осторожно прошла гоны, и десяток крикливых грачей бросились на свежий пласт чернозема. Потом эту землю вместе с Пегухой сдали в колхоз. Семку тоже записали колхозником, и он снова пахал эту землю, но земля была уже чужая, Пегуха тоже колхозная, и грачи вроде как загрустили.

Пришла пора, собрался Семка жениться, за Дашкой втихоря ухлястывал, Мартемьяна Безбородихина дочкой. Дарья-то не особо старалась убежать, когда с вечорок шли, но баловства не допускала, так и сказала:

— За титьку словишь — голову отверну.

Семка знал, что так оно и будет, в случае чего, потому жался к девке, как кот, щурился, да и она мурлыкала, в общем, заговорил Семен о свадьбе. Отец сразу сказал, что Мартемьян Дарью в нашу семью не отдаст, но сын настаивал, и сватов собрали. И Чирку, маленькому говорливому мужичку, и Парамонихе, которая знала весь обряд сватанья, пообещал богатый магарыч, пошли всей кампанией, но Мартемьян с раннего вечера спустил по двору двух кобелей, пришлось стоять под воротами и кричать хозяев. Кто-то из домашних убрал собак, но настроение жениха совсем пожухло: собак убрал, сам отлаиваться будет.

Мартемьян стоял посреди просторной избы, уперев руки в боки, поулыбывался:

— В передний угол не приглашаю, незачем. Дарье порку уже устроил, чтобы блюла себя и следила, кто рядом трется. Мне с тобой, Федор, родниться нет нужды, ты и при новой власти все в тех же штанах, как при царизме. Не фартит тебе, и сын твой такой, с топором за поясом, как разбойник.

— Ты, Мартемьян Фадеич, семью мою не позорь, мы всегда жили честно и своим куском. Ты в сельпо подался, и слава Богу, а мы по колхозной части, там навар жиже. Только поперек их судьбы не становись, до добра это не доводит.

— Уж не пугать ли меня взялся? Увижу твоего трухлявого рядом с дочерью — запорю, не сам, найду доброжелающих. Все, порог знаете, где. Савельевна, ставь ужин!

Через неделю Семка перехватил Дарьюшку темным вечером, никуда отец не выпускал, а тут, видно, нужда какая поджала, бегала девчонка в легкой шубейке к родственникам.

— Ой, испугал ты меня! Давай хоть от ворот отойдем, а то тятя услышит.

— Не бил он тебя?

— Нет, словесно. Пообещал в район выдать за дружка своего, торговый начальник какой-то.

— А ты?

— Я — что? Сказала, что не пойду, а он хохочет.

— Значит, отдаст. А я об тебе сохну, кусок поперек горла. Когда отправить-то собрался тебя?

— Не знаю, тут проговорился, что тому надо еще со старой женой развестись, да в райкоме все уладить.

— Даша, неужто ты согласишься?

— Ой, отстань, и так голова кругом. Все, побежала я. Постой, я тебя поцелую.

Она охватила его за шею, он распахнул полушубок, прижал ее, так что сердечко слышно стало, и они неумело и сладко целовались. Обмякнув, она выпросталась из его рук, запахнула шубейку и побежала к дому.

Семен Федорович тот вечер всю жизнь помнил, и как зиму страшную пережили, когда со дня на день грозился отец увезти дочь в район. Неведомо, какими путями все обошлось, сказывают, власти партейные сильно воспротивились, один чин так и сказал: «Кабы партейный билет разрешал, я бы каждый год баб менял, а то и чаще. Так что ты про молодую жену забудь, а то все мы тут с ума посходим».

Семен Федорович как сейчас помнил, что встретились они с Дарьюшкой ранней весной в лесу, случайно, он жерди приехал на паре коней рубить для колхозного загона, она березовый сок собирала.

— Ты не одна ли?

— Разве он отпустит? Брат со мной, да он сорок зорит.

И нацеловались же они в тот момент — до одури. Березовка давно через край бутыли течет, а Дарьюшка не видит, не хочет видеть. Брат два раза окликнул, отозвалась тягучим голосом, и опять губы в губы.

— Ты чего несмелый такой, Сема, потискай меня, мне сладко, когда ты мнешь.

— Ага, а сама придушить обещала.

Она хохотнула:

— Дурачок, когда это было. А теперь я створки тебе открою, если ночью придешь. Придешь?

— Приду. Седни?

— Нет, дня через три, я дам знать, тятя уехать должен. Жди.

Дом Мартемьяна, доставшийся ему от отца, купца, державшего три лавки, стоял в глубине сада из густых неухоженных зарослей черемухи, акации и сирени. Поговаривали, что старый купчишка откупился от властей, а магазины свои передал в сельпо. Торговали сами, Мартемьян со временем все к рукам прибрал, от мобилизации в Финскую войну прикрылся грыжей, хотя пятипудовые кули с телеги прямо на амбарную эстакаду забрасывал. Месячную выручку всего сельпо у Мартемьяна разбойники отобрали, его в район лошадь привезла едва живого, только Семен сам слышал, прячась накануне за завозней и поджидая Дарьюшку, как Мартемьян кричал приказчику Фиме:

— Бей прямо в лицо, чтоб синяки были, чего ты меня гладишь?!

— Боюсь, Мартемьян Фадеич, вдруг ты за обиду примешь?

— Вот дурак, сказано, для великого дела надо, бей, все стерплю, а не то завтра же в военкомат сдам.

Позавидовал тогда Семка приказчику, уж он бы уговаривать не заставил. Дарьюшка прибежала напуганная, говорит, тятя зашел в дом и скрылся в своей комнате, не велел даже чай подавать. Полезли они через заросли к окошку, и видел Семка, как Мартемьян с разбитым лицом деньги пересчитывал и на три пачки делил, бормоча:

— Всех куплю, сволочей, а на фронт не дамся. Мне и тут в войну славно будет!

Дарьюшка в последнее время совсем с ума сходить начала, так и висла на Семке, а тот радовался и вздрагивал: вдруг кто застукат? Прямо сказать, Мартемьяна боялся.

— Убежим куда, Сема, везде люди живут.

— Куда я без бумаг, колхоз не отпустит, а так — посадят. Гиблое дело.

— Достукашься, что выдаст меня за какого-нибудь полумотика, у него что ни друг, то жулик, и разговоров только про деньги. Завтра он уедет, как стемнеет, приходи к моему окну, я отворю.— Она прижалась к нему и шептала на ухо: — Увалень ты, Сема, и за что только люблю дурака? А отцу объявлю, что в положении, даже по деревне слух пущу, покочевряжится, и отдаст, никуда не денется. Все, побегла я, не дай бог, хватятся.

Ох, и долгий же был этот июньский день, уж сил нет терпеть, а все никак не темнеет. Мать спросила:

— Ты чего маешься? Живот скрутило?

— Скрутило, мать, мочи нет.

— Не трись здесь, сходи за пригон, потужься.

Ушел совсем, в дальнем углу сада перелез через прясло, дарьюшкино окно увидел, створки настеж, облапал кряжистую черемуху, подтянулся, на сучок встал, до

окна два шага всего. И тут как будто сучок треснул, и кто-то сильно лопатой плашмя ударил его по заднице. Когда уже бежал переулком, проскочив изгородь, понял, что стреляли в него, во как! Затаился, пощупал задницу — мокро, лизнул — кровь, а зуд такой, хоть волком вой. Докондыбал до Прони Бастенького, вроде как дружок, про Дарьюшку все знал, кое-как растаскал его на сеновале, рассказал. Пошли в баню. Поставив Семку задом кверху, Проня, осветил рану и захихикал.

— Ты чего ржешь, дурак, тут в зубах крови нет, а ему хаханьки.

— Семка, это тебе солью врезали, моли бога, что на четверть в сторону, а то бы и в окошки к девкам лазить нужды не стало.

— Ты не ржи, чего делать-то?

— Я так морокую, что отмокать тебе придется. Пошли на речку.

Вода была теплая, но Семку бил озноб. Проня заставлял растирать рану, чтобы соль вымывалась. Уже светать начало, когда Семка притащился домой. Несколько дней на работу не ходил, ничего, затянуло, как на собаке.

Поздним вечером Проня стукнул в окно и позвал Семку.

— Чего тебе?

— Выйди, дело есть.

Вышел. В тени ворот стояла Даша. Пронька махнул рукой и скрылся.

— Сема, это приказчик Фимка подслушал наш разговор и с ружьем сидел напротив окна. Сильно он тебя?

— Сойдет. Тебе, небось, тоже попало?

— Нет, тятя веселый ходит, не иначе задумал что-то. Ох, Сема, не хочу я ни за кого, а ты все медлишься. Бежать надо, здесь уйди я к тебе — убьет отец, я эту породу знаю. Того же Фимку наймет. Убежим, а? — Она положила головку ему на грудь.

Семен покачал головой:

— Некуда бежать, Даша.

Она неловко отпрянула от него, вздохнула тяжело, по-бабьи:

— Значит, нет в тебе жалости ко мне совсем, ты почто не ценишь, что в постелю свою позвала тебя, не мужа еще? До субботы жду, не решишься бежать — не подходи больше, я потом хоть за дьявола пойду, мне все едино.

И она быстрым шагом растворилась в темноте.

По теперешнему стариковскому разумению понимал Сема так, что убоялся тогда Дарьюшку выкрасть и тайком увезти, толи батюшки ее испугался, толи перемен жить в других краях, а это надо было не иначе, как в город. А кто он в городу? Так себе, пятое колесо. Ни разу в городе не бывал — куда бечь?

И три дня, оговоренные Дарьюшкой, прошли, и неделя, и месяц — не появляется она нигде, но речей нет, что в замуж увезли. Ретивое ноет, а ума не хватает. Приходит как-то дружок Проня Бастенький, зубоскалит:

— Дарью в лавке встретил, велено тебе к ихней задней калитке после управы подойти. Ты бы на всякой случай задницу дощечкой прикрыл.

Пришел пораньше, притаился, как бы опять на приказчика не нарваться, увидел, что сама бежит, сердце в пляс пустилось. Обняла его, целует, а у самой слезы:

— Ничего не решил, Сема? Ах, пожалеешь, да поздно будет для обоих. Вот, слушай, он опять кого-то мне нашел, свирепый стал, я как-то про нас с тобой заикнулась — чуть не ударил. Деньги ему глаза застилают, да и только. Так вот, слушай. Чтобы он чего не удумал, я в подпол полезу, как за картошкой, и с лесенки упаду, понарошку, а орать буду во всю правду. Пусть любых фельдшеров везет, иначе чем на излом ноги не соглашусь. Месяц просижу, а ты, Сема, поедешь в город, договорись тут с бригадиром, пока сенокос не начался, съезди и все разузнай. Я вот тебе денег на дорогу принесла. Сема, славный мой! — Она припала к нему и дрожала

вся.— Поезжай и все разузнай про работу и про жилье, говорят, там есть такие дома, где общаком живут.

— Это как?

— Ну, в большом дому у каждого свой угол. Ой, да господи, нам и хватит!

— Отец прибьет обоих.

— Не прибьет! Я ему записку оставлю про мордобой нарошнешный и про три кучки денег. Убоится! Все, убегаю, хватятся.

С утра и до позднего вечера добирался Семен до города, заночевал в какой-то пекарне, у девчонок рабочих выпросился, тут же и про работу узнал, про жилье.

Девчонки советовали:

— Коли специальности нет, лучше стройки ничего не придумать, будешь подсобником, тяжело и тариф слабый, зато койку в общежитии дадут.

— А я с женой...

— Могут и комнату дать, только навряд ли.

— Мы и не расписаны еще в сельсовете.

Девчонки смеются:

— Таких жен отдельно селят.

Утром нашел строительную контору, наскочил на прораба, тот сказал, что хоть завтра выходи на работу. В конторе койку пообещали и Даше тоже в женской половине.

Домой вернулся измученный и беспомощный, так и не пристал ни к какому берегу. Услышал, что Дарья ногу повредила, в глине замотана, дома сидит. А на улицу выйдет — что ей сказать?

24 июня в размашистые луга Лебкасного лога и Коровьей Падьи приехала на дрожках секретарь сельсовета Хроменькая Надя, сразу подтянулись мужики и парни, а она под расписку отдавала повестки. Все молчали. Молодежь хотела сразу сорваться домой, потому что отправка уже завтра, но бригадир приструнил:

— Надо сенишко дометать, вы уйдете, а колхоз со скотом останется, чтобы вас кормить.

Пришлось робить, только Наде наказали, чтобы по всей деревне бани топили, мобилизованных напоследок попарить.

Семка слегка обмылся, окатился холодной водой и вышел на воздух. Вечер мирный, небо в звездах, ни ветерка. Поднялся наверх от бани, она у них на задах огорода, подошел к пряслу, а Даша стоит в платочке, в платьишке ситцевом, вся воздушная, родная, так и прыгнула к нему на руки:

— Сеня, миленький ты мой, вот и выбор наш кончился. Ты скажи своим, чтоб не теряли, а я тебя в вашем сеновальчике ждать буду.

Коротка июньская ночь, для долгожданной любви коротка, для военной разлуки.

Даша так и не выпускала Сему из объятий:

— Родной мой, единственный, муж вечный, пентюх ты битюковый, отчего девчонка должна все за тебя решать? Не приди я — так и не насмелился бы. Я тебя ждать стану, ты возвернешься скоро, там же недолго, я в газете читала. А я тебе потом ребятишек нарожаю, целую кучу, таких же тихонь да скромненьких.

— Выдаст он тебя.

— Теперь не выдаст, прикинусь беременной, я же по-всякому умею.

— Идти надо, Дашенька.

— Пойдем. Сейчас он меня встретит.

Она обняла его и крепко—крепко в губы поцеловала, он даже сойкал, пригнулась к самому лицу, посмотрела на свою работу, довольная собой:

— Засос тебе поставила, чтобы все видели, что провожала тебя на фронт горячая девка, теперь уж баба твоя.

Вокруг зазвенели подойники, заспанные хозяйки толкали лениво жующих коров. Начинался очередной крестьянский день.

В глухих урманных местах спрятались три деревни, сказывали, не то пугачевские, не то разинские недобитые казачки сюда утянулись с Урала, баб по пути понабрали, да и обосновались. Леса богатющие, низины травой зарастают — литовку не протащить, а подлески да поляны распахали, рожь дуром дурит, перепелки выпорхнуть не могут, пешком выходят, колос с ладони свешивается.

Все это Сема знал от стариков, всегда интересовался прежней жизнью, когда своя не особо удалась. Будь пограмотней, записал бы, в потомство пустил, а так только сам и знал, да иногда рассказывал вместо баек.

Про колхоз его рассказ записал какой-то заезжий писака, три дня бражку пили у Семена, записал и рассказ вставил в книжку, когда советской власти не стало и распечатывали всякую чушь. Книжку ту он хранил и всякий раз показывал свой рассказ, хотя, очевидцы свидетельствуют, много всего Семка прибавил или писатель от себя тиснул. Но Сему это не смущало: история тем и интересна, что каждый ее может дополнить, если ума хватает.

«У нашего колхоза биография богатая, как у Володи-Тюрьмы, которого посадили еще ребенком, и за неполные пятьдесят он сроков получил в два раза больше, отсидел частично, зато в короткие передышки между посадками хвастал, как много он повидал. Бабы вздыхали, а ребятишки пучили глаза от восхищения и зависти.

Колхозы в наших краях создавали зимой тридцатого года, а наш образовался за одну ночь без предварительной проработки и подготовки, и это повергло в смятение районных начальников. Все понимали, что разовый успех наверху могут истолковать как результат системной и продуманной массово-политической разъяснительной работы, и никто не мог быть гарантирован, что завтра не заставят повсеместно поднять этот уровень и добиться единодушного и молниеносного вступления в колхозы всех граждан. А было много деревень, где единоличники заняли молчаливую оборону, поддакивали линии партии, но заявлений не писали.

Нашей деревне повезло в том смысле, что всегда у нас было полно мужиков с хорошо подвешенными языками, которые они не утруждали себя держать за зубами, и считали меткое слово не меньшей заслугой, чем добрый приплод в хозяйстве или хороший хлеб в закромах.

На собрание по поводу новой колхозной жизни в середине дня приехал к нам из уезда суровый человек в кожанке, правда, без нагана, хотя наган, сказывал сельсоветский кучер по прозвищу Кнут, у него был и лежал в «голенище», по-городски — в портфеле, в гороховой тряпице. Уполномоченный начал с положения в партии и прошел через все революции, включая поверженный женский батальон, охранявший последний бастион мировой буржуазии — Зимний дворец. Уполномоченный, явно не наших мест, громовым голосом картаво говорил о всемогущем лозунге «Земля — крестьянам!», который наши мужики понять не могли, потому что земля в Сибири и есть у крестьян, у кого же ей еще быть? Даже председатель сельсовета Никитка Щинников пахал и сеял. Про помещиков и капиталистов, которые безотрывно пили кровь из эксплуатируемого крестьянства, у нас не слыхали, и живыми этих кровососов никто не видел. Хотя в соседней деревне маркитант Феофан, когда колол свиней или другой скот, просил у хозяйки чистую кружку, нацеживал из раны свежей горячей крови и, перекрестившись, выпивал, вытирая тряпицей сгустки спекшейся крови с бороды и с губ.

Когда уполномоченный сказал про линию партии, и что она в данный исторический момент пролегла именно по нашей деревне, стало как-то не по себе, но в ответ на вопрос Никитки: «Кто за колхоз?» дружно промолчали.

Тогда уполномоченный заговорил о кулаках и подкулачниках, о текущем политическом моменте и о голодающих детях какой-то эксплуатируемой страны, имени которой никто в деревне до этого не слыхал, но, утверждал уполномоченный, дети там голодают только потому, что мы в своей деревне не желаем им помочь. Детишек было шибко жалко, некоторые бабы даже всплакнули, но для мужиков все равно было непонятно, и потому голосовать никто не стал.

Вот в это самое время, когда в президиумном застолье окончательно разыгралась растерянность, и уполномоченный похлопал по голенищу, наверно, проверяя, там ли наган, в это время к столу подошел Филя Задворнов. Он к советской власти никак не относился, но налоги платил исправно, приговаривал, что всякая власть от Бога, хотя в церковь ходил не чаще, чем в сельсовет. Он почитывал книжки и даже выписывал какие-то журнальчики про землю и про скотину.

Филя поклонился в сторону народа и произнес:

— Гражданин уполномоченный человек сурьезный, я и в газетах читал, что колхозы — штука прочная и надолго, потому вступать все равно придется, а чтоб время не терять, прошу вспомнить про Нюрку, что на Заговенье отдавали за Ваньку Федора Евсеевича.

Когда все дружно, под веселый хохот и отчаянное улюлюканье, подняли за колхоз руки, Никитка, чтобы не испортить момента, сам неудержимо хохоча, еще раз окинул орлиным оком большую школьную комнату, подвел итог:

— Записываю всех, так и отметим в протоколе, а заявления оформим завтра.

Только уполномоченный ничего не понял и угрюмо сидел за столом. Его революционное самолюбие было заметно ущемлено, он был подпольщиком до революции, тянул каторгу на рудниках, откуда сразу произведен в члены ревкома и наделен полномочиями комиссара ревполка. Он словом гнал людей на смерть и победу, дважды ранен, на съезде Советов с самим Лениным встречался, тут три часа речь держал, а аргументы какой-то Нюрки оказались и проще, и убедительней.

Наверно, за ужином Никитка расскажет ему, что в канун поста выдавали замуж простую девку Нюрку, и прямо на свадьбе, когда уже застолье подходило к концу, спрашивает перепуганная невеста у матери своей, как ей с женихом ложиться. Мать, женщина строгая, но справедливая, резанула во весь голос: «Ой, Нюрка, как ни ложись, все равно ухайдокат!». Скажи бы она тихонько, может, этим и обошлось, но совет слышали все и потом долго обсуждали, хотя все по собственному опыту знали, что так оно и есть.

Филька Задворнов, кажется, вовремя вспомнил о нюркином вопросе и мамашином заверении в неотвратимости счастья семейной жизни.

Потом у нас был колхоз и очень много председателей. Их привозили районные представители в маленьких плетеных кошевках, потому что собрания проводили сразу после Нового года, стараясь не угадать под Рождество, и, хотя церковь в нашем селе ликвидировали еще до коллективизации, в правлении опасались за явку по причине пьянки. Бывало, что председателя до окончания полномочий райком убирал после особенно ущербной зимовки скота или сразу после первого снега, который, оказывается, помешал успешно завершить уборочную кампанию. Снимал и ставил председателей райком, но почему-то требовалось наше поголовное голосование.

Привезенный обычно тихо сидел в президиуме с краешка стола и пугливо озирался, после собрания счетовод Крысантий Спиридонович торжественно вручал ему колхозную печать. С утра новый председатель начинал робко раздавать наряды, бригадиры тоже предусмотрительно помалкивали, но эти были из местных, они всех колхозников знали по именам, и в такое смутное время старались от коллектива не отрываться.

Что же касается Крысантия, то имечком его наградил крепко обиженный поп, который перед самым крещением младенца пришел в дом родителей новорожденного, чтобы получить необходимые подношения. Папаша, надо полагать, был человек прижимистый, на глазах священника вынес полную пудовку муки и ловко опрокинул в санный ящик. Поп все-таки успел заметить, что пудовка наполнена мукой со стороны донышка, по ободок, муки там фунтов пять, не больше, но промолчал, а на крещении посмотрел в святцы и нарек младенца Крысантием. Против попа не попрешь, так и остался парень с диковинным именем.

Перед самой войной, примерно за год, очередного председателя не в своей кошевке увезли в район в сопровождении двух милиционеров. Толи чего где не досдал, толи брякнул по неосмотрительности. Из района приехал один представитель, без подкидыша, вышел вперед стола, привычно расправил под ремнем гимнастерку и громко сказал:

— Райком решил вам, товарищи колхозники, дать право самим выдвинуть председателя колхоза, и потому рекомендует на эту должность хорошо вам всем известного старшего чабана члена партии товарища Ерохина.

Ерохин, или по-деревенскому Ероха, ничем выдающимся знаменит не был, даже чабаном работал как бы по неполноценности, работа эта нетяжелая и бабья, но детей имел много. Любил говорить при случае: «Мы, партейные...». Правда, внимания на это никто не обращал, так и жил Ероха, пока какому-то райкомовскому хлыщу не попала на глаза папка с его данными. И оказалось, что всеми статьями тянет Ероха на председателя новой жизни: из крестьян — беднее не бывает, линию партии блюдет, краткий курс истории ВКП(б) прошел и согласен. Грамотешки маловато, если не сказать, что совсем нет, потому как младшую группу он закончил, а в среднюю отец не пустил, потому что по хозяйству работать надо, а чтобы Ероха не ревел, шепнул ему, что в средней группе ребятишек будут кастрировать. Но в райкоме об этом не знали, конечно.

За Ероху проголосовали, никто слова против не сказал. Сам Ероха был напуган поболе привозных, но против райкома возразить побоялся. Руководил он обреченно, как овец пас. В правление ходил, как на принудиловку, но в райкомовские поездки снимал свои скосопяченные пимы с натянутыми на них литыми резиновыми галошами. Наш деревенский толковый мужик Алеша Крутожопенький всю округу снабдил такими литыми калошами. Штука эта в хозяйстве крайне необходимая, без заказов Алеша не жил, резину поставлял ему свояк с промышленного Урала. И весной, чтобы ловчее было ходить на ферму, председатель тоже заказал калоши на белые чесаные валенки. Алеша снял мерку, и через неделю, с усилием натянув изделие на чесанки, лихо поставил перед заказчиком: носи на здоровье!

Чтобы гладкая резина не скользила по твердому снегу, Алеша выливал на подошве поперечные полоски. И председателю тоже отлил, но так ловко, стервец, изловчился, что большая председательская калоша оставляла на снегу четкую печать: «Ероха». Дня два, наверно, никто ничего не замечал, а потом всех словно разорвало, хохот в деревне стоял, как на вечеринках в старые годы, когда кто-то ловко гасил лампу, и парни щупали девок ко всеобщему восторгу.

Ероха сразу велел заложить выездного жеребца и махнул в район. Говорят, он так у́шло все обсказал, что с ним согласились. Сейчас, говорит, колхоз на коленях стоит, вы же не хотите, товарищи партейные, чтоб я его вовсе на брюхо положил? Этого товарищи не хотели. Поговаривали, что главную причину, калоши со штампом, оставили в районе как вещественность, но это наветы, калоши видели потом на Ерохе, когда он опять стал ходить за овечками, только печать с них была уже срезана.

После войны, уже в 1946 году, председателем избрали нашего деревенского Ке-

шу, который на фронт ушел молодым парнем, а вернулся майором и с молодой городской женой. Звали его уже Иннокентием Алексеевичем. Офицерскую форму он, наверное, с год не снимал, только погоны отстегнул. Дела в колхозе, знамо, послевоенные, еще год назад дядя его по материнской линии склад не сумел ревизии показать, так чуть под указ не попал, ладно, самогонкой тогда три дня всю бригаду употчевал, а то бы загремел. При Иннокентии народ отпил. Трактором самолично давил самогонные аппараты под плач и матерки односельчан, все бочонки и фляги из-под браги конфисковал на общественные потребности, бабы на ферме кипятком с крапивой и смородинными молодыми ветками не могли сивушный дух вышпарить.

Зато построили клуб и новую школу, мост через Ишим прокинули, на отчетных собраниях председателя ругали нещадно, но избирали заново, а когда Иннокентия хотели забрать в райком, весь колхоз два дня на работу не выходил, правда, это в сенокос было, в аккурат задождило чуть-чуть, так что все кстати, но бучу тогда большую подняли. Пришлось вечером собрание собирать и объявлять людям: «Никуда, мол, я не поеду, жните, что посеяли, чтобы вас жабило...»

«Чтобы вас жабило» — это было его самое большое ругательство.

Когда целина нагрянула, у нас тоже много чего распахивали, не все, правда, в пользу пошло, но поболе, чем у соседей. Выгоны и сенокосы вечные Иннокентий пахать не стал, а заместо этого нашел такие пустошки в первых лесках, что перекрыл все планы и хлеба завез на элеватор столько, что заведующий возмутился: не вози больше, буртовать некуда!

Потом прошел слух, что за целину будут давать ордена и медали, и что нашему Иннокентию привезут геройскую звезду. Наверно, так и должно быть, только сразу после уборки Иннокентий выдал колхозникам на трудодни зерна столько, что во дворах мешков не хватало, и золотую нашу пашеничку вываливали из грузовиков прямо на чисто выметенные ограды. Такая благодать была не везде, соседи стали пенять своим председателям, те пожаловались в райком, и Иннокентия даже вызывали, подвели под него статью, что он, де, идя на поводу и потворствуя частнособственническим интересам своих колхозников, действует в ущерб общегосударственной политике советской власти в деле колхозного руководства. Напрасно доказывал Иннокентий, что перед государством он все выполнил, что колхозник тоже человек, он жрать хочет еще до отчетно-выборного собрания, когда паи распределят. Секретарь райкома, видать, хороший был человек, он прямо сказал Иннокентию, в чем дело: смута в районе пошла, до области донеслось, а в других колхозах все под госплан выгребли, дать придется на трудодень, чтобы только концы с концами... Сказал так же, что Звезда ему теперь уже не светит, обком отдаст другому руководителю. Иннокентия с колхоза убрали, двое суток с перерывами на еду и сон шло собрание, пока не встал секретарь райкома:

— Вы что, хотите своего председателя в тюрьму посадить? Ему же за этот хлеб авансом по трудодням срок полагается. Снимем с колхоза, доложим, что наказан. Не отдадите — силой заберут, ему же хуже. Подумайте.

Думать тут нечего. Мирона Чудинова привезли к нам из соседнего колхоза вроде как на повышение. Грамота у него небольшая, четыре школьных класса да курсы руководящих работников, но работу крестьянскую знал, дела наши шли неплохо. Мирона избирали в партийный орган и в депутаты, но всякий раз все заметнее стали спотыкаться о графу образование. На партийной конференции, когда мандатная комиссия докладывала о достоинствах делегатов, было отмечено, что с начальным образованием — один, и все знали, что это наш Мирон. Обиженный Чудинов пришел к первому секретарю и слезно попросил:

— Впишите мне хоть семилетку, ведь за эти годы я столько курсов прошел!

Ничего ему вписывать не стали, а скоро всех малограмотных округлили и отне-

сли к категории «неполное среднее образование». Тут наш Мирон ожил. Председатель всегда оставлял за собой последнее слово, будь то на заседании правления, на колхозном совещании или на партийном собрании. Чаще всего разговоры и тут вели о производстве, так что Мирон был в своей стихии.

Но однажды случилось страшное. На обсуждение общего партийного собрания колхоза вынесли вопрос о воспитании молодого поколения. Пригласили учителей, весь беспартийный актив, секретарь парткома сделал доклад. Выступили комсомольцы и культработники, директор школы и фельдшер участковой больницы. Мирон вышел к трибуне в самом конце собрания, привычно прошелся по сводкам и врезал осеменатору за плохую случку коров, поговорил о предстоящем севе, об угрозе ящура, только что пришла телефонограмма из района, потом наклонился к парторгу:

— Об чем собрание?

— О воспитании молодежи, Мирон Федорович!

— Да, мы сейчас обсуждает трудный вопрос об молодежи и куда с ней деваться. Конечно, ее надо воспитывать, как учит партия и правительство. Только как ее воспитывать, вот в чем вопрос! Я вот иду на собрание, уже потемочки, а Варвары Филипповны сынок, сломок господень, стоит на клубном крыльце, вывалил его через перила и дует! Так неужто его воспитывать, чтобы он на девятое бревно выссыкал!?

Собрание разделяло основные положения речи председателя, выслушало ее со вниманием и проводило аплодисментами.

Николай Макаров
(г. Тула)

Наш постоянный автор. лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ХИРУРГИЯ
рассказ-быль почти по Чехову

В начале двадцатого века Эмиль Кроткий изрек сакраментальную фразу: «Зубная боль — ерунда, если зуб болит у другого».

Ясен пень, Лешке Альховику — до лампочки этот самый Кроткий с его долбанным афоризмом. У Лешки Альховика зуб, вернее то, что находилось под коронкой вонзилось в мозг раскаленным, безжалостным броском гюрзы ровно через десять часов после выхода на караван. Хотя, как боль с левой нижней «семерки» шарахает по мозгам — не поймешь этих медиков с их анатомией.

И, ясен пень, ни ожидание каравана, ни адская боль под адски жгучем афганским полуденным солнцем никак не настраивали на лирический лад. Понятно — духовский караван от разведчиков никуда не уйдет, но когда уйдет...

Короче, об этих четырех кошмарно-мучительных днях — лучше не вспоминать.

...Бросив автомат брату-близнецу Сашке, Лешка, что твой рысак, помчался в ПМП — полковой медицинский пункт, предвкушая сладострастные мгновенья по случаю избавления и от мук, и от боли, и от этого злосчастного пылесо... тьфу, ты — зуба под коронкой.

Рванув дверь медпункта, конечно же, он увидел картину из того, далекого мирного советского прошлого, увидел лениво дремавшего «на тумбочке» дневального.

— Где зубодер, тудыть твою растудыть?

Подскочив от страха, дневальный, запинаясь, проблеял:

— Никого нет!

— ?

— Ни одного врача нет. Все в медсанбате, помогают там.— Продолжал блеять испуганный дневальный.— Я — один здесь.

Зная не понаслышке круто-драчливую репутацию разведчиков братьев-близнецов Альховиков, державших в страхе весь личный состав полка, дневальный растекся по стене, пытаясь прикинуться то ли ветошью, то ли портянкой, на худой конец — мешком с картошкой.

— Сколько служишь? — рыкнул Лешка, поднося грязный кулак к носу дневального.

— Пол... полгода.— Вновь проблеял, еще толком не понимая, что от него хочет поиметь этот близнец, то ли — Лешка, то ли — Сашка.

Схватив полуобезумевшего дневального за шиворот, Лешка (конечно же, Лешка), поволок бедолагу к кабинету «зубодера».

— Ты будешь удалять мой зуб!?!

— Я... я... я не умею!?!

— Или ты мне удалишь больной зуб,— Лешка опять поднес грязно-грозный кулак к носу дневального,— или я тебе выбью все зубы. В конце концов, ты — десантник или где?

Удобно устроившись в кресле, Альховик напомнил дневальному:

— Руки, руки, сучий потрох, мой лучше.

— Я не знаю как...

Лешка не дал ему договорить:

— Вон, на стене висит плакат.

Да, на стене висел плакат со сверкающе-здоровыми зубами, демонстрируя все прелести какой-то там зубной пасты.

— Видишь — лежат щипцы,— болезный наставлял вновь испеченного зубодера.— И, как клещами гвоздь, вырывай зуб. Не боись. Пока бить не буду.

Дневальный, еще дрожа от только начинающегося кошмара, взял злосчастные «клещи», зажал ими больной зуб и что есть силы рванул на себя. Посмотрел вместе с Лешкой на результат «зубодерства» — в «клещах» сверкала кроваво-красная коронка. Дневальный вытер салфеткой окровавленные губы пациента.

Боль, вроде, немного приутихла. Лешка осторожно провел языком по ранке. В ней нагло, чуть не оцарапав язык, торчали три не вырванных корня.

— Рви их тоже!

— Не знаю — как!

Лешка тоже не знал — как. В это время на их счастье — есть все же десантный Бог на свете — забрел и заглянул в зубоврачебный кабинет какой-то солдат за таблетками от поноса.

— Ты... — рыкнул на него Альховик,— посмотри в шкафу, может какой букварь по-зубодерству найдешь?

Второй раз фортуна повернулась к ним лицом — в шкафу пылился учебник по стоматологии.

— Ищи картинку, как вырывать зубные корни.

Совместными усилиями картинку отыскали. Вновь пришедший помощник, у которого моментально прекратился понос, зажал Лешкины ноги, а, вошедший во вкус и уже совсем не дрожащий, дневальный принялся за стертые «афганцем» корни левой нижней «семерки».

Без обезболивающих, без асептики и антисептики, без элементарного медицинского образования (по-русски говоря, с ломом и какой-то матерью) два солдата, взрезав десну с обеих сторон (учебник-то — на что?) удалили все корни у Лешки Альховика.

...Через три дня, как ни в чем не бывало, братья-близнецы: и Лешка, и Сашка в полном здравии со своей разведротой отправились на очередной караван.

ПИНДОСЫ

Десять лет назад, аккурат под Новый год, начал собирать и публиковать материалы о тульских афганцах. Одним из первых — очерк о Сашке Кравченко, который мне

поведал о «пиндосах». Мне это слово ничего не говорило. Пиндосы и пиндосы: мало ли кто и как в разные времена называл этих янок.

По закону жанра далее следует...

И вдруг узнаю про подноготную этих самых пиндосов. Но вначале отрывок из очерка «Он по-китайски шпрехает» из книги «Афганцы Тулы».

...Кто из нас знает, что у каждого генерала армии США имеется своя личная наградная медаль, которой он имеет право направо и налево награждать не только своих подчиненных? Еще меньше знатоков найдется, кому известно, что главный сержант сухопутных войск армии тех же США приравнивается к генералу: по крайней мере, по вопросам награждения своей личной медалью.

А наш земляк, гвардии майор запаса Александр Кравченко — десантник, разведчик, бегло говорящий на английском и разговаривающий с запинками на китайском, да просто хороший парень — награжден вышеупомянутым сержантом своей медалью за № 812. Вот так.

Из Югославии Кравченко «привез» кроме этой, с щедрого плеча штатовского сержанта, медали еще и Грамоту командира 101-го разведывательного батальона армии США подполковника Ровинье (фамилия — в русской транскрипции) «За спасение солдатских жизней», ООНовскую медаль «На службе миру» и наш Российский орден «За военные заслуги».

— И сколько ты жизней спас? — задаю вопрос Сашке Кравченко (для меня он: Сашка — вместе служили целых восемь лет в одной дивизии и потом неоднократно пересекались наши гражданские пути-дороги) — И, главное, чьи жизни?

— Сербы стреляли по американцам, албанцы стреляли по русским. Посадил на наши БТРы американцев и они спокойно, без потерь патрулировали с нашими солдатами по сербской территории. И наоборот — вот и весь секрет.

— Ты входил в состав штаба миротворческих сил ООН. Случались какие-то — как бы помягче выразиться — нестыковки с нашими «заклятыми друзьями»?

— Какие там нестыковки? Хорошо, пара случаев. Мы, русские, называли, не знаю, откуда это пошло, всех американцев «пиндосами». Однажды их бригадный генерал просит меня, чтобы я сказал командиру русского батальона о прекращении обзывания их солдат непереводимым и непонятным, но от этого не менее оскорбительным, словом. Командир строит батальон и командным с нашим национальным ненормативным колоритом громовым голосом вещает: «С этой минуты чтобы этих пиндосных пиндосов пиндосами не называть!». Или другой случай. Американцы — ребята простые. В армию призывают, как и у нас, с восемнадцати лет, а пиво разрешают продавать только достигшим двадцать один год. Я им и говорил: «Умирать разрешается в восемнадцать лет, а пиво пить в двадцать один — где же ваша хваленая демократия, где логика?». Все, с этих пор стали меня звать в переводе на русский «Создающий трудности»...

Оказывается, что на территории своей дислокации все американцы могли ходить, бегать, отдыхать, загорать хоть в плавках, но за пределами колючей проволоки — только в полной амуниции: бронежилет, каска, оружие и все остальное, согласно перечню. И не дай Бог нарушить американский Устав, и не дай Бог такого нарушителя ранят или убьют, тогда — громадный штраф, лишение всех и всяческих льгот и увольнение (если только — ранение) без выходного пособия.

Облачившись согласно описи, американцы были просто не в состоянии передвигаться нормальным шагом, а переваливались с ноги на ногу как пингвины.

И... ларчик открывался просто.

По-сербски пингвины — правильно, угадали — пиндосы, те самые — американские вояки-пиндосы.

ЛЕВОСТОРОННИЙ КНУТ
рассказ-быль

Если в стаде не одна, а три паршивые овцы? А если это — не овцы, а трое солдат-дембелей дагестанской национальности в роте? Это вам — не хухры-мухры, тем более — не мухры-хухры.

С такой проблемой столкнулся, только что прибывший на новое место службы, командир роты (не будем называть его фамилию за давностью времен) Кировабадской воздушно-десантной дивизии (за давностью времен и эта дивизия канула в Лета, оставив после себя только тяжкие ностальгические воспоминания).

Нет, эти дембеля — справедливости ради надо отметить, что полтора года они несли службу исправно, добросовестно, о чем красноречиво говорили две младшесержантские лычки (какой дагестанец — не командир!) на их погонах — оказались еще теми «дембелями»...

Кошмар, один кошмар: они не пререкались, не дерзили, а выслушав команду командира, лихо подбрасывали правую руку к голубым беретам, четко отвечая: «Есть!». И... и ничего не делали. Просто уходили в укромный уголок (в каждой части полно таких укромных уголков) долой с командирских все видящих глаз. Мало того: глядя на такое наплевательско-пренебрежительное отношения к требованиям командира, другие, всякие разные ротные «черпаки», «салажня» и далее — по списку, также расхлябанно-разгильдяйски стали относиться к своим обязанностям.

Мысль идти к командиру полка за помощью в наведении уставного порядка ротным и замполитом даже не рассматривалась в принципе. В сложившейся ситуации нужны какие-то другие нестандартные, где-то даже левосторонние действия (типа — левостороннего болта, или, учитывая местный колорит, левостороннего кнута) на их хитроумные ж... жизненные принципы — действия, не подпадающие (избави Бог!) под статьи УК и Дисциплинарного Устава Советской армии. И за рюмкой кировабадского пятизвездного, ни чем не уступающего знаменитому, так полюбившемуся Черчиллю, армянского аналогичного напитка, решение как бы само созрело после третьей (дело святое — третий тост!) порции чая. Присутствие замполита в таком деле сразу, автоматически превращало употребление этого напитка не в банальное чаепитие, а в продуманное мероприятие.

Не откладывая дело на завтра и послезавтра, здесь же, в ротной канцелярии, общими командирско-замполитовскими усилиями, особо не заморачиваясь дипломатическими изысками, сочинили три одинаковых письма родителям означенных бойцов.

Самих же нарушителей ротного — не Багдадского — спокойствия отправили на Гарнизонную гауптвахту: был бы солдат, а предлог для «отдыха» на «губе» всегда найдется. Хотя для наших антигероев, по правде говоря, и выдумывать ничего и не нужно.

Скоро не только сказка сказывается, но и почта в те далекие советские времена ходила согласно тарифному расписанию. И в рассчитанное время: письма — туда, рысаки — обратно (Дагестан-то от Кировабада — рукой подать). Седобородые отцы младших сержантов прискакали сей минут в парадных национальных одеждах с огромными кинжалами за поясами. И сразу, не отряхиваясь от дорожной пыли,— на злосчастный плац гарнизонной гауптвахты, где на левом фланге шеренги таких же нарушителей в безмятежном спокойствии, ничегошеньки не подозревая, обретались их сыновья. Коих в этот, отнюдь не радостный для них день, переодели в стиранное-перестиранное, старое-престарое, если точнее — переодели (естественно, специально для такого случая) в рванье дервишей, но... но с двумя младшесержантскими лычками на погонах.

Далее — картина Репина «Приплыли», или другая — «Отплыли и утонули». Взглянув на своих отпрысков, старший аксакал произнес только одну фразу: «Вы нам — не сыновья!», и вся экзотическая троица, лихо развернувшись, поскакала обратно в свои горы, бормоча молитвы Аллаху.

Младшие сержанты — их никто и не думал разжаловать обратно в рядовые — полчаса стояли лотовскими соляными столбами, не в силах произнести что-либо членораздельное.

...Оставшиеся полгода службы эти бойцы являли собой наглядное пособие всех Уставов Советской армии, способствуя наведению образцово-показательного порядка не только в роте, а во всем парашютно-десантном батальоне.

Как-то так...

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкортостан)

УРОЖАЙНАЯ ПОРА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

В сарае загремели лопаты. Распахнулась дверь, и во дворе появилась теща, одетая в застиранный синий халат, в косынке, из-под которой выбилась прядь волос, и в галошах на босу ногу, и принялась прислонять к забору разнокалиберные лопаты.

— Кольк, слышь меня,— она крикнула и повернулась к крыльцу, где сидел зять.— Сынок, что хочу сказать... Возьми подпилок. Лопаты поточи. Завтра начинаем картошку копать.

Сказала и опять скрылась в сарае и чем-то загремела.

— Знаю, что завтра,— буркнул Колька вслед.— Зачем каждые пять минут напоминать-то. Сейчас наточу...

Колька поплевал на окурок, затушил его и кинул в помойное ведро, стоявшее под умывальником возле крыльца, и поднялся, поддернув старое трико. Скрылся на веранде, а потом снова появился и, перетаскав лопаты к крыльцу, молчком принялся точить: вжик-вжик-вжик.

Завтра будет много работы. Колька искоса взглянул на огород, который полосой протянулся от бани и до самой речки. Они с женой каждый год старались взять отпуск или отгулы, чтобы помочь с уборкой картошки. Это сажать легче. Приходят соседи и всем гуртом сажают, а потом к следующему идут, и так, пока не закончат. А вот копать — это тяжелее. За один день не управишься. Так вымотаешься, руки-ноги не шевелятся. А теще не на кого надеяться, кроме как на Кольку и дочку. Сыновья давно разъехались и редко появляются. И по весне, когда нужно сажать картошку, Колька, приезжая в деревню, всегда говорил теще, зачем она столько сажает, если живет-то одна, а она в ответ: «Ну, как же без картошки-то? Нельзя! Вам выделю, сыночкам отправлю, для скотинки оставлю, а мне тоже надо покушать, а еще на семена оставить и немного на всякий случай придержать — мало ли... да чуток продам, а еще обменяю на арбузы и с вами поделюсь. Видишь, какая польза от картохи? Поэтому и сажаю!» Старшие сыновья давно перебрались в город. В деревню редко приезжают, и то стараются летом выбрать время, чтобы отдохнуть, чтобы на речке посидеть с удочками, ссылаясь на тяжелую городскую жизнь, или будут весь день валяться на кровати, изредка появляясь на кухоньке, чтобы пожрать, а потом опять скроются за занавеской, и не дозовешься — они отдыхают.

А Кольке нравилась деревня. Здесь было что-то такое особенное, чего ему в городе не хватало, да и будет ли это в городе — вряд ли. Он не мог объяснить, чем его привлекала деревня: природой или деревенскими жителями с их медленными долгими разговорами, а может своей неспешной жизнью, потому что время здесь по-

другому идет, тягучее какое-то, замедленное... Утром примешься за дела, вроде, не торопишься, а к вечеру взглянешь и удивляешься, сколько успел за день перелопатить. А в городе — суета. Туда-сюда носишься, все задуманное стараешься переделать, везде побывать, а вернешься домой и еле ноги тащишь, устал, как собака, взглянешь, а сделано-то так себе — курам на смех. В городе, как принято говорить, жизнь намного интереснее: театры там, магазины всякие, выставки да музеи — ходи и ходи, но все это Кольке почему-то приедалось, оскомину набивало. Ну, раз сходит на выставку, второй и третий раз, кажется, все новое, а в то же время, словно уже это видел — актеры разные, а декорации одни и те же. Правда, в городских магазинах товаров намного больше, чем в деревне. Полки ломились от всяких товаров — бери и радуйся, ан нет, забежишь после работы, не ходишь по магазину, разинув рот, а быстренько купишь, что нужно, и домой торопишься. И торопишься для того, чтобы весь вечер просидеть возле телевизора, и спать завалиться, а утром снова бежать на работу. И так каждый день, из года в год. Вся жизнь словно по кругу: бежишь, да бежишь... Колька не понимал, почему тянет в деревню. Сам-то в городе родился и жил, а когда женился, повадился ездить в деревню, и было такое чувство, будто все знает здесь: каждый бугорок, каждый камушек знаком, но главное — нравилась деревенская работа. За все хватался, а если не понимал, внимательно присматривался, как другие делают, и повторял за ними. Не бегал от работы, а сам искал, чем бы заняться...

А вечерами ходили к речке. Там на обрывчике была вкопана скамейка — это еще тесть поставил. Его давно нет, а скамейка стоит. И Колька с женой повадились туда. Сидели вечерами, смотрели на горы, что были на другой стороне, но разговаривали мало — больше слушали. Речка шумит, с ними разговаривает, а там птицы устраиваются на ночь, а чуть подальше плеснула рыба в реке, а над головой чернущее небо и по нему звезды: большие и маленькие, яркие и не очень, и все смотрят на них и подмигивают, а за спиной деревня затихла. Ночь... А бывало, что переделывали дела, выходили на крыльцо и сидели. Отдыхали. Соседи заходили на огонек, и начинался долгий разговор. О чем? Да ни о чем, так, вроде все вокруг да около ходили, а оказывалось, за жизнь поговорили, всю перебрали по камешку, по зернышку, по маленькой пылинке и все незаметно так, ненадоедливо...

И Кольке было интересно сидеть на крыльце и слушать, о чем говорят соседи да изредка отвечать на вопросы. Кто-то спрашивал про городскую жизнь или работу, другой буркнет, что в городе жить легче. Глянешь, вроде бы завидует, но зависть какая-то вялая, а скажи ему, чтобы в город подался за легкой жизнью, так руками-ногами станет отмахиваться, потому что где человек родился, там и пригодился, как постоянно говорила теща, но для Кольки делала исключение. Давно приметила, как его тянет в деревню...

Наступал вечер и Колька появлялся во дворе. Выйдет, присядет на ступеньку, закурит, а то и просто так сидел. Прислонится к перилам и слушает соседей, а они сидят и неторопливо разговаривают. Один что-нибудь спросит — и тишина. Потом ему отвечают — и снова тишина. Сидят о чем-то думают или просто отдыхают, да изредка перебрасываются словами, словно время тянут. А что тянуть-то его — это время, ежели и так оно тягучее. В городе давно бы спать завалились, а здесь сидишь и не замечаешь — это время. И расходились так же медленно. Один зевнет, встанет и потягивается, попрощается со всеми и тихонечко подается со двора. Чуть погодя другой поднимается и тоже уходит, следом еще поднялись и в калитку, а там уж самим спать пора. Пока расстелют диван, на нем жена спала, теща на кровати за голландкой, а Колька позже всех уходил на веранду и там ложился. А бывало, брал старое лоскутное одеяло, подушку и взбирался на сеновал. Бросит одеяло на духмяное сено, подушку в изголовье, уляжется, вздохнет поглубже и задержит дыхание, словно мед испробовал. Лежит, руки за голову, отовсюду разнотравьем пахнет, аж голова кругом

идет, веники березовые висят, удивительно, когда теща успевала заготовить, и не замечает, как засыпал. Казалось, едва прилег, а на улице петухи устроили перекличку. Все, пора подниматься. Утро наступило. Пора за работу браться...

— Кольк, а Кольк,— донесся голос тещи.— Скажи Верке, чтобы обед согрела. Я пока на огороде повожусь,— а потом опять крикнула.— Ладно, сама покличу... — и тут же громко.— Верка, поди сюда!

— Что расшумелись? — дверь приоткрылась и появилась Веркина голова.— Всех соседей перепугаете. Блажите во весь двор...

— Ставь чугунок на плиту,— опять крикнула теща из-за забора.— Своего мужика корми. Солнце высоко. Пора обедать, а он голодный сидит.

— Обойдется мужик,— заворчала Верка и отмахнулась.— Он работой занимается. Не отвлекай его.

— Как это так — обойдется? — всплеснула руками теща.— Корми, кому сказала!

— Верка,— протяжно крикнул Колька, продолжая вжикать по лопатам.— Тебе сказано, разогревай обед. У меня кишка кишке протокол пишет...

— Отстань! — выглянула Верка, и поправила подол коротковатого платья.— Когда лопаты наточишь, тогда накормлю.

— Теща велела,— захыкал Колька, покрутил лопату в руках и отставил в сторону.— А тещу нужно слушать. Разогревай!

Он повысил голос.

— Ишь, спелись, субчики-голубки,— шутливо заворчала Верка, дунула, поправляя прядку волос, и скрылась в избе.— Ладно уж, так и быть, мойте руки. Покличу...

— Верка,— опять позвал Колька, дождался, когда она выглянула, и сказал.— Притащи кусочек халвы, какую в магазине купили. Сейчас вспомнил про нее, чуть слюной не захлебнулся. В городе не такая, и не спорь со мной. Здесь вкуснее, а ты говоришь: старая, старая и липкая, как пластилин...

— Ага, отщипну с грязными руками,— она кивнула на тряпку и дунула, поправляя челку.— Обойдешься! Вон, лопаты точи, а то без обеда оставлю.

Сказала и опять скрылась в избе.

Колька тягуче сплюнул. И правда, в городе возьмешь халву, она свежая, аж слоится, но все равно вкус не такой, как в деревенском магазине. Сюда приедешь, зайдешь в магазин, и пялишься на витрины. Вроде бы выбрать нечего, глянешь на полки, там крупы, всякие консервы, спички и соль, пряники черствые, карамельки лежалые, а про халву и говорить нечего — сплошной липкий комок, а купишь немного этой халвы, отщипнешь кусочек, и чвалдыкаешь во рту, катаешь от щеки к щеке, а халва чуть горьковатая, но в то же время в меру сладкая, и с каким-то ореховосемечным привкусом, да еще к зубам пристает, но такая вкусная, аж готов сразу целый килограмм взять и сидеть, потихонечку отщипывать по кусочку и катать во рту, пока не растает... Колька звучно сглотнул и прислушался. Жена на стол собирает. Они еще вчера прикатили в деревню. На попутке доехали, чтобы быстрее добраться, а то полдня просидели бы на автовокзале в райцентре. Спрыгнули на землю, Колька взглянул по сторонам, а там по склону горы березки желтеют — золотом покрылись, в палисадниках рябинки раскраснелись, а вдалеке боярышник огнем полыхнул, с огородов горьковатым дымком потянуло и еще чем-то, и небо над головой синее-пресинее, какого в городе не увидишь. Колька вздохнул. Зажмурился и заулыбался. Наконец-то, приехали...

Не одним днем готовились к картошке. Заранее приезжали, чтобы погреб и подпол почистить. Колька внизу был, а жена с тещей вытаскивали ведра с землей и мусором. Потом наладил отсеки. Дальний под семена, потому что туда лишь по весне сунешься, а ближние для еды, на продажу и так, на всякий непредвиденный случай, а в подпол опускали только на еду. Там отсек для картошки и с трех сторон полки для

солений-варений. Все продумано до мелочей, куда и что будет ссыпаться и укладываться. Когда подготовили, настежь распахнули, чтобы проветрить и просушить. Теща уложила мешки на видном месте. Вдоль забора стволы лопат виднеются и пару вил на всякий случай. В сарае закуток приготовили, куда мелочь ссыпать...

А сейчас Колька сидел на крыльце. Затачивал лопаты и проверял черенки, а некоторые заменял на новые. Не торопился. Знал, завтра начнется тяжелая работа. Ладно, Тимоха пообещал прийти. Уж полвека прожил мужик, а все в деревне, от мал до велика, его Тимохой называют, а он не обижается. Всегда улыбается и всем соседям старается помочь. Хороший мужик, а здоровенный — страсть! Колька за глаза его прозвал Ильей Муромцем. Едва наступала весна, Муромец скидывал обрезанные валенки по щиколотку, сбрасывал необъятный полушубок, а шапку вообще не признавал, и ходил в тесном пиджачке и в подвернутых штанах, а сам босиком. Еще снег лежит, грязь непролазная, а он шлепает босиком по деревне и ему хоть бы хны. И так до глубокой осени, пока снег не ложился и лед не вставал...

Солнце село, по насыпной дороге медлительно прошло стадо, и теща заторопилась доить корову Зорьку, рыжую с белым большим пятном на лбу. Верка хлопотала в задней избе, чем-то на кухоньке занималась. А Колька присел на крыльце. Закурил. Прислушался. Мычали коровы по деревне. Там и сям заблеяли овечки. Опять, наверное, по кустам разбежались. Теперь до ночи будут хозяева собирать, разыскивать своих овец.

— Здорово, Колька,— за забором стоял Тимоха Муромец в расстегнутой до пупа рубахе и, как обычно, босиком.— Что сидишь?

— Отдыхаю, к завтрашнему дню готовлюсь,— сказал Колька и похлопал по ступеньке.— Заходи, Тимоха, покурим.

— Не, не хочу,— отмахнулся Муромец.— Все приготовили? А мы сегодня докопали картоху. Ужас, сколько уродилось! Но, слава Богу, убрали! Теперь голова не будет болеть, хватит или нет картохи до следующего года. Хватит и еще останется. Ага... Я уже договорился, что часть сменяю на арбузы. Со дня на день покупатели появятся. Говорят, что мешок на два меняют. И вы меняйте. Все не покупать, не тратить деньги. А так, сами вволюшку наедитесь, да засолите на зиму. А зимой арбузы — еще та закусь! Я каждый год солю. Ага...

— Завтра посмотрим, сколько картошки накопаем,— Колька кивнул в сторону огорода.— Теща курня два-три подкапывала, говорит, ничего уродилась, нормальная. Завтрашний день покажет, на что рассчитывать. Главное, чтобы теще хватило, а мы уж как-нибудь перебьемся.

— Хорошая уродилась, хорошая,— сказал Тимоха и громко зевнул.— За бабой так не ухаживаешь, как за картохой. Пололи, окучивали, твоя теща над каждым кустом тряслась, чуть ли не молилась, а может чего и шептала — кто знает. Сам видел, какие крепкие кусты стояли — загляденье! — и опять повторил.— Хороший урожай будет, хороший.

— Твои слова да... — прыснул Колька и спросил.— А ты придешь?

— Конечно, приду,— загудел Тимоха Муромец.— Подмогну вам. Девки собирать будут, а мы копать. Кто еще приедет?

— Дядька Ефим с женой обещал приехать,— пожал плечами Колька.— Но все равно, думаю, денька за три должны управиться. Пока выкопаем да переберем, а потом еще свезти нужно. Теща насчет лошади договорилась. На телеге перевезем. Главное, чтобы дождя не было.

— Правду говоришь, лишь бы погоды не подкачали,— Муромец взглянул на небо.— Нам повезло. Управились. Сухую картоху заложили. Ну, ладно, Кольша, я пойду. В баньку схожу и на боковую. Притомился чуток...

Он протяжно зевнул и неторопливо направился по дороге.

Небо выяснило. Осенние звезды не такие яркие, как летом, но все равно словно

россыпь над головой и перемигиваются, а там одна пропала, лишь чиркнула по небу и все — исчезла, а вдалеке поблекли звезды, видать, облачко натягивает. Колька долго сидел в темноте. Слушал, как засыпала деревня, все реже мычали коровы да звенели подойники, лишь неугомонные собаки то тут, то там взлаивали и тут же умолкали от грозных окриков хозяев. Но вскоре и они притихли. Наступила ночь. Колька поднялся. Еще раз взглянул на небо и посмотрел в сторону огорода, а потом направился в избу. Пора спать. Завтра будет много работы...

Утром, когда рассвело, Колька вышел на улицу. Постоял на крыльце, оглядывая двор. Теща уж давно поднялась. Завтрак сготовила, корову в стадо проводила, а сейчас корм курам задает. Колька глядел на нее и удивлялся, как она успевает справляться со всем хозяйством. Корова с овечками да еще всякая живность, а кроме этого участок с огурчиками-помидорчиками, да всякой зеленью, которая и летом в охотку хорошо идет, а уж зимой тем более. А рядом с грядками кочаны капусты виднеются. Много! Теща любила квашеную, и кочанами засаливала, и всякие салаты на зиму готовила, не говоря уж про соленые грибы, какие очень уважала, да если еще под картошечку... Зимы-то долгие — все уйдет. И картошки насажено — уйма! Сыновья укатили, почти не появляются. Тесть помер. Осталась одна. А картошки столько сажает, сколько при большой семье бывало...

На картофельных полосках там и сям замелькали фигурки. Торопятся, убирают, пока хорошая погода стоит. В низинках поплыла дымка, а над речкой туман заклубился, цепляется за кусты и деревья, наползает на обрывистый бережок и тут же исчезает под лучами яркого, но все-таки холодноватого осеннего солнца. А по берегу кусты золотом усыпало, и там, на другой стороне, по склону березки засверкали, а вот трава пожухла, к земле прижимается, зиму холодную чует...

После завтрака, подхватив лопаты и ведра, по тропке прошли на огород, что протянулся полосой до речки. Остановились. Пока теща разговаривала с соседями, Колька спустился пониже и приготовил место. Сюда будут носить картошку и высыпать в кучу, чтобы обсохла и проветрилась. Таких куч будет три-четыре на полосе. Он подготовил первую и вернулся. Закурил, поглядывая, как к ним неторопливо шагал босоногий Тимоха Муромец с лопатой на плече.

— Ну, ребятки, примемся? — сказала теща, взглянув на них.— Я выкопаю первую полоску, потом встанет Колька, за ним Тимоха, а мы с Верочкой будем собирать. К обеду подъедет Ефим с женой. Обещал.

Она взяла лопату. Подошла к крайнему кусту. Остановилась. Оглянулась на огород, о чем-то задумалась, потом быстро стала шептать, размашисто перекрестилась и взялась за лопату.

— Ну, с Богом! — сказала она, и вывернула большой курень картошки.— О, какая крупная! Добрый урожай соберем, добрый,— и быстро выкопала первую полосу. Остановилась. Взглянула на Кольку.— Ну, хозяин, начинай,— сказала теща и отступила в сторону.— Веди всех за собой.

Колька, гордый, что его назвали хозяином, поудобнее перехватил лопату. Тоже, как теща, оглянулся на большой огород, потом на соседей, которые там и сям уже вовсю копали картошку, откуда-то пахнуло печеной картошкой, он посмотрел на утреннее осеннее солнце, на березы, что золото рассыпали по склону горы за рекой. Помедлил, и воткнул лопату, поднатужился и вывернул курень крупной, с кулак, а то и поболее, картошки и, не оглядываясь, шагнул к следующему кусту, зная, что следом идет Тимоха Муромец, и тут же зазвенели ведра — это жена и теща неторопливо собирали картошку. День начался, а впереди еще...

Осень — урожайная пора...

Алексей Яшин
(г. Тула)

Фото из Википедии ©

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РУБЛЕВИК НА ШЕЛКОВОМ ПУТИ

Из жизни коллекционеров

Гостинодворцы китайский товар раскладывали и ожидали оживления промышленности.

М. Е. Салтыков-Щедрин «Сказки»

♦ В школьные годы Николай Андреянович*, не отставая от сверстников, умеренно коллекционировал старые монеты и ассигнации, марки, значки, спичечные этикетки, пистолетные и иные гильзы, а если попадались, то и заряженные патроны, а став с шестого класса юным радиолюбителем,— резисторы, конденсаторы, катушки индуктивности, радиолампы и только входящие в обиход полупроводниковые диоды и триоды, уже зовущиеся по-ненашему *транзисторами*. Хотя, хрен редьки не слаще, последнее английское слово и переводится как полупроводник... Отец его Андреян, боевой морской волк, хорошо державший в голове годы борьбы с иностранщиной в русской речи, и привел ему пример этих двух горьких на вкус овощей, разъясняя, впрочем, тоже пословицей: «Назови хоть горшком, только в печь не ставь!» Поскольку же, как потомок скупых на слова староверов, на отвлеченные от обыденных и служебных дел интересы говорил только введя в поджарый свой организм пару-тройку стопок «злодейки с зеленой наклейкой», что являлось крайне проблематичным в полностью «сухих» владениях Северного флота, к коим принадлежал ихний город Полярный, то и беседы со школьником-сыном случались редкими. Значит, следуя науке психологии, тем крепче и на всю последующую жизнь запоминались Николаю меткие и к месту определения отца.

Вот с таким почти трехмесячным перерывом — на Новый год, святое дело, мать выдала Андреяну заветную заначенную бутылку горькой, а в самом конце марта месяца приехал с недельку погостить у родителей старший из пяти сыновей, уже живший своей семьей в не очень далеком, но уже с вольной продажей спиртного Оленегорске — наш шестиклассник накрепко затвердил два философских определения отца, на короткое время разговорившегося на отвлеченные темы. При употреблении иностранных слов вместо русских: ...умеренно (при детях же!) нецензурно, но в том наклонении, что, исключая ученые греческие и латинские слова, а также англо-голландскую военно-морскую терминологию, иностранщина в речи есть вернейший признак и показатель высокой степени природного тупоумия и близости к нашим предкам-обезьянам с их подражательными ужимками.

---

* Николай Андреянович и Игорь Васильевич Скородумов — наши постоянные персонажи; см.: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

Прервавшись на тост за здоровье всех пятерых собравшихся сыновей (пили только двое старших, преступивших уже давненько порог совершеннолетия) и благополучное завершение прошлогоднего Карибского кризиса, Андреян закончил про иностранщину: «...Еще естественным представляется название вин: «Шато дэ икэм», «Абрау-Дюрсо»... опять же грузинский коньяк «Грэми». Словом, все не по-русски звучащие названия и иных предметов, завезенных из стран их изготовления. Но вот когда женщина, она же баба, щеголяет иностранными словами, обычно не к месту, то это как седло на корове!»

А в новогоднее разговенье отец разъяснил Николке саму суть коллекционирования: «Это с какого боку-припеку посмотреть. Вроде как и Плюшкин, которого ты по школе знаешь, а с другой стороны к частной собственности, которую в год моего рождения у нас ликвидировали, наблюдается склонность. Собирай лучше марки и монеты; будешь хорошо знать географию и историю, соответственно,— и, промолчав с полминуты, добавил,— впрочем, жадности в твоем характере не имеется, то есть, когда придет время за девками приударить, на том твое коллекционирование и завершится».

Дальше Андреян перешел на личности, то есть в очередной раз вспомнил Виссариона* с Седловатого маяка, страстного коллекционера, выцыганившего-таки у него за неполную литровку казенного спирта золотую английскую гинею, что в войну подарил Андреяну британский лейтенант-переводчик Джеймс Лэнг на память о совместной службе на острове Торосе, что севернее Седловатого... мористее, как в тех местах говорят.

Из всех своих собирательств, исключая, конечно, радиолюбительство, которому он отдавал все свободное время, Николка наиболее серьезно относился к монетам и бумажным деньгам, ревнители которых на языке коллекционеров именуются нумизматами и бонистами, соответственно. По сравнению со всеми другими предметами собирательства это полагалось им наиболее солидным в глазах одноклассников и вообще знакомой ребятни. Одобрял и отец, отдавший «на зубок» несколько царских и иностранных монет, собственно и положивших начало любительской коллекции. Из отцовых монет особо приглянулись ему серебряный полтинник РСФСР двадцать второго года и алюминиевый франк сорок второго года республики Виши маршала-предателя Петена с изображением гильотины, к казни на которой он и был приговорен судом после освобождения Франции, но де Голль человеколюбиво заменил ее на пожизненное заключение... Заинтересовавшись, Николка отыскал в районной библиотеке — тогда еще Полярный, а не Североморск являлся райцентром — парутройку книг по военной истории, прочитал их и впоследствии даже учительницу поражал своими познаниями в части Франции нашего века. «Вот видишь,— одобрял отец,— пятерки как с куста хватаешь, а всего лишь из-за одной монетки! Не перекладывай курса, следуй и дальше этим любознательным путем».

Как ни странно, но в сугубо военно-морском городе Полярном, в котором весь народ временно-пришлый, без местных корней, Николка собрал увесистую пачку ассигнаций, в основном, царские «синенькие», «зелененькие», «сашеньки» и «катеньки» разных годов печати, совершенно диковинные кредитки послереволюционных лет: «керенки», донские, советские времен Гражданской войны, колчаковские и вплоть до уездного махновского тисканья — все в номиналах от сотен до десятков и тоже сотен тысяч рублей. С такими же цифрами ассигнации — и откуда они здесь

* Реальное лицо: Виссарион Попов. Один из строителей уникального звуко-светового маяка на острове Седловатом — на выходе из Кольского залива. Он же известный в стране в 60—70-е годы филателист, издавший обстоятельную книгу о почтовых марках, посвященных Северу. Автор смутно помнит его по раннедетским годам, когда семья проживала на Седловатом.

взялись? — Веймарской республики, то есть Германии начала двадцатых годов, и даже оккупационные немецкие марки как Первой, так и Второй мировых войн. На недоуменный вопрос сына о «хождении» среди пацантвы нашего чисто военного, заполярного и вообще основанного на диком месте всего шестьдесят лет назад города таких денег Андреян и указал как раз на стопроцентно пришлое со всей страны население города: «Гм-м, впору иному особисту в штабе флота задуматься: что за мореманы у нас служат по своему происхождению, если с собой и на край света память о Колчаке, Махно, Керенском и белоказаках захватывают?» Николка усмехнулся на шутку отцову, но зато он прекрасно знал о происхождении кубинских купюр, причем исключительно в двадцать песо, размером под американский доллар, как знающие взрослые говорили, на которой во всю длину ассигнации живописно представлена высадка со шхуны «Гранма» на кубинский берег прибывшей команды Фиделя: все, кроме Че Гевары, с бородами, на плечах тащат американские пулеметы «кольты», сами перепоясаны патронными лентами — под наших революционных братишек явно косят...

♦ Двадцатипесовых кредиток у ребят столько водилось, что их использовали чем-то навроде междусобойной валюты. Старшеклассники — по бытовавшим в школе рассказам — и вовсе, собравшись на чьей-либо квартире с отсутствующими домочадцами, играли в кинга, банкуя пачками революционных денег. При этом для шику хозяин квартиры, рослый одиннадцатиклассник*, обряжался в отцов мундир капитана первого ранга, на стол ставил бутылку рома того же происхождения, что и кредитки, и все игроки дымили настоящими «гаванами», что с прошлого года продавались по тридцать пять копеек штука во всех табачных отделах и киосках страны... В Америке же их контрабандная цена за одну сигару взлетела до пятидесяти-ста долларов. Дави их, империалистов!

...Происхождение же такой инвалюты связано с прошлогодним Карибским кризисом, когда весь Северный флот двинулся курсом на Остров свободы. В Полярном опустела Екатерининская гавань, обычно под завязку набитая подлодками, их плавбазами, торпедными и противолодочными катерами и другими «плавсредствами».

Размещенным на кубинских рейдах и пристанях военморам из Полярного и Североморска, как то принято на чужой, хотя и дружественной территории, флотские финансисты выдали половину месячного оклада в местной, свежеотпечатанной двадцатипесовой валюте, на которую, кстати говоря, на блокадной Кубе купить было нечего... Как уже взрослому Николаю, молодому специалисту-инженеру, в его житье в Тулуповске рассказывал его старший коллега и приятель, служивший в тот кризис на Кубе сержантом на радиолокационной станции ПВО, даже не перевоспитанные еще Фиделем мулатки-проститутки манкировали деньгами с героической панорамой высадки с «Гранмы», а в полном отсутствии в стране парфюмерии брали за услуги с советских военных *компаньерос*, солдат и матросов, одеколоном «Тройной» из расчета: один непочатый флакон за визит.

Случилось так, что очередную зарплату в песо выдали чуть ли не в день, когда Никита и Кеннеди ударили — по телефону спецсвязи — по рукам и кризис упразднили. Команды же советских кораблей срочно собрали по бортам и отправили восвояси в Полярный и Североморск. Поскольку в школе учились в основном дети флотских офицеров, то вся неконвертируемая валюта и оказалась в руках однокашников Николки. Благо другого похода на Кубу не предвиделось... И у него завелось несколько двадцатипесовых, выигранных в пристенную стуколоку.

Но вот монеты, в отличие от бумажных денег, Николка добывал, причем исклю-

* Имеется в виду «хрущевская» одиннадцатилетка, упраздненная в 1966 году. Никита Кукурузник ее собезьянничал после поездки в США. Нынешние одиннадцать классов — оттуда же вывезены...

чительно царские серебряные и медные, в родной отцовой деревне Дворцы на берегу реки Угры, куда семья каждое лето приезжала на двухмесячный заполярный отпуск. Уже в день прибытия в избу младшей из сестер Андреяна Настасьи, овдовевшей в войну, от ее ребят Славки и Тольки о появлении Николки-коллекционера с Севера узнавали пацаны самих Дворцов, окрестных деревень Новоскаково, Ярлыково, Баскаково — все в воспоминании татарского времени — и самого райцентра села Льва Толстое, что все в округе именовали по старинке Тихоном; село было монастырское, Тихонова пустынь с недалеким отсюда освященным столетие назад целебно-спасительным источником, что доставляло хлопот районному начальству в двунадесятые церковные праздники. Хотя бы в самом монастыре давно размещались газетная типография, потребкооперация и ремесленное училище для подростков-инвалидов, а жители окрестных деревень происходили от двуперстников, старообрядцев-поповцев. Опять же про хрен и редьку...

И в первый же «киношный» день в ветхом новоскаковском клубе перед сеансом Николку окружала окрестная ребятня с монетами — от оббитого в игру расшибаловку малоценного увесистого пятака времен между первой и последующим революциями до уже заслуживающей внимания меди восемнадцатого и начала девятнадцатого века, уже не говоря о хорошо сохранившихся — в сундучной заначке у бабок и прабабок, явно копившихся на черный день — рублевиках, полтинах и четвертаках с портретами царей от Александра Второго до тезки Николки с номером два. Попадались и более ранние, но без царевых парсун.*

По деревенским меркам того времени Николка расплачивался щедро. Сугубой малышне, запыхавшейся от бега и зажимающей в ручонках медяки, впрочем, порой и ценные, первых романовских царей, он с достоинством вручал новенькие — только что хрущевская реформа-деноминация прошла — пятикопеечники. Столько стоил билет на фильм в клубе. Ребятам посолиднее возрастом, своим ровесникам, за серебряную мелочь, пятачки, гривенники и двугривенные, выдавал за каждую монетку, не считаясь с годами выпуска, по двенадцать копеек, на которые тут же в сельмаге, расположенном углом к клубу, покупался большой пакет сладкой воздушной кукурузы — слово «чипсы» тогда не употреблялось,— рецепт изготовления которой Никита Хрущев привез вместе с «кукурузной идеей» из недавнего путешествия в Америку.

За серебряные рубли, полтины и четвертаки, как царевы, так и советские двадцатых годов, Николка платил по номиналу: «рупь за рупь», полтина за полтину. Только за явно ценный екатерининский рублевик с портретом глубоко декольтированной императрицы парень из Льва Толстого, постарше Николки, поопытней в жизни, сторговался за два «рыжих», которые тут же со своим дружком потратил в сельмаге на бутылку — 0,7 ординарного портвешка, а на сдачу — два пакета той же кукурузы. На закуску.

Андреян, разглядывая дневную добычу сына, одобрял снисходительно увлечение сына: «Главное, не увлекайся этим особенно, проявляй интерес к истории тех времен, когда эти монеты в ходу были. Как говорили в старину: мешай дело с бездельем — с ума не сойдешь!»

Вот с этим самым екатерининским-то рублей с бюстастой царицей в дальнейшей, студенческой жизни Николая (уже не Николки!) история обернулась самым неожиданным для него боком. Улита едет, когда-то будет, но время для человека убыстряется со вступлением в активную фазу жизни, которая для Николки началась с триединого события: окончание школы, переезда семьи (хватит, повоевали, потрудились на благо страны в арктическом Заполярье, пора поближе к исходным родным местам возвра-

* Из каких-то неясных соображений Александр Первый не разрешал размещать на монетах свой портрет и указание на его цареву должность; также поступал и его брат Николай Павлович...

щаться...) в среднерусский Тулуповск и поступления его в местный политехнический институт. Чем-то он приглянулся председателю приемной комиссии, потому с первого сентября и был определен на все пять лет учебы старостой *своей* группы.

Памятуя об отцовой рекомендации совмещать дело и безделицу, как основе психического здоровья, Николай на первом курсе был мастаком пошутковать порой. Так для хохмы повадился носить за лацканом пиджака серебряный Георгиевский крест, что (без колодки, но с крепящим колечком) в тех же Дворцах выменял на почти не тронутую ржавчиной, как то бывает в песчаной почве, немецкую каску, обнаруженную при рытье нового погреба во дворе Настасьиной избы. ...Надо заметить, что хотя уже два года как Никиту Сергеевича отодвинули от верхней власти за «волюнтаризм и пробебелизм» (народ последнее слово произносил как *пробабелизм*...), но им самочинно дополненное словами «плюс химизация народного хозяйства» (это как сейчас *цифроизация*) ленинское определение социализма, как советской власти и электрификации всей страны, еще отражалось во всем укладе жизни, в том числе в вузовских программах. Потому в обоих семестрах первого курса всех технических специальностей химия полагалась, наряду с математикой и физикой, одной из главенствующих дисциплин. И два экзамена по химии не одну честолюбивую мечту первокурсника сломали.

Николай по химии, равно и по другим предметам, *шел* хорошо, даже ближе к *отлично*. Зубрить по-девчоночьи брезговал. Память и соображение от природы имел отменные. Тем более — староста! А в те годы народоправия должность эта являлась не номинальной, не на побегушках, но полагался свой голос, наряду с куратором группы, на деканских совещаниях. В частности, только от старосты зависело давать или не давать на текущий семестр стипендию сомнительному по успехам в учебе согруппнику! Но когда моложавый и уже осанистый по-профессорски, с вдохновенной копной вьющихся волос, убранных в пристойную академическую стрижку-прическу, доцент Борис Соломонович, зорко отметив серебряный крест, который Николай, отогнув лацкан пиджака, демонстрировал во время лекции приглянувшейся ему еще с сентябрьского, «ознакомительного» колхоза Леночке Самохваловой, мягким баритоном пригласил того в преподавательскую и начал внеучебный разговор о коллекционировании, то Николай, подумав о двух экзаменах по химии, дрогнул и сдался «без аннексий и контрибуций». На милость победителя.

К следующей встрече в преподавательской, из которой Борис Соломонович — мягким намеком, что-де учебный-то процесс идет! — выпроводил подчиненных ему ассистенток и лаборанток, Николай принес все свои монеты, уложенные в коробку из-под отцовского трубочного табака «Золотое руно». Отцепил из-за лацкана и серебряный крест.

...Как раз крест и екатерининский рублевик особо заинтересовали потомственного (в третьем поколении собираем русские монеты и награды, доверительно сказал Борис Соломонович) коллекционера. Как истинный педагог и профессиональный собиратель исторических древностей, велеречивый доцент не просто легко и без сопротивления выменял у *своего* студента крест и рублевик на монеты из принесенного им «обменного фонда» (Николаю было все равно какие, лишь бы посуху уйти...), но и хорошо поставленным лекционным голосом рассказал про предметы, уходящие от Николая: «...Оба они, екатерининский рубль и Георгиевский офицерский крест, не подлинники. Но настоящие серебряные. И их *серьезная* коллекционная ценность от того не уменьшается. Даже наоборот, ибо выделаны они во время изготовления оригиналов. То есть это не фальшивка, не *новодел*, а значимый артефакт истории! Они у *серьезных* коллекционеров идут по специальной графе и зачастую украшают основное собрание артефактов. Взять вот крест — он офицерский, а это высшая воинская награда. Оригинал то ли потерян на поле боя, а может и запропастился в большом доме помещика, отставного ротмистра или полковника. Но ведь императорский указ

в шкатулке лежит, вот и заказал он добротную копию у столичного или губернского ювелира.— Есть чем украсить сюртук на балу у предводителя дворянства!

Еще проще дело с *бывшим твоим* екатерининским рублем. Видишь вроде как крохотные полоски на аверсе и реверсе? Это значит, что монету не штамповали на Санкт-Петербургском монетном дворе, а выливали в примитивную глиняную или из иного жаростойкого материала форму, копирующую монету оригинальную. Так самодеятельные добытчики серебра «огосударствляли» свой незаконный промысел...»

Пожелав Николаю успеха в учебе и коллекционировании, Борис Соломонович внеслужебно поручкался с ним. На обоих экзаменах наш студент проявил отличные знания.

...История, следуя диалектике Гегеля, движется по спирали. Много лет спустя, Николай <уже> Андреянович, озаботившись поступлением сына в медицинский институт, где химия, наряду с биологией, суть главные вступительные препоны, а сын закончил школу с «гуманитарным уклоном», вспомнив о Борисе Соломоновиче, навел справки и узнал, что тот жив-здоров и вообще известен как главный в городе репетитор по этой дисциплине. Созвонился, поговорил на коллекционные темы, рассказал о своей докуке. Борис Соломонович обрадовался памяти о временах своей молодости, охотно взялся и довел сына Николая Андреяновича до поступления. Делай добро и оно всегда к тебе добром возвернется.

...С азбуки нам уже поздно начинать, или плохого князя и телята лижут, тем паче в наши век все подорожало, подешевела только совесть и все иные моральные качества современного человека, но все это многостраничное воспоминание в един миг обозначилось в голове доцента военно-технического факультета — по кафедре ракетостроения — Тулуповского университета Николая Андреяновича, в перерыве между лекциями «с окном» слетавшего на ближний Южный рынок с мотивированной целью: купить двухкилограммовый шмат соленого воронежского сала. С заполярной жизни уважал он этот продукт. Тем более, закадычный его друг, заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов с биофизического факультета их же «универа», как два пальца об асфальт, растолковал ему, что свиное сало, но только без мясной прослойки, есть самый безхолестериновый продукт, поскольку оно, сало, не имеет кровеносных сосудов, с которыми эта вредность попадает в человеческий организм.

Дожидаясь в преподавательской начала «чрезоконной» лекции с темой о флаттере, то есть дрожании (это как восторженно озвученный СМИ о новопостроенном волжском мосте, что вздыбился и заколебался при сильном ветре) несущих плоскостей крылатых ракет, Николай Андреянович все вертел в руках всученную ему в сдачу за сало пятикопеечную украинскую монету с рюриковым стилизованным трезубцем на реверсе и с цифрой «5» на аверсе — очень схожую с нашим пятирублевиком. Прекрасно он помнил, что в девяностые и двухтысячные годы, когда на всех российских рынках добродушные хохлушки продавали нарасхват копченое сало и колбасу, они же всучивали в сдаче эти самые *5 копійок* вместо схожих российских пятирублевиков покупателям из мужиков. Женщинам давать избегали, те слишком востроглазы.

Но сейчас-то, размышлял Николай Андреянович, когда с братанами-хохлами по указанию Великого глобализатора мы смотрим друг на друга только через пушечные прицелы, откуда на рынке эти *копійоки*? И сало на рынке токмо воронежское, хохлушек в помине нет... Но пришел к успокаивающему исследователя выводу: столько в свое время дружественной товароторговли пустили в оборот похожих на нашу пятирублевую монету *пятикопійок*, что уже наши покупатели вчиняют их отечественным торговкам, а те — в обрат. Словом, кругооборот воды в природе.

Прозвенел звонок, Николай Андреянович пошел рассказывать студентам, равнодушным ко всему кроме общечеловеческих ценностей, то есть долларов и евро, про явление флаттера у крылатых ракет и его сложное математическое описание.

♦ В то же самое время, пока Николай Андреянович, вертя в пальцах рук малороссийскую самостийную монету, бегло вспоминал свое детско-юношеское коллекционное увлечение (монеты и боны он давно раздал детям и внукам), его друг профессор Скородумов беседовал со своим деканом, только что вернувшимся из китайской командировки. Увлекающийся по своей доброй натуре декан делился впечатлениями от посещения Поднебесной:

— Жизнь кипит, почти на глазах на пустом месте целые города из небоскребов вырастают...

— Да-да, и мы помним из советского прошлого: «За ночь ровно на этаж подрастает город наш...».

— Что же поделаешь, дорогой профессор!.. Хотя нет, и у нас сейчас строительство на большом подъеме. Только деньги готовь или в долговую ипотеку влезай. У них же как-то все по-другому, наверное, еще по-советски, по социалистическим принципам. У нас в СМИ об этом молчок, а китайцы, которых я спрашивал, ловко уходят от прямого ответа. Но главное, Игорь Васильевич, ведь не только небоскребы строят, но весь их миллиард с солидным лишком постоянно делом занят! Мастерской мира, равно как Англия в позапрошлом веке, Поднебесная стала; луноход ихний уже невидимую нам сторону Луны бороздит, атомный подводный флот скоро с американским сравняется. Это вам не фунт изюму... по-ихнему не кило арахиса! Все при деле... Энтузиазм стахановский!

— Оно и будешь всю жизнь при деле — на отсутствующую пенсию рассчитывать не приходится. Да оно и у нас сейчас так... серединка на половинку. Насчет мастерской мира все верно. Особенно в наших пенатах: уже гвозди с шурупами исключительно китайской штамповки. И в едалове тож подвижки в их сторону. Искусственный рис из отходов пластмассы вроде как у нас еще не продается, но вот на гречку, национальный русский продукт, покушаются. Я сам по утрам уважаю рассыпчатую кашу из нее, под котлетку, конечно, домашнюю. Но вот намедни супруга, поженски польстившись на дешевизну, приобрела пару пачек, сварила на пробу, ем — чувствую явно не то, какой-то дикорастущий китайский гаолян... или чумиза?

Уже простодушный наш народ, безо всякого юмора и сатиры, житейски, не задумываясь, у продавщиц спрашивает, приценившись к чему-либо: «Это настоящий или китайский?». Я так размышляю, пусть трудолюбивые китайцы, нынешние наши вроде как союзники, хотя бы и показали свои зубы предупреждающе еще на Даманском, на меня не обижаются... размышляю, сопоставляя и анализируя действительность. В отличие от Британской мастерской мира девятнадцатого века, плюс Германской последней его трети и начала двадцатого столетия, нынешний Китай завалил весь этот мир ширпотребом. Выделяя в особливую статью электронику, то есть массово тиражируемую европейскую, американскую, отчасти японскую технику на ими же поставляемом оборудовании (как у Маркса: вывоз производства в страны с дешевой рабочей силой), все остальное имитирует западно-восточные оригиналы и производится в трех категориях. Особенно в части одежки-обувки. Для стран «золотого миллиарда» все это фабрикуется из добротного материала на поставленном с Запада и из Японии с Южной Кореей оборудовании. Заводы этого товара с многотысячными трудовыми коллективами располагаются в уездных городах.

Не прошедшие строгий контроль по материалу или качеству изготовления предметы ширпотреба организованно перевозят в соседний заштатный городок или большое село, где в цехах попроще, чем на «материнской» фабрике, на простеньком оборудовании всю эту некондицию доводят более-менее до ума. Этот второй сорт отправляют в Азию, Африку, в Восточную Европу, включая ниши бывшие «союзные социалистические». Самый же бросовый «некондишен» с фабрик и мастерских развозят по многочисленным окрестным деревням, где тамошний народ простейшим инструментом и

приспособой клепает товар для российских купцов из-за речки Амура, которые и развозят его по всем блошиным рынкам бывшей 1/6 части земной суши...

— Эк ты, Игорь Васильич, все живописал! Сам сочинил или в газете какой либерально-оппозиционной подглядел? То, что китайцы всему полезное применение найдут, это еще Чехов, который Антон Павлович, хорошо сказал: «Нет такого предмета, из которого китаец не приготовил бы обед...»

— Да-да, все верно. Но он, Чехов, там же и про евреев упомянул... но это не по теме нашего разговора. Так чем честь заслужил предстать перед вами?

— Не ерничай, Игорь Васильич, я по делу с тобою поговорить хочу. Поездку в Китай в группе исследователей в области биофизики, точнее биофизических методов в практической медицине и биологии человека, как нетрудно сообразить, мне «устроили» мои хорошие московские знакомые из научных кругов. Цель полагалась двоякой. Во-первых, сам догадываешься, после недавнего отлучения от Академии ее исследовательских институтов «академистам» самим приходится искать места и способы приложения их разработок, идей и прочая. Во-вторых, здесь все в струю попадает, то есть в недавно озвученную на высоком уровне программу усиления интеграции в экономических связях с Китаем, уже в СМИ получившую наименование нового Шелкового пути...

— Знаем, в сторону телевизора иногда смотрим: мы им газ, нефть, электроэнергию и дальневосточный лес, а они нам шмотье, гэджики для недорослей и баб, а ... впрочем и все остальное, начиная от кровельных гвоздей, благо у нас уже ничего не клепают, только энергоносители и эрзац-жратву! Отменно они только что подзаработали на переходе нашего телевещания «от слов к цифре»...

— Эк тебя то вправо заносит, то, напротив, либеральничать начинаешь. Ты уж определись!

— Про либералов это не ко мне. Либералы как раз ратуют гнать сырье только на разлюбезный им Запад: *це есть Еуропа*, как сейчас хохлы на ту же тему размовляются. Еще китайцам позарез нужен транзит по нашей территории: на Запад все везти.

— Ну, извини, дорогой заслуженный профессор. Я к тому подбираюсь, что не так все просто и грубо однозначно. Полагаются в этом Шелковом пути научные отрасли и наукоемкие технологии. Совместное самолетостроение, например. И нам надо подключаться к этим делам. Сколько у тебя, да и по моей части перспективных разработок! Я там у них только намекнул, сразу меня к окну подводят: видишь, мол, свежепостроенный десятиэтажный домище? Хоть сейчас заселяйте своими, например, вахтовым методом, аппаратуру, какую пожелаете, из Штатов и Европы мигом доставим. Нам активные мозги, идеи перспективные, но только с реальным сроком внедрения в практику, вот как нужны! И никакой у *вас* принятой волокиты, бюрократии, «откатов» тем более — у *нас* чиновников за взятки расстреливают... не на повышение переводят. А? Каково, Васильич?

— На чьем возу едешь, того и песенку пой.

— Это к чему выдержки из фольклора?

— А к тому, что музыку-то они, как работодатели, заказывать будут: может верхнее «си», а то и самое нижнее «до». Да еще с бемолями и диезами. Это я применительно к моей сфере интересов. Здесь практическое приложение, технологии, говоря уже въевшимся американским клише, равно может быть отнесено и к богоугодной медицине, но *еще более* к понятно какому, возлюбленному человечеством с пещерных времен, роду занятий. Притом особливо из всех этих занятий неразглашаемому. Вспомните, мой дорогой шеф, как в девяностые годы, когда, окромя новорусских дельцов и шестерок-бандитов, народ, в том числе и научный, вовсе потерял врожденную бдительность, время от времени сажали на приличные сроки, причем с общественной оглаской, московских и сибирских профессоров с приговором «за вы-

дачу гостайны». И уже не с оглаской, но в своих научных кругах, где все друг друга знают, всплывала подоплека: якобы совместные с китайцами исследования по «технологиям двойного назначения». Даже переданный «друзьям и братьям навеки» конспект лекций, что матерый профессор читает своим студиозусам уже полвека, мог послужить путевкой в узилище... Табачок-то врозь.

Мне лагерную феню осваивать поздновато, так что прошу не уговаривать меня сесть на верблюда нового Шелкового пути. Без меня как-нибудь. При всей моей советско-коммунистической убежденности и солидарности с социалистическим курсом нынешней Поднебесной. Хотя бы тамошние вожди и руководители уже поменяли сталинско-маоцзедуновские кители со стоячим воротником на европейские пиджаки и галстуки, а число их долла́ровых миллиардеров приближается к нашему братковскому. Да и не привычный нам социализм у них, а госкапитализм. Главное, «облико морале» совершенно различным традициям следует: у нас еще ощутимые отголоски проповеди Христа, да еще усиленные «Моральным кодексом» семидесятых годов; у них — конфуцианская обезличенно-прагматическая установка. Потому-то китайская подделка-фальшивка «под бренды» полагается ими нормой, а в нашем отечестве сейчас, конечно, сплошное воровство, спекуляция, надувательство и взяточничество, но хотя бы официально осуждаемое, главное — не принимаемое пока еще большинством «простого народа» (по антитезе, значит есть и сложный?), как говорили в советское время. Сейчас же его именуют, как сплевывают через губу,— обывателями...

— Разошелся ты, Игорь Васильевич. Уже понял: Шелковый путь тебе не по пути, ха-ха-ха, извиняюсь за тавтологию. Хорошо тебе — за умеренную, правда, оплату — в свободном плавании находиться. А от меня все по восходящей начальнической лестнице планов громадье требуют. Дескать, спущена сверху директива Шелковый путь торить — будь добр-стать телодвижения проявлять! Тут уже и стихами заговоришь. Главное, был бы толк-то? Это только в старину поговорка сбывалась: за богом молитва, а за царем служба не пропадет!

Под конец рабочего дня Скородумову позвонил Николай Андреянович; просто и без затей поинтересовался текущими докуками. Не забыл упомянуть о всученном ему на рынке самостийном пятаке со стилизованным рюриковым трезубцем. Опять же безо всякого умысла сказал... надо же о чем-то с приятелем говорить для вежливости, если прошедший день оказался серым и скучным. На безрыбье и рак рыба, то есть и незалежная монета суть деньга. Как-то в голове Игоря Васильевича, очевидно тоже от скучности завершившегося трудодня, нейроны и синапсы вдруг замкнули три совершенно разнородные предмета: Шелковый путь, детско-юношеское увлечение друга Андреяновича коллекционированием и скорый день рождения давнего приятеля. Замкнуло — и зачем-то застряло в голове.

♦ До дня рождения Николая Андреяновича, хотя и не «датского», не круглого... даже не полукруглого, друзья встречались дважды: оба раза, как повелось, в маленьком, но уютно обставленном кабинетике профессора Скородумова в корпусе биофака. Даже не то что повелось, но, как определил записной щегольский латинист Игорь Васильевич, *necessitatio practica* — необходимость заставила: в университетский корпус военно-технического факультета, где состоял доцентом кафедры ракетостроения Николай Андреянович, у мирного по роду занятий Скородумова допуска не имелось.

В первую из этих встреч, назначенную принимающей стороной и вовсе по малозначащему поводу — профессор, страстный библиофил, похвастался своим новым приобретением, староизданной книжкой модного во второй половине девятнадцатого века публичного философа Бокля о роли женщин в науке,— Игорь Васильевич, вспомнив о давешнем украинском пятаке, перевел разговор на известное ему увлечение собеседника в детско-юношеские годы коллекционированием монет.

— Было дело,— усмехнулся Николай Андреянович,— тогда все ребята что-то собирали. И я не отставал. Все в прошлом нашем славном, увы, быстротечном. Раздал я свою любительскую, скромную коллекцию детям; теперь вот, если что в руки попадется, внуков-дошколят приобычаю. Для будущих успехов в истории и географии, хотя бы сейчас и переведенных в бездушную *егэфско-тестовую* систему...

— А дозволь полюбопытствовать: откель и что это самое... в руки попадает?

— Да все современные иностранные, преимущественно курортных царств-государств навроде Таиланда, Лаоса, Египта, Турции... Сам знаешь, бабы, те же наши доцентши-преподши, с конца девяностых годов повадились летать на эти импортные курорты. Как понимаешь, не из-за каких-то там достоинств такого отдыха, но исключительно по принципу тусовки, как мы с тобой это называем: мол, Верка по два раза в год *лётает*, а я чем хуже? И давай своего мужика теребить. Тому бы весь свой отпуск и дарованные партией и правительством десятидневные «рождественские каникулы» провести от трудов праведных в умеренном запое, на худой конец в диванной лежке перед телевизором (а у «ходоков» свой интерес...), а тут его в Турцию тащат. Что он там не видел? Турок что ли? Так сходи на ближайший к дому рынок — какого угодно фасону физиономий узришь!

Словом, Васильич, как *слётают* на «боингах» — советские еще «илы» и «тушки» давно уже поизносились, а новых не клепают — наши факультетские бабенки, чьи мужики с деньгой, в Азию-Африку, а то и вовсе на Кубу и доминиканскую часть Гаити, так меня в презент и одаривают монеткой-другой... Как говорится, полетели за море гусыни, а прилетели — тоже не лебедушки!

— Это из каких-таких соображений они презентуют? У ихней сестры все по умыслу делается!

— Забыл, герр профессор, о природной их слабости: любви к детям, и своим и чужим. И подавать-то мне инвалютой стали после того, как обмолвился о приучении внуков к нумизматике. Доцентши это дело одобрили: пусть сначала для игры денежки собирают, а подрастут — будут на жизнь уже настоящие бизнес-деньги копить. Вот их будущие жены и тещи-то довольны будут!

— Логично,— отметил Игорь Васильевич, хотя бы в наличии у женщин логического мышления сильно сомневался. Даже специальную философско-психологическую монографию на эту тему написал и в столичном издательстве опубликовал в начале двухтысячных годов, когда гендерной толерантностью еще не задолбали...

— А скажи, Андреяныч, когда в руки монетки эти берешь, не бьется сердчишко страстью бывшего коллекционера?

— Ну как же, воспоминания детства-юности и все такое. Нахлынет теплом, хоть на миг да отвлечешься от суконно-цинковой нашей действительности, когда божиться не велят, а лгать заказывают. Но — всему свое время; той первозданной радости и волнения сердечного от обретения новой монетки уже не вернешь. Как ты это на излюбленной своей латыни говоришь о быке и Юпитере?

— *Guod licet bovi, non licet Jovi*, Андреяныч, что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру. Это ты верно заметил. «По закате солнца денег не считать»,— бабуся моя говорила.

Все он подводил приятеля к какой-то цели, неосознанно для себя:

— А что, Андреяныч, собирая в отцовой деревне и окрест ее царские рублевики и полтины, серебряную и медную мелочь, небось постоянно держал в голове, еще мальчишечьей вихрастой, такую цацку заиметь, чтобы и ноги от восторга подкосились, а?

— Конечно, и мечты имелись. Я ведь не бездумно, как тот же Плюшкин, о коем мне отец напоминал к случаю, скупал или выменивал монеты, а читал на эту тему, о денежных системах, о редкостях, все, что на глаза и в руки попадалось.

— Наверное и про константиновский рублевик слышал?

Николай Андреянович, в этот миг багодушествоваший и подносивший к губам чашку с чаем (в эту встречу пился только чай; хозяин кабинета иронизировал, дескать, зарекся и заклялся пить — от воскресенья до поднесенья...), остолбенело выпрямил, как ефрейтор в парадном строю, голову, наддав при этом подбородком по чашке, часть содержимого которой горячей струей плеснула ему же на правое колено.

— Ты чего, Андреяныч? Не в то горло пошло? Оно и понятно, чай не коньяк, организм противится,— рассмеялся Скородумов, увидев, что вреда здоровью друга нет.— Так почто встрепенулся-то?

Николай Андреянович, отставив на стол досадливую чашку и вытирая-промокая брюки на колене услужливо протянутой хозяином бумажной салфеткой, исподлобья взглянул на недоумевающего Игоря Васильевича, промолвил глухо, как обычно говорит тот, чью затаенную мечту походя зацепили неосторожным словом:

— Откуда про константиновский рубль знаешь?

— Здрас-сьте не запылившись! Что я по-твоему полный ботаник, как нынешнее подрастающее поколение выражается? Хотя и служу профессором и на биофаке, но интерес свой тычинками-пестиками... ну-у и коньяком дагестанским, почти неподдельным, как тебе хорошо известно, далеко не ограничиваю. И много чего другого в жизни повидал, услышал. А если интересует конкретика, то отвечу: когда в Ленинградском университете — после нашего с тобою политеха тулуповского — математику изучал, что же мне в Эрмитаж зазорно было сходить? Там в нумизматическом отделе и видел этот рублевик. Да еще экскурсоводша про него рассказывала. Мол, эту редчайшую монету Эрмитажу, то есть музею в своей собственной *квартире*, подарил царь Александр-Освободитель. А ты тут чаи, хорошо на свои же брюки, расплескиваешь от возмущения, что не сам-один только знаешь об этой монете. Да-а, типичная, как говорят профессиональные психологи, фрустрация, то есть фактор перенесения объективации, коллекционера! Ладно, обиды не таи, извиняюсь, что прямо в твою хрустальную мечту попал. Неужто со школьных лет про него знаешь? Расскажи, словом, не во гневе твоей милости, не в зазоре твоей чести, как кто-то из классиков изрек.

Николай Андреянович, вытерев коленку, справился с совершенно невольным порывом, сам рассмеялся живучести психологии хотя и давно бывшего, но все же коллекционера. Допив нерасплесканный из чашки чай, неторопливо поведал о жемчужине русской нумизматики:

— Узнал я о нем, о рублевике Константина, несостоявшегося российского императора и самодержца, как ты верно угадал, еще в школьные лета. И как ты — в Ленинграде. Правда, под окончание этих чудесных, как в песне, школьных времен. А точнее — в последний год правления Хрущева, когда я перешел в десятый класс. Но Никиту Сергеевича подвинули с поста, вернее, со всех его должностей, осенью. Летом же наша семья в последний раз ездила в отпуск в отцовские Дворцы, ибо год уже моего окончания школы, хрущевской же одиннадцатилетки, был прощанием с Севером и переездом всего семейства в Тулуповск — на Большую землю, как говорят в Заполярье.

Для приобщения своих детей к «цивилизации» Андреян чередовал маршруты поездок, то есть выбирал поезда, следующие или через Москву, или через Ленинград. Там и этам брал билеты на продолжение пути с расчетом побольше часов пробыть в столицах, поездить на экскурсионных автобусах. В этот год дорога лежала через Ленинград. На правах почти что взрослого десятиклассника, оставив родителей и братьев меньших на Московском вокзале, часов пять, благо стоял прекраснопогодный июнь месяц, гулял по Северной столице, ориентиром держась Невского про-

спекта, Васильевского острова и Петропавловской крепости. Пришвартованной к набережной «Авроры» тож. В исторической части Ленинграда не заблукаешь.

Понятно дело, не обходил книжные магазины, особо выискивая, как радиолюбитель, популярные брошюры по этому славному делу. А на книжном летнем развале около магазина академической литературы на Васильевском острове, около университета, в котором ты, друг мой, попозже годами математику постигать станешь, обнаружил свежеизданную тоненькую книжицу в мягком переплете под названием «По следам одной редкой монеты». Издана здесь же, в Ленинграде. Она и посейчас у меня сохранилась, а из уважения к ней и к ее автору, еще учась в политехе самолично и любовно переплел — одно время увлекался этим мастерством. По глазам твоим и мимике вижу — догадался, что книга эта о константиновском рубле.

— Давай, давай, Андреяныч, заинтересовал. Потом и книжку эту мне для саморазвития на пару дней занеси.

— ...До поезда еще уйма времени, потому на Стрелке Васильевского, заприметив летнее кафе-мороженое, сел за выносной столик и начал читать. Не хуже чем детектив! — За полтора часа внимательнейшим образом прочитал. Трижды к прилавку подходил и брал посудину со вкуснейшим развесным мороженым — как будто вчера помню: одно с черносмородинным вареньем, другое с малиновым джемом, а третье с ванильной шоколадной крошкой. У нас в Полярном, увы, мороженое не делали. Не до того на Северном флоте в разгар «холодной» войны после хрущевской кузькиной мамаши с ООН-овской трибуны было... Не до того, Федя, не до того!

История же с рублевиком Константина достойна пера Конан-Дойля и Эдгара По. Но только не современных детективщиков: не по Сеньке шапка. Их уровень — менты, их друзья бандюганы, проститутки и *олигархеры* уездного масштаба. Словом, по Салтыкову-Щедрину: не задевать персон чином выше коллежского асессора. А в истории с константиновским рублем действующие лица суть цари, великие князья, министры. И ареал действия — от Петербурга до Нью-Йорка. Тем более все оттенки чувствований и прочей психологии: от подхалимного угодничества (знает лиса чье сало съела) министра финансов, подольстившего Константину, на самом деле вовсе не собиравшемуся отказываться от уютного места наместника в Царстве Польском и занимать хлопотную должность Царя Всероссийского, приказавшего отпечатать полдесятка пробных рублевиков с профилем Константина, до интересов великих князей нумизматов, опереточной серьезности высокопоставленных инициаторов подделок и мышиной возни европейских и заокеанских спекулянтов. И все это накладывается на восстание декабристов с междуцарствием в пару недель между братьями Александром и Николаем и брательником же Константином, которому сгоряча после смерти Александра присягнула царская семья и вся Россия... Окончание же с похождениями рублевиков — революционные события семнадцатого года, расстрелы великих князей, эмиграция... Впрочем, какое окончание, если время от времени «потерявшиеся» рубли хоть и редко, но всплывают на самых солидных аукционах! А может и всеми забытые лежат по пыльным углам.

...Во все время страстного, увлеченного монолога Николая Андреяновича профессор Скородумов несколько удивленно всматривался в восторженное лицо друга, как бы что-то оценивая про себя. Такое выражение оценки-настороженности бывает у подростков при игре в чет-нечет, она же орел-решка, коль скоро речь идет о нумизматике. Но еще более внимательный, явно не гармонирующий с детективной темой, взгляд Игоря Васильевича можно было отождествить с опытным врачом, стетоскопом прослушивающим сердцебиение у пациента: как оно, сердце-то, выдержит интенсивную терапию? Или лучше поберечь, обойтись щадящим, таблеточным? Да-а, сочувствовал профессор, опасно быть коллекционером!

...Расставаясь на уличной развилке, от которой обоим рукой подать до своих домов, профессор взял с друга слово, что в следующий вторник, день его рождения, будь-стать прибудет к нему в два часа пополудни: «Неудобно, конечно, зазывать именинника к себе, но к тебе в корпус, сам понимаешь, суровый вохровец не впустит. В компенсацию за неудобство — фуршет за мной!»

♦ Оба приятеля до причисления к лику вузовских работников («Пора на пенсию, в Сенат!») трудились в военно-промышленном комплексе. И познакомились, сдружились в знаменитом тулуповском Конструкторском бюро (ныне покойного) академика Гусакова — оружейника с мировым именем. Потому были людьми дисциплинированными и обязательными. То есть аккурат в следующий вторник в начале третьего часа Игорь Васильевич поздравлял приятеля в своем уютном кабинете с очередной прибавкой, увы, не оклада или пенсии, но в возрасте.

— Мы с тобой, Андреяныч, не барышни на выданье, годами не пристало нам считаться, тем более огорчаться. Тем более, они не деньги, что легко занимаются, но натужно отдаются, наоборот, «мои года — мое богатство», как поет, вроде бы до сих пор, грузинский певец. Это тот хрен, что после «пятидневной войны» за Цхинвали публично отказался от советского еще ордена. Давай, присаживайся к моему скромному достархану с почти неподдельным «дагестанским»! Поговорим неторопко пару часиков — извиняюсь, мне к четырем в главный корпус: позвонили с утра, велели прибыть; «диссерный» совет по кибернетике, в который вхожу, срочно проректор по науке повелел собрать: будет нас упрекать, что за последние три года всего одна кандидатская защита. А совет-то при чем, если оболтусов в аспирантуру на аркане не затащишь. Окончили «универ» — и в хакеры деньгу зашибать! «Ботаников» и наивных радетелей науки уже не осталось. Тем более никто не помышляет о будущем доцентстве и профессорстве. Как Маяковский скандировал про добычу радия, что в грамм добыча, в годы труды. А добыча-то, то есть должностные оклады, поменее чем у дворников-гастарбайтеров, а из русских — магазинных охранников-бездельников и кассирш. Ну-у, господь с ними со всеми от гастарбайтеров до проректоров, а вот тебе, как ракетчику, мой именинный презент: прижизненное издание сборника работ Жуковского по воздухоплаванию. Почти год, как приобрел в «Буккниге», держал для тебя, утаивая!

Приняв восторженные слова благодарности Николая Андреяновича, не хуже профессора Скородумова любителя и коллекционера печатных первоисточников, хозяин разлил по первой, заздравной, добавив скороговоркой как-то безотносительно, что подарок его скромен по нынешним утилитарным, вещественно осязаемым временам, но до заката дня еще далеко, а судьба порой неожиданно преподносит *всевозможные сюрпризы*. И совсем пропустил именинник, занятый бутербродами с красной икрой, кумжей и грудинкой натурального копчения, мимо ушей некие отстраненные от события дня рассуждения Игоря Васильевича, как будто самого себя убеждающего, на тему антистрессовых свойств умеренно выпитого коньяка. Тем более, под хорошую, калорийную закуску.

— Какой, какой-такой стресс? — заинтересовался было Николай Андреянович, но приятель, сообразившись неуместностью сказанного, тотчас перевел разговор на другую тему, только заметив, что стресс есть палка о двух концах: от огорчения и от сугубой радости.

— ...Так канадский немец Ганс Селье, создатель науки о стрессе и дистрессе, объясняет,— пояснил по-профессорски Игорь Васильевич,— говоришь, внучки твои детсадовские тебе ко дню рождения картинку нарисовали цветную: «Дед Коля — машинист паровоза»? Ну да, у тебя ведь супруга учительница рисования, знает, как направить неумелую еще детскую руку с карандашом или фломастером...

Без десяти четыре пошабашили, вышли на улицу, в пару минут дошагали до соседствующего главного корпуса, на углу обменялись парой слов на росстанях:

— Ну, именинник, ты ведь по проспекту пойдешь?

— Конечно, знаешь же, что напрямки по проулкам сейчас сложно из-за стройки-«вставки» пробираться.

— Давай, иди. И мне пора пред светлые проректорские очи с нарочитым (сам все понимает — труба дело с аспирантами) гневом.

И добавил шутливо:

— Много не пей дома, ведь завтра трудодень! — Тем не менее для приличия топтался на углу корпуса, вроде задерживая друга. Наконец, еще раз пожав руку приятелю, развернулся и неторопливо пошел к входу в главный корпус, но боковое зрение все же отследило удаляющегося Николая Андреяновича. Даже увидел, что того остановил (закурить или мелочи попросил?) некий бомжеватый мужичонка. Действительно, в четыре часа проректор собрал для административной вздрючки совет.

Придя после проректорского разноса домой, профессор Скородумов имел вид рассеянный. Явно не «стандартный» административный разнос являлся причиной этого. Ближе часам к восьми вечера все сдерживал откуда-то появившееся желание позвонить Николаю Андреяновичу, например, под предлогом «поздравить еще раз, но уже в семейном кругу именинника». Некие колебания в части интуиции его останавливали. Выручила, как то часто и бывает в практической жизни, жена:

— А вроде бы у *твоего* Николая Андреяновича сегодня день рождения? Почему не напомнил, ведь, небось, днем и отметили с ним это дело? Ну, ладно, *наберу* Ирину Станиславовну, давно не перезванивались, не виделись, поздравлю с именинником.

Почему-то заволновавшийся (ох, сам всегда не рад своей интуиции!) Игорь Васильевич спешно ретировался в санузел, в каковом издавна, еще далеко от драконовских антитабачных узаконений, привык устраивать перекуры. Супруга с мобильником в руке оценила воспитанность и деликатность мужа. Он всегда старался оказаться за закрытой дверью во время ее телефонных разговоров. Правда, она догадывалась, что таковая деликатность в мыслях супруга инвертируется в как-то услышанную от него раздражительную фразу: «Бабский треп и сюсюканье по телефону даже в чем-то ненавистнее вечерних телевизионных политдебатов... и вообще дебатов в любое время суток». Она, снисходя к мужскому чудачеству, не обижалась. Как только за дверью «совмещенки» наступила тишина, он тотчас вышел и поинтересовался ходом празднования.

— Ой, даже по телефону слышно: веселье как на юбилее! Андреяныч твой *в ударе* полном, с приведенными внуками пляшет и хороводы водит, революционные песни поет. Ирина изумляется: чего дед разошелся, как будто премию в размере оклада получил...

Вся интуитивистская настороженность профессора исчезла. Сказав что-то непонятное жене про какого-то Ганса Селье, учению которого настоящий русский мужик, да еще заполярник по рождению, не подвластен, Игорь Васильевич совершенно успокоился, заблагодушествовал, с поощрения супруги выкушал за здоровье друга пару стопок коньяка из заначки, прилег на любимый диван и продолжил начатое позавчера чтение антинигилистического романа Алексея Феофилактовича Писемского «Взбаламученное море». Даже не просил жену убавить громкость люто ненавидимой им телепередачи «Тимофеев уикэнд»,— от имени Тимофей...

♦ Все же врожденно-воспитанная интуиция не подвела нашего заслуженного профессора. Она его и самого иной раз пугала. Настолько беспокоила, что даже написал и издал лет десять назад двухсотстраничную книжку, в которой, проанализировав все известные теории по психологии мышления, с использованием самой

сложной конструктивной логики, информационных теорий и специальных разделов высшей математики («Это как ребусник Синицкий — от Ильфа и Петрова — в своем алгеброиде путем очень сложного умножения и деления доказывает преимущество советской власти перед всеми иными властями»,— сам над собой иронизировал Скородумов) доказал, что интуиция суть «пересечение» в подсознании человека архаичного инстинкта и современного интеллекта. Как всегда, теория его оказалась пионерской, не имеющей прототипных гипотез и иных научных фантазий. Понятно дело, как обычно, это сочинение профессора, да еще с естественно-научным доказательством, против которого не возразишь, вызвала глухое ворчание в академических кругах. Тем более, в заключении к книге Игорь Васильевич совсем неполиткорректно назвал теории нобелевских лауреатов прошлого сугубо по части инстинкта, а их авторов, Анри Бергсона с его «творческой эволюцией», Фрейда с доминантой сексуальности и, что более всего возмутило «академистов», *нашего* Павлова с его уклоном в рефлексологию, профессор Скородумов легковесно нарек «певцами инстинктивного в мышлении и поведении человека». Такое столичными «авторитетами» не прощается... ибо сами не смеют по своему реноме. Но Игорю Васильевичу было глубоко плевать на мнение «авторитетов» (не бандитских, конечно, но научных).

Главное, сочинив и издав книгу, профессор досконально разобрался в своей, пугающей его порой, интуиции.

Итак, интуиция последних дней в отношении друга Николая Андреяновича не подвела. На следующий, послеименинный день уже в десять утра, едва Игорь Васильевич успел по приходу на службу (все *работают*, но только профессора и артисты гостеатров *служат*!) заварить чай, который и прихлебывал весь трудовой день, как случился звонок от Николая Андреяновича. Черт-те что было в голосе доцента-ракетчика! Профессор даже восхитился таким серо-буро-малиновым сочетанием: хлестаковская говорливость, восторг студента, которому препод по ошибке вписал в ведомость сто баллов, немыслимо для серьезного человека перебивались на пониженной, шипящей от тайности октаве с некоей загадочностью. Через все сумбурное сообщение чувствовалась растерянность короля Лира и нескрываемый страх обрушившегося счастья, которое легко может перейти и в свою антитезу...

Ничего не поняв, а точнее списав главенствующий в голосе усталый восторг на вчерашние дневные и вечерние стопки коньяка, что активизирует сердечно-сосудистую систему, а также песни, хороводы и пляски с внучатами, Игорь Васильевич с прямотой римлянина рекомендовал изъясняться в правилах логики и синтаксиса. Фонетики тож. В ответ Николай Андреянович просил уделить ему часок времени (без продолжения вчерашнего фуршета) — у него на сегодня занятия только утренние.

В начале первого часа явился и сам вчерашний новорожденный. Выражение его лица и даже всей несколько коренастой фигуры вполне гармонировали с давешним телефонным аудиоотображением. Так псевдонаучно сформулировал профессор Скородумов, заинтригованный происходящим с другом.

Деловито, не спрашивая хозяина, вошедший, не успев еще поздороваться, дважды повернул вставленный в замок двери ключ, торопливо пожал руку профессора, опасливым шепотом с хрипотцой (все же вчерашний «дагестанский» сказался) спросил для проформы:

— У тебя в кабинете, Васильич, прослушки нет?

— Ты что, Андреяныч, телесериалов насмотрелся? Какая прослушка в нашем богоугодном заведении с марочной диетой? Я вот полгода не добьюсь у нашего электрика у себя в кабинете пару ламп на потолке — видишь как неоновые подмигивают? — сменить... нет, говорит ни единой на складе, кризис в мире и особливо в университетских финансах, а ты — прослушка! Ладно, не огорчай меня бытовым невзгодами, что случилось?

Николай Андреянович, все же загородив своей плотной фигурой в неснятом нарочито пальто максимально возможную часть стен кабинета с подозрительными розетками, противопожарными датчиками на потолке и переходными коробками электропроводки, нагнувшись над столом, вынул из застегнутого на пуговичку внутреннего кармана пиджака какую-то подсобную, вроде как из-под наручных часов, старую обтерханную коробочку, раскрыл ее и, значительно — пан или пропал! Надеюсь, ты, Брут, не продашься красным комиссарам! — посмотрев глаза в глаза Игорю Васильевичу, с легким стуком и молча положил на край столешницы три рублевые монеты с профилями Петра Первого, Первого же Павла и... незнакомого Скородумову персонажа с округлой головой, слегка курносым небольшим носом, несколько вздернутым подбородком, залысого и с узкими бакенбардами. И только прочитав надпись по кругу «*Б. М. КОНСТАНТИНЪ I ИМП. И САМ. ВСЕРОС. 1825*», очень серьезно посмотрел на тож встревоженного происходящим показом Николая Андреяновича, несколько секунд промолчал, после предложил гостю снять пальто и присесть. Сам же немного поколдовал возле холодильника и «обеденного» шкафчика, поставил на стол перед Николаем Андреяновичем стопку с остатками вчерашнего «дагестанского» и на маленькой тарелке бутерброд с сыром, настоятельно порекомендовал:

— Выпей на вчерашнее, сними напряжение и рассказывай.

Николай Андреянович подчинился авторитету старшего по званию и степени. После стопки лицо его порозовело, а речь «пришла к логике и синтаксису», как рекомендовал ему еще в телефонном разговоре Игорь Васильевич.

♦ — Если, Васильич, сверхъестественного в мире не существует, то его бы следовать придумать...

— Ты прямо как Вольтер про бога говоришь! Может к делу, раз оно такое серьезное случилось?

— И я о том же. Вчера мы с тобой расстались у главного корпуса, не успел десятка шагов отмерить, как меня мужик вида *б/у — 4* притормозил...

— Заметил я. На пиво недостающий червонец просил?

— В том-то и дело — нет! На вид забулдыга лет сорока, но по неухоженности и на полтинник с гаком потянет. Одет в помоечное тряпье, грязен, неумыт, тощий и сгорбленный, ростом метр-сорок с кепкой. Хотя запашком сивушным не тянет, но состояние явно похмельное. Нет, точно лет сорок ему, потому и отцом меня окликнул, дескать, помоги, отец, трубы горят, два дня с брательником квасили. Купи монеты серебряные, дешево отдаю — и протягивает в грязнейшей ручище вот эти самые три рублевика. И я, наверное, не хуже его, с горящими-то трубами: как увидел константиновский рубль, со школьных лет по той ленинградской книжке с цветными фотографиями, о которой ранее тебе рассказывал, знаемый — аверс, реверс, гурт,— так и ног под собой не ощутил. Все, мол, Андреяныч, хотя и умеренно, но допился! Глюки наяву пошли, пора завязывать! Но усилием воли вернул себя в чувство, перебивающимся от волнения и внутреннего нервного озноба голосом спрашиваю где взял. А у самого в голове одно предположение страшнее другого: ограбил музей или квартиру солидного нумизмата? Тут же себе «тпр-ру», какие такие в Тулуповске музеи и коллекционеры с константиновским рублевиком, что даже в советской Большой энциклопедии, на что уж серьезнейшем издании, именовался *уникумом*? А Эрмитаж и Исторический музей в Москве, где имеются эти уникумы, да еще вроде как музей в Вашингтоне, явно бомжеватому собеседнику не под силу подломить...

Мужичонка же ссылается на бабкин сундук, что в его частном домишке-развалюхе в пригороде в подсобном сарае под всяким дровяным и железным хламом чуть не век простоял... только сейчас с брательником руки добрались. Главное, упирает мужик, бери задешево, отец, брат Петька совсем плох, помрет, не дай бог, без

опохмелки. Бери кругом по четыреста рублей за штуку... домой мне нужно, братуха еле дышит, стакан-другой ему для поправления организма требуется.

Отсчитал ему тысячу двести, спросил — есть ли еще, или в бабкином сундуке только три этих нашел? «Нет,— говорит,— еще другие имеются. Тебе сколько нужно?» Здесь я совсем перепугался, еще в какую воровскую передрягу влипнешь. Дал ему отмашку прощальную и заторопился, не оглядываясь, на проспект, где полюднее и затеряться от нехорошего взгляда в спину просто.

Пока домой шел, все мысли в голове путались: завязывались и развязывались. А что если правда заваленный хозяйственным мусором сундук бабкин или прабабкин, подгородней мелкой торговки-мещанки, что всю жизнь упрятывала в заветную укладку — детишкам и внучатам жизнь после ее кончины подсластить — серебряные рублевики? Ведь это как доллары в Америке все действительны, бумажные и монетные, сейчас — любого года выпуска, как их за океаном печатать и штамповать начали, так и при царях до самой революции: имеешь законное желание честно заработанный или украденный в базарной толчее серебряный целковик в кабаке пропить — так целовальник или половой халдей, не моргнув, с любой царской парсуной рублевик примут. Вот и складывала, совершенно правильно не доверяя ассигнациям — живет-то ведь как на вулкане! — бабка или прабабка, увесистые серебрушки в сундучок... Да еще что покрасивее выбирала!

Кстати вспомнив все из той же ленинградской книжки легенду, что-де один русский коллекционер якобы константиновский рубль вместе с другими бумажными, золотыми и серебряными деньгами получил, сорвав банк в карточной игре где-то за границей Российской империи, вроде как в Баден-Бадене. Или в каком другом курортном городке...

И почему бы этой тулуповской подгородней мещанке или третьегильдийной купчихе не попасться константиновскому рублевику — одному из тех двух-трех, что миновали музейные стенды? Тем более в суматошные годы революций и Гражданской войны?

Нет, Васильич, даже отметая ничтожнейшую вероятность попадания в бабкин сундук рубля-оригинала, все же наличествует, согласно все той же книжке, некоторое число новоделов-подделок, но ведь и они имеют высокую коллекционную ценность? Помнишь, не так давно рассказывал тебе о бывшем у меня фальшивом екатерининском рубле?..

— Почему эти монеты блестящие, словно только из-под штампа Санкт-Петербургского монетного двора... если, конечно, не новоделы?

— А-а-а, так это я их вчера, когда гости разошлись и в квартире все угомонилось, тайком, запершись в ванной, почистил их. Слишком уж грязноваты на вид были. Тем более, серебро со временем покрывается окислом-патиной.

— Откуда же умеешь серебро чистить?

— Забыл, Васильич, в школьные годы любителем-коллекционером являлся, *свои* монеты, что из отцовой деревни, чистил. Дело нехитрое: соды обычной на влажную тряпицу и несколько минут потереть — вот и засверкают!

— Да-да, вспомнил из литературной классики: помещичьи горничные столовое серебро содой чистили... а вот медный самовар в это же время лакей шлифовал до красного блеска толченым кирпичом. Ладно, серьезно к делу надо подходить, надо для начала проверить на серебро. Здесь сразу получим ответ: дальше что-то предпринимать или будешь с внуками этими рублевиками в ностальгическую расшибаловку играть.

— А как проверить? Помню, в моем коллекционном детстве как-то не сомневался в подлинности, но краем уха слышал: надо йода капнуть — высохнет, темно-ко-

ричневое пятно останется; вот еще обычной аптечной серной мазью пробовать — должно проявиться пятно черное.

— Андреяныч! В двадцать первом веке живешь... и кафедра химии в соседнем корпусе...

— Так как так?! Раскрыть константиновский?

— Зачем константиновский. Вижу — все три монеты из одного металла, как когда-то певали: «...Из одного куют металла». Поэтому «обналичим» только самый дешевый, если иметь в виду оригиналы,— павловский рубль.

— У тебя знакомые профессора-доценты с химии?

— Зачем же их беспокоить и себя хоть чем-то выдавать. Мигом по универу разнесут: такие-то такие нумизматической спекуляцией занялись! Тебе это нужно? Мне — нет. Сейчас я своему аспиранту позвоню. Парень ловкий, мне его подкинули с кафедры информационной защиты, что также в соседнем корпусе.

Игорь Васильевич набрал номер:

— Приветствую будущего супершпиона-шифровальщика! Ты на кафедре?.. Хорошо. Знакомые у химиков имеются?... Замечательно, не надо мне объяснять в каких половых связях состоишь с этой аспиранткой, главное, чтобы голова и руки у нее из нужного места росли. Звякни ей — если на месте, а не дома, то перезвони мне сразу.

Через пару минут Скородумов откликнулся на звонок:

— На месте? Слушай, Вова, дуй незамедлительно ко мне — диспозицию здесь объясню... Клюквенной?.. А-а, в своем аспирантском столе про запас хранишь. Ладно, захвати. Я здесь с приятелем скучаю.

Порекомендовав остальные две монеты спрятать в давешнюю коробочку, рублевик с курносым (от него тот же профиль и у его сына Константина) Павлом Игорь Васильевич вручил примчавшемуся через десять минут Вове в обмен за пол-литровую бутылку уже известного ранее Николаю Андреяновичу настоенного на клюкве самогона — гордости аспирантского деда. Профессор кратко пояснил что требуется. Аспирант Вова отсалютовал, уверив, что в течение часа обернется: подруга Люда как раз по части неорганической химии упражняется на кафедре.

...Не успели профессор с доцентом распробовать до половины бутылки «клюквенной» по новому рецепту деда-умельца, для спокойствия душевного как бы забыв о предмете сегодняшней экстренной встречи, вернулся Вова и положил на стол монету и распечатку со стандартной программы анализа: в объекте исследования содержалось: *Ag — 0,00 %; Sn — 89 %; Zn — 11 %.* После ретирования аспиранта («Больше заданий на сегодня нет, Игорь Васильевич? А то мне с Людой расплачиваться натурой надо...») профессор Скородумов соболезнующее поздравил перспективного игрока в расшибаловку и предложил «заиграть обиду» распитием «клюквенной» до донца, каковой приговор и был исполнен. Николай же Андреянович, по характеру сочетание сангвиника и флегматика, вновь обрел нарушенное было спокойствие души.

♦ Хотя и редко, но профессор Скородумов в дружеских посиделках с Николаем Андреяновичем нет-нет да подначит: «*Симилёровым* рублик-то Костин оказался!»

— Оловянным, безо всякого симилёра.

— Э-э, брат, давненько шашек в руки ты не брал, в смысле не перечитывал классику! В девятнадцатом веке не только дворяне по-французски *парлеву*, но отдельные слова и в разговорном языке использовались. Так и симилёровый от французского *simile l'or*; это по созвучию сам можешь перевести: первое слово одного корня с «симуляцией», а «лёр» — золото. То есть подделка под золото: из сплава меди и цинка. А со временем и на все остальные мошенничества и эрзацы этот термин перенесли, на то же серебро. О последнем ты, Андреяныч, как счастливый обладатель лжекон-

стантиновского рублевика, уже прекрасно знаешь: в основе поддельного сплава олово, как по цвету, твердости и особенно по удельному весу почти брат-близнец полудрагоценному серебру...

— Обижаешь, Васильич. Русскую классику хорошо знаю, не только по школьной программе почитывал. А вот симилёра этого не встречал — иначе бы запомнил.

— Значит рассеянно порой читал. Вот тебе навскидку из «Бесов» Федора Михайловича: эпизод, когда душегуб-живорез Федька Каторжный рассказывает Ставрогину, что ограбил намедни церковь, сторожа-подельника прикончил, а скупщик краденного копейки сущие заплатил за «подбородник», то есть серебряный оклад с иконы Николая Угодника, дескать, «симилёровый он у тебя». Вообще говоря, хотя слово французское, но саму медно-цинковую, плюс чуток малый олова, подделку под золото узнали в своих индокитайских колониях, где такой сплав по-малайски называется томпаком. Тоже в русском языке употребительное.

Я, Андреяныч, чего думаю про *твои* рубли? — Слишком уж точно подобран вес сплава и «заявленный» на реверсе и гурте монеты с указанием пробы. Я все эти золотники, доли* и пробу пересчитал в граммы — точняк под истинный вес натурального, что указан в твоей книжке про константиновский рубль. Получается, с одной стороны, дешевейшая подделка, с другой — точная выдержка веса с подбором большой внешней схожести с серебром указанной на монете пробы, искусственная патина старения... Главное, несомненная штамповка, даже надпись на гурте — видно, что точный «слепок» с оригинальной музейной монеты! *3-D*-печать, как обезьянничают «с американского» наши СМИ, хотя бы есть совершенно аутентичный русский перевод: объемный.

И все это в части серьезных коллекционных монет, подделку каковых даже нумизмат средней руки тотчас определит! Нет, Андреяныч, что-то здесь не то: не в коня корм... опять же забулдыга из подгородней деревни с брательником, у которого «трубы горят». Не то, друг мой, не то. Загадка сия велика и многозначительна. Времена сейчас опасливые и настороженные, так что пока остерегись одаривать внуков оловянными целковыми. Пусть подрастут; может иные ветры подуют. Еще посмеемся над простотой разгадки.

...Но разгадка пришла уже через три месяца после описываемых событий, треволнений и несбывшихся надежд Николая Андреяновича, кстати где-то узнавшего случайно, что на Нью-Йоркском аукционе лет пятнадцать тому назад «гуляющий» по рукам константиновский рубль оценили в полмиллиона долларов. Не то что за себя обидно ему стало, не заполучил такую сумму деньжищ, но за отечество: такой уникум и за смешные деньги! Все-то Запад принижает, относящееся к России.

День исчезновения тайны явления оловянного клона редчайшей русской монеты пришелся на ласковую погоду окончания мая месяца. Николай Андреянович подходил уже к своему дому, как пересекся на углу соседнего с недавним своим знакомцем Егором. Был он помоложе нашего доцента, потому по отчеству рекомендовал не называть. Где-то с полгода назад Егор, содержавший в соседнем доме крохотную по клиентуре автошколу, помещавшуюся в квартире с пристроенной лестницей входа с улицы, где и сам владелец проживал с лохматой собачкой Жучкой (жена-стерва при разводе обобрала как липку, еле сохранил деньги на эту вот квартиру), остановил визуально знаемого соседа. Был Егор в легком восторженном подпитии, душа требовала собеседника.

Поинтересовавшись краткой автобиографией и нынешним *status quo* Николая Андреяновича, узнав о его заполярном происхождении и исторической родине горо-

* Русские меры для малых весов: золотник — 4,266 грамм (1/96 фунта); доля — 44,43 миллиграмма (1/96 золотника); меры с 12-ричным основанием: 96 = 12 × 8.

де Полярном, Егор пришел в неописуемый восторг: «Да мы же с тобой земляки! Я срочную морфлотовскую в Полярном же служил катерником, а после дембеля шесть лет, женившись на этой нынешней стерве, жил в Мурманске, работал на судоремонтном заводе. Это надо же где нам с тобой встретиться?!» И так далее, долго вспоминали северные места. Более всего Егор сейчас опасался от скуки холостой жизни и малых доходов от своей автошколы. «Конкуренция здесь велика. Гадо бы мне хорошую, серьезную бабу найти, а то прикладываться часто начал по вечерам. Опять же назавтра весь день кататься на машине: сам ведь себе и хозяин, и инструктор. Сложно сейчас женщину-то найти. Хотя форму далеко не потерял, но как узнают, что автошколу содержу, так и м и мерещится начинают какие-то миллионы радужных бумажек!» И только запросившаяся домой Жучка развела двух бывалых североморцев.

И в позднемайский день «снятия печати» с тайны, как в апокалиптических откровениях Св. Иоанна, встретил Николай Андреянович знакомца Егора на том же углу и в таком же статусе: несколько выпивши, с Жучкой на поводке.— Явно серьезной женщины пока не обнаружилось.

— Что это, Егор, вечер почти, ты сам-двое с собачкой гуляешь, а по твоей «служебной» лестнице в твою квартиру какие-то бомжи входят как себе в дом?

— Понима-аешь, сосед, дела у меня с автошколой не ахти как идут. Сейчас всего четыре клиента, вернее четыре простипомы, которым их папики дешевые машинки купили. Вот и начал сдавать по вечерам, когда занятий у меня нет, в аренду «классную» комнату. Хм-м, интересный купец, молодой совсем парнишка, нынешний арендатор; говорит, для разгона в бизнесе откопал себе крохотную и необычную нишу: торговлю вразнос по своей сети китайскими поддельными коллекционными монетами. Я поначалу хотел отказать в аренде, мол, дело подсудное — фальшивомонетство! Но он, посмеиваясь, разъяснил. Китай сейчас в мире монополист в этом промысле. С помощью современных технологий штампуют настоящие подделки для «обувания» малоразборчивых нумизматов, то есть точные по весу, форме и так далее из настоящего золота. Серебра, меди и так далее, как у оригиналов, фальшивки фабрикуют малыми сериями, а то и под индивидуальный заказ — для таких же жуликов, только уже по торговой рознице. А чтобы уже готовые формы под изготовление еще доходы приносили — уже массово гонят дешевку, те же серебренники из оловянных сплавов. Они и вовсе ни под какую статью во всем мире не подпадают: сувениры значит. Доходы, конечно, невеликие, но — с миру по нитке той же курочке по зернышку на прокорм. Плачу оптом где-то от ста до ста пятидесяти рублей за «серебряник», сетевикам своим отдаю по двести пятьдесят — триста, а они, уже сами с продажи свою долю получают. Рекомендую не более пятисот брать.— Чтобы даже близко к коллекционной стоимости не приближалось: а то при судейском усердии и к фальшивым делам могут привлечь! Сувениры они и есть сувениры. Распространителей из мужиков неказистых, лет сорока-пятидесяти набираю по объявлениям или на рынках отыскиваю. Учу их — под кого косить, как одеваться, в каких местах города промышлять, как наметанным взглядом потенциальных клиентов вычислять.

...Придя домой, облегченный от всех уже тайн и мировых загадок (не говоря о жизни на Марсе...), Николай Андреянович после ужина с доброй улыбкой смотрел на позапрошлогодний подарок профессора Скородумова — как выпускнику Северного флота — висевший на стене жестяной китайский сувенирный кортик (цена 500 рублей в подарочной коробке), издали очень смахивающий на настоящий.

Евгений Асташкин
(г. Омск)

ВОЛЧЬЯ БАЛКА

Наш постоянный автор.

— Ура! Наконец-то! — голоса семиклашек смешно ломались, словно едва оперившиеся петушки опробывали первую распевку, но ничего толком пока не ладилось.

Так бурно были встречены слова физрука Анатолия Семеновича, который после торжественной линейки в честь 23 февраля объявил в классе, что сегодня можно будет отправиться на долгожданную лыжную прогулку. Осталось только принести из дома лыжи, а с трактористом МТМ, заядлым рыбаком Петряковым все обговорено, он в одиннадцать подъедет к школе с вагончиком, который всегда стоял в его дворе. Молодой физрук был из местных, три года после педучилища.

В честь праздника уроков было всего два, потом — общешкольная линейка. После нее девочки вручили мальчишкам приготовленные сувениры — и всем по домам. Лишь семиклассники, переодевшись дома по-спортивному, снова подтягивались к школе, где у ворот блестел гусеницами ДТ-75 в сцепке с вагончиком. Он был оббит жестью, сверху торчала закопченная труба буржуйки. Вагончик совместными усилиями сделали местные рыбаки, любители зимней ловли. Для этого пригодился списанный прицеп.

В школе осталась в исправности всего пара-тройка лыж с креплениями и ботинками к ним. Поэтому для лыжной прогулки приходилось надеяться на свою амуницию. Школьники всю зиму упрашивали физрука покататься с горки на Волчьей балке, что в десяти километрах от Казанки. Волков там давно распугали с тех пор, как обустроили рядом полевой стан второй бригады.

Хоть физрук и долдонил одеться потеплее, но какое катание в тулупах. Вот все и явились налегке: кто в фуфайке, кто почти в картонной куртке, лишь девочки пришли в тех же самых пальтишках, примелькавшихся в школе — и на прогулке хотели выглядеть не абы как. Выделялась высоким ростом и демисезонным пальтецом со стильным разрезом хохотушка Ольга Зимянина. Комсорг Зоя Бойченко была в своем красном пальто с маминого плеча, мама у нее такая же сухая, как подросток.

Анатолий Семенович, поджав губы, придирчиво осмотрел собравшихся. На дворе минус десять. Хорошо хоть на девочках двойное трико, как они уверяли.

— Дядя Толя! — хотел о чем-то спросить конопатый Сашка Кропотов, который жил через забор от физрука и считал, что это дает ему право на некие поблажки в общении.

— В школе нет никаких дядей и тетей, сколько раз можно повторять,— перебил его Анатолий Семенович.— Только по имени-отчеству...

Соседский мальчуган сморщил на носу веснушки и спросил в обход всяких имен:

— А сколько мы будем кататься?

— Часа три. Больше не успеем. Надо засветло вернуться домой...

Лыжи у Кропотова были с самодельными петлями из плетеных чемоданных ремней, сам в валенках. Они будут скользить, обязательно к подошвам прилепится снег, трудно будет поворачиваться. У других экипировка тоже не на высоте. Но раз сами просили, пусть потешатся. Лишь очкастый отличник Олег Хаменчук и здесь показал свою дотошность: в высоких отцовских ботинках, куртка с капюшоном.

— Варежки, перчатки у всех есть? — напоследок спросил физрук.— Достали из карманов, показали. Кто забыл, того не возьмем с собой. Ладно, забирайтесь в вагончик!..

Класс из двенадцати человек делился поровну на мальчиков и девочек. Детвора с трудом затолкалась в тесный вагончик, девчата обособились на правой боковой лавке. Парни уселись напротив. Весь проход завалили лыжами. Получился целый штабель высотой в полметра.

Сам физрук сел в кабину рядом с вечно чумазым трактористом Петряковым. В кабине витал запах «Московской».

«Успел уже,— поморщился физрук.— Наверное, прихватил бутылочку с собой...».

У неунывающего тракториста весело блестели глаза из-под малахая. За эту поездку ему в школе выделили тридцатку из профсоюзных денег, попросив только не «набраться» раньше времени — дети все-таки доверены.

Петряков потянул на себя сдвоенные рычаги, трактор дернулся, выпустив дымок, гусеницы заскрежетали, рубцуя прикатанный снег на грунтовой дороге, убегающей сквозь тополиную аллею за село.

Свет едва проникал в единственное окошко вагончика. Это подвигло некоторых мальчишек на предсказуемое комментирование. Тут же раздалось неистребимое:

— Темнота — друг молодежи...

— Книжку точно не почитаешь,— комсорг класса Зоя Бойченко попыталась по долгу службы перевести разговор в другую плоскость.

— Зато можно в прятки поиграть,— опять не растерялся мальчишечий ряд.

— Это чтобы прятаться друг за другом? — развивалась тема.

И сразу началась обычная чехарда:

— Сегодня все село будет пьяненькое...

— Не все, не преувеличивай!..

— А все-таки зачем к балке? Вдруг волки вернулись...

— А мы не вкусные...

— Нет, правда,— одиноко звучал девичий голосок, принадлежавший Зимяниной.— Мой отец однажды осенью был у Камней. Он всегда на охоту ходит пешком за много километров. Там между сопок узкая тропа, камни — и вдруг на пути волчица...

— И что?

— Она смотрела на моего папку и у нее из глаз капали слезы. Наверное, рядом были ее волчата. Папка сразу повернул назад...

— Холопов, убери свою руку! — визгливо вскрикнула толстушка Манька Веревкина.— Шаловливая она у тебя ...

В вагончике надышали, и пар перестал выходить изо рта. Вскоре всех сидевших потянуло набок — тракторист повернул направо и съехал с грейдера на грунтовку. Сильнее заскрипели лавки из-за качающихся тел — ухабы не давали расслабиться.

— Я не умею держаться за воздух,— сострил Холопов.

— Зато курить хорошо умеешь.

— А ты видела?

— Небось, и сейчас в кармане «Прима» заныкана. Слабо вывернуть карманы?..

— Да убери ты свои грабли, Холоп!..

Трактор внезапно замолк, слышно было, как Петряков чертыхается снаружи. Дверь вагончика открылась, физрук был виден в проеме по плечи.

— Выгружаемся!

Детвора стала резво спрыгивать на снег. Всем бросились в глаза стожки соломы, усеявшие совхозное поле. Солому время от времени вывозили на ферму для подстилки скоту.

— Это же не Волчья балка,— поблескивал линзами Олег Хаменчук, близоруко оглядываясь.

— Немного не дотянули,— словно оправдывался физрук.— Что-то с мотором...

— Теперь придется нарезать круги вокруг этих копен? — допытывался неугомонный Холопов.

— Опять это магнето! — пробурчал тракторист, бросив возиться с движком.— Надо было его поменять, да перед праздником не хотелось копаться...

— Выгружайте свои лыжи! — поторапливал физрук.

Детвора стала вытягивать снаряжение. Лыжи переплелись, не выдергивались.

— Не торопитесь, сначала верхние,— подсказывал физрук, потом не выдержал и забрался в вагончик. Стал оттуда подавать что попадалось под руки: бамбуковые и алюминиевые палки, лыжи простые и полупластиковые. Некоторые оказались с заклеенными трещинами.

Внизу подхватывал все это сосед физрука Кропотов и оборачивался, отыскивая владельцев, которые сами забирали свое добро. Когда в руках у Кропотова оказались самодельные палки, почти напоминавшие черенки от лопат, он не удержался и помахал ими в воздухе:

— Такими можно черепа пробивать!

— Давай сюда! — отобрал у него палки Холопов, видимо, сам выстругавший такое чудо.— Зато от волков отбиваться хорошо...

Тракторист вытер руки тряпкой и сказал Анатолию Семеновичу:

— Пока вы катаетесь, я схожу на полевой стан. Может, сторож найдет такое магнето.

— Ты надолго? — насторожился физрук.

— Полчаса туда, полчаса обратно, да там столько же...

— Ну, ладно, раз такое дело,— вынужденно согласился физрук. Он заметил, как Петряков выудил из-за сиденья початую «Московскую» и сунул себе за пазуху. Ладно, пусть угостит сторожа, может, действительно поможет с этим магнето...

Семиклашки, сняв свои фуфайки с куртками и забросив их в вагончик, стали прикреплять к обувке лыжи. Лишь девочки остались в пальтишках, боясь продрогнуть.

— А, может, все-таки двинем к балке? — подал идею Холопов.— Всего километра четыре, даже видно отсюда.

Физрук оставался в раздумье:

— Девочкам будет трудно...

— Там такая горка! Зря, что ли приехали?..

— Если бы не это! — недовольно показал рукой физрук на заглохший трактор.— Теперь не стоит удаляться от него, вдруг снегопад начнется...

— Ну пойдемте туда! — упрашивали его.

— Нет, я сказал! Будем кататься на этом поле.

Через час поле избороздили сдвоенные пересекающиеся тропинки,— анархическая лыжня. Физрук все посматривал на расчищенную межклеточную дорогу в сторону полевого стана. Виднелась ажурная башенка мехтока с бункером на высоте, над

избушкой сторожа столбом вился сизый печной дымок. Время шло, но тракторист как пропал.

Солнце незаметно скрылось в туманной хмари, на небо стали наползать тяжелые тучи.

— Что-то не нравится мне это,— пробормотал физрук, тоже стоявший на лыжах.

Он подозвал ближних к себе семиклашек:

— Придется идти за подмогой в совхоз. Вдруг на полевом стане не окажется магнето, что тогда? Только время потеряем. В шесть уже начнет смеркаться. Вы пока тут катайтесь, но далеко не заходите. Замерзнете, полезайте в вагончик и там сидите. Всем это передайте. А я попрошу другой трактор. До совхоза десять километров, дойду за час.

Он снял лыжи и зашагал на грейдер.

Едва физрук удалился, Холопов всех стал подбивать отправиться к Волчьей балке:

— Скатимся пару раз с горки, а потом вернемся.

Девчонки отнекивались, но, видя мальчишечий пыл, нехотя подчинились, хотя с горки на лыжах спускаться побаивались, лучше бы на санках. Холопов и взялся прокладывать лыжню. Плотный, весь в отца-столяра, энергии хоть отбавляй. Над верхней губой уже золотятся усики, пожалуй, через год придется покупать электробритву. Он махал палками, временами оглядываясь назад. Видя, что девчата поотстали, покрикивал, словно находился на месте их сегодняшнего наставника:

— Сильно не растягиваться!..

Олег Хаменчук тоже еле плелся в хвосте, задерживая продвижение. Он поминутно поправлял запотевающие очки и задышливо отсылал привет вожаку, срываясь на фальцет:

— Да не беги так! Нам не в книгу рекордов Гиннеса...

Троечников, а их было большинство в классе, всегда злило его умничанье.

Наст был подходящим, почти без бугров, как за школой на околице. Лишь кое-где встречались полосы свежего снега, на которых и отпечатывалась лыжня. А на самом насте по пути движения лишь оставались пестреющие точки от лыжных палок.

Полевой стан сбоку, по правую руку, становился более различимым: вон столовая, вон красный уголок, вон склады. Людей нигде не видно. Может, Петряков вместе со сторожем снимает сейчас нужную деталь с чужого трактора...

Скоро должно было начаться понижение в начале балки, но вдруг оттуда ударила целая волна ветра, едва не сбившая ребят с ног. Все интуитивно пригнулись и подались вперед, борясь с потоком. Волна давила все сильнее и сильнее. Небо заметно притемнилось, и глаза секло колкими снежинками, которые скоро превратились в сплошное месиво. Стало ясно, что начался снегопад. Дувало подхватывало хлопья и несло прямо в лицо. Снег слипался на ресницах, забивался за шиворот. Больно стало открывать глаза, оставалось только в щелочку смотреть под ноги.

Непонятно было, надолго ли это. Некоторые машинально отвернулись от неумолимого потока, сразу продрогнув до костей. Теперь хоть можно открывать глаза, но что толку? Видимость обрывалась в трех-четырех метрах. Кто-то окликал товарищей, но свист ветра все заглушал. Вот когда пацаны пожалели об оставленных в вагончике фуфайках, в них была хоть какая-то возможность переждать напасть.

Ничего не оставалось делать, как возвращаться назад, но все следы замело, пара пустяков заплутать в такой круговерти.

Хаменчук снял ненужные теперь очки, которые залепило снегом, выпростал ноги из лыж и по ветру двинулся в обратный путь. Его подталкивало ветром. Он почему-то вспомнил из прочитанного рассказа, как заплутавшие охотники выбираются из

тундры. Очень непросто держать прямой курс, так как вес человека несимметричен из-за смещенного влево сердца. Необходимо держать в правой руке какой-то противовес, например, подходящий камень, чтобы тебя постепенно не заворачивало в левую сторону, иначе нарежешь круг и вернешься в то же самое место. Может, все это придумки, да и какой здесь камень? Можно только держать курс по ветру, но его порывы теперь толкают вбок. Ветер переменился или все-таки уже потерян ориентир?..

Через какое-то время перестало свистеть в ушах от ветра, но снег валил и валил, сплошная занавесь вокруг...

Комсорг Зоя Бойченко лыж не снимала — на ней были лыжные ботинки, а на них далеко не уйдешь,— без каблуков, скользкие подошвы, ноги будут разъезжаться. Она пробовала окликнуть кого-нибудь, но никто не отвечал. Наверное, все разбрелись. Тогда сама зашагала неизвестно куда, чтобы просто не заледенеть в своем красном пальтишке. Руки сводило от боли, ноги била неукротимая дрожь. Через какое-то время она не стала чувствовать пальцами ботинок, сами ступни стали задеревеневшими, мешали делать прочные шажки. Остановилась, облокотилась на расставленные лыжные палки, лбом в мокрые варежки. Стало уютнее, охватила непонятная эйфория.

«Я только немножко, совсем чуть-чуть...»

Толстушка Веревкина набрела на копну соломы, чему смертельно обрадовалась, как спасительному островку посреди неумолимой круговерти. Больше отсюда никуда! Она стала выдергивать пучки, стремясь сделать норку в копне, где можно было бы переждать непогоду. Рвала неподатливые хрусткие стебли, не жалея рук. Когда рядом с ней образовалась хорошая кучка соломы, вспомнила, что в кармане пальто болтался коробок спичек. Точно, он на месте! Разжечь, что ли, костерок, чтобы хоть пальцы погреть?..

Коробок оказался уполовиненным. Чиркнула одной спичкой, но ее сразу задуло. Присела, раскинув полы пальто, и зажгла вторую. Жиденькое пламя побежало вверх по соломинкам, но вскоре погасло, лишь краснели кое-где бисеринки, отдавая дымком. Попробовать сразу две спички для надежности? Вспыхнула одна серная головка, от нее зажглась другая, солома стала шипеть, огонь набирал силу. Теперь главное — подкладывать сверху солому, чтобы не гасло.

Так и делала, пока не разгорелся настоящий костерок, однако пламя на открытом месте металось из стороны в сторону, и мешал снегопад, словно пытался погасить эти спасительные язычки. Снизу уже протаял наст, показалась земля с ровной стерней. Но зато кончилась солома, надо снова дергать. Пока дергала, пламя улеглось, лишь перемигивались глазки на черном круге золы.

Накиданная сверху новая порция соломы не загоралась, а лишь дымилась. Оставалась последняя спичка. Надо сначала побольше надергать соломы, чтобы под руками был запас. Маня уже не думала о норе, а выдергивала пучки, где податливее. Когда набрался ворох по пояс, набросала на золу побольше топлива, снова раскинула полы пальто. Последняя попытка. Спичку зажала намертво, и едва она вспыхнула, поднесла к ней раскрытый коробок, не касаясь головки. Он загорелся, и от него занялась солома. Теперь огонь лизал лицо, дым крутило вокруг, не знала, с какой стороны подступиться, чтобы погреться. Только найдет место, снова дым вильнет, и прямо в лицо — дышать нечем, глаза режет...

Кропотов тоже бросил свои лыжи и слепо тыкался по степи. Хорошо, что под трико он надел теплое белье и сразу две майки. Когда он снял шапку, чтобы опустить уши, различил металлический гул над головой. Отвернулся от ветра и стал смотреть вверх. Сквозь снежное мелькание удалось разглядеть параллельные полосы. Да это телеграфная линия! Надо двигаться под проводами и наткнешься на столб. Стал двигаться в этом направлении, приоткрывая уши шапки для контроля, и скоро действи-

тельно уперся в деревянный столб. Надо идти по столбам — обязательно приведут к жилью...

* * *

Физрук почувствовал весь трагизм положения уже на подступах к селу, когда его подхватили тугие струи ветра, снося вбок, на обочину. Но он шел по грейдеру, и можно было особо не опасаться — иди хоть вслепую, лишь посматривай временами под ноги. К тому же впереди хлопала дизельная установка подстанции. Когда вошел в аллею, густо повалил снег. Теперь дети напрочь отрезаны непогодой.

Даже по селу было трудно передвигаться, а каково там, в чистом поле? Хоть бы успели семиклашки забраться в вагончик, на язык-то все бойкие, не сплоховали бы и сейчас. Анатолий Семенович даже не знал, что предпринять. Сначала надо в школу, вдруг директор еще у себя, хотя что ему там делать, если нет уроков? А вообще-то он на больничном после удаления аппендицита. Просто появился ненадолго на линейке. Разве что завуч задержался. Но его физрук не ставил в известность...

Ступеньки у школьной парадной двери были наполовину заметены, низ массивной, много раз крашеной и перекрашенной двери прикрывала снежная полоска. Ни одно окно не светится. Потянул за ручку — так и есть, заперто. Тогда быстрей в контору...

Сгибаясь в три погибели, двинулся в центр села. Ни одной души навстречу. Обогнул огороженный жидким штакетником парк и вошел в фойе конторы. В тусклом свете малосильной лампочки виднелись по стенам стенды с оскомными надписями: «Пятилетку за 4,5 года!», «Трудовые подарки доярок к празднику», «Наши правофланговые».

Заскрипели ступеньки двухмаршевой лестницы — со второго этажа спускался председатель рабочего комитета Размывакин, в овчинном тулупе, перекрашенном под дубленку. Физрук сразу к нему, словно к родной душе:

— Директор у себя?

— А что случилось? — сразу насторожился рабочком.

— Да у нас там трактор заглох...

— Какой трактор? — недоумевал Размывакин, поворачиваясь к собеседнику по направлению света лампочки.

Физрук сбивчиво объяснил ситуацию, рабочком всплеснул руками:

— Там же мой племянник — Олег Хаменчук. Пошли!

Он резко развернулся и опять стал давить тяжелыми унтами деревянные ступеньки лестницы. Ничего не объясняя молоденькой секретарше, открыл дверь директорского кабинета. У Антона Федоровича был парторг Жиздрев с неразлучной кожаной папкой в руках. На вошедших никто не обратил внимания.

— За тобой кормоцех,— продолжал рокотать директор.— Чтобы не получилось, как в позапрошлом году. Разморозили все к черту! Сколько убытков! Как праздник — за каждым следи в оба глаза. Обязательно надо надраться до посинения. Не может наш брат без этого...

Директор в зимние праздники распределял среди своих помощников дежурства на самых важных объектах: ферма, подстанция, МТМ, котельные...

— Антон Федорыч, срочное дело! — рабочком подтолкнул вперед физрука.

— Что там еще? — недовольно нахмурился директор. Он давно уже не отмечал этот мужской праздник в кругу семьи. Разве дадут. Почти всю ночь приходилось сидеть у телефона в своем кабинете. Лишь иногда на часок вырывался домой попить чайку и наскоро перекусить.

— Семиклассники остались в степи,— стал выкладывать физрук.— Трактор с вагончиком сломался возле второй бригады.

— Зачем же вы туда поехали? — директор не ожидал никакого подвоха от молодого физрука. Тот еще со школы выступал за совхоз на разных соревнованиях по футболу и хоккею, всегда с дипломами возвращался. Да и теперь входит в местную сборную, которая не на самом плохом счету. В коридоре на стене стенд с кубками — в основном, благодаря ему.— Прогноза разве не слушал?..

— Дети всю зиму упрашивали покататься с горки в Волчьей балке. Да и солнце с утра светило...

— Ты видишь, что делается на улице? — директор ткнул пальцем на окно с наполовину заиндевевшими стеклами.

— Я сказал детворе, чтобы пересидели в вагончике, если что...

— А дрова там есть?

— Нет,— виновато потупился Анатолий Семенович.— Сами еле поместились.

— Ну ладно, тракторист, как его там... Петряков, надеюсь, догадается растопить печь хоть теми же лыжами...

— Петряков ушел на полевой стан поискать магнето.

— Оставили детей одних? — вскочил Антон Федорович с кресла и нервно затарабанил пухлыми пальцами по краешку стола.— С утра пораньше пошлем грейдер расчищать заносы. Лишь бы все обошлось. За такое знаешь, что бывает?..

— А с полевым станом нет связи? — хватался за соломинку физрук.— Может, Петряков заменил магнето...

— Была бы связь, я бы без чужой подсказки давно позвонил. Петрякова скорее всего метель застала на стане. Воду из радиатора не сливали?

— Нет, у нас с собой не было запаса воды...

— Ну, все, картер уже лопнул! — стал заводиться директор.— Вот на черта ты это затеял, можешь объяснить мне по-русски?..

— Говорю же, просили всю зиму. Пожалел их, думал, зима уже кончается...

— Пожалел он их, называется! — директорские белки глаз сверкнули яростью.— Сейчас начнут родители здесь собираться, раз дети не вернулись вовремя. Поднимется настоящая паника. Устроил нам праздничек, нечего сказать!..

Словно в подтверждение его слов в кабинет вошел переполошенный директор школы:

— У меня родители спрашивают, где семиклассники? Сам я вообще-то на больничном...

Разглядел физрука. Тот молчал.

— Что молчишь?

— Они там, в вагончике у бригады. Трактор сломался.

Директор школы бессильно рухнул на ближайший стул, закрыв лицо руками:

— Боже мой, боже мой!.. Как чувствовал...

— Давайте не поднимать панику,— собрался с мыслями директор, услышав торопливый топот и возмущенные возгласы в коридоре.— Вон уже идут сюда...

В кабинет ввалилось с полдюжины сельчан.

— Мы думали, дети где-нибудь на чаепитии после своих лыж... А их вообще потеряли!..

На улице уже стемнело. Антон Федорович, объяснив ситуацию, попросил всех не шуметь, а лучше отправиться домой — готовить, у кого есть подходящий транспорт. Дай бог, к рассвету распогодится, и все поедут вслед за грейдеристом. Два человека из «безлошадных» остались дожидаться в конторе. Директор школы тоже задержался, он не находил себе места.

— А ты иди до других родителей, кто не пришел,— выпроваживал физрука совхозный хозяин.— Вдруг кто не в курсе по уважительной причине,— выразительный щелчок ниже подбородка.— Сам с ними объясняйся. А я должен сообщить об этом в райцентр. Пусть завтра на всякий случай пустят над балкой почтовый кукурузник.

Директор вместе с рабочкомом зашагал вниз к радисту. Увидев, что входная дверь не закрывается из-за натоптанного снега, сказал Размывакину:

— Найди техничку, чтобы почистила, еще не хватало здесь регистры разморозить...

На улице физрук задумался, кто из оставшихся не оповещенными родителей семиклассников живет поблизости. Библиотекарша Семенович вон в том угловом доме. Но что сделает одинокая вдова, к тому же приволакивающая ногу? Ей не стоит ехать. Вот у Вододохова «Победа», очень проходная, на шасси.

Во двор к Вододохову не пускал свирепый кобель. Пришлось перелезать через штакетник и огородом пробираться к дому сквозь кусты малины и шиповника. Стал стучать в окна зала, где теплился свет. Минут десять топтался у окна — никто в доме не реагировал. Наконец за шторами промелькнула тень, приоткрылась дверь веранды. Желтый конус света наискосок разрезал давно нечищенный двор.

— Кто там? — хрипло.

— Это я. Закрой псину!

Физрук соблюдал безопасное расстояние между собой и рвущимся на цепи псом.

Вододохов, спотыкаясь, неверным шагом прямо в тапочках дотопал до будки и затащил в нее зевластого охранника, прикрыв на вертушку сетчатую дверцу.

— Закемарил немного, моя тоже спит. А где Пашка?

Физрук понял, что и от этого будет мало проку — уже наклюкался. Но на всякий случай сказал:

— Ты бы откопал к утру гараж. «Победа» на ходу?

— А шо такое?

— Застряли ребята в вагончике. Утром поедем вызволять...

— А ты почему здесь? Бросил их? А если что... Да я тебя своими руками!..

У Вододохова под усами блеснуло жутким оскалом, он стал потрясать перед собой скрюченными пальцами. Потерял равновесие и чуть не упал, задержавшись за оконный переплет. Хрустнуло стекло.

— Мы собираемся в конторе. А я пока к другим...— физруку ничего не оставалось делать, как поспешить тем же окольным путем на улицу...

* * *

К утру снегопад прекратился. Грейдерист стал прочищать дорогу от рыхлого снега. Следом двигался целый кортеж: директорский «Бобик», автолавка Кропотова, «Победа» Вододохова, две «Беларуси»...

На трассе особых заносов не было, а вот дорогу до полевого стана второй бригады замело полностью — чуть проглядывали комковатые кромки от прежней чистки.

В трехстах метрах от трассы виднелся ДТ-75 с вагончиком, гусеницы наполовину в снегу. Однако такое странное безмолвие, кабина трактора пуста, вагончик непривычно статичен. Даже если кто-то приподнимется на лавке — вагончик сразу начинает ходить на рессорах, а сейчас не шелохнется, и труба не дымится. Невозможно не заметить из окошка вагончика такую колонну, но почему никто не спешит навстречу?..

Физрук первым побежал по глубокому снегу к вагончику, за спиной тоже раздались нетерпеливые возгласы, снежный хруст нагоняющих. Анатолий Семенович рва-

нул за дверную ручку и обомлел — внутри пусто, никаких лыж. Значит, сюда больше не возвращались...

Все остолбенели и с нескрываемой неприязнью глядели на физрука: что он скажет? В это время на бреющем полете пронесся над полями в сторону балки почтовый кукурузник. Все стали следить за его разворотами, словно это давало какую-то надежду.

— Надо пробиваться на стан,— махнул рукой бульдозеристу директор совхоза. Трактор зарычал с удвоенной силой, приподнял блестящий отвал и принялся таранить все нарастающую кучу снега на межклеточной дороге.

Антон Федорович отозвал в сторонку рабочкома:

— Сгоняй к парторгу. Я его оставил за себя. Сейчас из райцентра передадут, что увидели с воздуха. Потом сразу сюда.

Директорский «Бобик» стал объезжать на трассе колонну. В это время кукурузник пролетел над головами собравшихся и повернул в сторону райцентра, быстро превращаясь в точку среди голубого неба.

Теперь вся надежда была на полевой стан. Может быть, Петряков всех ребят увел от непогоды туда. Весь транспорт стал двигаться вслед за бульдозером, который действовал свирепо, на пределе возможного. Через полчаса дорога до стана была почти пробита, оставалось метров пятьдесят. Сторож с Петряковым уже поджидали, забравшись на старую кучу снега. Директор школы приложил ладони ко рту:

— Ребята у вас?

Сторож с Петряковым недоуменно переглянулись.

— Нет. А что?..

Такого ответа боялись больше всего. У всех собравшихся сжались в комочек сердца. Значит, надо готовиться к самому худшему, хотя никому не хотелось в это верить.

Видно было, как у Петрякова посерело лицо и повело губы. Он все понял и только гадал: какое будет ему наказание. В таких случаях чаще всего начинают искать «стрелочника».

Когда одолели последние метры заноса, Антон Федорович скомандовал:

— Осмотрите все постройки и всю территорию вокруг!..

— Никого здеся нет,— лепетал сторож с татарским акцентом.— Я все сам-сам проверяю. Заметил бы...

Но его никто не слушал. Осмотрели все закоулки — тщетно.

Директор собрал всех вокруг себя:

— Не будем терять драгоценного времени...

— «Бобик» едет! — выкрикнул кто-то.

По прочищенной дороге вихлялся директорский брезентовый внедорожник. Рабочком выскочил, хлопнув дверцей, и сразу к делу:

— Передали только, что возле одной копны виден черный круг, в нем какое-то движение. А в трехстах метрах слева от Волчьей балки на ее середине фигура в красном на лыжах.

— В красном пальто! — радостно воскликнул водитель автолавки Бойченко.— Это моя Зоечка. Где, в каком месте, покажите мне, я сам...

Рабочком повторил свои слова, Бойченко ринулся в поле, по колени проваливаясь в снегу.

Подойдя вплотную к Антону Федоровичу, рабочком добавил с дрожью в голосе:

— Уже пробивается из райцентра милиция со скорой помощью...

И смерил физрука тяжелым взглядом.

Директор снова взял инициативу в свои руки:

— Растягиваемся цепью и будем все прочесывать, сначала в ту сторону балки. Обращаем особое внимание на все бугорки, осматриваем каждую копну.

Цепь стала двигаться. Облегчало дело то, что снег не везде был глубоким, с оглаженного солнцем наста его сдувало, и он цеплялся лишь за складки и волны. Под первым же бугорком ждала страшная находка — откопали застывшего калачиком Олега Хаменчука.

Когда приблизились к одной из копен, стало понятно, о каком черном круге шла речь. На огромной куче почти остывшей золы лежала Веревкина — здесь она пригрелась. Увидев людей, повернула чумазое, как у негра лицо, стала подниматься.

— Ты в порядке? Ноги-руки не отморозила?..

Ее сразу же увлекли с двух сторон за руки в сторону транспорта. Никаких обморожений у нее не обнаружили, и на директорской машине быстренько отправили домой.

Интуиция словно вела Бойченко к цели. Как только он встал на увал балки, увидал в дальней ложбине красный силуэт. Выпрастываясь из невидимых под снегом ямок и упадая на руки, он напрягал все свои силы, чтобы поскорее добраться, доползти до родимого существа.

— Я иду к тебе! — повторял он, досадуя, что ноги плохо слушаются.

Да, это она, до нее совсем чуть-чуть осталось, но почему она не откликается, даже не шевелится? Должно быть, сильно устала. Бойченко поравнялся с дочерью, стал смахивать с ее плеч снег и неожиданно почувствовал чугун под сукном. Стал трясти дочь за плечи, но под руками — холодный монолит. Разум отказывался это воспринимать.

Даже не услышал, как рядом оказались сторож с трактористом Петряковым. Они стали сапогами отмахивать нанос с лыж, чтобы отделить их от ног девчонки. Сторож поддерживал лыжницу сбоку, когда та стала статуей крениться набок. Потом Петряков стал отцеплять лыжные палки, петля одной из них была закинута на руку, поэтому он молча вынул из кармана складной нож и стал ее перерезать.

— Зачем? — старался помешать этому Бойченко и попытался поднять дочь на руки. Его мягко, но настойчиво оттеснили:

— Мы сами...

Мужики подняли школьницу за ноги и плечи, понесли в сторону машин. Отец, ничего не соображая, забегал сбоку, пытался прикрыть ноги дочери сползающими полами пальтеца:

— Ей холодно!..

На заднем диванном сиденье «Победы» замерзшая не умещалась. Рабочком кивнул в сторону автолавки:

— Придется туда...

Распахнули будочную дверь автолавки, на металлическом полу какие-то разломанные ящики. Бойченко загораживал дочь:

— Зачем в автолавку?

На трассе послышалось пофыркиванье машин, на межклеточную дорогу съехал милицейский уазик болотного цвета и следом притормозила белая «скорая помощь».

Трое из райотдела милиции — следователь, участковый и криминалист — подошли к директору, здороваясь за руку. Он один был в настоящей замшевой дубленке коричневого цвета. Других людей служивые словно не замечали.

— Нашли семерых из двенадцати,— коротко бросал нахмуренный Антон Федорович.— Одна девочка жива, отправили домой.

— Продолжаем поиски! — отчеканил следователь.— В каком направлении еще не прочесывали?

Служивые без лишних слов подключились к поискам.

Бойченко приподнял худенькую дочь, прижал к себе и понес в «скорую». В ней уже лежали на полу в позе эмбриона два замерзших школьника. Находящийся на практике молодой рыжеусый медбрат в белом халате потрогал одного из лежавших за запястье и поморщился. Подхватили из рук Бойченко тело в красном пальто и стали укладывать на полу рядом с другими несчастными.

— Может, ее еще можно оживить? — умоляюще смотрел на двух приехавших медиков Бойченко.— Ведь бывают такие случаи...

Врачеватели ничего не отвечали, только старший, увидев, что с поля несут еще двоих замерзших, произнес озабоченно:

— Все не поместятся. Остальных придется распределять по машинам.

И тоже посмотрел в сторону автолавки.

Когда к «скорой» поднесли новые обнаруженные детские тельца, практикант попросил Бойченко выйти из машины, куда он уже забрался.

— Я тоже поеду! — упирался сельчанин.

— Извините, сами видите — нет места.

Медики уложили новых прямо поверх других тел. Бойченко опять стал пытаться забраться в «скорую».

— Дайте закрыть дверь. Мы потом сообщим, когда приезжать в морг,— произнес практикант и поперхнулся.

Дверь все-таки закрыли. Старший в халате, реаниматор, набросился на молодого:

— Не учили вас, что ли, на занятиях врачебной этике?

— Я сам все понял, просто случайно вырвалось...

— Это мы между собой так можем разговаривать. Сейчас еще начнут кидаться на машину...

И точно — Бойченко с перекошенным от страдания лицом стал бить кулаком в бок «скорой». Рабочком обнял его за плечо и стал утешать.

Директор школы суетился больше всех на поисках — вина придавливала его. Тяжелые мысли преследовали, не покидали ни на минуту. Это ж надо такому случиться! Теперь, если не выпишут «волчий билет», перекинут в какую-нибудь отстающую школу, в самое захолустье — в лучшем случае завучем. Да черт с ним, пусть хоть сажают! Его вина очевидна — понадеялся, не доследил, дал добро на эту поездку. Всех семиклашек он знал по имени, помнил каждую конапушку на лице. С этими ребятами он даже фотографировался, когда они были в третьем классе. Заглянул в актовый зал, а там фотограф выстроил на сцене их вместе с классным руководителем. Тогда еще Хаменчук окликнул директора: «Пойдемте с нами фоткаться!» И вот он откопал его в снегу, окоченевшего, синие ладони под мышками. Теперь та фотография на всю оставшуюся жизнь будет немым укором...

Осталось найти последнего семиклассника — Кропотова. Вроде бы все уже вокруг обошли, нашлись только его несуразные лыжные палки недалеко от телеграфной линии. Вспомнили про волков, но в балке не виднелось их следов.

— Будем продолжать поиски, пока не найдем! — повторял уставшим людям следователь. Сам он на минуту подозвал директора школы и пригласил в милицейский уазик для процессуальных действий. Там уже сидел понурый физрук. Следователь быстро опросил директора и дал подписать все записанное с его слов.

Из Казанки в очередной раз прикатил «Бобик», на этот раз приехал сам парторг.

— Нашелся Сашка! — едва высунувшись из машины, воодушевленно воскликнул он с облегчением.— Его сейчас привезли из Мирного. Да живой! Сам туда пришел по столбам...

Сотрудники милиции поняли, что их миссия на сегодня закончена; собрались и

уехали, сказав директору, что уцелевших семиклассников опросят в следующий раз. «Скорая» тоже стала разворачиваться на узком очищенном промежутке, чтобы отправиться следом в райцентр.

В это время Вододохов угрожающе подбежал к директору с монтировкой в руках:

— Где этот?..

Он не мог понять, куда подевался физрук.

— Уже взяли за цугундер,— выразительно посмотрел на него директор, и тот как-то смяк.

— Я представляю, что бы ему здесь было сейчас! — вполголоса сказал Жиздрев директору.— Угробил целый класс...

* * *

Физрук отсидел «от звонка до звонка» все пятнадцать лет срока. Потом вдруг объявился в Казанке. Ему намекали, чтобы он уехал куда подальше. Тот вроде соглашался, но кивал на то, что надо сначала хоть немного заработать на дорогу. Да и где его ждут с такой биографией — судимых нигде не берут на сносную работу, а он кроме как гонять мяч и шайбу, ничему не научен. На зоне все это время валил лес. Ему советовали податься вольнонаемным на северные нефтепромыслы, там таких немало, да и платят более-менее. Но бывший зек все раздумывал.

В один прекрасный день его обнаружили ранним утром прикрученным проволокой к забору собственного дома, шея намертво стянута.

В райотделе не стали заводить уголовное дело, написав в заключении судебной экспертизы, что это самоубийство — бумага все выдержит...

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Сергей Даштамиров
(п. Каменоломни, Ростовская область)

ПУШКИНСКАЯ ПРОЗА ОНЕГИНСКОЙ СТРОФОЙ

Сергей Сергеевич Даштамиров — поэт, прозаик, журналист, издатель и главный редактор литературной газеты «Донские волны» и литературно-художественного альманаха «Донская сотня». Член Академии российской литературы, Российского союза писателей и Союза писателей Дона, член редакционного совета Вестника Академии российской литературы «Московский Парнас». Родился в 1951 году в городе Грозном, с 1977-го проживает в Ростовской области. Кадровый офицер, подполковник в отставке. Публиковался в периодических изданиях и коллективных сборниках. Издал пять авторских сборников стихов и прозы.

ВЫСТРЕЛ

К читателю

I

Я покусился на святое!
Меня прости, читатель мой:
Да допустимо ли такое —
Писать онегинской строфой?
Взял прозу Пушкина в «подстрочник»
(Для вдохновения источник
И лучшей пищи не найти!) —
Решил в стихи перевести.
Признаюсь честно: было сложно.
Но я старался, видит Бог!
Я сделал все как смел, как смог,
Но вам придется — все возможно! —
Отбросить смятые листы
С неясным чувством пустоты!

II

Но даже, если так случится,
Я благодарен буду вам
За то, что смятые страницы
Вы все ж прочли. Мои слова —
Для размышлений дали пищу.
Быть может, кто-нибудь отыщет
Моих стихов неверный строй —
Ну что ж, случается порой!
Быть может, кто-то посмеется
Над тем, что может вызвать смех,
Мы знаем: добрый смех — не грех.
Пусть проза со стихом сольется!
Мне гений Пушкина дал знак.
И я решил: пусть будет так!

Часть первая

I

Порой скучна жизнь офицера.
В местечке N стоял наш полк.
С утра маневры на пленэре* —
Без жаркой драки, что в них прок?!
Потом обед у командира,
А то — в прокуренном трактире,
Где вечерами мы к тому ж
Играли в карты, пили пунш...
Мы собирались друг у друга,
Стремясь веселым звоном чаш
Досуг хмельной украсить наш.
Иного не было досуга:
Здесь нет балов и нет невест
За все двенадцать верст окрест.

II

Кутили мы, о том не зная,
Что в жизни все имеет срок.
Кипела в жилах кровь младая,
Лозы хмельной бродил в ней сок.
Но видеть мы могли в трактире
Свои лишь пыльные мундиры...
Гражданский был средь нас один,
Весьма угрюмый господин.
Имел он сильное влиянье
На неокрепшие умы.
С ним спорить не решались мы,
Предпочитая возлиянье...
О нем отдельно, мой читатель.
(Его портрет здесь будет кстати!)

* Пленэ́р — от франц. *en plein air* — «на открытом воздухе».

III

По меркам всем он жил аскетом,
По преимуществу молчал,
Был нелюдим, но все ж при этом
Нас, полковых, всех привечал:
В домишке скромном под ракитой
Держал для нас он стол открытый.
Уже не молод, и не стар
(По слухам, сам был из гусар).
Известно, есть такие люди:
Один лишь взгляд — и ясно вам,
Что будут лишними слова —
Как он решил, так все и будет!
Одним из них был наш «аскет»,
В чем у меня сомнений нет.

IV

Никто его судьбы не ведал,
Не мог постичь аскета суть:
Ведь не возможно за обедом
Так просто в душу заглянуть.
Нам отставной солдатик Кузька
Однообразные закуски:
Котлеты, рыбу, например,
Готовил сам — на свой манер...
Пусть скромным было угощенье,
Зато шампанское — рекой!..
Здесь находили мы покой,
Забыв занудное ученье...
Хозяин наш был не святой:
И злой язык, и нрав крутой.

V

К барьеру стать с ним не хотелось.
Я видел: муху на стене
Он метко бьет, совсем не целясь.
И объяснимо то вполне:
В его стенах сидели пули,
Как будто это — пчелы в улье!
Да, уважали мы его
За это чудо-мастерство!
Когда он грушу сбить с фуражки
Нам предложил бы как игру,
Под этот выстрел, я не вру,
Любой шагнул бы без опаски.
Его открою имя я:
Он звался Сильвио, друзья.

VI

Да, Сильвио... Но, правда, в нашем
Кругу отъявленных повес,
Поскольку был он много старше,
Мы с уваженьем звали С*.
Пешком ходил он постоянно.
На нем нам видеть было странно
Его изношенный сюртук,
Сапог истершийся каблук...
Ему, казалось, безразлично
Все в этом мире, этот мир...
Он ждал чего-то, наш кумир,
И это было тайной личной.
Но кто спросить о ней бы мог?
Еще убьет, помилуй Бог!

VII

Мы бурно время прожигали!
Нас вам, столичным, не понять!
Вы там мазурку танцевали,
Мы кисли здесь — по деревням!
Мы — молодые офицеры,
Стремясь высот достичь карьеры,
Своих амбиций не стыдясь,
Месили грязь — и граф, и князь!
Нам смерти страх совсем не ведом:
Ведь мы — наследники побед,
Тех, что добыл наш славный дед,
Завещан путь победный дедом!
Пусть помнит мир, пусть знает свет:
Не посрамим мы эполет!

VIII

У нас бывали часто сходки
У С* за чашею вина,
За картами, за рюмкой водки...
Была компания шумна.
Вели мы громко разговоры,
То были дружеские споры —
«Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов»*.
Но Сильвио, что было странно,
От нас держался в стороне.
Однажды приоткрылась мне
Его души большая тайна.
Не забегаю наперед:
Придет разгадке свой черед.

---

* Цитата из «Евгения Онегина».

IX

К нам прибыл в полк курьер столичный:
Из штаба почту привезли.
Мы пили много. Как обычно!
Играли в карты, спор вели...
Но вот штабной загнул валета.
Конечно, С* заметил это
И на доске исправил счет.
В парах вина, розовощек,
Вспылил поручик из столицы.
Банкер и вида не подал:
Спокойно дальше банк метал,
В ответ не позволяя злиться.
Мы ждали: чьи же крепче нервы
И кто из них взорвется первым.

X

Штабной пустился в объясненья,
Твердил, что Сильвио не прав.
Но тот умел хранить терпенье,
Не выдавал суровый нрав.
Меж тем спокойно и умело
Он банкомета правил дело,
Вел счет по правилам своим.
(Мы уж давно смирились с ним,
Но ново было для штабного).
Поручик злился, был взбешен,
А офицеры — так еще
Над ним смеялись нездоро́во:
Ведь назревающий скандал
Нам крепко нервы щекотал.

XI

Уже заканчивался вечер.
Банкер спокойно банк метал.
Понтер пустил в него подсвечник —
Тяжелый бронзовый шандал.
Поступок совершенно дикий —
Им не избегнуть поединка!
Поручик это понимал —
Он в пламя масло подливал.
И было некуда деваться:
Увидев Сильвио глаза,
Поручик вышел, но сказал,
Что с ним всегда готов стреляться.
А мы все ржали, жеребцы,—
Зачли штабного в мертвецы.

XII

Рассветом новый день забрезжил.
Три дня прошло — поручик жив!
И зло трепались мы в манеже:
«Уже ль прощенье заслужил?»
Хотелось в этом разобраться:
«Не будет Сильвио стреляться?
А как же долг?.. А как же честь?..» —
Вопросов было нам не счесть...
Но кто б осмелился, к примеру,
Сказать, покручивая ус,
Ему в лицо, что С* наш — трус?
Рискнул бы кто с ним стать к барьеру?
Непримирима молодежь,
Но Сильвио простила все ж...

XIII

Заметил я, что охладели
К нему ревнивцы эполет.
Но это были в самом деле
Издержки наших юных лет.
Я тоже впал в недоуменье
И сторонился с С* общенья:
Остаться с ним наедине
Совсем теперь не льстило мне.
Казалось внешне: как и раньше,
Мы проводили вечера —
Вино, картежная игра
И отношения без фальши,
Но каждый про себя твердил:
«Уж я бы точно не простил!»

XIV

Вернуть бы годы молодые,
Горячность наших юных лет —
Хондроз, склероз, стенокардия
Несут гораздо больше бед!
Но, по оружию собратья!
Бездумно молодость растратив
В свои осьмнадцать-двадцать лет,
Не станем мы о том жалеть,
Когда предстанем перед Богом,
Когда придет за нами Смерть,
Чтоб в души наши посмотреть.
Пусть мы взгрустнем, мой друг, немного,
Что вспоминать о той поре? —
С годами станем мы мудрей!

XV

Во вторник, в пятницу все ждали
Мы писем, денег и газет.
И вот однажды в канцелярии
Был Сильвио вручен пакет.
Сорвал печать он в нетерпенье
(Так было велико волненье),
Прочел... И с жарким блеском глаз
Торжественно взглянул на нас:
— Друзья! Я нынче ночью еду!
Есть неотложные дела...
Меня фортуна позвала.
И я вас всех прошу к обеду!
Конечно, все мы собрались —
Гуляй, банкуй и веселись!..

XVI

К друзьям моим примкнул я позже.
Собрался здесь почти весь полк...
Подумалось: наверно, все же
В любом застолье есть свой толк.
Стреляли пробки неустанно,
Шипели, пенились стаканы —
Ну, словом, настоящий пир!
(Вином мне залили мундир).
Хозяин наш был явно в духе;
Шутил: «Управлюсь за три дня!
Надеюсь, братцы, без меня
Вы не помрете с голодухи?!»
В ответ смеялись и опять
Все продолжали пировать.

XVII

Так пили мы, не зная меры,
Но все ж она во всем нужна:
Повеселились офицеры —
Пришла пора расстаться нам.
...Когда мы стали собираться,
Меня он попросил остаться,
Сказал, что есть, мол, разговор,
Что снять пора ненужный флер*,
Возникший в наших отношеньях.
Я лишь кивнул, не тратя слов,
Что, дескать, выслушать готов...
Избегнуть чтобы искаженья,
И не придрались вы к словам,
Его рассказ представлю вам.

---

* Флёр — от франц. *fleur* — покров таинственности.

XVIII

Он начал разговор не сразу.
Усердно трубку набивал,
Искал вступительную фразу...
Меж тем я терпеливо ждал.
Я полон к Сильвио почтенья,
Но рвали душу мне сомненья:
Быть может, на решенья скор,
Неправый вынес приговор?
Но честь есть честь — иных нет правил!
Понять ли здравому уму?!..
...С огнем в глазах и весь в дыму
Предстал вдруг С* как сущий дьявол!
Я утомил немало вас?
Так вот же Сильвио рассказ:

РАССКАЗ СИЛЬВИО

Я буду откровенен, князь.
Заметил ваше отчужденье,
И у меня сложилось мненье...
Да! Я прямую вижу связь
С одним недавним злоключеньем.

Заочно здесь меня бранят,
Не отрицайте, право слово!..
Вы презираете меня...
За то, что я простил штабного,
Безвольно, мол, замял скандал:
За дерзость — должен наказать,
По чести!.. Вижу по глазам,
Что мысли ваши угадал.

Известно вам: чужое мненье
Я мало уважаю, но...
Себя в вас вижу воплощенье.
Клянусь моею сединой,
И я таким был в ваши годы —
Ревнивцем чести и свободы,
Любимцем благородных дам...
Во всем я вижу наше сходство.
А потому откроюсь вам:

Поступок мой на благородство
Списать легко, но вряд ли нужно.
Я вправе выбрать был оружье.
Им как владею, не секрет.
Судьба хмельного сумасброда
Была б в моих руках... Но нет!
Проблема здесь иного рода:

Собой я рисковать не мог...
За мною долг — дуэльный долг!
Мой давний враг не отомщен,
Пощечина горит еще.
Отмщения я долго ждал.
Вот день пришел, и час настал!

Стрелялись мы. Прошло шесть лет.
Взгляните, князь: в моей руке
Фуражка с дыркой на просвет,
Чуть выше лба, в одном вершке,
Пробита пулей... Сей предмет
Изменит, может, или нет
Ко мне дурное отношенье...
Я вас люблю, вы мне близки,
Ценю я также ваше мненье,
Своих же правил вопреки.

Пожалуй, ротмистр, мне пора
Пред вами приоткрыть завесу,
Ведь мы давно не юнкера!
Когда вам будет интересно:
Я тоже был на службе царской —
В полку одном служил, гусарском.
И обо мне тогда слыла
Весьма двусмысленная слава:
Самим был воплощеньем зла,
Но, право, лишь для комсостава!
Буян я, первый дуэлянт —
У нас ведь буйство было в моде!
Друзья-гусары для меня
Наперебой слагали оды.

Признаюсь, князь, что всякий грех
За в деле ратном мой успех
Легко прощался — даже пьянство!
А я, с упорным постоянством,
Стремился к первенству всегда,
Своей я наслаждался славой.
Но приключилась вдруг беда...

К нам прибыл в полк графишко бравый,
И будто я глотнул отравы
Из чаши полной до краев!
Вдруг блекнуть первенство мое
С его приходом быстро стало.
В друзья он метил поначалу...
«Нет места двум на пьедестале!» —
И жестко я его отверг,
Покуда нимб мой не померк.

Он отошел без сожаленья
И прекратил со мной общенье.

Граф превзошел меня во всем:
Умен, красив и знатен родом,
Богатство, храбрость — все при нем!
Для женщин — будто мазан медом.
Впустую времени не тратил,
Гордился славою своей.
В полку он многих орогатил
Иных доверчивых мужей.

Он, мой противник, явно был
Счастливым баловнем судьбы.
От зависти впадал я в раж,
Травила злость змеиным ядом.
А он, легко поймав кураж,
Не удостаивал и взглядом...
Терпеть не мог я задаваки:
Я схватки ждал. Я жаждал драки!

Однажды на балу я смог
Для драки отыскать предлог!
Был бал уже в своем разгаре.
И враг мой весел, как всегда.
Сказать точнее, был в ударе.
Он овладел вниманьем дам,
Те в круг него кружились стайкой,
Смеялась громче всех хозяйка.
А эта дама, милый князь,
Тогда со мной имела связь!

Я злился! Я негодовал —
Я с ним на драку нарывался,
Яд эпиграммами метал...
Я разозлить его пытался!
Граф был искусней в эпиграммах,
Блистал стихом своим при дамах.
Он не затягивал с ответом:
Читал их вслух и улыбался,
И мне подмигивал при этом.
А взгляд веселием светился.

Я окончательно взбесился
И что-то грубое на ухо
Ему в том бешенстве сказал.
А граф мне врезал оплеуху,—
И звоном отозвался зал.
Ну, мы — за сабли!.. Развели.
Мы примириться не могли:

Стреляться — точка! — в ту же ночь!
Я был готов! И он не прочь!..

С неизъяснимым нетерпеньем
Я ждал... Противника все нет.
Росло мое ожесточенье —
Уж близок был рассвет.

Все выше солнце. Раздраженье
Растет мое, и злость кипит:
Уже ли безмятежно спит?!
...Но появился в отдаленье:
Идет походкою неспешной —
Мундир на сабле, за спиной...
И вот предстал граф предо мной:
В руках фуражка — в ней черешни...

Двенадцать меряют шагов,
Условленных, нам секунданты:
Дуэльный кодекс наш таков —
Пора к барьеру, дуэлянты!
...Но нервы! Нервы — что за черт!
Злость не прошла, меня трясет.
«Остыть бы мне!» — и с этой мыслью
Я уступаю первый выстрел.
Ведь может подвести рука...
Пусть граф стреляет, а пока
Свои я успокою нервы:
«Да! Пусть же граф стреляет первым!»

Но граф мой жест не оценил,
Сказал: «Пусть жребий все решит».
И жребий вновь благоволил
Любимцу счастья: вот лежит
Пред вами, князь, моя фуражка —
Свидетель выстрела его...
И я... Пока еще живой.
Но не отмщен. Признаюсь, тяжко,
Мне ваше осужденье, князь.

Что наша жизнь? Интриги, грязь...
Простите, но отвлекся я.
Был выстрел. Очередь моя.
Мой враг в двенадцати шагах,
И жизнь его в моих руках!
Взведя курок, взял на прицел:
На графа жадно я глядел,
Искал в глазах приметы страха...
Их не было. Враг даже внешне
Спокоен был: он ел черешни...

Вдруг из кустов вспорхнула птаха
И растворилась в вышине —
Как Божий знак, что послан мне...
«Что я искал в его глазах? —
В них пустота и безразличье.
Убью — что в том мне пользы личной?» —

Подумал так, а вслух сказал:
«Я вижу, граф, вам не до смерти.
Так продолжайте завтрак свой,
Не стану вам мешать!.. Созрейте!»

«Оставьте выстрел за собой! —
Ответил граф.— А впрочем, сами
Решайте: он всегда за вами!»

В отставку вышел я, мой князь,
В местечко N. Ушел здесь в тень,
От светской жизни удалясь.
Мечтал о мщенье каждый день.
Теперь же этот день настал —
Тот, о котором я мечтал.

Читайте: вот письмо — пакет
Я утром получил на почте.
Надеюсь, разберете почерк...
В письме найдете вы ответ,
На тот вопрос, что вас так мучил.
Быть может, вы поймете лучше,
Чего я терпеливо ждал,
И почему простил штабного,
Как должен был, не наказал.
Поймете: выбора иного
Я не имел — за мной был долг.
Страшнее смерти — неотмщенье!
Теперь же мне Господь помог:
Представил шанс мне, что б я мог
Вернуть ко мне расположенье,
И долг отдать по назначенью.

Читайте ж, князь! Вот вам письмо...
Прочтя, поймете выбор мой...
Я отношусь к вам с уваженьем.
Себе позволить не могу
Оставить тяжкие сомненья
Ни в вашем сердце, ни в мозгу...
А на прощание замечу,
Впредь не надеюсь уж на встречу
И на пожатие руки...
Вы мне останетесь близки.

IXX

В чем наших писем назначенье?
Они летят на почтовых —
Мы ждем, сгорая в нетерпенье,
Хоть сами редко пишем их...
Прочел письмо я без желанья.
В нем сообщалось, в том посланье,
Что некий, им известный, граф
Решил вступить в законный брак.
Готово все, и день назначен,
И должен Сильвио спешить,
Чтоб с графом давний спор решить —
Момента не сыскать удачней.
Мы на прощанье обнялись.
Сведет нас вряд ли снова жизнь.

Часть вторая

I

Прекрасны годы молодые.
Мы верим: все у нас в руках!
Любви мы ищем позывные
И птицу счастья в облаках...
Мы эти годы беззаботно
Легко транжирим и охотно.
И необузданная страсть
Берет, увы, над нами власть.
Но мы все думаем: то счастье,
Что нас чарует и манит,
Волшебной птицей прилетит.
И вдруг теряем в одночасье
Надежду эту, глядя ввысь,
Где наши звезды не сошлись.

II

Там, в небе клином журавлиным
Чужое счастье, сделав круг,
Кого-то сделает счастливым...
И ты запомни, юный друг:
Бывают в жизни перемены —
Друзей предательство, измены
(Немного праздников земных) —
Мы все зависимы от них.
Я не Пророк и не Мессия,
Богов не слышу голоса,
Скажу лишь то, что понял сам:
Есть обстоятельства такие,
Что в наших силах изменить,
И надо молодость ценить!

III

Я сам стал жертвой обстоятельств:
Совсем седой, а был шатен
Мне не хватало тех чудачеств,
Что знал, живя в местечке N...
Теперь, уйдя с военной службы,
Почувствовал себя ненужным.
В глухой деревне поселясь,
Жалел себя ваш бедный князь.
Сидел в глуши, с уныньем споря,
Все книги в доме прочитал,
Лишь об одном теперь мечтал:
Не стать бы пьяницею с горя,
Не спиться б, Господи, прости!
Другой вопрос: куда пойти?

IV

Ах! Как нуждался я в общенье —
Я от тоски зеленым стал!
Поместье было в отдаленье,
Примерно в четырех верстах.
Сказал мне староста Порфирий,
Здесь с мужем юная графиня
Медовый месяц провела,
Сама же в Питере жила.
Шли дни и ночи эстафетой,
Я пил вино, гоняя мух...
Вдруг по селу пронесся слух:
Графиня едет на все лето!
Что это может означать?
Да это — праздника печать!

V

Приезд богатого соседа
Здесь обсуждали месяц-два...
И года три, когда уедет,
Не успокоится молва.
Гудело ульем все селенье,
И я почувствовал волненье:
Ведь ждал и я, читатель мой,
Приезд хозяйки молодой.
От нетерпения сгорая,
Мечтал уже немало дней,
Как я предстану перед ней,
И как графиня молодая
Меня воспримет... Ваш ведь князь
Утратил с высшим светом связь...

VI

Они приехали в июне,
В начале месяца. Да, да —
Поста Петрова накануне.
Лил, помню, сильный дождь тогда.
Но вот настало воскресенье,
И поспешил я с нетерпеньем
(Дичал я в собственных стенах)
В поместье в четырех верстах:
Представиться соседям новым,
Как нам традиции велят.
А может, если захотят,—
И добрым обменяться словом.
Меня поймет, конечно, тот,
Чья так бесцветно жизнь течет.

VII

И вот я в графском кабинете.
Богатством он благоухал...
Такого я давно, поверьте,
В глухой деревне не видал.
Обилье книг, тепло камина,
На стенах старые картины,
Сиянье бронзы и зеркал,
Французский на столе журнал;
Сукном зеленым пол обитый,
Ковры персидские на нем.
А над камином есть проем*,
В нем три богини — три хариты.
Я трепетал — ну, чисто,
Как был проситель у министра.

VIII

Граф оказался дружелюбен,
Открыт в общении и прост.
К таким я благосклонен людям
И вскоре позабыл, что — гость!
Мы говорили с ним о разном,
Но не касались сложных тем.
А я освоился меж тем
И стал вести себя развязней.
Но сразу потерял дар речи!
Я был графиней поражен:
Таких нечасто встретишь жен —
Казалось, что погасли свечи,
Когда явилась нам она,
Столь ослепительна, нежна!

* Проем — здесь в значении: *ниша*.

IX

Какая грудь! Какие плечи!
Какая шея!.. А глаза?!..
Я онемел. Конфуз замечен.
Что в оправдание сказать?
Я спрятал взгляд свой от графини
И стал рассматривать картины,
Чтоб свой сокрыть позор и стыд,
Чтоб чувствам дать чуть-чуть остыть...
Графиня с графом, не смущаясь,
Вели беседу меж собой
Как будто я для них был свой
И разговору не мешаю.
Пейзаж швейцарский на стене
Вдруг чем-то приглянулся мне.

X

Друзья! Я в годы молодые
Сторонник был иных забав:
Картины — не моя стихия!
— Кто автор, подскажите, граф,
Такой работы филигранной?
«Не помню... Это холст Бирманна»*.
— Отличный выстрел! — вскликнул я.—
Не каждый может так стрелять!
Тут нужен дар, а не уменье,
И глаз... и твердая рука...—
Знавал такого я стрелка!
Но мы расстались, к сожаленью...
Я Сильвио не смог забыть!
«Как? Сильвио?! Не может быть! —

XI

Воскликнул граф, поднявшись с места,—
Вам, правда, Сильвио знаком?»
— Да, если графу интересно,
В полку служили с ним одном...
Простите, граф, нужна поправка:
Нет, нет! Он был уже в отставке,
Но как у брата своего
Мы собирались у него.
Так, стало быть, и вы с ним знались,
Вы тоже с ним знакомы, граф?..
О, да! Я оказался прав:
Граф подтвердил — они встречались.
... Подумав, начал граф рассказ.
Я записал его для вас:

* Карл Эдуард Бирманн (1803—1892) — немецкий пейзажист.

РАССКАЗ ГРАФА

«Догадки вас не обманули.
Вот этот выстрел — пуля в пуле,
Что след оставил на картине,—
Знак о последней нашей встрече.
Пять лет прошло, но я доныне
В деталях помню этот вечер.

Вы были с Сильвио дружны,
И он вам сказывал о бале...
Здесь пояснения нужны:
Служил я с ним, мы враждовали,
В полку за первенство борясь.
Мы с Сильвио стрелялись, князь.

За ним остался выстрел-долг,
Но он покинул вскоре полк.
А я — богатый, молодой —
Беспечно жил и веселился,
Совсем забыл о ссоре той.
И вот, пять лет назад, женился...

Медовый месяц был в разгаре,
Счастливо наши дни лились —
Как звуки греческой кифары.
Открыл иной я жизни смысл:
В любви желанной и в покое,
И сердце этим успокоил...

Был мой покой нарушен вскоре:
С прогулки мы вернулись конной
В тот вечер; здесь же, у камина,
Ждал гость: по виду — сущий тать!
Пришел, сказал он, долг отдать!
По голосу узнал я имя.

«Ты не узнал меня?» — спросил,
Табачным едким пыхнул дымом.
Как будто я лишился сил,
И волосы вдруг стали дыбом...
Теперь мне было что терять...
Ах, как некстати этот «тать»!

«Ты помнишь, граф, за мною выстрел?
Я разрядить свой пистолет
Пришел. Готов ты или нет?»
Шаги отмерил я и быстро
Стал в том углу: «Стреляй! Жена
Увидеть это не должна!»

Он медлил, попросил огня...
Подали свечи: так светлей.
Он долго целился в меня...
И наслаждался он как будто —
Ужасная прошла минута!
Я попросил стрелять скорей!

Вдруг опустил он пистолет.
«Как жаль,— сказал,— черешен нет!
Признаюсь, не хотелось мне бы
Убийцей стать в своих глазах.
По чести предлагаю, граф,
Давайте новый бросим жребий!»

Я не хотел, но так случилось,
Что первый номер выпал мне.
«О! Это дьявольская милость!» —
Его усмешку я во сне
Ночами вижу до сих пор.
Но как продолжился наш спор.

Я выстрелил, но как-то странно:
Картину прострелил Бирманна!
На выстрел прибежала Маша,
От страха бледная, визжит...
У Сильвио был грозен вид,
И за нее мне стало страшно.

Представил, как ей было жутко,
Решил соврать, что это шутка.
Но не поверила графиня:
Соперник целился в меня,
Сказал: «Для шуток есть причина,
Настала очередь моя!»

Увидев дьявола во взгляде,
У ног его — моя графиня! —
Молила Маша о пощаде...
В меня он целился картинно
И демонически молчал.
Я был взбешен, я закричал:
«Мне это, сударь, надоело!
Стреляйте же, окончим дело!
Иль вы не будете стрелять?
Что это может означать?!»

Соперник грозный отвечал:
«Стрелять не буду. Я доволен.
Увидел все я, что хотел:
Как ты краснел, как ты потел,

Твое смятение и робость,
Заставил выстрелить в себя...
Теперь пусть мучает тебя
Твоя же собственная совесть —
Над нею, граф, уж я не волен!
Я возвращаю выстрел мой
(Не целясь, выстрелил в картину).
Да, ты останешься живой
И предо мной почти невинный...»

И он ушел... лишь там, за дверью...
Я слышал, звякнул колокольчик —
Наверно, ждал его ямщик.
Но трудно было мне поверить,
Что давний спор наш был окончен,
И снова страх в меня проник...

Вот так ваш друг мне отомстил,
Но, не уверен, что простил...
С тех пор я, князь, в решеньях взвешен:
Оружье в руки не беру
И видеть не могу черешен.
Наверно, с этим и умру...

XII

Вот так, нежданно совершенно
(Какой-то был каприз судьбы),
Узнал однажды завершенье
Истории, чьей подзабыл
Почти, признаюсь вам, начало.
Я был взволнован чрезвычайно:
Ведь я когда-то молод был
И жестко Сильвио судил...
Друзья! Меня не обессудьте!
Порой мы судим сгоряча,
Выносим приговор сплеча,
Не разбираемся по сути...
Мы ошибаемся подчас —
И так же кто-то судит нас.

Александр Ланцов
(с. Нивны Арсеньевского района Тульской области)

Родился в селе Нивны Арсеньевского района Тульской области. Его стихи опубликованы в различных изданиях. Награжден медалью Тульской области «Трудовая доблесть III степени». Лауреат литературных конкурсов.

СНЕЖНАЯ КРЕПОСТЬ

(посвящается В. Е. Корнееву)

Доходило зимой до нелепости,
С поля боя не жди, не сбегу.
Наспех строили снежные крепости
Против дотов на том берегу.
Затаившись за мерзлыми кочками,
Круги ада прошли мужики,
Не отдали Полян с Голубочками,
Не отдали могучей Оки.
В твердость снега не очень-то верилось,
От осколков навряд ли спасет.
Но молились и втайне надеялись:
Будем живы, авось пронесет.
Смерть и кровь — вот все будни солдатские,
Снова взрыв, хоть фашист не стрелял...
Под могилы взрывали под братские,
Лом промерзшую землю не брал.
Обелиски и дали безбрежные,
Тишина здесь сегодня, покой...
И хоть строили крепости снежные,
Но стальною солдатской рукой.

ДВА ОБЕЛИСКА

Два обелиска за одной оградой,
Отец и сын, за них и боль вдвойне.
Отец геройски пал под Сталинградом,
А сын в Афгане, на чужой войне.

Верны присяге, Родине и флагу,
Их героизму нечего учить.
Представлены к медалям «За отвагу»,
При жизни не успели получить.
А внук в Чечне с десантным батальоном,
В кровавой бане, где и смерть, и риск.
Повышен в должности, досрочно стал майором.
Семье не нужен третий обелиск.

ОБ ОТЦЕ

Говорил мне отец, завещал, умирая:
«Окажи, сын, мне честь, не сочти, сын, за труд,
Принеси мне сто грамм на девятое мая,
В День Победы друзей боевых помянуть».
О себе на войне он рассказывал мало.
Чаще просто молчал, разговор уводил,
И не знай я про орден Солдатская Слава,
Вряд ли мог бы поверить, что он победил.
Орденов в ту войну просто так не давали,
А за пот и за кровь, за геройскую смерть.
Не за орден солдаты в бою умирали,
А чтоб свастику с карты планеты стереть.

О ВОЙНЕ

Хлестко выстрелил танк,
Оборвав пулеметную рвоту.
Переполз наш окоп,
По-хозяйски урча, не спеша.
Друг гранату в него,
А потом отсекали пехоту
Мы с моим земляком,
Раскалив докрасна ППШа.
А потом мы ползли
Меж кусками кровавого мяса,
Напугав даже смерть,
За счастливую в будущем жизнь.
Нам теперь говорят,
Что мы воины высшего класса,
А тогда политрук:
«Брат, умри,
Но хоть двадцать минут продержись!»
Знает, видно, лишь Бог,
Сколько пролито крови и пота.
Редко кто с тех полей
Возвратился с победой домой,
Но в руках у праправнука
Старое, желтое фото.
А на фото том
Я, в Бессмертном полку — рядовой.

* * *

Ту высоту мы брали вместе с Борькой,
Здесь были мы, на высоте — их дзот...
Я накрываю хлебом стопку горькой,
Хотя он с сорок третьего не пьет.
Он встал один, вперед рванулся первым
И рота через миг пошла за ним.
А он с размаха рухнул вдруг на землю.
Я шел за ним и я остался жив...
Мы хоронили Борьку без салюта —
Тогда патронам цену каждый знал!
Горели души ненавистью лютой
И лютый ветер в лица нам хлестал.
Вот вновь мы здесь и, вроде, та же зорька,
И тот же ветер в лица снегом бьет...
Букет цветов и рядом стопка горькой,
Хотя он с сорок третьего не пьет.

Александр Дивеев
г. Ртищево, Саратовская область

«ВСТРЕЧАЕТ УТРО ХЛЕБОМ-СОЛНЦЕМ...»

Александр Алексеевич Дивеев родился в деревне Ундольщино Ртищевского района Саратовской области. Лауреат литературной премии «Золотое перо Руси-2014».Член Союза писателей России. Живет в г. Ртищево Саратовской области.

ВРЕМЯ

Время испуганной лошадью мчит.
Шоры! Где шоры? О, Боже мой!
И отлетают подковы с копыт.
«Эй, осторожно, прохожие!»

Пух тополиный, как перья от кур.
О, кобылица — красавица!
Бабы собачатся, а на ветру
Ветви деревьев бодаются.

Видимо, так, с ярым блеском в глазах,
Ей в мире Дольнем положено
Мчаться туда, где в зеленых лугах
Можно пастись нестреноженной...

В Храме Души — благодатней огонь.
Боль и обиды — терпимее.
И обнимаю старушку-гармонь,
Словно девчонку любимую...

ТИХИЙ ДЕНЬ

Ворчливой памяти упреки...
Бог дал — погожий, тихий день...
Деревня... Избы кособоки,
Цветет дурнушкою сирень.

Забор валяется, как пьяный,
От пруда скрип противных жаб.

И хоть уже совсем не рано —
Ни мужиков окрест, ни баб.

Тут богачи живут: на душу —
По дюжине убогих изб.
Печальной аурой надушен
Мой край. Всевышнего каприз?

Тут чаще быть — платить за вредность
Душе и сердцу. Много лет
Жила, плясала. Незаметно
Погас ее незримый свет.

И по стяжательному праву
На месте изб, садов, берез —
Посеет фермер на халяву
Пшеницу, свеклу или рожь.

Гневить не стану Бога, хая
Мой край от грязи и до звезд.
Инфраструктура? Вековая:
Полынь седая да погост...

МЕСЯЦ

Словно в океане
Ледокол во льдах,
Облака таранит
Месяц в небесах.

Нет в пушистых льдинах
Желтому преград.
Звезды, как пингвины,
На него глядят.

Облаков торосы.
Мельтешенье стран...
Славные матросы,
Мудрый капитан...

Яков Шафран
(г. Тула)

К 500-ЛЕТИЮ ТУЛЬСКОГО КРЕМЛЯ

1

Кремль наш древний, кремль старинный,
Я иду к тебе опять.
Вижу давние картины,
Словно время мчится вспять:

Как Гирей, что шел с войною,
Был дружиною разбит,
Как над речкой, над Упою
Стал тогда ты знаменит.

Припев:

Наш кремль в веках
Прославил город.
Он жив в сердцах,
Как прежде молод.

Наш кремль — герой.
Он — гордость наша.
Наш кремль родной,
Его нет краше.

2

Полк рабочий, полк наш тульский
Шел от стен твоих на бой.
Это был ответ наш русский,
Был ответ наш боевой.

Вновь щитом России стала
Тула в грозные года.
Вновь столицу отстояла
Долгу верная всегда.

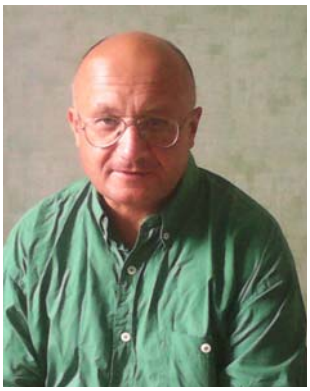
Припев.

3

Хоть уже и в землю врос ты,
Гордо высится глава.
Невысокого ты роста,
Но высокого родства.

И когда с тобою рядом,
Ощущаю строгий взор,
Будто слышу: «Сын мой, надо
Вместе нам нести дозор!»

Припев.



Юрий Токарь
(п. Городок, Житомирской обл., Украина)

ЭХО НАДЕЖДЫ

Наш постоянный автор.

* * *

По этой загадочной осени жалко ногами,
В нее б погрузиться и медленно плыть к декабрю.
Наверно, остывшее солнце смеется над нами,
Но я эту осень зачем-то сегодня люблю.
И ты не спеши обижаться на ветры косые,
И летние сказки во сне вспоминать не спеши.
Когда-то с тобой пробежим мы по лугу босые,
Но это потом, а пока что все осень решит.
Пускай наполняет и грустью, и медом бокалы,
Хмельною листвой и надеждой в душе шелестя.
А в парке на листьях танцуют наивные пары,
Мелодии нежность как вечность у сердца неся.
Давай же попробуем просто послушать мгновенья,
Из них то и соткана жизни бесценная ткань,
Они обозначат прибытия и отправленья,
Ведь весь этот мир очень сильно похож на вокзал.

* * *

И опять по стеклу разливается осень сегодня,
Это даже не дождь, а плывущая вечность с небес.
Только ветер себя не повел как настырный негодник,
Ветер просто затих и ушел в зачарованный лес.

Растерялся сентябрь, впереди еще бабье ведь лето,
И расстаться с листвою, наверно, совсем не спешит.
В ней теряется грусть, на вопросы души все ответы,
Путь морозам, пока что, сентябрьской завесой закрыт.

И у нас на сердцах межсезонье застыло упрямо,
Их бы надо открыть, недоверье стирая судьбой.
Только мы, почему-то порой, поступаем так странно,
Что не ясность тумана под небом и над головой...

* * *

Донбасская осень к тебе прикоснулась,
Разрывы снарядов уже не слышны.
Ты рано сегодня в рассвет окунулась,
Оставив подушке досматривать сны.
Конечно, дождинки и ветер не сильный,
Когда-то ж должно было стать холодней.
Октябрь в Украине, и рядом, в России,
Не делит людей на врагов и друзей.
Мы все одинаково прячемся в куртки,
Надев капюшоны на мысли свои.
Славянской улыбкой цветы-незабудки
Нас летом одарят, ты их только жди!
Границы не могут делить наши души,
Прорвемся сквозь лишние стены и рвы.
А музыку утра сегодня послушай,
Она отголосок осенней поры.

* * *

Под кофе в реальность из снов возвращаясь,
До вечера снова с друзьями прощаюсь,
С друзьями, которые не в измереньях,
Но в раненном сердце и в стихотвореньях.

А ночью они вновь появятся, может,
И сущность мою появленьем встревожат,
Но редким бальзамом пролившись на душу,
Ее станут очень внимательно слушать.

Поддержат советом и взглядом, наверно,
Покажется мир не таким уж и скверным,
Мне кажется, Бог разрешает им это,
Когда, временами, не видно просвета.

А раньше друзья по планете ходили,
Смеялись и злились, однако, любили,
Но где-то споткнулись в пути и уплыли
На берег далекий, за запах ковыли.

Вдруг кофе пролился на стол неудачно,
И кто его знает, что это все значит...
Опять в суету свою утро потянет,
А чашку бармен аккуратней пусть ставит.

Ольга Иванова
(Симферополь, Крым)

ПИСЬМО ИЗ КРЫМА НА САХАЛИН

Ольга Алексеевна Иванова — член Союза писателей России, кавалер литературных орденов и медалей, лауреат всероссийской литературной премии им. Н. С. Гумилева, Премии Республики Крым, заслуженный деятель искусств Республики Крым. Имеет 19 сборников и более 1000 публикаций. Новые книги «Крым к России приближали как могли», «Наследники Победы».

Пишу из Крыма, братья Сахалина,
И вы, и мы у Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
Но расстоянье — это не вопрос!

И Крым, и Сахалин — очей отрада!
Полет у наших помыслов высок.
И если вы повернуты на запад,
То мы, конечно, только на восток!

Воспитаны мы окоемом синим,
А воздух у Отечества один,
И потому душой — народ единый,
Страну мы никому не отдадим!

Ни вам, ни нам чужих земель не надо,
Зато мы с вами лакомый кусок!
Но годы наши души не ослабят,
Мы возродимся — дайте только срок!

И нам чужой истории не надо.
И вы, и мы у Родины редут.
Гостям мы с вами непременно рады,
Но происки «партнеров» не пройдут.

Рябины салютуют цветом алым,
И путь у судеб видится один:
Граница — это Родины начало,
Ее мы никому не отдадим!

Пишу из Крыма, братья Сахалина,
И вы, и мы у Родины форпост.
Пути-дороги между нами длинны,
А расстоянье — это не вопрос!

Николай Еремин
(г. Красноярск)

Наш постоянный автор.

БЫЛЬ

В век непонимания
Слышала сторонка:
Требуя внимания,
Молодая, ранняя
Плакала девчонка:
— Я хочу ребенка!
И хочу хотеть,
Чтоб не умереть
Ни сейчас, ни впредь! —
А ведь я в душе
Старая уже...
Да и телом тож...
Что с меня возьмешь?
Всюду — блажь и ложь...
Я совсем одна!
В чем моя вина?
Жизни — грош цена...
Страшная и пошлая,
Тут и там — война,
Жизнь и смерть одна...
Что за времена?
Горе и беда...
Не хочу я в прошлое...
В будущее — да...

* * *

В море Черном бесценные камни
Сердолики
Сверкали веками...
И дарили под солнцем себя,
Всех влюбленных
навек возлюбя...

Для меня ж — почему,
Отчего?
Не осталось ни одного?
Но я все же нашел —
Славный миг! —
И тебе подарил сердолик...
Золотым негасимым пожаром
Он недаром сверкает...
Не даром...

ШАНСОННЫЕ ОСТРОВА

Мне Муза подарила сладкий сон —
И я заснул
Под радио «Шансон»,
И мне приснились —
Муза, ты права! —
Шансонные под солнцем острова...
Где Новиков прикольно
— Хи-хи-хи! —
Пел новый шлягер на мои стихи...
И шансоньетки юные —
Вокруг...
И Робинзон, и Пятница сам-друг,
И подпевал им бог семи морей
Сам Посейдон...
И рядом — бог Морфей...
И жемчугами —
О, волшебный дар! —
Всем выдавали щедрый гонорар...
С тех пор я
На Шансонном берегу
Под рокот волн проснуться не могу...
О, Муза, милая, вернись и разбуди!
Ты знаешь,
Сколько песен впереди...
Хотя, кто нам заменит?
Ты права,
Шансонные — под солнцем — острова...

Наталья Окенчиц
(г. Михайловск, Ставропольский край)

Родилась в Киргизской ССР. Член Союза писателей России. Издала несколько книг лирических стихов и публиковалась в различных журналах.

НА СВЕТЛОЙ ГОРЕ

Мою душу коварные воры
Обобрали сегодня до дна.
Кто со мной на зеленую гору?
Вот опять отправляюсь одна.

Ах, какие чудесные виды!..
Что за грех моя светлая грусть...
Постараюсь уйти без обиды.
Просветленной обратно вернусь.

Горизонт, облака — это вечность.
Небо близко, а боль далеко.
И какой-то веселый кузнечик
Прямо в сердце запрыгнул легко.

СРОК ДАВНОСТИ

Разве поздно ворвался свет
Прямо в душу, пронзая тело?
За ошибки далеких лет
Я прощенье просить хотела.

Трепетала, ждала, звала.
На воде собирала блики.
Уходила на край села.
Только ветер меня окликнул.

Только поле смотрело вслед,
Провожая пернатых стаю.
За ошибки далеких лет
Ветер в поле меня прощает.

Леонид Золотухин
(пос. Сосновый, Заокский район Тульской области)

ВЕНКИ НА ВОДЕ

Печатался в различных коллективных сборниках и альманахах. Преподаватель-организатор ОБЖ Сосновской средней школы Заокского района.

Директору музея командира
крейсера «Варяг» В. Ф. Руднева
Е. С. Жулдыбину

К остановке автобусной
Вдалеке от морей
Сине-бело Андреевский
Флаг морской прикипел.
Белокрылою чайкой
Распростерт в небесах,
Бригантиной, летящей
На тугих парусах.

В сухопутной глубинке,
На заокских холмах
Честь морская России
Вознеслась на крылах.
Полыхает над травами
Белопенной волной.
Быть морскою державою
По Петру суждено.

С поворотом дорога
Упирается в Храм
И музей, что напротив,
Точно парусник встал.
Из-под кленов в ограде
В орденах на груди
И при полном параде
Руднев строго глядит.

Память русского флота,
Гордость тульской земли,

Ныне в бронзе отлили
И в гранит облекли.
Как на мостик взошедший
За штурвал корабля,
В тихом Савино вечность
И покой обретя.

Не реликвией пыльной —
Дорогим земляком,
Прочной нитью с живыми
Связан рудневский дом.
Под крыло собирает
Верных морю сынов,
И служить провожает
Заокчан-земляков.

Помнят имя «Варяга»,
Командира его,
Под Андреевским флагом
Проводя торжество.
Ты в веках не потерян,
Русский дух не иссяк,
Вечной славой овеян
Легендарный «Варяг»!

Твоего экипажа
Память свято храня,
Здесь на полочке каждой
Экспонаты стоят,
И рассказ о японской
Той далекой войне,
Привелось на которой
Гибнуть в стылой воде.

На Востоке, на Дальнем,
Где чужая земля,
Быть и гордым, и сильным
Посылала страна.
На бессменную вахту
Заступали в порту.
Капитан не напрасно
Сердцем чуял беду.

В Желтом море далеком
У чужих берегов
Службу флотскую нес он
По защите основ
Как посланник России
На ее рубежах.
В тех уже легендарных,
Предвоенных годах.

Неспокойно здесь как-то,
В Чемульпинском порту.
Все подвохи микадо
Предвещают войну.
Дышит воздух тревогой,
Запах пороха жжет:
Не дождаться подмоги,
И ответ не придет.

Ультиматум получен,
А союзников нет.
Как легко равнодушье
Спрятать в нейтралитет.
Сроки все на исходе,
Мир на нити повис.
Знать японцы в походе
И готовят «сюрприз».

Вызов Уриу дерзок,
Но приемля его,
Обретали бессмертие...
Честь превыше всего!
Знали, рейд покидая,
Что вас ждет впереди,
Но Российское Знамя
Ни пред кем не склоним!

Под Андреевским флагом,
Да на полном ходу.
К Порт-Артуру бы надо
Прорываться ему.
Но за мысом эскадра —
Больше сотни стволов.
На «Корейце» с «Варягом» —
Три десятка всего!

Честь российского флота —
Не пустые слова,
А вдвоем на армаду —
Тут решимость нужна!
Погибать — не сдаваясь,
Это русских удел,
От разрыва снарядов
Стальной корпус гудел.

Две пробоины тяжких:
По корме и в носу,
Трое первых погибших
В дальномерном посту.
С каждой новой минутой
Темп огня нарастал,

Стало трудно «Варягу»
Против стаи стоять.

Возгоранье на шканцах,
Поврежденье руля...
Дали залпы в японцев
И, похоже, не зря.
Но орудья разбиты,
С левым креном идет.
Малым ходом машины
Отработали в порт.

Корабли не спустили
Перед ворогом флаг.
По морскому обычаю
Похоронен «Варяг».
В море стелы не ставят,
На высокой волне
Пусть плывет наша память,
Как венки по воде

Продолжатель традиции,
Гордый крейсер «Варяг»,
Как тобою гордится
Каждый русский моряк!
Изумленному миру
Вы смогли показать:
Русским голову долу
Не пристало склонять.

От Одессы до Питера,
На вокзалы несли
Благодарные жители
Для героев цветы.
Пиком славы народной —
Звон медалей за бой,
Званый ужин дворцовый
И державный прием.

Ордена на мундирах,
Новых званий каскад.
Руднев в фаворе ныне,
При дворе адъютант.
Но пророков в Отечестве
В нашем отроду нет,
И Героев по-прежнему
Не любил высший свет.

Только память помалу
Затянула война,
О героях «Варяга»

Позабыла страна.
Руднев верности флоту
Никогда не терял,
Но в «отставку с почетом»
Уходил адмирал.

Быт устраивал новый
Здесь на тульской земле.
Стал соседям подмогой
И опорой семье.
Но, как видно, не мог он
Жить без службы морской.
В деревеньке заокской
Завершил путь земной.

От селения Мышенки,
Только чуть за лесок,
С краю поля отыщется
Это место еще.
Липы старые помнят,
Как аллеей шагал
Гордой веры исполнен
Отставной адмирал.

Позабыт и оболган
Но не сломлен душой,
Для кого-то изгой он,
Для России — герой!
Продолжатель традиций,
Духом русским силен.
Суждено возродиться
Среди славных имен.

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

PERSONALIA

Наш постоянный автор.

* * *

Плачет, не зная заветных слов,
Ветер — отшельник,
Ветер — дикарь.
Самый волшебный из сундуков
Я распечатываю — декабрь.

Белое — небо,
Белое — дно.
Глянцевый отблеск,
Бархатный борт,
Снег выпадает,
                с ним — заодно —
Все, что навеяло Новый год:

Елочный запах,
Розовый шар,
Шишка живая с липкой смолой
И ощущенье — будто душа
Стала наивной и молодой,

Стала веселой.
Ветер, уймись! —
Слов не поймешь — останешься дик.
...Плюшевый заяц,
                мягкая рысь,
В шубе до пят, с бородой — старик,

Посох,
        мешок,
                стеклярус и вихрь,
Самый короткий путаный день,
Громко рассказанный зимний стих,

Свечи,
шампанское и —
глинтвейн,
Сказки,
наряды,
маски,
листок —
Самый последний календаря
И незаметно вышедший срок
Сделаться лучше, счастье —
даря.

Радость,
куранты,
встреча...
Ура!..
Бом!
И осыпалась мишура.
Хлоп!
И рассыпался серпантин...
...Ночь,
непогода,
ветер — один.

* * *

Что-то хочет сказать мне пришедший Январь,—
Я в глазах его — снежных — сейчас
утону.
Откололся от осени крупный янтарь
И расплылся по небу,
и спекся в луну.

Музыкант — переулочный ветер — играй! —
Мне не жалко в кармане звенящих монет!
...И собачий раскольничий истовый лай
Что-то старое,
давнее будит во мне.

...Говорить, говорить —
Будто, в ступе толочь
Переходы,
метели,
чужие дома.
Я, как стержень, тверда —
Я — январская дочь —
Та, которую любит седая зима.

Потому мне понятен мотив
и настрой

Закоулочных ветров, играющих так,
Что белянок взметается бархатный рой,
И кидают в бедняцкую шапку пятак.

Я январская дочь.—
Я умею терпеть,
Я возникшую тень за спиной — отгоню.
Только хочется жить в постоянном тепле,
И протягивать хочется руки к огню...

Я январская дочь.—
Я слова разделю
На коварство,
                на глупость,
                на исповедь,
                на
Голубые картины, где льет январю
На ладони янтарные смолы луна.

* * *

Мной огонек чудесного костра
Среди зимы нечаянно замечен,
И от него, сгорая, береста
Мне заметелит скованные плечи.

Я подойду — и все произойдет,
И о тугую землю стукнет посох,
И властелин уступит свой черед,
И берега бегун-реки просохнут.

И голосок оттаявшей земли —
Из желтых уст слепого первоцвета —
Вдруг переполнит солнечный зенит
И станет частью солнечного центра.

И непривычен,
                милостив
                и прост
Зеленый день, желанный до безумья,
Придет и встанет рядом в полный рост
И простоит со мной до полнолунья.

...Когда минут немного впереди,
Когда еще раздольность под запретом,
Ты сколько можешь ягод набери
И все отдай нуждающимся в этом.

...Широк костер,
И ярок, и высок,

И в рукавицах каждого из старцев
Завороженных ягод туесок
Не занесенным вьюгой смог остаться...

* * *

Воскресный снег,—
Тепло и хорошо,
Когда, пройдясь под этим чистым снегом,
К себе домой — без устали — пришел
И тишину окинул взглядом беглым.

Когда мороз на розовых губах,
Когда в руках невидимые льдинки,
Как хорошо в прирученных домах —
Там, где уют читают без запинки!

Все на лице,—
Плохого не стряслось,—
Когда нас нет, мы часто дому снимся,—
Ты в этот час — слуга,
хозяин,
гость,
И этот час — венец гостеприимства.

И чай горяч,
И мед не загустел,
И создалось особое везенье
Среди родных и самых верных стен,
В чем виноваты снег и воскресенье.

Воскресный снег, дарующий покой,
Ты в суете земного многочасья
Рисуй,
дари,
придумывай и пой
И целый день иди и не кончайся.

* * *

Обещаю быть счастливой,
Дай, последний день померкнет —
Непростой,
неговорливый,
День, моих страданий полный.

Вдаль уплывшие, не вы ли —
Мимолетно,
тайно,
мельком

Ворошите море нивы,
Предрекая ниве — волны?

Знаю, прежних лиц не встречу,
Тишину не сделать громче.
Между долей и бездольем
Прорастает семилетник,—

Он, как все вокруг, не вечен...
Только был бы сильным кормчий,
Путь открыт,
и ветер волен,
И спокоен буревестник.

Быть веселой — зарекаюсь,
Дай, как снова улыбнется
Улыбавшаяся часто
Голубая каравелла,

Только был бы прочным парус,
Только б грело ниву солнце,
Только б слышалось мне счастье,
Только б слышать я умела...

* * *

У настурции запах — осенний
И медового цвета душа.
Из других судьбоносных растений
Ты ко мне самой первой пришла,

Растворилась оранжево в чае,
Бесконечный оставила звук,
При которым деревья молчали,
При которым деревья замрут,

И слетит на ладонь не печалью,
Не загадочной птицей,
Не в дождь
Мне платок для чего-то венчальный,
Тот, какого нигде не найдешь.

Это сон,
Это есть предсказанье,
Предрешенье поступков любых,
На которые мне указали
Колокольца настурций моих.

...Холода.
Я хочу прикоснуться,
Словно к мягким янтарным губам,
Только к теплым бутонам настурций,
Только, добрые вестники,— к вам.

* * *

Я могу показаться ему непростой —
Молчаливой, как ночь накануне грозы,
С выразительной,
                четкой,
                излитой тоской
Вьюн-травы, что — попробуй — в сердцах —
                разорви.

Переброженный сок на губах,
На плече,
Будто ворон, вчерашняя черная боль,—
Я могу показаться дурнушкой,
                ничем,
Стаей птиц, говорящих о нем — вразнобой,

Пересохшей речушкой,
Безумной рекой,
Сухоцветами сонных лесных расторопш
И царевной, с чужой лягушачьей судьбой,
И принцессой, которой никто не хорош.

...Непростимая,
                скорая,
                вечная жизнь,
За которой всегда нежеланная смерть,
Что готовишь еще для меня? — расскажи,
Что еще сберегла для меня? — рассекреть,—

Для него — быть слепой,
Быть далекой всегда,
Быть незримой
И следом его — не ходить,
И качаться, как в полдень трава-худоба,
И стесняться ненужной своей худобы...

* * *

...Не вспугни меня, если я в окно
не крылом,
так тенью своей стучу.
Я незримость,
                вольность,
                мечта — никто.

Не свою судьбу прожила — ничью.

Успокоюсь — крылья
луне отдам.
Соколиных башен глаза — темны,
будто ночь рассыпалась по углам
вдалеке от свившей гнездо луны.

Прилечу — останусь.
Узор пера
у меня под горлышком — повтори.
Только — слышишь — встречу
спешат прервать
не ветра, а будто —
поводыри.

Только будет с прошлым сравним закат,—
ощущенье боли — привычней ласк.
Только отсвет льющийся — розоват,
и сиренев спелый «вороний глаз».

Только плавность линий — забытость губ,
облаками ляжет вдоль неба
и...
Говорить не помню, как,
но могу
заклинать болящее — не боли.

Невесомость,
дымка...
В песок истерт
Мой железный посох давным-давно...
...Только сказка странствий
на сотни верст,
Финист — ясный сокол и след его...

* * *

Нахожусь, как будто бы, в забытьи —
так задумал, видимо, сам Господь.
Жизнь — кому, как поле — его пройти,
а кому — как, грядка — ее сполоть.

Золотые руки не дал мне Бог,
но в момент, когда
сотворялся мир,
был закручен месяц в бараний рог,
вот его-то мне и Господь дарил.

Коротаю ночи — пишу о том,
что на млечном небе сверкает звезд

ровно столько, сколько в краю родном
по весне молочных растет берез.

...Вышивает Марья.
Поет Иван...
Повезло тому, кто себя обрел:
может Марья серый сырой туман
перепрясть и выткать цветной ковер.

А со мной иначе,—
вся жизнь полна
несуразиц,
мыслей бессвязных,
но...
Светит гнутый месяц — одна струна —
золотая, будто бы — свет его,—

и на сердце Божия благодать,
и яснее ясного мнится мне,
что Иван для Марьи готов сыграть
«Степь да степь кругом» на одной струне.

Владимир Цыганков
(г. Омск)

Владимир Борисович Цыганков родился в Омске. Стихи пишет с 2011 года. Автор публикаций в различных изданиях. Участник многих поэтических конкурсов.

* * *

Вновь рисует зима за окном
Мелом, воздушным мелом.
Все исполнено в цвете одном —
Белом, белом, белом.

Рядышком парой чьи-то следы —
Нам повествует дорога.
Как хорошо мне с тобой, но ты,
Так далеко, далеко.

Будет пять дней бушевать метель,
Пусть, раз ей так приспело,
Я же греть буду нашу постель
Телом, телом, телом.

Тайно лелеять свои мечты,
(Знай, зима будет рада),
Что появятся наши следы
Рядом, рядом, рядом.

* * *

Не сочатся сердечные раны,
Просто нервы провисли, как тросы,
Мир становится серым и постным,
Так стираются времени грани.

Осень жизни — печальная тема,
Но уйти все же хочется летом,
На контрасте — тепло, море света —
В эту райскую зимнюю темень.

С неба льются холодные звезды
Светом тысяч мерцающих храмов.
Умирать никогда нам не рано,
Рано думать, что все уже поздно.

ВАСИЛЬКОВАЯ ГРУСТЬ

Кто на море, кто в горы, а мне бы
Пить лугов васильковую грусть.
Обниму необъятное небо,
В безмятежность лесов погружусь.

Ухнусь на спину в пряные травы,
Вот же, он, долгожданный покой,
На душе так свободно и славно,
Словно ты в колыбели, какой.

И ничто вдруг не звякнет, не скрипнет,
Здесь природы бесплатный концерт:
Мне кузнечик играет на скрипке,
Под лесной комариный фальцет.

СЕНТЯБРЬ

Месяц любимый — осенняя грусть,
Крыльями пишут «прощай» в небе птицы,
Лишь на висках я чуть-чуть сентябрюсь,
Да борода сентябрится.

Что-то заноет в груди у меня
От невозвратности, зыбкости, впрочем,
Все, что дано, не дано поменять,
В строчку с бессмертием — прочерк.

Будь все, что будет, пусть даже сошлись
В точке забвения векторы-оси,
Главное — молод, но, кажется, жизнь
Скажет вот-вот: «Здравствуй, осень!».

* * *

Догрызает весна его —
Серо-белый сахар зимы.
И вокруг еще ничего...
Светофоры лишь зелены.

За оКошками воет кот,
У соседа завыла дрель.
Для него это значит — ремонт,
Для меня это значит — апрель.

Спит земля еще, спим все мы,
Не очнулись деревья, но
Почки выстрелят все равно
Из орудий-стволов весны!

Константин Струков
(г. Тула)

Наш постоянный автор.

* * *

Три штыка
взметнулись выше этажей
Три штыка — оружье наших дедов.
Символ славы — три столпа победы.
Три штыка
на страже наших рубежей.

И как будто от дыханья Тулы
Свет дрожит, трепещет Вечного огня.
И к нему приходит на закате дня
Ветеран, от дум своих сутулый.

Долго он стоит, не в силах отойти,
Опираясь на костыль устало.
Здесь когда-то шла армада танков,
Но твердыней
город стал на их пути.

И лишь ночь спускается,
червонный,
Отражаясь, свет струится высоко.
Собираются у пепельных штыков
Парочки бессонные влюбленных.

А когда блестят в зените дня
Три стальных штыка как на параде,
К ним идут, идут кортежи свадеб,
Чтобы у священного огня

Заложить основы новой жизни,
Молодые здесь дают обет
Преданности Туле и Отчизне.
Пусть в домах их будет теплый свет

Озарять согласие и верность.
...Павшие в тяжелый сорок первый
Спят солдаты непробудным сном.
Их могилы укрывает вечность
Черным всеобъемлющим крылом...

ПАМЯТЬ-БОЛЬ

Как мало вас осталось, ветераны!
Вас, перенесших тот великий бой.
И до сих пор ночами ноют раны,
И не дает покоя память-боль.

Как мало вас осталось, стариков!
Больных, седых, но в битвах закаленных.
И в день Победы твердою колонной
Идете вы достойно, широко.

Как мало вас, лихих, неукротимых,
Прошедших через пекло тех побед.
Идете вы, а прошлого картины
Как прежде с вами, через столько лет!

И память-боль пронзает вас, седых,
Стоящих скорбно у могилы братской.
Невосполнимы горькие утраты
Друзей погибших, вечно молодых.

И капнет на венок слеза скупая.
И может даже станет легче вам,
Когда себе наполните стопарик
И фронтовые выпьете сто грамм.

РОССИЯ

Из глубины веков,
из ханского засилья,
Смертями убиенных
смерть поправ свою,
Из пепла городов
дремучая Россия,
Как Феникс, возрождалась
в молитве и в бою.

Но вновь, как саранча,
накатывались орды...
И ханам вновь платили
унизительную дань.
И вновь рубились насмерть
ненавистные народы,

И озарялась алой кровью
степная даль.

...Июньским благодатным утром
на рассвете
Прервала канонада
песню соловья.
И он замолк...
В испуге просыпались дети.
Шептали губы:
Мама! Защити меня!..

...Над праведной Россией
гудело лихолетье
И двигалась на танках
бесчисленная рать.
По ней, многострадальной,
хлестали вражьи плети,
Ее пытались снова
под себя подмять.

Нет, и на этот раз
не удалось ворогам...
Кто на нее с мечом,
под ним погибнет сам.
Она, благословенная,
всегда хранима Богом.
И песней соловьиной
вновь полнятся леса.

А дети видят сны
тревожные, чудные,
Как наступают полчища
поганых басурман,
И топчут росные поля,
и жгут леса родные,
Берут в полон людей
и грабят их дома.
И дети поднимаются
неодолимой силой.
И в их руках мелькают
молнии-мечи.
Не отдадут,
не предадут они Россию!

А соловьи поют,
поют в лесной ночи.

Владимир Хохлев
(г. Санкт-Петербург)

ПОЭЗИЯ — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Поэма

Родился в Ленинграде. Член Союза писателей России и других писательских организаций. Главный редактор журнала «Невечерний свет». Главный редактор Информационного портала HOHLEV.RU — http://hohlev.ru Лауреат Общероссийской литературной премии им. Б. П. Корнилова. Лауреат премии «Золотое слово» (Москва, 2013) Член редколлегии Всероссийского альманаха «День поэзии — XXI век»

Она — Поэзия, муза Санкт-Петербурга, влюбленная женщина. Он — Поэт, дух Санкт-Петербурга, влюбленный мужчина. Враг — бес-искуситель, в разных личинах.Основное действие происходит во сне. Смены сцен и лиц героев происходят без объяснения причин.

I

Поэтический сон... Рифмы-крыши во сне встрепенулись,
разложили проспекты листы городских площадей.
Шпили башен в чернила Невы, не спеша, окунулись...
и стихи потекли — про несчастья и счастья людей.
Их читали мосты, сокрушаясь и радуясь вместе
с куполами церквей, отражая невидимый свет.
Летний сад рассказал своей Зимней канавке-невесте
о прекрасной любви... по прошествии тысячи лет.
Зазвонили трамваи, с ночными собаками споря,
кони вздыбились, им не впервой отбиваться от рук.
Зашептал Эрмитаж, строкам слышимым истово вторя,
зазвучал над садами высокий таинственный звук.

II

Бриз балтийский его, не сумев заглушить, увеличил...
до небесных высот вознеся, чтобы слышали все.
Поэтический сон Петербург воспевал и величил,
над землею по взлетной стараясь взлететь полосе.
Не взлетел, опоздал... Амальгама зеркальных каналов
удержала в себе отражения будущих встреч.
Завязалась игра между ритмами строгих порталов
и катренов стихов, предназначенных время стеречь.

Заигрались поэзией мытые ливнями плиты
мостовых, в перекрестках меняющих векторы снов.
Парапетов и набережных молодые граниты
Приумолкли и ждут... свежих, метко расставленных слов.

III

Вдохновения линия пересеклась с перспективой
не уставшего Невского всех выводить на простор
главной площади города, необъяснимо красивой,
разрешающей давний — барокко и классики — спор.
Разлетелись огромною стаей поэзии ленты
голубей... На карнизах присели, вдали от земли.
Поэтический сон, из реальности выбрав моменты
Петербург с невозможным смешал... и растаял вдали.
Чтобы где-то соткаться из нитей смещенных событий,
побывав от земли на седьмом временном этаже...
Петербург не родился бы без отвлеченных наитий.
Вот родился... и вырос, и молча стареет уже.

IV

Он как опытный мэтр зарифмует дожди с облаками,
если нужно добавит в строку ассонансной воды.
Он на стрелке Васильевского, обращенными к небу руками
оставляет Ростральных колонн световые следы.
Здесь кривая подковы, спасающей воду от суши
спит и видит во сне наводнений подводную суть.
Два гранитных мяча, сохранив обреченные души,
покорили Неву, чтобы вдруг на волне не уснуть.
Поэтический сон, пробежав полукругом газона,
словно хрупкая девушка утром в спортивном трико,
подвязал на трезубец Нептуна, у Биржи фронтона
ожидания вечной любви, унесенные сном далеко.

V

Он пришел проводить угловатые льдины в века,
ледоход на Неве — календарного пика примета.
Под мостом исчезали прохладного дня облака,
Петербург открывался и ждал не прохладного лета.
Стометровый собор, опрокинутый вниз головой
под фасады Английской, смущенные дерзостью века,
заглянул... покачал на волне золотою главой
и уснул среди дня, позабыв про дела человека.
Проносились машины, художества силясь разъять,
под Минервой на куполе грелась в искусстве весна.
Бородатый художник с этюдником холст разлучать
передумал внезапно... когда появилась Она.

VI

Что птицы пьют зимой, когда вода замерзла?
Об этом думал мокрый Он, под зонт не прячась от воды.
Над городом весна с утра туч недра черные разверзла
и поливала, не скупясь, проспекты, площади, сады.
Лес ионических колонн в продольных, мелких каннелюрах
под музыку небесных струй играл в линейный водопад.
Кутузов и Барклай-де-Толли, навек застывшие в скульптурах,
отечество уберегли... не ради славы и наград.
Собор Казанский обхватил раскрытой в небо колоннадой
огромную пространства часть, в слезах заснувшую вчера.
Дом Зингера с большим орлом, с прозрачной башнею-громадой
был озабочен лишь одним — продажей книжного добра.
Он под дождем хотел найти знакомый образ... На канале,
заглядывал в метро, в такси, в дом Зингера с угла зашел.
Хотел Ее увидеть вновь — на улице, в торговом зале...
Ходил-бродил, искал-грустил... Надеялся... Но не нашел.

VII

БКЗ, упразднив, разнесли, как недавно «Россию» в Москве,
город ждал перемен, возрождения Греческой церкви.
Он по Лиговке медленно шел, предаваясь любовной тоске,
фонари у вокзала на Знаменской медленно меркли.
Ленинградский в Москве и Московский вокзал — близнецы по отцу,
между — кроме железной дороги — секретная связь.
Не вождя — оказалось — Петра бюст Московскому больше к лицу...
Гомонили таксисты, приезжих везти торопясь.
О прибытии голос, железом скрипя, объявил,
сигаретный окурок с искрой полетел из окна.
Никогда никого — как Ее — Он еще не любил,
не Ее ждал сегодня... А вышла навстречу Она.

VIII

Он признался... Она, не присев на пустую скамью,
поплыла в направлении, заданном жестом поэта.
Голубей разогнав шумно-крылых большую семью,
Он за ней поспешил, ожидая простого ответа.
За деревьями Русский музей желто-белым парил,
перед ними гремели движками машины-ракеты.
Клоун в маске, с детьми забавляясь, прохожих дурил,
из «Бродячей собаки» толпой выходили поэты.
Кто-то в рифму читал про надежных друзей и подруг,
кто-то слушал восторженно, радостью чувства встречая.
На огромной длины поводке чей-то преданный друг
бороздил по кустам, как обычно маршрут помечая.

IX

Когда под утренний туман пробился миг восхода солнца,
и невский воздух распрощался с гудком последним корабля,
Он отворил в огромный мир свое мансардное оконце
и обнаружил в перспективе, что белым светится земля.
Позавтракав в кафе омлетом, взбодрившись черным, крепким чаем,
Он в чисто вымытый троллейбус на первой линии влетел.
Три поливальные машины, все понимания за краем
оставив... мыли мыльной пеной асфальт до блеска — он блестел.
Кораблик на Адмиралтействе поймал нитеобразный лучик
под парус, золоченым боком его лениво отразил.
Сломался луч, на правый берег, используя удобный случай,
перелетел, вскочил в троллейбус... Его внезапно ослепил.

X

Она кораблик развернула, во сне кружась над острой шпагой,
луч переправила к фонтану, разбила в радугу над ним.
Спустилась... сон с себя стряхнула, умылась разноцветной влагой
и стала молча ждать свиданья... как договаривалась с Ним.
Они гуляли по дорожкам... Он не решился снова ставить
вопрос под сенью сна деревьев... Остановились у Петра.
Могучий конь терзал копытом змею, готовую ужалить
Петр руку простирал над миром и суетой забот утра.
— Тому, кто смог в меня войти, обратно в мир уже не выйти!
Готов пожертвовать свободой? Покой оставить навсегда?
Он без смущения, серьезно, остерегаясь мыслей прыти,
ответил, взглядом улыбнувшись: — Готов, конечно! — Значит, да!

XI

Кто пережил мгновенья счастья, тот знает, как это бывает...
как убыстряется ток крови, и частым делается пульс.
Как над землей, забыв про тело, душа распахнутой взлетает
и где-то там, под облаками, трепещет на ветру, как гюйс.

Кто без сомнений согласился на путь труднейший и тревожный,
готов в неведомом, далеком искать поэзий жемчуга...
тот должен помнить — из историй — закон, как будто непреложный:
играя в неземное счастье, жди козней на земле врага.
Он не заметил, как злорадство преобразило глаз змеиный,
как камень-гром заколебался, и Петр привстал на стременах,
как изменились птиц движенья и говор сонный голубиный,
как задрожали в окнах тени, и смял траву холодный страх...
Они взлетели над Сенатской, достигли высоты зенита,
вниз с восхищением всмотрелись — в любимый городской простор.
Их окружала, не рифмуясь, свободных рифм большая свита...
Он записал на тверди неба любви жестокий приговор.

XII

Санкт-Петербурга эволюций не обойти вниманьем прессе.
Он то лиричен, то логичен, то театрально-простоват,
То он бунтарь с тяжелым шагом, то легок в самом легком весе...
И скромен до уничиженья, когда ему кричат: Виват!
Всю ночь под рынды караванов хор иностранных интонаций
ему пытался под давленьем чужие воли навязать.
Он на Неве за три столетия провел так много навигаций,
что не боялся быть собою... и никому не подражать.
Мост Большеохтинский под утро, свой разводной пролет устроив
в горизонтальном положении, собой два берега связал.
Хрусталь воздушных ожерелий, в воде пространственно удвоив
он слово — не учтя советов — о городе свое сказал.

XIII

Родился текст большой поэмы... Она перечитала дважды,
сказала — что не так, где плохо, что нужно править, что менять.
Он, одержимый вдохновением, томимый стихотворной жаждой
писал еще — она читала... Как в этом состоянии спать?
А город спал, перед рассветом совсем по-детски безмятежно...
Лишь огоньки такси мелькали, день к ночи приближая... Не
спалось десятерым атлантам, держащим небеса прилежно
уже не первый век... Дремала река в туманной пелене.
Он, наконец, устал... сложились листы фантазий, ночь сомлела,
с пера в чернильницу слетели две капли призрачных чернил.
Она чернильницу закрыла, его своим теплом согрела.
Уснула тоже... На востоке в полоску неба день светил.

XIV

Театра явь вечерним ветром сдувает пыль души дневную,
острит притушенные чувства, сознанья убыстряет бег.
Театр уводит в перспективу — пространственную, временную,
грустит и плачет, веселится, мечтает громко, любит всех...
Антракт... Она осталась в зале, Он вышел покурить один —
Стоял-мечтал, искал знакомых, лепнину изучал в фойе...
Заметил, как из темной ложи на свет явился господин,
одетый по последней моде, в известном всеми ателье.
Франт подошел, склонился к уху, как заговорщик зашептал:
— Я ваш! Вы дивный мастер слов поэтических игры!
Я не поклонник Каллиопы, но плакал, когда вас читал!
Я в высший свет вас проведу... хоть в королевские дворы!

XV

Он молча слушал незнакомца — глазам, ушам своим не верил,
Морозом жгучим спину, плечи сковал животный, липкий страх.
В зрачках врага — как в бездну ада — двойные открывались двери...

Он мял программку постановки, как будто не в своих руках.
Франт ждал решения поэта... Навязчивый и не свободный
третий звонок звенел, звенел... но был совсем не слышен им.
Дрожа в коленях, раскрасневшись — как человек совсем безродный —
кивнул в согласии поэт... Соблазн могуч, непобедим!
Себя одернув,— как от беса — он отскочил от театрала,
сказал: — Не нужно, это лишне... Надеюсь, вы меня простите?
Враг снова с приступом — открылся, сорвал с лица свое забрало.
— Моя визитка с телефоном... Не тороплю... Пока... Звоните!

XVI

В подсветке Невский театрален — как продолжение балета,
Здесь ароматы впечатлений свиваются в один букет.
Он изменился в этот вечер — возжаждал славы, звезд и света,
который высшим назывался, хоть в нем совсем ничтожный свет.
Она, конечно, постаралась Его настроя не заметить...
вела себя непринужденно, укрылась в головную боль.
Ей стоило больших усилий холодный взгляд любимых встретить
глаз... и войти искусно в, без чувства греющего, роль.
А Невский жил красивой жизнью — не уставал, не засыпая...
Неон реклам с неоном спорил преуспевающих витрин...
Машины шли, играя в фары, зевак ленивых подгоняя...
Бравурной музыкой прохожих звал каждый модный магазин.

XVII

Кто белой ночью не влюблялся в свет, исходящий отовсюду,
в мерцающий, воздушный абрис Александрийского столпа,
в свечение сквозь ткани неба едва заметных звезд... и в чудо
преображения пространства, когда на мрак земля скупа?

Кто не желал душой открыться и свет в себя впустить, вдыхая
прохладный воздух, над Невою струящийся из-под зари?
Кто не любил сидеть на камне, ногами, как пацан, болтая.
Жалеть о том, что зря при свете горят ночные фонари?
Она уставшая бродила всю ночь по набережным сонным,
стояла у воды, пыталась связать любовью берега.
Она как мать Его любила... Выстраивала бастионы
защиты от нападок дерзких, злом одержимого врага.

XVIII

Слова неслись метельным вихрем, Он сочинял, не сочиняя.
Слова цеплялись за бумагу и исчезали в пустоте...
Он, не спеша, не паникуя, свободы слов не умаляя,
писал о горе человечьем и неисполненной мечте.
Еще писал о высшем счастье, которое любовь сулила,
о долге, преданности, славе... о достижениях в борьбе.
Луна холодной зимней тайной Его безудержно манила.

Он верил в свои силы, знаки, пророчества... своей судьбе.
Его открытиям успешным не уставали удивляться
филологи, искусствоведы, поэты, критики и проч.
Восторгом публики согретый, Он был готов не расставаться
с пером, свечой, окном, бумагой... Боготворил луну и ночь.

XIX

Он победил болезни сердца и светом был с триумфом встречен —
о нем писали и судили, в эфиры звали и в кино,
считались с мнением, просили писать еще... Неужто вечным
стал временный союз со славой?.. Им было все поглощено.
Свет возносил Его над миром... Над крышами и куполами,
над ангелом на тонком шпиле, над телебашней городской.
Льстил тайно в мыслях и публично, играя ложными словами,
лишил его опоры веры, разрушил нравственный покой.
Он засыпал и просыпался с глубоким чувством оправдания
своих поступков, планов, стиля, холодной логики игры.
Она все видела, стремилась разбить внушенные желания,
он, защищаясь сторонился, в чужие забегал дворы.
Она не предала... С упорством, прессуя время перед встречей,
вела домашнее хозяйство, хранила рукописей свет.
Он приходил... обедал молча — не посвящал любимой вечер.
Писал стихи, как будто с нею не прожил трех счастливых лет.

XX

В один из дней, когда осенний спускается на землю холод,
когда листвой заносит быстро вдвоем пройденные пути,
Он вышел рано без напутствий, не утолив с любимой голод...
Вернулся поздно — пыльным, пьяным — и попросил ее уйти.
Она ушла... Как может дама себя навязывать кому-то?
Хоть даже родственному сердцу... Ушла ногами — не душой.
Осталась рядом... невидимой. Чтобы помочь ему... Как будто
предвидела, что будет трудно... Разлука кажется простой.
Она любила и страдала, хотело колесо фортуны
вспять раскрутить, чтобы вернуться обратно к счастью без измен.
Он с головой ушел в себя, не узнавал соседей... Струны
его души не пели — ныли... Он не заметил перемен.

XXI

Как быстро проигралась осень... бежит дорожка временная,
торопится успеть повсюду в заботах суетных народ.
Еще недавно расцветала черемуха в прохладах мая,
и вот уже октябрь прохладой упавший лист к газону жмет.
На лужах по утрам хрустящий — узорный, но не прочный — панцирь,
на ветках белоснежный иней — кристаллы солнечных лучей.
Прозрачный воздух чист до рези, и не зависит от дистанций
картинок четкость... Тлеют в окнах закатов тысячи свечей.

В стоячих водах отражения багряных кленов, серых ив
небес сменились отражением, запутанных в сетях ветвей.
В пруду Таврического сада остались зимовать, забыв
о теплом юге сотни уток... под взглядом местных голубей.
Она любила это время — предзимье, первые морозы,
бродила молча по дорожкам, бросала уткам сухари.
Конечно, без Него страдала, и волей сдерживая слезы,
ждала мгновенья — с темной грустью — когда зажгутся фонари.

XXII

Во сне гремели пушки гулко, дымки стелились над рекою,
на набережных музыканты творили музыку без слов.
Дыша морями, осторожно, скользя зеркальною водою
в Неву входил — как птица-лебедь — огромный парусник «Седов».
На реях юные матросы, летя над городом портовым,
фалы вязали, без страховки... и убирали паруса.
Барк ждали женщины, девчонки, отцы, друзья... Каким-то новым
он вновь зашел в столичный город. Пробили склянки полчаса.
Он встретил парусник в VIP-зоне, поймал его в видоискатель
немецкой марки аппарата, нарисовал фото-портрет.
Один старейший, знаменитый, приятный на лицо писатель,
схватив Его рукой под локоть, торжественно увел в буфет.

XXIII

Там они выпили, вкусили заморских устриц и кальмара,
за город тосты возглашали и за бесстрашных моряков...
Затем ушли, забыв о барке, чтоб на скамеечке бульвара
поговорить о точных рифмах, о действии на свет стихов.
Поговорили, помечтали, по сигарете раскурили...
и разошлись, не обозначив ни действий, ни рифмовых сил.
Кварталы центра с ветром моря давно безудержно дружили,
приветливо встречали друга... Он чистоту с собой носил.
Сдувал с проспектов и бульваров автомобильный едкий смог,
свежил Санкт-Петербургский воздух, рябил широкую Неву,
в дни праздников играл флажками... и флагами большими мог.
Любил ласкать кварталов крыши, и в скверах редкую траву.
Он против ветра шел по пирсу, у Крузенштерна задержался,
в лицо всмотрелся адмиралу... Плащ хлопал полами, как флаг.
Зюйд-вест его насквозь продул... Он, наконец, себе признался,
что власть над ним незримо держит упрямый и надменный враг.
По линиям, делящим остров на одинаковые доли,
бродил он до луны восхода... К Неве вернулся — ветром стал...
Причальной стенкой пролетая и подчиняясь высшей воле,
решил искать то, что когда-то в порыве страсти потерял.

XXIV

Как много в Петербурге башен! Больших и маленьких... и средних...
Как часто солнце задевает какой-нибудь на башне шпиль...

Венчают башни перспективы широкие проспектов древних,
встречают первыми ненастья, и обожают полный штиль.
Под башней Думы можно думать, троллейбус взглядом провожая.
Под башней Водного музея толкает бочку водовоз.
Под башней Финского вокзала, об окаянных днях вздыхая,
в стеклянной призме просыпаясь, тоскует старый паровоз.
Его мансарда тоже с башней — пространства сильной доминантой.
Шпиль, словно пика, жить без неба не может — нечего колоть.
Под окнами в рельефах лепки висят красивою гирляндой
дубовые листы и маски, кирпичную скрывая плоть.
Она пришла под эту башню, чтобы помочь ему проснуться.
Наверх подняться не посмела, лишь постояла у дверей.
Взлетела в небо, чтобы ветру спасительному улыбнуться.
Он, вычищенный этим ветром, был всяких недругов сильней.

XXV

Снег выпал... Городское время вмиг стало чистым, серебристым —
на белых плоскостях пространства чернеет графика ветвей.
Он в Летний сад забрел случайно, дыша морозом золотистым,
остановился у решетки, как у — в прекрасное — дверей.
По снежным — в сводах крон — аллеям взгляд пробивался к перспективам
далеких регулярных парков, французских подзабытых школ.
Он стал бродить, взбивать ногами снег, тихо следуя мотивам
боскетов, арок, пергол длинных... к Крылову медленно пришел.
Присыпанные снегом чаши барочных шахматных фонтанов,
вновь заколоченные в доски богов скульптуры и богинь
будили чувства отчуждения эстетов, красоты гурманов...
Он всматривался через ветки в космическую неба синь.

XXVI

Грозой разорванная ваза стояла вновь на постаменте —
не могут люди согласиться с уничтожением красоты.
Решетка сада ограждала — подобная узорной ленте —
часть обработанной природы от петербургской суеты.
В Михайловском душили Павла шарфом, под царской монограммой...
Не помогли ни ров с водою, ни факелы гвардейских рот.
Царь умер, чтобы силуэтом являться в окнах, под охраной
потусторонних сил... мальтийский законов утверждая свод.
Она скользнула тенью замка, монетой Чижика отметив...
Цирк звал ее войти огнями электросветовых афиш,
Манеж был строже... на Кленовой ее как будто не заметив,
вручил входной билет на вечер известного «поэта крыш».

XXVII

Он тихо спал, бесшумный Ангел слетел в его мансарду тайно,
устроился у изголовья, сложил — встряхнувши — два крыла,
вошел в его глубокий сон и прошептал, как бы случайно,

слова о скором примирении — которого Она ждала.
Как ей вернуться без призыва? Навязчивость не красит чувства.
Какими добрыми словами размолвку злую одолеть?
Шептал об этом Ангел тоже — его великое искусство
воздействия на ум способно заставить душу просветлеть.
Звонок будильника принудил Его открыть глаза, проснуться...
Он встал, упруго потянулся, взглянул в окно, увидел свет.
Санкт-Петербург хотел дымами замерзших облаков коснуться —
их отогреть... Он ждал подарков, наряжен был и приодет.

XXVIII

Поэтический сон — на заснеженных крышах столетий...
Удивительный сон — из кристаллов искристого льда.
Петербург — это северный город холодных соцветий
мыслей, чувств, настроений... Сильна его воля, тверда!
Он не пустит на сцены бездарных и пошлых актеров.
Галерей не откроет пустым и холодным холстам.
Не позволит застроить себя без общественных споров.
Не изменит сияющим в солнечном ветре узорным крестам.
Новый год подошел незаметно, без помпы и шума —
как обычное дело... По белым полям площадей
разослав часовых, разукрасила старая дума
башню в робкое кружево белых и синих огней.
Елка выросла снова у здания Главного штаба...
Шесть коней колесницу несут в новогоднюю даль.
Предрассветный, морозный покой... Просыпается снежная баба,
кто-то бросил на плечи ее серебристую снежную шаль.

XXIX

На Рождество к собору Лавры они пришли скрипучим снегом...
Как много собралось людей... Родился Бог — народ ликует!
В храме поют, горят лампады, слова молитв неспешным бегом
слетают с уст... иконы в рамах огнем таинственным бликуют.
Они вошли в соборный разум, всю службу радостно пропели...
затем — Причастия Таинство... и целование руки.
За окнами на голых ветках вороны черные сидели —
не принимая веры в Бога — как старые большевики.
Рожденный Бог законы жизни в жизнь верных Богу воплощая,
внимал речам и поздравлениям, любил людей и их дела...
Он снова, уж в который раз, всем открывал ворота рая,
к ним по затоптанному снегу дорожка узкая вела.

XXX

Февральская метель кружила и останавливала время —
все перепуталось, играла ночная тень в дня белый свет.
Проспекты, площади, проулки свились в клубок... раздора семя
метель по свету разносила, мешала «да» со словом «нет».

В холодном вихре из снежинок, колючих и на все готовых,
сложился вдруг зловещий прищур, готового на все врага.
Он и Она, не испугавшись, с ним обошлись без участковых...
Он был решителен и ловок, Она — спокойна и строга.
Он применение насилия, не исключив из противления,
на злобный лоб печать поставил с коротким, емким словом «зло».
Чтобы о сущности врага, не допуская в ум сомнения
все узнавали сразу... чтобы добро росло врагу назло.
Метель лишилась сил, пространство над городом освободилось
от переменных настроений — пришло покоя торжество.
У храма Спаса на Крови ему и ей как будто снилось
чужое время, взрыв, карета... душ верноподданных родство.

XXXI

Санкт-Петербург, сияя славой, встречал весну любви — ликуя!
Дворцов искрящиеся окна, за стеклами — свечения люстр...
Решетки музыкой звенели... Пегасы, у дворцов гарцуя,
из камня выбивали рифмы... Плясали музы всех искусств.
Невой широкой проносились весенние, густые ветры,
делясь избытком силы жизни, будя дремавшие мосты...
Дома распахивали двери... такси мотали километры,
стремясь всем любящим доставить — к порогам — первые цветы.
Трамваи закружились в танго, сойдя с проторенных дорожек,
им дирижировало небо лучами солнечных высот...
Прохожие снимали шапки, скамьи стучали сталью ножек,
ритм отбивая... пели дети. Он облачился в редингот...

XXXII

Готовый к скачке между шпилей и куполов столичных храмов,
с известием — с рожком почтовым — о наступающей весне.
Она задорно хохотала, забыв про боль недавних шрамов —
рубцов оставленных на сердце в добра и недобра войне.
Сон Питера разлился в воды рек и оттаявших каналов,
спиралью ввинчиваясь в небо, раздвинул ткани облаков...
Затих над Северной Пальмирой... Спускался во дворы кварталов,
стремясь покоя не нарушить трех бурно прожитых веков.

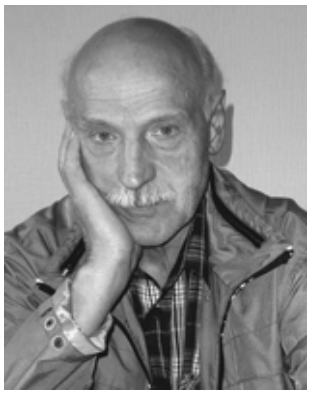
XXXIII

Таинственный мерцания шепот огней и зыбких отражений
стихал совсем, когда касался Невы холодный лунный свет.
Ночь, поэтическою волей сотканная из искр-мгновений,
текла по круглой тверди неба, в обход проснувшихся планет.
Санкт-Петербург не ждал восстаний, погромов, новых революций,
не верил ложным обещаниям политиков... и всяких там...
Умом и верою рожденный, вне вихря мысли эволюций
себя не видел... жил культурой, был мудр не по своим годам.
Встряхнувшись от прохладной дремы и свету неба открываясь

великий город кровь по венам артерий-улиц разогнал.
Трамваи рысью побежали по звонким мостовым... Не знаясь
с автобусом, пустой троллейбус сигнал приветствия подал.

XXXIV

Все заспешили... На работу, по магазинам, на вокзалы —
встречать и провожать знакомых, командировочных, друзей...
Торжественных дождались тостов заиндевевшие бокалы —
на свадьбах, шумных юбилеях, под шелест рифм в сердцах людей.
Сон кончился... Явь просочилась сквозь силуэтов зыбких грани,
вступили в силу — утвердившись — законы светового дня.
Трепал балтийский ветер флаги, покой — перед рассветом — рани
не интересен стал... Минуты росли, секундами звеня.
В воспоминаниях лишь только остались: сонная мансарда,
Его стихи, Ее страдания, их на двоих один маршрут,
Санкт-Петербургские погоды, клены Таврического сада,
дворцы, дома, проспекты, кони, решетки... Смольный институт.



Валерий Бутов
(с. Бессоновка, Пензенская область)

Родился в с. Песчаное Павлодарской обл. Окончил Пермское военное училище и юридический факультет Казахского ун-та. Участник событий Карибского кризиса 1962 г., воин-интернационалист. Автор более двадцати книг стихов и прозы для взрослых и детей. Награжден 24 государственными и ведомственными орденами и медалями. Член СЖ и СП России, член АРЛ.

В ПОЛЕТЕ

Сковородкой раскаленной
Лег внизу аэродром.
Широко и отдаленно
Прокатился длинный гром.
Гром поехал вместе с нами.
Он рождается внутри
Туго сжатыми огнями
Ярой рвущейся зари.
Вот качнулся под крылами
Точный города макет.
Над снегами — облаками
Обнаженный солнца свет.
Муравьями — человечки,
Стрелы тонкие дорог,
Ленты вьющиеся — речки,
Да грибочком — сена стог.
Словно школьные тетрадки,
Разлинованы поля,
И страна пред нами краткой
Новизною букваря.

ИЮЛЬ

Через поле, через дом,
через лес и речку
семицветною дугой
небеса расцвечены
и промыты, как стекло,
летним быстрым ливнем,

от которого тепло
от земли обильней.
Островерхие леса
зеленее кажутся.
Поклонились небесам
травы в мокрой тяжести.
И подсолнухи склоняют
головы тяжелые.
Дуб с достоинством роняет
капли, словно желуди.
Хор лесной многоголос,
а в речной запруде
промывают шелк волос
девки гологрудые.

РЕЧКА ТЕПЛУХА

Речка малая Теплуха
Не длинна, не глубока...
Здесь полощет плат старуха
И увидишь рыбака.
Ребятня, как лягушата,
Летом в иле, на песке
И родители спешат к ним
Без тревоги налегке.
Взрослый дядя, «разогретый»...
Солнцем, дружбой и вином,
Раз — одетый, два — раздетый,
Три — подлодкой лег на дно.
Сполоснуться, окунуться,
Растянуться в кураже,
Позабыться и проснуться
С тихой радостью в душе.
Ох, Теплуха! Ах — Отрада!
В зной и в сумрачные дни
Ты как малая награда
От родимой стороны.
Мы порой не понимаем —
Так события странны...
Ты же — Родина родная,
Часть великая страны.

БАЛЛАДА ОБ АРТИЛЛЕРИСТЕ

Отплюнута, дымилась гильза —
Последняя. И нет гранат.
И нет патрона, чтобы жизнью
Распорядился сам солдат.
Но подняла святая злоба,
И он пошел навстречу так,
Как будто собственному гробу...
С паучьей свастикою танк

Полз, грохоча железом-сталью.
Полз и смертельно жалил в грудь,
Рычал, и содрогаться стали
Деревья-смертники вокруг.
Но шел солдат и грудь дымилась,
Как у весенних теплых пашен,
Ему земля давала силы.
Он шел. И взгляд его был страшен.
Схлестнулись взгляды — щелки глаз,
Стальные, вздрогнув, задрожали.
Взревел мотор и сбросил газ,
И траки, лязгнув, разом встали.
Стоял солдат бескровно-серый,
но — ярость, мужество в глазах!
И тяги дрогнули, как нервы.
И танк — попятился назад.
Танк пятился. Он в диком страхе
Рванул, гремя железом лат.
И лишь тогда, качнувшись, с маху
Упал
Лицом вперед
Солдат!

О РОДИНЕ

Может, есть просторы краше,
Небо выше и синей,
И забор «о, кей» покрашен,
Экономика сильней,
Каждый клок земли ухожен.
Автобаны — ровный стол...
Знаю — все это мы сможем,
Даже лучше. Будет толк...
Надо только труд народный
Оценить и оплатить,
На землице плодородной
Урожай самим растить,
Чтоб достойная зарплата,
Чтобы в каждый дом — добро,
Чтоб продукты и товары
Не «лепили» за «бугром».
Есть в народе работяги
И умельцы, и умы.
Гордо реют наши флаги
Над просторами страны.
Станут вновь просторы краше,
Небо — выше и синей
Над родной страною нашей,
Коль заботы все о ней,
О родной стране любимой —
Клятой, но непобедимой.

Валерий Акимов
(г. Нижневартовск, Тюменская область)

Наш постоянный автор.

ФРОНТОВИКИ

Они всегда шагали напролом,
В еде так и остались негурманы,
Предпочитая рюмкам за столом
Советские, граненые стаканы.

Не потеряв солдатского лица,
Прошли с боями рубежи и страны,
И дружбой дорожили до конца,
И верили на слово ветераны.

С открытою душой к чужой беде,
Земная соль и лучшее в народе...
Вся жизнь прошла в заботах и труде,
В тяжелом, нескончаемом походе.

Измерить их — таких не сыщешь мер,
Что двадцать первый век еще не скомкал.
Для нас — неподражаемый пример,
И надо говорить о них потомкам!

* * *

Старик не спешил — все уже позади,
И взор его занят был далью.
И орден висел на иссохшей груди,
Краснел потемневшей эмалью.

И глядя на тусклые эти лучи,
Спросил ветерана я свойски,
За что, мол, папаша, звезду получил,
Видать, воевал ты геройски?

Ответил не сразу, а выпустив дым:
Во мне ты не сыщешь кумира,
А просто тогда я остался живым
В боях у руин Сандомира.

* * *

«В разведке — всю войну. И уцелел,
Ниспослана мне божеская милость.
Я верой в коммунизм переболел,
А нынче что-то с памятью случилось.

Не помню я добытых «языков»,
Казалось, что отмучился войною,
Но в сумраке квартиры из углов
Глядят глаза врагов, убитых мною.

Теперь на суд я сам себя обрек.
И сердце от обиды колко сжалось:
Во взглядах их — не боль и не упрек,
А только обижающая жалость».

ГОРЕЧЬ

Старит жизнь с постоянством,
Но еще я тружусь,
Не кичусь ветеранством,
А прошедшим горжусь.

В страшной той круговерти
Через пламя и дым
Доходил я до смерти
И остался живым.

Но тужу, что не сгинул
И прошел сквозь бои,
Ведь сейчас бьют мне в спину
Эти, как бы свои.

НАГРАДА

Пусть фронтовые будни-были
Смешались все в один комок,
Но как впервые наградили,
Забыть уже никто не мог.

Все получилось без шаблона
И не подводит память-трал:
Солдат второго эшелона
Проверил бравый генерал.

И встали мы, как для парада,
А голос будто бы поет:
«Те, кто с раненьем, без награды —
Из строя два шага вперед!»

Не тратя время и бумагу,
Но дань солдатам отдана:
Для всех — медали «За отвагу»,
Кто дважды ранен — ордена!

Я выжил, как заговоренный,
Военным прошлым дорожу,
Неоднократно награжденный,
С той самой «звездочкой» хожу.

Анатолий Арестов
(г. Рубцовск, Алтайский край)

Анатолий Арестов родился в Рубцовске Алтайского края. Учился в Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. Публиковался в изданиях местного и всероссийского уровней.

НА ЦЕЛИНУ!

Пятьдесят четвертый год. На целину
эшелон, с коптящим в небо паровозом,
еле-еле, еле-еле, еле... Ну!
Отправляется, как в старину, обозом
с молодыми и горячими сердцами
покорить неведомый простор степи:
«Чернозема плоть мы перепашем сами!
Перепашем новым плугом, потерпи!»
Хирургическим разрезом борозда,
вот вторая, рядом третья... сто шестая...
Прибывают с тракторами поезда
на конечную потерянного рая!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ЧЕРДАК

Темный чердак обдавал теплотой,
травы, коренья висели гурьбой:
связаны крепко листья малины,
легкое кружево свил паутины
мелкий паук — чердачный хозяин,
черный шиповник разлегся, как барин,
в тихом углу, на газете сухой.
Запах дурманит, наводит покой!
Доски прогрелись смолою янтарной,
рядом, под крышей, с видом товарным
ждал девясил и ромашек цветы.
Падал таинственно вглубь темноты
луч одинокий — желтой дорожкой,
пыль пролетала маленькой мошкой
и покидала солнечный путь.

Корни нагонят мрачную жуть —
щупальцы грозные страшно черны —
старый лопух залежался с весны.
Темный чердак, словно аптека,—
кладезь здорового, долгого века,
прячет рецепты седой старины —
травы лечебные — бабушкины!

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В СТЕПИ

Бескрайняя степь — гравийная насыпь,
железной дороги шпальный приют.
Ковыльное царство — пушистая россыпь,
пристанище птиц, что вольно поют.

Ветер рябит, налетая украдкой,
пену ковыльную яростно бьет.
Шпальной дороги в линейку тетрадку
черными каплями съел креозот.

Тихая жизнь под небесным пологом
снова нарушена ходом вещей —
поезд прошел грузовым диалогом,
криком чугунным о тяжесть камней.

Тише и тише становится скрежет
(шум уносился в далекий провал).
Шепчет ковыль долгожданное: «Где же?
Где тишина? Кто ее своровал?»

* * *

Рассвет рассек лучами небо,
Залил прибрежный островок
Любовью солнца откровенной,
Забытый всеми уголок.

На остров каменно-пустынный,
Где мох стелился, как ковер,
Старик приплыл на лодке дивной,
Что ни доска, то дыр узор.

Годами долгими он строил
Избу на тихом островке.
Для тысяч сделался героем,
Героем скрылся он во тьме...

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Алла Новикова-Строганова
(г. Москва)

ЧЕРТОВЫ КУКЛЫ ЗАКАБАЛЕННОЙ РОССИИ:

Лесков — обличитель «чиновничьей шушеры»

К 125-й годовщине памяти Н. С. Лескова (1831—1895)

Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, член Союза писателей России, наш постоянный автор.

«Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых
и не стоит на пути грешных,
и не сидит в собрании развратителей» (Пс. 1: 1)

Часть 1

В светлую память о Николае Семеновиче Лескове (1831—1895), выдающемся писателе-классике, непревзойденном художнике слова, стоит пристальнее взглянуть на один из поворотных моментов его жизни — историю увольнения с государственной службы. На вопрос: «Зачем Вам такое увольнение?» — Лесков ответил: «Для некролога». Это произошло в 1883 году — 137 лет назад.

Определением министра народного просвещения И. Д. Делянова Лесков был отчислен из министерства «с увольнением от звания члена особого отдела Ученого комитета по рассмотрению книг, издаваемых для народного чтения».

1 марта 1883 года в 29-м номере журнала «Церковно-общественный вестник», с которым сотрудничал автор «Соборян», «Запечатленного Ангела», «Очарованного странника» и других шедевров русской словесности, сообщалось, что 9 февраля из Министерства народного просвещения отчислен «коллежский секретарь Лесков (известный наш писатель)».

Широко известного автора — горячего просветителя и проповедника христианских истин, чьей жизненной и творческой установкой всегда было писать и говорить так, чтобы укрепить в человеке «проблески разумения о смысле жизни»*, чтобы «что-нибудь доброе и запало в ум» (XI, 472) и сердце читателя, — уволили из Мини-

* Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. — М.: ГИХЛ, 1956—1958.— Т. 11.— С. 477. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома римской цифрой, страницы — арабской.

стерства просвещения. Парадоксальный, казалось бы, факт: истинный просветитель оказался ненужным на государственном уровне российской нивы просвещения.

С чего же все началось? Как и почему выдающийся русский писатель сделался гражданским служащим невысокого ранга — с чином коллежского секретаря, который скромно ютился на десятой ступеньке служебной лестницы из 14 классов согласно Табели о рангах? К слову, тем же мелким, незначительным чином были «пожалованы» гении русской литературы А. С. Пушкин, И. С. Тургенев.

Зачем же решился Лесков делить свое время между вдохновенным творческим трудом и чиновничьей службой? За ответом далеко ходить не надо. Он на поверхности: это бедность, материальная неустроенность, финансовая необеспеченность, недостаток средств даже на скромную жизнь без излишеств — обычная судьба честного писателя в России и раньше, и теперь. Стесненность в денежных средствах испытывали и Пушкин, и Гоголь, и Достоевский, и многие их собратья по перу масштабом поменее.

Лесков не раз оказывался в бедственном материальном положении. Величайший певец русского подвижничества, создавший для Руси «иконостас ее святых и праведных», подчас претерпевал нужду на грани голода и нищеты. Нельзя без душевной боли читать горькие сетования в лесковских письмах: «мне буквально нечего есть; у меня нет средств работать новой работы, которая бы меня выручала из беды <...>; мне нечем заплатить полутораста руб. за дочь мою, обучающуюся в пансионе <...>, и я не могу отдать 200 руб. долгу г. Краевскому,— что меня стесняет до последней степени» (X, 266); «я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода» (XI, 254).

Однажды на грани отчаяния обратился Лесков в Литературный фонд с прошением предоставить ссуду в 500 рублей, которые он обязывался возвратить с процентами, завершив работу над пьесой «Расточитель»: «Средства для отдачи этого долга я имею: эти средства — моя драма <...> средства же не умереть с голода и продолжать работу без такого пособия Фонда решительно не вижу» (X, 266). Писательская организация отказала в этой просьбе, но в виде подачки-милостыни снисходительно предложила «оказать некоторое пособие автору <...> предварительно собрать сведения о положении г. Лескова».

Писатель не принял фарисейского подаяния. Как только он узнал о постановлении Литературного фонда, то ответил немедленно: «Не имея способности принимать от кого бы то ни было безвозвратных пособий, я тем более далек от желания получить их от членов русского литературного общества, которое отозвалось, что оно меня не знает и в кредите мне отказывает» (X, 267). Так литературные псевдо-собратья — пигмеи в сравнении с Лесковым по силе творческой одаренности — в очередной раз ханжески от него отреклись.

«*Славы не ищу, совести боюсь, в деньгах нуждаюсь*» — такую надпись сделал Лесков на своем фотографическом портрете, подаренном критику В. П. Буренину, выступавшему в последние годы жизни писателя с одиозными статьями (в 1890-е годы в газете «Новое время» он поместил ряд резких заметок и фельетонов о лесковских сочинениях). Эта фотография с автографом Лескова хранится в Доме-музее писателя в Орле.

Сберегается в орловском музее и другой автограф писателя — на его книге «Смех и горе (разнохарактерное potpourri* из пестрых воспоминаний полинявшего человека. Посвящается всем находящимся не на своих местах и не при своем деле)», подаренной младшему брату в 1871 году.

В тот год Лескову исполнилось 40 лет. Новую книгу он расценивал как важную творческую веху в субъективно переживаемый переломный момент своего земного поприща. Это одно из этапных произведений Лескова. Позднее он признавался: «Я стал думать ответственно, когда написал “Смех и горе”, и с тех пор остался в этом

* Попурри — смесь, мешанина (франц.).

настроении — критическом и, по силам моим, незлобивом и снисходительном» (X, 401—402).

Дарственная надпись весьма оригинальна: «Достолюбезному старшему брату моему, другу и благодетелю Алексею Семеновичу Лескову, врачу, воителю, домовладыке и младопитателю от его младшего брата, бесплодного фантазера, пролетария бездомного и сея книги автора. 7 июля 71 г. СПб.»

Слова эти поначалу могут вызвать недоумение: Николай Семенович называет Алексея Семеновича, который был шестью годами моложе писателя, «старшим братом». Но речь здесь идет не о возрасте, а о «старшинстве» в смысле материальной обеспеченности. Алексей Семенович Лесков был киевским врачом с обширной практикой, что позволило ему обзавестись собственным особняком вблизи Софийского собора — стать «домовладыкой». Достаток дал ему возможность быть «благодетелем» небогатых ближних и дальних; «младопитателем», поскольку к нему «лепилось, около него кормилось и ютилось и свое, и женино, и невесть чье до какого колена родство или свойство»*. Младший брат писателя был радушен, щедр и обладал особым даром «пригрева близких».

Старший Лесков, посвятивший свою жизнь самоотверженному литературному труду, в глазах меркантильных обывателей — «бесплодный фантазер», «пролетарий бездомный», который не нажил от трудов праведных не только палат каменных, но даже не имел хотя бы какого-нибудь стабильного заработка. И в шутку, да и всерьез (снова срабатывает разнополярная система координат «смеха и горя») умаляет Лесков себя перед младшим братом — «старшим» по бытовому устройству жизни. Так за шутливой формой дарственной надписи проступает немалая доля горечи.

Чтобы как-то поправить свои финансовые дела, получать обеспечивающее жизнь жалованье, а также в новом качестве посодействовать делу народного просвещения писатель поступил на государственную службу. В начале января 1874 года Лесков был назначен членом особого отдела Ученого комитета Министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа. Министр обещал годовой оклад в две тысячи рублей. Однако это оказалось враньем и издевкой: в реальности денежное содержание Лескова на службе было урезано ровно вдвое.

Писатель с большим именем в литературе так и не дождался хотя бы какого-нибудь повышения заработка за все долгие годы безупречной служебной деятельности. В 1881 году Лесков писал И. С. Аксакову: «решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, — назначили членом ученого комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет “в забытьи”, хотя Толстой <Д. А. Толстой — министр народного просвещения, обер-прокурор Святейшего Синода. — А. Н.-С.> знал меня хорошо, считая, по его словам (Кушелеву и Щербатову), “самым трудолюбивым и способным”, и лично интересовался моими мнениями по делам сторонним (например, церковным)» (XI, 254).

Так лесковские надежды, связанные с государственной службой, были с самого ее начала развеяны: «вместо сколько-нибудь ощутительного укрепления бюджета и выполнения иногда любопытных, живых служебных заданий предстояло полустариковское сидение за рассмотрением книг, издаваемых для народа, под нестерпимым гнетом “благочестивого вельможи”» (2, 178).

«Помилуйте, с утра до вечера убиваться над какою-нибудь сушью, над какою-то, с позволения сказать, бумажною мертвечиной», — говорил о чиновничьей службе один из героев пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» (<1862>)**.

---

* Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова: По его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. — М.: Худож. лит., 1984.— Т. 2.— С. 155. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страницы арабскими цифрами.

** Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М.Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах. — М.: Худож. лит., 1965.— Т. 4.— С. 358.

Однако Лесков со всей ответственностью, с полной самоотдачей выполнял трудоемкую, кропотливую работу: был рецензентом, готовил многостраничные доклады (один из важнейших — «О преподавании Закона Божия в народных школах»), объемные служебные записки, заключения, отчеты, массу другой служебной документации. Подробное описание материалов этого рода деятельности писателя представлено в книге его сына и биографа Андрея Лескова*.

В период службы писателя в Министерстве народного просвещения сменились четыре министра, но ни один из них не подумал хотя бы как-то отметить и поощрить необыкновенного сотрудника за безупречный, добросовестный труд, на который затрачивались большие силы, драгоценное время.

Лескова обходили также повышением по служебной лестнице, забывали повышать классный чин даже за выслугу лет, держали, что называется, «в черном теле».

«Крупному человеку у нас всякий ногу подставит и далеко не пустит, а ничтожность все будет ползти и всюду проползет», — говорится в лесковской статье «Заповедь Писемского» (1885).

О том, каким издевательствам «чиновная шишмара» (2, 179) подвергала писателя, как куражились над ним, язвили и жалили его канцелярские букашки, отравляя Лескову жизнь, он вспоминал в письме Аксакову: «Наконец им стало стыдно не давать мне ничего, и Георгиевский <председатель Ученого комитета — А. Н.-С.> лет через пять после моего поступления сделал представление о награде меня за многие полезные труды и “за прекрасное направление, выраженное в романе "Некуда", навлекшем на меня ожесточенное гонение нигилистической партии”, — чем бы Вы думали: чином надворного советника, то есть тем, что дается каждому столоначальнику и его помощникам. Мне это испрашивалось *в числе двадцати человек,* назначаемых к особым наградам к *Новому году*. И что, Вы думаете, последовало? Толстой на обширном и убедительном докладе Георгиевского надписал: “Отклонить”, а из числа двадцати чиновников *одного меня вычеркнул*. И это всякий чиновник д<епартамен>та видел и хохотал над тем, что значит быть автором “Некуда”. “После того и деться некуда”, — острил в сатире Минаев. Чем же эта молодежь напоевалась, видя такое усердие меня обидеть, признаться сказать, в таком деле, которое мне и неинтересно, потому что быть или не быть “надворным советником” уже, конечно, — все равно» (XI, 254—255).

Несмотря на последнее заявление в этом фрагменте письма, по всему его тону чувствуется, что обиды и унижения не прошли для Лескова даром, бурлили и поднимались со дна души, засели в «печенях», как позже писал он о приснопамятном «огорченном налиме» в своей последней повести «Заячий ремиз» (1894).

«Нам по службе нет счастья в роду»,— говорил писатель своему сыну Андрею (2, 176). В министерстве продвигали тех, кто даже близко не мог сравниться с Лесковым по одаренности, глубинному постижению жизни России, знанию русского народа «в самую глубь». Честный высокоталантливый художник русского слова, идущий своим путем — *«против течений»*, государственной системе был неугоден — здесь привечали только раболепствующих низкопоклонников, вышколенных и выдрессированных бездарностей по прозванью *«Чего изволите?»*. Собственное мнение здесь никогда не приветствовалось, вызывало подозрение, отторжение и страх.

Крайне нерасположен к выдающемуся русскому писателю был его непосредственный начальник по службе А. И. Георгиевский — завистливый инородец-безбожник, выходец из Одессы. Он отличался особой еврейской мстительностью и не забы-

---

* См. также: Чуднова Л. Г. Н.С. Лесков в Министерстве народного просвещения // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. — М.: ТЕРРА, 1996 — издание продолжается <весьма показательно для современной государственной издательской политики отношение к сочинениям Лескова: к 2018 году, за 22 года с начала издания, выпущено в свет лишь 13 из 30 запланированных томов. — А. Н.-С.>. — Т. 13. — С. 534—576.

вал «оцарапавшее его перо» — статью Лескова «Литератор-красавец» (1867), в которой однажды был задет писателем задолго до его поступления на службу. На одном из автографов Лесков сделал приписку: «Георгиевский Александр Иванович. Экс-либерал из Одессы.— “Рука Каткова” и “подобие Бисмарка в России”» (2, 179). О нем же отозвался писатель в одной из корреспонденций: «провинциальная шушера и чиновная шишмара, взросшая в пресмыкательстве и добивающаяся его от других» (2, 179).

Пронырливая одесская «шушера», прокравшаяся искательством, подобострастием и подкупом до кресла председателя комитета в министерстве, продувная бестия Георгиевский мнил себя важной персоной и не упускал случая подчеркнуть свою значительность. Ординарность, напустившая на себя начальственное высокомерие, не терпела таланта и самобытности в подчиненных. Этому чинодралу подошла бы характеристика из пьесы Салтыкова-Щедрина «Тени»: «Он так же, как и все эти трутни-проходимцы, весь сшит из чужих лоскутьев, весь набит чужими словами, весь пропах чужими запахами»*.

В романе «На ножах» (1871) — за три года до поступления на службу — Лесков разоблачил один из распространенных способов многовековой массовой мимикрии противников Христа, подобных экс-нигилисту «деятелю на все руки» еврею Тихону Кишенскому. Таким, как он, «нужен столбовой дворянин», в том числе и для того, чтобы под прикрытием русских, особенно — знатных, фамилий пробираться на руководящие должности, занимать ключевые посты в государственных, коммерческих, религиозных, общественных учреждениях России с целью кабалить, разлагать и уничтожать коренное население страны, глумясь над его христианскими идеалами и православной верой; маскируясь русскими именованиями и вывесками; снаружи рядясь в овечьи шкуры, будучи изнутри волками; фарисейски прикрываясь благими целями доброделания, безбожно обогащаться, получать свои барыши, выгоды, прибыли и сверхприбыли, служить не Богу, а мамоне. О чужеродном кабальном иге, опутавшем Россию, настоятельно предупреждали Святые отцы — христианские подвижники.

«*Кто втерся в чин лисой, тот в чине будет волком*»,— писал о таких В. А. Жуковский. О подобных проходимцах говорил также И. А. Крылов в своей басне «Осел» (1815):

В природе и в чинах высокость хороша,
Но что в ней прибыли, когда низка душа.

Салтыков-Щедрин в драме «Тени» представил типические черты бюрократической среды: «надо много ловкости, чтоб пробалансировать», «нужно только обладать бесстыдством!»; «от них разит тлением»; «какая-то неприятная юркость, какое-то молодеческое желание блеснуть изворотливостью совести»**. «Точно я попал в трущобу, в которой копошится гадина, и не знаю, где она кроется и куда хочет направить свое ядовитое жало!»*** — мог бы воскликнуть вслед за щедринским героем Лесков.

Характерен переданный сыном писателя следующий эпизод служебных взаимоотношений между начальствующим и подчиненными. Упоенный сознанием собственного властительного величия Георгиевский церемонно-торжественно появлялся на заседаниях комитета всегда последним, «дабы иметь возможность благосклонно принять почтительное приветствие всего состава возглавляемого им органа и, первым опустясь в председательское кресло, милостиво пригласить всех занять свои места. Это пышное “сретание”, повторявшееся каждый вторник, мутило дух уже отвыкшего от многого литератора. Чтобы не вставать при появлении его превосходи-

* Салтыков-Щедрин М. Е. Тени // М. Е. Салтыков-Щедрин. Собрание сочинений в 20 томах.— М.: Худож. лит., 1965. — Т. 4.— С. 364.

** Там же.— С. 345, 350, 379.

*** Там же.— С. 376.

тельства в распахивавшихся курьером дверях, Лесков никогда не садился до появления последнего» (2, 180—181).

Автор этих строк, имеющий многолетний опыт государственной службы, свидетельствует, что до настоящего времени во всей бюрократической низости сохраняется точно такая же чиновничья «церемония» с ожиданием «высокого лица» (будь то губернатор, председатель законодательного собрания, начальник департамента и т.п.), появление которого все обязаны почтить вставанием и получить снисходительное разрешение садиться. Какой-нибудь мелкий чиновнишко-наблюдатель (чаще всего сотрудник организационной службы), чтобы потом доложить «наверх» о нелояльности к властям предержащим, по старинке «берет на карандаш» — заносит в блокнотик фамилии тех, кто не успел или не захотел раболепно привстать перед начальственной персоной.

Пожалуй, все это мелочи. Но, как известно, из такой вот «тины мелочей» слагается жизнь, а человек наиболее проявляется именно в мелочах. В цикле «оглушительных» очерков «Мелочи архиерейской жизни (картинки с натуры)» (1878—1880) Лесков обратил внимание на те «мелочи жизни, в которых человек наиболее познается как живой человек, а не формулярный заместитель уряда — чиновник, который был да и умер, а потом будет другой на его место — все равно какой» (VI, 535). Писатель показал неразрывную связь мелочей с общим устройством жизни.

Часть 2

Пылкий человек с пламенной душой, с трудом сдерживающий праведный гнев и негодование, Лесков задыхался в удушливой, затхлой атмосфере «умеренных и аккуратных» канцелярских ничтожеств, угодливых лизоблюдов, продажных подлецов, по-лакейски заискивающих перед вышестоящими и готовых при всяком удобном случае пинать нижестоящих.

Понятия чиновник и подлец в русской классической литературе составляют один синонимический ряд. *«Будешь ты чиновник с виду / И подлец душой»,*— писал в «Колыбельной песне» Н. А. Некрасов. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1866—1876) он сложил о чиновниках такие строки:

В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести.
На шее — нет креста!

О безбожных, бессовестных, бездушных бюрократах, об их жизни, «полной трагикомических скачков от наглости к пресмыкательству (XI, 24), не раз говорил и писал Лесков. Марионетки, заводные живые механизмы получили у писателя многозначащее именование «чертовы куклы».

О замысле романа с этим названием Лесков сообщал 3 августа 1875 года в письме А. П. Милюкову, говоря о подхалимах и прихлебателях из Министерства народного просвещения, славших министру графу Д. А. Толстому приторно-льстивые восхваления: «Еще ли не деятели? А того нет, чтобы сказать графу о стоне, который стоит по всей стране за неразрешение переэкзаменовок за одну двойку... Кто же будет с ними? — Конечно, только они сами, пока их черт возьмет куда следует. Они мне и здесь и воду, и воздух гадят, и на беду их тут много собралось.

В заключение скажу, что вся эта пошлость и подлость назлили меня до желания написать нечто вроде “Смеха и горя”— под заглавием “Чертовы куклы”, и за это я уже принялся» (VIII, 627—628).

Комитет, в котором работал писатель, вызывал у него отвращение: «“Комитет мерзил” Лескову еще с 1875 года, а ученого председателя его Лесков, опасаясь своей вспыльчивости, почитал за счастье “не видеть” вовсе» (2, 177).

Согласно лесковской эпиграмме, государственный контролер Т. И. Филиппов — «мерзкий сводня, / Льстец презренный и холоп» (2, 187).

Упоминая в письме о министре Делянове, писатель добавлял: «к которому я питаю только презрение, вполне им заслуженное» (2, 195).

Этот министр народного просвещения налагал путы на дело просвещения народа и прославился недоброй славой, когда издал нормативный акт, прозванный в России «циркуляром о кухаркиных детях», в котором предписывалось не принимать в гимназию «детей кучеров, прачек, мелких лавочников и т. п.». Лесков немедленно откликнулся статьей «Гимназический крах»(впоследствии — «Темнеющий берег»). Он писал издателю А. С. Суворину: «Ивана Делянова с его последним распоряжением, кажется, позволяется сажать на кол тою частию его тела, которая у него более прочих пострадала» (XI, 351).

Той же участи можно было бы пожелать современным руководителям российского просвещения — затейникам ЕГЭ и ОГЭ, преднамеренно оглупляющим учеников, заранее поделившим на касты детей, с младенчества встраиваемых в государственную машину по закабалению и подавлению личности на всех социальных уровнях.

На протяжении последних постперестроечных десятилетий планомерно проводится изуверская политика разрушения и уничтожения полноценного образования. Страх чиновников от образования перед честным словом русских писателей столь силен и так велика ненависть к отечественной литературе и ее «божественным глаголам», призванным «жечь сердца людей», что до настоящего времени христиански одухотворенная отечественная словесность заведомо искажается, преподносится с атеистических позиций в подавляющем большинстве учебных заведений России. Варварское притеснение русской словесности в школе привело к катастрофической тотальной безграмотности во всех областях деятельности, вплоть до высших властно-чиновничьих сфер. Чудовищно то, что в России повальной неграмотности уже мало кто удивляется и почти никто ее не стыдится. Это приметы нашего времени, неоспоримые факты.

Сегодня только толстосумы могут дать своим отпрыскам достойное образование, стоящее больших денег. Но дети бедняков и родителей из так называемого «среднего класса» вынуждены учиться *«чему-нибудь и как-нибудь»*. В лучшем случае их ждет удел обслуживающего персонала для сильных мира сего, в худшем — они становятся просто «рабочей силой» или «человеческим материалом», которым власть имущие могут распоряжаться по своему усмотрению.

Очень «опрятный в душе человек» — Лесков никогда не поступался своими принципами. В одном из писем он заявлял: «Прошу вас на меня никогда не смотреть как на пешку, которую можно двинуть без разбора во всякий след. Это всегда будет ошибочно и *мне несносно*» (2, 195).

Наиболее актуально звучат слова Лескова, который устами своего героя-правдолюбца Василия Богословского в повести «Овцебык» (1862) обращался к тем «благодетелям» народа, у кого слово расходится с делом: «О, горе сим мытарям и фарисеям! <...> А вижу я, что подло все занимаются этим делом. Все на язычничестве выезжают, а на дело — никого. Нет, ты дело делай, а не бреши. <...> эх, язычники! фарисеи проклятые! <...> Таким разве поверят! <...> Душу свою клади, да так, чтоб видели, какая у тебя душа, а не побрехеньками забавляй» (I, 52).

«Возненавидел я сборище злонамеренных и с нечестивыми не сяду» (Пс. 25: 5),— словами псалма можно было бы передать отношение писателя к государственной службе. И все же он, неуживчивый в гнусной среде бездарных и бездушных министерских чинуш, вынужден был тянуть эту тяжкую лямку.

Терпение Лескова вызвало удивление у его сына — автора биографии писателя: «Почему-то сам он, как это ни странно, точно не задумывался над тем — совместимо

ли с занимаемым им служебным положением, год от года становившееся все менее “благонамеренным”, если не “потрясовательным”, направление всей писательской его деятельности? Почему-то не собрался пересмотреть вопрос — нужна ли ему вообще на что-нибудь эта нудная служба с ее жалким окладом, отнимающая так много рабочего времени от писательства, со всеми ее досаждениями! Что могла она сулить в будущем, если до сих пор приносила только одни уязвления, недвижимо держа его на самой низшей оплаченности в восемьдесят рублей в месяц, не повышая в чинах даже “за выслугу лет”! Шел планомерный измор. Как можно было его не замечать и терпеть!» (2, 176—177).

В письме к А. С. Суворину у Лескова есть знаменательные слова: «я не мщу никому и гнушаюсь мщения, а лишь ищу правды в жизни» (X, 297—298). Такова была его человеческая, гражданская и авторская позиция. «Законникам разноглагольного закона», подменяющим заповеди Божьи лукавыми социально-политическими установлениями, Лесков противопоставил Христа, «Который дал нам глаголы вечной жизни». В рассказе «Под Рождество обидели» (1890) писатель предложил поразмышлять: «Читатель! будь ласков: вмешайся и ты в нашу историю, вспомяни, чему тебя учил сегодняшний Новорожденный <...> ты разберись, пожалуйста, сегодня с этим хорошенечко: обдумай — с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона, или с Тем, Который дал тебе “глаголы вечной жизни”...»*

В лесковский текст органично вживляется евангельская цитата. Апостол Петр, отвечая Христу, говорит, что Господь для людей — единственное духовное прибежище: *«Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни, И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога живого»* (Ин. 6: 68—69).

Справедливо названный «величайшим христианином среди русских писателей»** Лесков оставался с Христом, слушаясь прежде всего голоса совести и отказываясь «с притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленского штандарта» (XI, 234). Писатель и на государственной службе выбрал службу Христу по Его заповеди: *«Кто Мне служит, Мне да последует»* (Ин. 12: 26).

Незадолго до отставки Лесков по распоряжению министра был назначен членом комиссии по рассмотрению сочинений, представленных на соискание премии имени Петра Великого. За эти труды писателя удостоили специальной золотой медали. Но он не принял министерской награды и попросил отправить ее в Орел для помощи беднейшему ученику гимназии, в которой сам когда-то учился. Уже после увольнения — 31 марта 1883 года — Лесков писал редактору «Исторического вестника» С. Н. Шубинскому: «золотую медаль, мне следующую, просил прямо из министерства отослать в Орловскую гимназию на помощь беднейшему ученику, отправляющемуся в университет» (2, 198). Спустя неделю — 7 апреля — Лесков известил о том же директора Орловской гимназии.

С каждым годом возрастала критическая настроенность писателя по отношению к неправедно устроенному обществу. Лесковское творчество становилось не просто оппозиционным, но по-настоящему «потрясовательным» (выразительный словообраз не сходит со страниц повести «Заячий ремиз» — «лебединой песни» писателя).

В эти годы созданы хроника «Захудалый род» (1874), повесть «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)» (1874); начат роман «Чертовы куклы» (1875); написаны рассказы «Пигмей» (1876), «Железная воля» (1876), очерки «Великосветский раскол» (1876); очерки и рассказы 1877 года «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни», «Владычный суд», «Бесстыдник», «Некрещеный поп», «Явление

* Лесков Н. С. Под Рождество обидели // Лесков Н. С. Собр. соч.: В 3-х т.— М.: Худож. лит., 1988. — Т. 3.— С. 205.

** J. von Guenter. Leskov. Russlands Christlichster Dichter.— Jahrgang 1, 1926.— S. 87.

духа». Затем в 1878 году появились очерки «Русское тайнобрачие» и «Мелочи архиерейской жизни», рассказ «Ракушанский меламед»; в 1879 году — «Однодум», «Шерамур», «Рождественский вечер у ипохондрика» (впоследствии: «Чертогон»).

Писатель устраивал настоящий чертогон бесам в человеческом обличье. Одно за другим следовали хлесткие, жгучие, занозистые беллетристические и публицистические произведения: «Безбожные школы в России», «Об обращениях и совращениях», «Случаи из русской демономании», «Епархиальный суд», «Дворянский бунт в Добрынском приходе», «Святительские тени», «Иродова работа», «Бродяги духовного чина», «Райский змей», «Церковные интриганы», «Официальное буффонство», «Синодальные персоны», «Поповская чехарда и приходская прихоть», «Заказная литература», «Благонамеренная бестактность», «Вечерний звон и другие средства к искоренению разгула и бесстыдства», «Жидовская кувырколлегия (Повесть об одном кромчанине и о трех жидовинах)».

Одновременно из-под пера Лескова выходили истинные шедевры художественной прозы: «На краю света» (1879), «Кадетский монастырь» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Белый орел» (1880), «Дух госпожи Жанлис» (1881), «Христос в гостях у мужика» (1881), «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе» (1881), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Привидение в Инженерном замке» (1882).

Кто знает, сколько еще превосходных произведений мог бы создать писатель-христианин, если бы рутинная казенная служба не отнимала у него столько сил, времени и не отвлекала бы от литературного творчества. И если бы не события в связи с государственной службой Лескова, имена всех этих «сиятельных», «высокопоставленных» и «высокопосаженных» особ: сановников, руководителей министерств, департаментов и комитетов — никто бы не вспомнил, они сгинули и стерлись бы навсегда: *«нечестивые* <...> *как прах, возметаемый ветром»* (Пс. 1: 4),— но теперь известны недоброй памятью.

Художественно-публицистическое творчество в период государственной службы неуемного писателя не могло не навлечь на него злобу, гнев, враждебность и мстительность власть имущих. Чего стоят одни только названия лесковских сочинений (автор любил, чтобы заглавие было «едко и метко», чтобы «кличка была по шерсти»), говорящие сами за себя!

Разрыв государственно-служебных отношений назревал около десяти лет, но был неизбежен. Наконец, он произошел самым драматическим и нетривиальным образом — все, что связано с Лесковым, с его личностью и творчеством, не могло быть не отмечено самобытностью и оригинальностью.

Властям, указавшим на несовместимость литературной деятельности Лескова с его государственной службой, не удалось обуздать великого русского художника слова. Тогда в ход был пущен неприкрытый административный произвол. Министр предложил несговорчивому служащему подать прошение об отставке. В переводе на современный бюрократический язык — написать заявление об увольнении по собственному желанию. Только этот вид отставки давал право на получение пенсии. Писатель категорически отказался подать такое прошение.

Под непосредственным впечатлением тяжелого разговора с министром Лесков писал своему киевскому другу Ф. А. Терновскому: «Дело рассказывать долго нечего: оно произошло 9-го февраля — с глазу на глаз у Делянова, который все просил “не сердиться”, что “он сам ничего”, что “все давления со вне”. Сателлиты этого лакея говорили по городу <...> будто “давление” идет даже от самого государя, но это, конечно, круглая ложь. <...> Прошение не подал и на *просьбу* “упомянуть” о прошении — *не согласился*. <...> Не огорчен я нисколько, но рассержен был очень и говорил прямо и сказал много горькой правды. На вопрос: “Зачем вам такое увольнение”,— я ответил: “Для некролога” и ушел. О “Комаре” <статья Лескова «Протопоп

Комарь и две Комарихи» — А. Н.-С.> не было и помина, а приводились “Мелочи архиерейской жизни”, Дневник Исмайлова <лесковские очерки «Синодальные персоны», «Картины прошлого» — А. Н.-С> и “Чехарда” <«Поповская чехарда и приходская прихоть» — А. Н.-С. <...> Сочувствие добрых и умных людей меня утешало. Вообще таковые находят, что я “защитил достоинство, не согласясь упомянуть о прошении”. Не знаю, как вы об этом посудите. Я просто поступил по неодолимому чувству гадливости, которая мутила мою душу во время его подлого и пошлого разговора, — и теперь не сожалею *нимало.* Мне было бы нестерпимо, если бы я поступил иначе» (2, 187—189).

Писатель скорректировал принцип, высказанный Г. Р. Державиным в XVIII веке: *«И истину царям с улыбкой говорить».* Лесков уверился на примерах своего многотрудного жизненного и писательского пути: «“Истины” пора говорить без улыбок, и это можно, а еще более — *это должно»* (XI, 576). За год до смерти — 22 февраля 1894 года — он писал С. Н. Терпигореву: «при каком-нибудь уважении к себе неглупый человек» не станет «хихикать» с властителем, а «поставит его просто на пристойное от себя расстояние» (XI, 576). В истории увольнения Лесков показал образец исполнения этого принципа. Так, он непреклонно отверг всякие компромиссы и «без улыбки» высказал в лицо министру «много горькой правды», поставив его «на пристойное от себя расстояние».

Говоря о Лескове пушкинскими стихами, *«Не в первый раз он тут явил / Души прямое благородство».*

Туго натянутая струна лопнула. Быстро завертелись колесики обычно неповоротливой бюрократической машины, на этот раз мгновенно приведенной в движение рулевыми — «чертовыми куклами»: «9 февраля подписывается “определение” министра народного просвещения за № 1878, коим совершается “отчисление” Лескова от министерства, а 21 февраля приказом министра за № 2 оно закрепляется. Все просто: и без прошения, и без объяснения причин, и без рубля пенсии за двадцать лет беспорочной службы отечеству» (2, 190).

Этот возмутительный факт не остался без внимания прессы: «известие это “произвело некоторую сенсацию” <...>. Что же касается увольнения г. Лескова, то оно просто является каким-то вопросом и во многих возбуждает недоумение» (2, 191), — писали газеты. Поскольку дело получило широкий общественный резонанс, Лесков решил печатно разъяснить недоумения открытым письмом*: «Малозначительное событие — оставление мною службы в Ученом комитете Министерства народного просвещения неожиданно для меня сделалось предметом разнообразных толков, которые частию проникли в печать и, как у вас сказано, “возбуждают недоумение”, которое я имею побуждение разъяснить.

Я отчислен от министерства “без прошения” по причинам, лежащим совершенно вне моей служебной деятельности, которая в течение десяти лет признавалась полезною и никогда не привлекала мне никакого упрека и ни одного замечания при трех министрах: графе Д. А. Толстом, А. А. Сабурове и бароне Николаи.— Для оставления службы мне *не вменено никакой вины,* а указана только “несовместимость” моих литературных занятий с службою. Ничего более.

В том, что я отчислен не по прошению, а “без прошения”, тоже нет ничего меня порочащего или обидного. Мне была предоставлена полная возможность отчислиться по той форме, которая обыкновенно признается удобнейшею, но я сам предпочел ту, которая, на мой взгляд, более верна истинному ходу дела.

Этим, я надеюсь, могут быть разъяснены все “недоумения” моих ближних и дальних друзей и недругов» (2, 191—192).

---

* Новости и Биржевая газета.— 1883.— 10 марта.— № 65.

Драматический разрыв государственно-служебных отношений — увольнение без прошения и без пенсии — Лесков воспринял как освобождение от утомительно тяжкой, унизительной, нетворческой, рутинной работы, с которой было покончено навсегда. Целиком и полностью писатель посвящает себя литературе, своему высокому призванию —художественной проповеди.

Спустя десять лет после увольнения в позднем рассказе «Административная грация (Zahme Dressur* в жандармской аранжировке)» (1893) Лесков описал «наши смрадные дни», когда «никуда не уйти от гримас и болячек родной политики» (IX, 388). Администраторы «грациозно» избавляются от неугодных служащих под теми или иными псевдо-благовидными предлогами.

Подобные отношения на чиновничьей службе были всегда и сохранились в их пакостной неизменности до настоящего времени. О чем и свидетельствует автор этих строк, также недавно отставленный с государственной службы в органе региональной власти — так называемом «Орловском областном Совете народных депутатов» — уже в XXI веке по всем приемам «административной грации» под видом «сокращения штата». Как и следовало ожидать, штат вскоре вновь был раздут до размеров больших, чем до сокращения. Набрали ложно-образованных, но «своих» — угодных и услужливых.

Фарисеям и «законникам разноглагольного закона» Господь Иисус Христос адресовал гневное обличение: «Он сказал: и вам, законникам, горе, что налагаете на людей бремена неудобоносимые, а сами и одним перстом своим не дотрагиваетесь до них» (Лк. 11:46).

«Не можете служить Богу и мамоне» (Лк. 16: 13), — говорит Христос. Как легко и соблазнительно зло может рядиться в одежду добра. Распознавать такую маскировку учил Святой старец Силуан Афонский: «Всякое зло <...> паразитарно живет на теле добра, ему необходимо найти себе оправдание, предстать облеченным в одежду добра, и нередко высшего добра», потому что «зло всегда действует обманом, прикрываясь добром». Но, как пояснял старец, различение добра и зла необходимо и возможно, поскольку «добро для своего осуществления не нуждается в содействии зла, и потому там, где появляются недобрые средства (лукавство, ложь, насилие и подобное), там начинается область, чуждая духу Христову»**.

«Была бы душа в сборе да работали бы руки», — писал Лесков своему другу, киевскому профессору и историку Церкви Ф. А. Терновскому. Он был писателю «мил и близок по симпатиям и даже по несчастию»: «Оба мы были одинаково и одновременно оклеветаны и вышвырнуты из службы как люди “несомненно вредного направления”. История эта, подлая и возмутительная по своему гнусному и глупому составу, была тяжела для меня (и остается такою), а Филиппа Алексеевича она стерла с земли» (2, 273—274). Терновский был лишен кафедры в Киевской духовной академии, ему также угрожало увольнение из Киевского университета. Но смерть профессора в 1884 году опередила это «подлое и возмутительное» событие.

Известие о смерти Терновского, судьба которого была во многом схожа с лесковской: «Мы с ним одновременно понесли одинаковые гонения несправедливых людей, и я это перенес, или, кажется, будто перенес, а он, — с его удивительно философским отношением к жизни,— опочил... Пожалуй, не выдержал...» (2, 274),— подтвердило мысль писателя об отношении властей к честным людям в России. По этому поводу Лесков не раз цитировал строки пушкинского стихотворения: *«Здесь человека берегут, как на турецкой перестрелке!»* (2, 254)

---

* Мягкая, ручная дрессировка (нем.).

** Старец Силуан. Жизнь и поучения.— М.; Новоказачье; Минск, 1991.— С. 107—108.

Писатель продолжал переносить несправедливые нападки фарисеев, но до конца дней своих готов был служить Родине, насколько хватало сил.

Так, в «картинках с натуры» из жизни церковного «чиноначалия» «Мелочи архиерейской жизни» ставились задачи отнюдь не «мелкие»: вымести «сор из храма», призвать священнослужителей всецело соответствовать их высокому духовно-нравственному предназначению. Но для самого автора «Мелочи...» обернулись крупными проблемами и в его жизни сыграли свою фатальную роль.

Писатель и его книга подверглись настоящим гонениям. «Мелочи архиерейской жизни» явились одной из главных причин увольнения Лескова из Ученого комитета Министерства народного просвещения в 1883 году. Год спустя книга была изъята из библиотек «по высочайшему повелению». В 1889 году, когда писатель узнал об аресте напечатанного без предварительной цензуры 6-го тома Собрания его сочинений, куда входили «Мелочи архиерейской жизни»*, он испытал первый приступ болезни сердца, оказавшейся впоследствии смертельной. По свидетельству сына Лескова, «экземпляры оторванной части шестого тома были отвезены в Главное управление по делам печати и там были сожжены» (2, 381).

Как мог вынести все это несправедливо гонимый писатель непостыдной совести? Неизменное утешение черпают изгнанники за имя Христово в антиномиях Нагорной проповеди: *«Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся»; «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас»* (Мф. 5: 6; 10—12).

Евангельское обетование *«блаженств»*, уготованных Господом всем, кто словом и делом возвещает истину, духовно укрепляло Лескова. А «пострадать за правду,— это в порядке вещей» (X, 470),— сознавал писатель. *«Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны»*,— учит Святой Апостол Петр. И если кто-то *«пострадал как Христианин, то не стыдись, а прославляй Бога за такую участь»* (1Пет. 4: 14; 16).

* Запрещенный цензурой 6-й том Собрания сочинений Лескова составили «Захудалый род», «Мелочи архиерейской жизни», «Архиерейские объезды», «Епархиальный суд», «Русское тайнобрачие», «Борьба за преобладание», «Райский змей», «Синодальные философы», «Бродяги духовного чина», «Сеничкин яд», «Приключение у Спаса в Наливках» (СПб.,1889). На этой книге из личной библиотеки писателя имеется особый лесковский шпемпель: «редкий экземпляр».

«ПОНЯТЬ, ЧТО РУССКИЙ ПО СУДЬБЕ...»
О творчестве Игоря Лукьянова

В новую книгу избранных стихотворений борисоглебца Игоря Лукьянова «По воле Бога и судьбы», вышедшую в Москве, в Издательском доме «Сказочная дорога», вошли произведения, публиковавшиеся ранее в журналах «Аврора», «Подъем», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Приокские зори» и других изданиях.

Разумеется, любая подобная публикация — своеобразный «знак качества» для поэта. Но понятно и то, что читательская аудитория слишком разнообразна, и поэтические пристрастия у всех различные. Да что там читательская аудитория! Даже по отношению к жизни мы все — разные, и Лукьянов остро это осознает:

Одному бы
Сдаться на потребу
Всех земных пороков
и страстей...
А другому —
Посмотреть бы в небо
С гулким криком
Русских журавлей...

Во вступительном слове к сборнику, написанном Александром Лысковым, о поэзии Игоря Лукьянова сказано так: «В каждом стихотворении — ощущение космоса, вечности, Бога. Соотнесение с этими великими константами собственных человеческих мыслей, чувств и поступков». На мой взгляд, поэт Игорь Лукьянов именно таков.

Автору книги по душе гвалт грачей под мартовским небом, гремящий в овраге ручей, грусть метели за окном, родные поля, луга и леса. Лукьянов знает, где его корни, и гордится ими: «Я родился в рабоче-крестьянской стране // И воспитан на слове «товарищ». Нет, автор книги не склонен идеализировать прошлое. Но есть нечто важное для него, что не вычеркнуть из памяти. В ней возникает, например, привокзальный перрон его юности, с которого он видел, как «поезда гнала страна, уголь шел, летела нефть — грузы Родины великой»:

Хоть и были
тюрьмы, зоны...
Сотрясалась
твердь перрона
Государственной стопой...

На фоне всего радостного и светлого поэту вдвойне больно видеть «лизоблюдов, пройдох и рвачей», «ловкачей словес — лукавцев всех калибров», «воров и скоморохов», «ограбление ложью», «сверхпаденье в цене на слова о душе, о добре, словно место им лишь в словаре». Он не может смириться с тем, что сегодня «нет и в помине души, есенинской болью пропетой», что повсюду «бесится песня чужая чужой похотливой крови». В стихотворении «Метро — 2003 год» он рассказывает, как «в проходе стольного метро» ползет спившийся десантник. «Ползет по грязи, как по полю», и грязь эта, увы, морального плана:

Ползет солдат,
ползет к своим...
Своих — ни впереди,
ни сзади.

«Жрет все святое потребленья молох...» Для Лукьянова бездуховность — одна из главнейших причин того, что «дымки отчизны покрывает мрак». К этой теме он возвращается снова и снова: «Душою общество скудеет, // Все смыслы к «бабкам» сведены».

В своем неприятии всевозможных жизненных перекосов поэт бывает ироничным. Но ирония эта — горькая:

Доведут нас
эти «фейки,
Эти «хайпы»,
эти «лайки».
Покоримся этой фене
И залаем, как собаки...

Взяв эпиграфом к одному из стихотворений бессмертные строки Александра Блока («В этот город торговли // Небеса не сойдут...), Игорь Лукьянов утверждает:

В черте
буржуазного шика —
И звуков его, и огней
Порою до боли безлика
Россия сегодняшних дней.

Сердце поэта переполнено тревогой:

Не попал под бревно,
под цистерну,
Что свалились
на душу мою,
Но зато угодил
под систему,
Где вольготно
жулью и ворью.
Распустились
сыны беззакония...
Государство
трещит по швам.
Казнокрад со свечой
к иконе,
Словно в офис,
проходит в храм...

Понятие человеческого греха для Игоря Лукьянова — совсем не относительное, а вполне определенное. В стихотворении «Начнется война...» оно выглядит достаточно жутко:

Начнется война,
И спалит нас
один крематорий.
Чистилища печь загудит,
от земли до небес.
И горя не будет...
Оно для кого-то ведь —
Горе.
Лишь вздыбится
Грех мировой,
Как обугленный лес.

Поэт остро чувствует грань между вечным и сиюминутным, преходящим:

Пред бездомьем
до смерти есенинским,
Пред хибарой,
где кончил Рубцов,
Что вы стоите
с вашими песнями,
Обладатели
вилл и дворцов?!

В этом же русле Игорь Лукьянов размышляет и о своей работе — о поэтическом творчестве:

К славе пробиваются
поэты —
Кто поэмой,
Кто строкой одной.
Остается
песней недопетой
Их судьба,
где времени в обрез.
Нет больших
и маленьких поэтов —
Есть поэты с небом
или без...

Автор книги убежден: поэтическая Муза «нема без гласа Бога»:

Перед белым храмом
на колени
Упаду я — русский человек.

«Понять, что русский по судьбе» — эту цель поэт ставит как себе самому, так и своему читателю.

Несмотря на многие грустные строки сборника, на бескомпромиссные оценки поэтом негативных явлений жизни, я бы назвал новую книгу Игоря Лукьянова оптимистичной, жизнеутверждающей. Вспоминая «пацанов пятидесятых», восторгавших-

ся Котовским, Щорсом и Камо, которых поносят в наши дни «и толстопузый политолог, и ушлый кандидат наук», поэт уверен, что страна придет к праведной цели:

Герой останется
героем.
Дерьмо останется
дерьмом.

И совсем не случайно в стихотворении «Оптина Пустынь» звучит:

...всею душой богомольца
Уверен в бессилии Зла,
Коль есть надо мною
под солнцем
Святые твои купола...

Гражданственность — характерная черта всех предыдущих книг Игоря Лукьянова. В новом сборнике поэт вышел в новые слои мироощущения и раздумий о месте человека в жизни, о борьбе добра со злом, о кризисе духовности в современном мире. Книга «По воле Бога и судьбы» — яркий пример того, как поэт, пытаясь высказать себя, выражает думы и чаяния многих своих современников.

Евгений Новичихин,
г. Воронеж.

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск, Мурманская область)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЖЕНСКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ ДЕСАНТ
(о новых именах в поэзии Кольского Заполярья)

За истекшее десятилетие в поэзии Кольского Заполярья в полный голос заявили о себе представительницы прекрасного пола. Да, факт остается фактом, именно поэтессы, за редким исключением, составили молодую литературную, точнее, поэтическую, когорту Мурманской области. В большинстве своем они в разные годы принимали участие в нашем региональном форуме-фестивале «Капитан Грэй», где лучшие молодые литераторы получают рекомендации на поездку в Переделкино, на финальный этап Всероссийского межвузовского литературного форума «Осиянное слово» им. Н. С. Гумилева. А поскольку ваш покорный слуга с самого начала и по сей день входит в состав оргкомитета и жюри упомянутого фестиваля, то все это происходило на моих глазах и при моем непосредственном участии, что и дает мне право познакомить читателей нашего журнала с новыми именами в поэзии Кольского края.

Самое интересное и, пожалуй, главное в том, что все, о ком пойдет речь, отличаются ярко выраженной индивидуальностью, и либо уже обрели свой творческий почерк, либо находятся в поиске оного, следуя своим, не похожим на иные, путем. Практически у всех поэтесс уже есть увидевшие свет стихотворные сборники; их цельность и зрелость можно и нужно, наверное, обсуждать, но так или иначе они существуют, как результат творчества, а значит у авторов имеется поле деятельности для развития и совершенствования поэтического дарования, что несомненно является главным результатом издания этих книг. А в нескольких конкретных случаях изданные книги послужили основанием для принятия авторов в Союз писателей России. И сие, согласитесь, уже конкретный результат литературного труда, хоть, безусловно, и ни в коем случае не самоцель. Итак, довольно преамбул, начнем знакомиться с конкретными, несомненно одаренными моими коллегами.

Елена Захарова (г. Североморск)

Елена Олеговна Захарова, по образованию учитель истории и обществознания, несколько лет проработала по специальности, и вот уже девятый год трудится на ниве профессиональной журналистики в муниципальной газете «Североморские вести», сначала корреспондентом, а ныне выпускающим редактором, является членом Союза

журналистов России, и в 2018 г. принята в Союз писателей России. В 2016 г. Елена стала обладателем Гран-при фестиваля-форума «Капитан Грэй», участвовала в финальном этапе «осиянного слова» в Переделкино, а через год выиграла грант губернатора области на издание поэтического сборника. Конечно, этому предшествовали и занятия в литобъединении «Зеленая гостиная», под руководством моих коллег: поэта Михаила Зверева, а позже Дмитрия Коржова, и неоднократные публикации в местной периодике, газетах, коллективных сборниках, альманахах. Как говорится в известном стихотворении М. Горького, «это многих славный путь», и Елена Захарова вполне логично и успешно его прошла. В 2018 г. в издательстве «Дроздов-на-Мурмане» увидел свет первый стихотворный сборник Елены «Плакать нельзя».

Плакать нельзя. Только как же ей справиться?
Дочке надежду не дарят врачи.
Нужно обнять, обещать, что поправится.
И улыбнуться. И куклу вручить...

...Ночь напролет он проплакал, как маленький:
Завтра жену из роддома встречать
Будет одну... Надо взять ее за руки.
Лучше — за плечи обнять. И молчать...

...Утром привычно она управляется,
Ловко меняя под мужем белье.
Он неподвижен. Она не ломается.
Только худеет. Но слезы не льет.

Все это — не о железном характере.
В черное горе, как в пропасть, скользя,
Глядя в глаза угасающей матери,
Сын улыбается. Плакать нельзя...

Если бы я не впервые писал о Елене Захаровой на страницах журнала, то обязательно привел бы в качестве поэтического примера другое стихотворение. Почему? Да потому, что творческий мир моей коллеги очень широк и разнообразен, и не исчерпывается лишь трагическими жизненными коллизиями. Да, не скрою, стихи Елены порой напоминают мне сжатую пружину, которая не выстрелит в одно мгновение, вдруг, но будет неуклонно разжиматься и разжиматься, наперекор предлагаемым обстоятельствам. Вообще, лирическая героиня Захаровой интересна уже тем, что являет собой человека с очень сильным характером, с внутренним стержнем, живущего с несомненным, и вполне осознанным смыслом, но при все этом очень женственную и нежную натуру, с открытой и щедрой душой. А ведь именно эти качества и присущи испокон веков нашим русским женщинам, матерям, женам, боевым подругам. Читая сборник «Плакать нельзя», ваш покорный слуга точно вновь открывал для себя уже казалось бы давно знакомого автора, проникаясь глубоким уважением и к жизненной позиции Елены, и к ее творчеству, на которое несомненное влияние оказала и журналистская практика, ибо в стихах Захаровой присутствует некая «репортажность», но не в структурном, композиционном плане, как, например, у Юрия Визбора, а в плане интонационном и смысловом. Эмоции и мысли автор выражает очень точно, лаконично, прямо, она прекрасно знает то, о чем говорит, она это прочувствовала и пережила, пропустила через себя и сомнений в изложенном на бумаге у нее

нет. То есть автор отвечает за каждое сказанное слово и понимает, зачем он сие написал. Такая уверенность, конечно же, придает стихам весьма осязаемую декларативность и даже порой лапидарность, рождающую аналогию со стихами, как ни странно, Арсения Тарковского, но... это нынешний творческий почерк и стиль Елены Захаровой, и даже на первый взгляд безобидно начинающаяся «Считалочка» вдруг обрывается весьма жестко: «Расплодились мелочи, // Съели вечера... // Девочка-припевочка, // Кончилась игра». Но все-таки, хоть «Эти строки не о любви, // Не о дрожи в коленях слабых...», поэзия Елены Захаровой наполнена тонким внутренним лиризмом, в коем живет надежда на свет, тепло, любовь и доброту. На мой взгляд, такая надежда присуща ей и в жизни, и она — залог дальнейшего творческого роста Елены. Потому что на самом деле «плакать можно и даже иногда нужно», и в мире подлунном не все столь однозначно и четко установлено, а напротив, порой столь запутанно, что одной, даже поэтической, декларацией, увы, обойтись не удастся. Остается лишь пожелать очень перспективной поэтессе развития и совершенствования своего дарования, и ожидать ее новых стихотворений и книг.

Елена Штурнева (г. Апатиты)

Елена Викторовна Штурнева — по образованию филолог, работает учителем словесности в школе № 3 г. Апатиты. Победитель литературного конкурса «Северная звезда» — 2009, ежегодно проводящегося журналом «Север» (г. Петрозаводск), лауреат первого регионального форума-фестиваля «Капитан Грэй» (г. Оленегорск, 2011 г.). Стихи публиковались в газете «Мурманский вестник», журнале «Север», коллективном сборнике «МурманЛит off-line». В 2012 г. в г. Мурманске, в издательстве «Опимах», увидел свет первый сборник стихотворений Елены «Ангел Вася».

Ангел Вася обитал в сторожке,
Был он рыж, космат, нездешне грустен.
Из осины резал Вася ложки,
А детей искал, как водится, в капусте.

Ведра звонко на заре гремели,
И воды колодезной прохлада
Обжигала. И пичуги пели:
Доносились голоса из сада.

Время приходило — на окошке
В треснувшем стакане лук сажать
И вздыхать о лесе, о лукошке.
Думал Вася: «То-то благодать!».

Он с ежом здоровался колючим,
С пчелами и мухами дружил.
Что зазря жалеть о неминучем:
Как дышал неслышно, так и жил.

Топал потихоньку по своей дорожке,
Говорил себе: «Ты, Вась, того — держись...».
Под окошком промелькнула кошка,
Быстрая, как жизнь.

Тонкая наблюдательность и точность поэтики, порой очень неожиданной (кошка, быстрая, как жизнь!), характерны для Елены Штурневой. Содержание ее стихотворений раскрывается в глубину, донося до нас, посредством оригинальных образов, потаенный смысл и некрикливую, но весьма оправданную содержанием эмоциональность, во многом обусловленную своеобычным ассоциативным мышлением автора. Именно поэтому Елена иногда очень немногословна, однако же подобная краткость более чем оправдана: «Стучат во тьме молоточки, // Но счастливые крепко спят. // Вместо вишневого сада — // Вишневый ад». Вот так, все страсти, все переживания, все драмы, где-то внутри, но они только сильнее и значимее именно оттого, что с виду все практически безоблачно. И казалось бы сама лирическая героиня Штурневой противится их проявлению, точно вовсе не желая об этом говорить, погружаясь в молчание, которое куда красноречивее самого истошного крика: «Есть, что терять, и есть, куда спешить, // кому молиться и о ком — молить, // о ком молчать, покуда хватит сил. // Кричат стихи? Кто их кричать просил?».

Подобная сдержанность не только одно из воплощений чувства собственного достоинства, но и следствие уважения Елены Штурневой к окружающим ее людям, как к родным и близким, так и к широкому кругу читателей, в сочетании с глубокой поэтической искренностью, и являют нам этот уникальный авторский стиль, когда «...там всхлипывают ночью поезда...», когда драматическое начало некоего явления в стихотворении рождается будто бы спонтанно, само собой, оно естественно и всегда, наверное, присутствовало в мире, а Елена лишь демонстрирует нам тот угол зрения, под которым скрытое становится явным. Мало того, еще одна отличительная особенность Елены Штурневой, и в творчестве, и в обычной жизни, это умение слушать и слышать: себя, близких, посторонних, окружающий мир. И оттого в свою очередь быть услышанной. А подобное, согласитесь, доступно далеко не всем. А пока: «Будем пряники жевать, пить водицу. // Жизнь любая — пока живы — сгодится. // Сядем, выпьем, помолчим на дорожку. // Ведь не вечно помирать понарошку». И нет никакой «обыденной жизни», есть просто жизнь человеческая, одна-единственная, неповторимая, и в этом ее самая главная ценность и самая главная трагедия. И стихи Елены Штурневой напоминают нам об этом.

Очень бы хотелось, чтобы в скором времени новая книга стихов моей коллеги увидела свет. Наверняка, Елене есть чем еще поделиться с читателем. Был бы так же очень рад видеть талантливую поэтессу в рядах Союза писателей России. Именно этого я и желаю Елене Штурневой. И верю, что все обязательно сбудется.

Анастасия Герасенко (г. Североморск)

Анастасия Александровна Герасенко закончила Санкт-Петербургскую академию культуры, с 1989 г. работает в библиотеках г. Североморска. Стихи пишет с 2005 года, участница уже упоминавшегося выше литературного объединения «Зеленая гостиная», публиковалась в городской литературной периодике, автор двух поэтических сборников, «Негромкий разговор» и «Попытка осмысления», а также сборника мемуарной прозы «Маячки памяти». Участвовала в фестивале-форуме «Капитан Грэй», член Мурманской областной организации Союза писателей России. Серьезно занимается живописью, член Североморского городского Союза художников. Работы Анастасии находятся в фондах Мурманского областного художественного музея и Североморского музейно-выставочного комплекса.

Библиотека на краю земли.
А дальше — лишь простор оледенелый.
Гаражных крыш зубчатых контур белый,
Леса, болота, горы — там, вдали.

И веет бесприютностью такой,
Что кажется, кончается планета
За кругом теплым ласкового света.
Окно мерцает желтою звездой.

Окно мерцает, обещая всем покой,
Приют, уют, защиту от мороза,
От одиночества. Здесь ждут стихи и прозу,
И шелестят страницы под рукой.

Кораблик маленький. Наш каменный ковчег,
Везущий груз бумажных пассажиров.
Зима вокруг. Но мы пока что живы.
Окно мерцает сквозь летящий снег.

Обращение художника Анастасии Герасенко к поэтическому, и вообще, к литературному творчеству вполне логично и обоснованно. Да и стихотворения ее в большинстве своем сродни картинам, и написаны именно в жанре пейзажной лирики, точно краски и образы перенесены с холста на бумагу и воплощены словесно, очень задумчиво, точно вполголоса, чтобы не разрушить хрупкое изображение, не спугнуть вдруг появившееся впечатление, эмоцию, мысль. Такой стиль характерен для Анастасии — женщины, тонко улавливающей интонации времени и пространства. Ну, что же, не всем и не всегда писать «на разрыв аорты» и жечь глаголом все и всех подряд. «Настоящую нежность не спутаешь ни с чем, и она тиха...». А тихая лирика не терпит фальши, «сделанности», и фальшивить, показушничать не позволяет.

Надо заметить, что стихи Анастасии Герасенко зачастую очень предметны, для них характерна «привязанность» к конкретному объекту, и даже к конкретному городу, и оттого пейзажи, по большей части, городские. Вообще, в творчестве Анастасии обозначены три главных для нее города: Санкт-Петербург: «Мой земноводный город, // Река, дожди, туман // И строгих декораций // Возвышенный обман»; Севастополь: «Нас утром будят криками стрижи. // А вечер здесь таинственен и краток. // Здесь воздух сладок. И на всем лежит // Прошедших лет незримый отпечаток»; и Североморск: «Как хорошо и как печально // На этой площади пустынной. // Покрывшись изморозью ранней, // Деревья у музея стынут». Причем первым двум городам даже отдано некоторое предпочтение. Однако же, на мой взгляд, главную ценность для нее представляет все-таки семья, и в жизни, и в творчестве. Семья для Анастасии — это история, наследственность, преемственность поколений, неразрывная связь с прошлым и источник надежды на лучшее будущее. «Что я могу? Могу я сохранить // О жизни их неспешную беседу // И протянуть невидимую нить // От деда к внуку и от внука к деду».

У художника Анастасии Герасенко несомненно есть перспективы творческого роста и на поэтическом поприще. Есть над чем работать и что совершенствовать. Остается лишь идти вперед, не спеша, но и не останавливаясь, также вдумчиво и основательно, как было и доселе, и тогда все задуманное обязательно воплотится в стихах, да и в жизни.

Мария Олейник (г. Североморск)

Мария Анатольевна Олейник — профессиональный журналист, но в поэзии и авторской песне нашла себя гораздо раньше, с ранней юности. Авторская песня, пожалуй, стала изначальным этапом осознанного творчества Марии, очень одаренной, кроме всего прочего, музыкально и обладающей прекрасными вокальными данными. Ей, вообще говоря, по-хорошему повезло, что она сразу попала в мощную бардовскую команду — Мурманский Клуб Авторской песни «5 Углов», где прошла хорошую школу, очень выросла творчески и вполне логично стала писать собственные стихи и песни. Мария неоднократно становилась лауреатом и дипломантом фестивалей авторской песни различного уровня, и теперь, вполне логично, является одним из руководителей Клуба Авторской песни «Бухта Надежд» у себя в Североморске. Мария Олейник автор сборника стихов «Не-царевна-жаба».

Кто бережет тебя? Твой мир и сон.
Кто черной кошкой бродит у порога
И отгоняет тени от окон?
Кто не оставит вахты раньше срока.

Кто бережет тебя? Кто сердцем врос
В тебя, как в землю ель пускает корни.
Кто, став сильней, становится покорней.
Хранит от яви сад счастливых грез.

Кто бережет тебя? Взгляни вокруг.
Кто потакает слабостям — не друг.

Но сохранить тебя, не спрятав в клетку,—
Бесценный дар, встречающийся редко...

Пусть сотни глаз манят тебя, любя.
Но есть ли тот, кто бережет тебя?

О Марии Олейник можно с полным основанием сказать — «из молодых, да ранняя», и сказать безо всякого нарицания, то есть в смысле исключительно положительном. И в жизни, и в творчестве это яркая, неординарная, очень одаренная, артистичная и эффектная личность. Артистичность, но не нарочитая театральность, порой проявляется и в стихах Марии, причем частенько смешиваясь с юношеским задором, резкостью и остаточным эпатажем, что, впрочем, пока вполне естественно для молодого автора. Опять-таки, поскольку Мария реализует себя и на сцене, упомянутые эффекты практически неизбежны, ведь нужно не просто написать стихотворение либо песню, нужно еще и представить их должным образом, подать, что называется, как следует. «Напиться дай, разбитная столица! // Отравят реки, колодцы сухи. // Вода на наших с тобою ресницах — // Не дождь, не слезы, а просто стихи». И вместе с тем, Мария очень нежное и хрупкое создание, она, на мой взгляд, нуждается в точке опоры, в душевном отношении к себе, во взаимопонимании, и, конечно же, хочет жить в ладу с самой собой. Но и сама Мария также готова отдавать тепло своей души, стать для любимого опорой и спасти его от любых напастей. «Прижмись к моей руке // Тепло и беззаветно, // Как будто для тебя другой защиты нет. // Прижмись к моей руке, не жди с небес ответа... // Прижмись к моей руке на много-много лет». Что ж,

такие строки лишь подтверждают органичность творческих и личных установок Марии Олейник и ее лирической героини, которая лет десять назад могла бы даже стать похожей на Пеппи-Длинный-Чулок, а ныне подкупающе искренна, нежна, но вместе с тем энергична и неожиданна.

Как человек, давно с Марией знакомый, смею утверждать, что подобный стиль и автору очень идет. К тому же отрадно, что Мария удачно совмещает поэзию и бардовское творчество, а ведь эти жанры, когда-то весьма и весьма близкие, сегодня зачастую даже могут находиться в известной конфронтации, и многие мои коллеги-поэты на дух не переносят песни авторов-исполнителей, и на то имеются довольно веские основания. Но сие не касается Марии Олейник, обладающей прекрасным литературным вкусом и творческой интуицией, помогающими ей идти вперед своим, интересным и оригинальным, маршрутом. У Марии еще все впереди, и новые стихи, и книги, и песни. И в этом, как мне кажется, ее главное на сегодняшний день преимущество.

Дарья Высоцкая (г. Мурманск)

Дарья Николаевна Высоцкая имеет два высших образования: экономическое и юридическое. Участвовала в фестивале-форуме «Капитан Грэй», с 2016 г. является его директором. В 2017 г. стала лауреатом областной премии для молодых литераторов им. К. Баева и А. Подстаницкого. Также она лауреат премии Ассоциации творческих союзов, в номинации «Литература, лига молодых», за яркое поэтическое начало и актуальную общественную деятельность (2018 г.). Участник проекта Андрея Орловского «Живые поэты». Организатор литературных мероприятий, в частности, автор идеи и голос проекта «Стихогения». Дарья Высоцкая — член Союза писателей России и автор двух поэтических сборников: «Будь на моей стороне» и «Русалка на берегу».

В этих поисках новых пространств,
рынков сбыта и вечных истин,
я, сменивший пятнадцать стран,
стал совсем без тебя немыслим.

Я, бежавший так подло от
обязательств и слова «должен»,
стал не нужный тебе идиот,
чемодан без ручек и ножек.

Я, в наклейках для багажа,
нарезаю круги по ленте
и молюсь Иисусу и Джа,
Кришне, Шиве, богине Весте,

лишь о том, чтоб к твоей двери
чемодан без ручек и ножек,
аккуратно сложив, привезли,
ты увидишь и скажешь: «А может,

ты все понял, устал». Теперь
все починишь, но постоянство

снова гонит меня за дверь:
чемодан придуман для странствий.

Поэтический путь Дарьи Высоцкой складывается не просто, его нельзя назвать гладким и прямым. Но это ее путь, он, как известно, у каждого свой, и каждому приходится «следовать своим курсом». В стихах Дарьи до известной степени чувствуется определенное влияние поэтического интернет-сообщества и молодежной, стихийно организованной, массовой поэзии, если можно так выразиться, ведь сегодня есть немало «площадок», где молодым людям предоставляется возможность реализовать себя в некоем подобии поэтического творчества, что, впрочем, отнюдь не служит препятствием для появления по-настоящему одаренных личностей. Прежде всего поэзия Дарьи Высоцкой предельно откровенна, автор не стремится вуалировать свои глубинные эмоции; и пусть порой ее искренность «вихраста и не причесанна», это на данный момент лишь издержки стиля и вопрос совершенствования творческого мастерства. «Только не говори, что любовь, словно в шторм причал, // а нелюбящим — вечный дрейф и печаль, // что любовь в основе основ, в начале начал — // я поверила бы, если б каждый о ней молчал». Очень не тривиальное заявление, если учесть, что лирическая героиня Дарьи находится в постоянном диалоге, ей просто необходим собеседник, пусть даже и не присутствующий в данный момент материально, и не просто оппонент в разговоре, и не безучастный слушатель, но предельно близкий человек ее пространства-времени, связь с которым сокровенна и сердечна. Однако и в таком случае суть не в пустых разговорах, но в душевном контакте, а порой и в сокровенном молчании, которое куда красноречивее любых словесных излияний, даже на расстоянии. Главное — чувствовать человека и знать, что тебя тоже чувствуют, видят, почти осязают. «Это для всех я — блестящая сталь, // а для тебя — лишь хрупкий хрусталь, // и осколки мои — тебе в сердце, мой маленький Кай». А когда собеседника такого нет, когда «Или-или, еле-еле, // мы с тобой друг друга съели...», тогда можно разговаривать с собой и о себе, и даже саму себя эпатировать. «Мне бы только ночей не спать, // отравиться каким-нибудь ядом, // до утра на столах танцевать, // поражать всех своим нарядом // По сравнению со мной стрекоза — // обязательна и ответственна, // а я накрасила черным глаза // и общаюсь весьма непосредственно». Очень милый и трогательный эпатаж, не правда ли? Такие строки вызывают симпатию и солидарность. В стихах Дарьи Высоцкой зачастую сквозит одиночество, но не претензия на оное, и все отчаянные ее желания — обратная сторона душевной не растраченности и чуткого сердца, природного умения любить и переживать, и сопереживать, и дарить свои тепло, свет, нежность, и жертвовать ими в случае необходимости. Ничего особенного? В определенном смысле, да, если бы не дар Божий воплощать и отражать все это творчески. У блистательного Глеба Горбовского есть строка: «...Просто жил на свете, маялся как все». Только у настоящего поэта и «маяться как все» выходит наособицу. И творчество Дарьи Высоцкой еще одно тому подтверждение.

Юлия Колмогорова (г. Североморск)

Юлия Александровна Колмогорова, как и многие ее коллеги по поэтическому цеху, закончила Мурманский Государственный Педагогический университет. Стихи пишет с ранней юности. Дипломант Областного фестиваля авторской песни и литературы малых форм «Капитан Грей». Дипломант III Всероссийского фестиваля православной песни и поэзии «*Под сенью Трифона*». Участница литературного форума им. Н. С. Гумилева «Осиянное слово» в Переделкино. Публиковалась в сборнике «Зеленая гостиная», газете «Североморские вести».

Сотни домов под озябшими крышами
Воздуха просят ртами оконными.
Хочется крикнуть — да так, чтоб услышали,
Чтобы поверили, чтобы запомнили.

Каждое слово чтоб было как исповедь,
Чтобы — до слез, до сердечного трепета.
Доброе — славить, а гиблое — высмеять.
Чтобы не стыдно было на свете том.

Не докричаться до человека мне,
Сила была — да как будто и вышла вся.
Снова иду я к Небесному Лекарю,
Чтобы мой голос окреп и услышался...

В жизни и творчестве Юлии Колмогоровой органично сочетаются поэзия и фотография, коими она не просто увлечена, но занимается очень и очень серьезно. И в ее стихах фотографическая точность и отчетливость переплетается с тонкой поэтичностью образов. А еще Юлия очень светлый, искренне православный человек, чуждый какой бы то ни было агрессии, моральной экспансии, ей свойственны такт и доброжелательность в общении, она предпочитает слушать и наблюдать, нежели декларировать и владеть чьим-нибудь вниманием, и, конечно, для нее крайне важно разобраться прежде всего в самой себе, определиться со своими эмоциями и переживаниями, с отношением к окружающему миру, к людям, в нем живущим. Рефлексия? Если хотите, да, но лишенная негатива, коим это понятие наполнено в общепринятом толковании, напротив — полная искреннего желания познать и саму себя, и людей, и многообразие жизни. «Мой лифт не плох, красив и светел, // Вполне хватает воды и хлеба. // И вроде можно жить на свете, // Но ведь отсюда не видно неба...». Проблема выбора жизненной позиции и ежедневно нами совершаемого морально-нравственного выбора перед художником всегда встает крайне обостренно, образ жизни и образ действия это для него еще и предмет постоянного исследования, анализа, ибо иначе и синтезировать, создавать будет нечего и не из чего. «Там, внутри, несу багаж ошибок, // И грехов-то — Господи, прости... // Предо мной стоит нелегкий выбор: // Жалко бросить, тяжело нести». Юлия Колмогорова очень бережно относится и к пережитому, к прошедшему, но отнюдь не ушедшему бесследно, и к будущему, к возможному, к вполне достижимому. И даже весьма абстрактное «счастье» оказывается можно приветить и приласкать, словно котенка. «Чтобы оно задержалось подольше, // В блюдце с каемкой налью молока. // Счастье уткнется мне носом в ладошку, // И замурчит у меня на руках». И вдруг оказывается, что есть «У счастья особый пленительный запах // Солнца и моря, и дальних дорог». А ведь это явные приметы чистоты, свежести и обновления. И во многом ориентиры Юлии Колмогоровой и в творчестве, и в жизни. Что же касается ее дальнейшего поэтического роста, то Юлии просто необходимо издание первого сборника стихов. Это событие, убежден, очень помогло бы ей в плане совершенствования своего дарования, ведь первая книга помогает автору взглянуть на свое творчество со стороны, увидеть то, что прежде было от него сокрыто, в том числе и всем известной авторской слепотой. Я от души желаю Юлии Колмогоровой выхода первого сборника стихов и дальнейшего плодотворного творчества. И пусть ей предстоит на этом поприще «сделать больше, чем сделано»...

В своем кратком экскурсе я намеренно постарался уделить внимание сильным сторонам творчества моих коллег, их несомненным поэтическим и человеческим

достоинствам, и, столь же намеренно, не стал, что называется, наводить критику и говорить о каких-либо недостатках. Во-первых, это выходит за рамки моего повествования, а во-вторых... В одной из книг известного в свое время художника-карикатуриста Иосифа Игина описан такой случай: «В Театре эстрады проходили отборочные просмотры новых номеров. Актеры, особенно молодые, буквально трепетали перед грозным председателем жюри Н. П. Смирновым-Сокольским. Зато присутствие Л. О. Утесова успокаивало выступающих. Они всегда надеялись на его поддержку. Актер Н. показал интересный, но не вполне доработанный номер. Мнения жюри разделились. Ждали, что скажет Сокольский. Лицо Николая Павловича не предвещала ничего хорошего. Вдруг раздался голос Утесова.— Коля,— сказал он,— не надо ругать. Ты давно уже заслужил право хвалить. Сокольский улыбнулся. После небольшой доработки номер актера Н. был принят и шел с большим успехом». (И. И. Игин. «О людях, которых я рисовал» (Шаржи и рассказы) М: Сов. Россия, 1966.— 134 с.). Не знаю, заслужил ли аз грешный такое право, но в данном случае мне очень хотелось им воспользоваться, что я и сделал. Поэтому читайте стихи поэтесс Кольского Заполярья, дамы и господа, и судите о них сами. Исполать Вам, дорогие читатели.

Валентин Огнев
(г. Щекино)

НЕПУТЕВЫЙ

Наш постоянный автор.

Пьянство и алкоголизм относятся к числу негативных социальных явлений общества. Опасность алкоголизации заключается в снижении уровня культуры общества и отдельных граждан, вплоть до их социальной и психологической деградации, негативном влиянии на моральную атмосферу, трудовую дисциплину, профессиональные качества работников, их здоровье и работоспособность.

Определенный процент людей, злоупотребляющих хмельными напитками, существовал всегда. И именно то, как вели себя с пьяными, подтверждает, что пьянство было позором. С этим позорным проявлением постоянно велась борьба.

Распространенным стереотипом является представление о купеческих мужчинах как людях сильно пьющих. Безусловно, во многом это опиралось на реальные факты. Пристрастие отдельных персон к алкоголю в купеческой среде формировала как традиция отмечать заключение важных сделок за столом, так и крайняя скудость видов досуга в провинции. Конечно, на это явление влияли и другие факторы.

Как боролись с пьянством в конце 18 века в купеческом сословии покажем на примере уездного города Ефремова.

В городе проживали купцы Поминовы. Главой семейства являлся Степан Филиппович, 1732 года рождения. Его жена Агафья Андреевна в возрасте 56 лет умерла в 1793 году. Во время совместной жизни у них родились три сына и четыре дочери. На 1795 год дочери были выданы замуж. Старший сын Степана Филипповича Федор жил и вел купеческое дело отдельно от отца. Он проживал с женой, четырьмя сыновьями и дочерью. Совместно с отцом проживали женатые сыновья: Алексей, 1767 года рождения, и младший Яков с сыном и двумя дочерями.

На первый взгляд это была обычная купеческая семья. Степан Филиппович вел купеческое дело. На 1795 год объявлял капитал в 1010 рублей, а чтобы продолжать относиться к купеческой гильдии, на 1796 год объявил капитал в две тысячи пять рублей. Не отставал от отца старший сын Федор, который на 1796 год объявил капитал, как и отец, в две тысячи пять рублей. Федор был женат на Анне Ивановне, отпущенной на волю дворовой девке ефремовского помещика Писемского. Средний сын Алексей взял в жены Аксинью Ионовну, дочь ефремовского купца Морозова. Яков был женат на Авдотье Федоровне дочери ефремовского мещанина Карцова.

Пристроены были и дочери Степана Филипповича. Акулина была выдана замуж за ефремовского мещанина Дмитриева Федора, Анна в Боровский округ Ребченской Слободы за экономического крестьянина Гаврилу Аксенова. Ефремовский

мещанин Андрей Райский женился на Аграфене, а московский купец Васильев Семен на Ирине.

Но семья Поминовых в городе числилась необычной, она длительное время постоянно была на устах жителей. Повод этому давал средний сын Поминовых — Алексей. Он рано начал злоупотреблять спиртными напитками. Это было большой бедой для семьи. На беседы родителей он не обращал внимания, а наоборот, когда младшая сестра проживала в семье, в пьяном виде издевался над ней, избивал ее. Это происходило неоднократно. За эти хулиганские действия Алексея не раз помещали в ефремовскую тюремную избу. Во время нахождения в Тамбовском наместничестве Алексей также подвергался аресту и лишению свободы.

Среди ефремовского купечества и мещанства Алексей считался пьяницей, драчуном «и больше в году пьян, недели трезв бывает, а по торгам верности не соблюдает» и совсем с ними нерачителен.

Несмотря на содержания в тюремной избе, Поминов Алексей по выходу продолжал пьянствовать, вести разгульный образ жизни. К нему домой приезжали неизвестные лица, с которыми он распивал спиртные напитки и часто в ночное время вместе с ними покидал город.

И вот после очередной отсидки в тюремном замке Алексей совершает кражу, с телеги мещанина Карасева похищает колеса. Купечество и мещанство города Ефремова возмущено не прекращающимся недостойным поведением Поминова.

По предложению Ефремовского Городского головы (устар. Градской глава, голова) Абрама Кондратьевича Клюкина, они в городском магистрате проводят собрание с рассмотрением вопроса о поведении Поминова Алексея и дальнейшей его судьбы в силу именного его Императорского Величества Указа от 22 августа 1797 года. Собрание постановило за недостойное поведение, порочащее купечество, Поминова Алексея Степановича исключить из купеческого сословия и по годности к воинской службе отдать его в рекруты с зачетом в будущий набор.

Зная поведение Алексея, и чтобы он не скрылся от отправки в рекруты, было решено его задержать, «...он, Поминов, пойман был и посажен в цепь». Содержался задержанный в помещении Городского магистрата.

В дальнейшем Городской голова Абрам Клюкин пришел в магистрат для отправки в рекруты Поминова Алексея. Там находились и выделенные сторожа, которые охраняли ограниченного в свободе хулигана. Подошли в магистрат и отец задержанного Степан Филиппович и брат Федор. Так как путь до Тулы был далекий, зная характер Алексея и чтобы не допустить его побег, было решено заковать ему ноги. Но и здесь Алексей проявил свой нрав. Он не допускал к себе сторожей заковать ноги, надеясь на помощь пришедших к нему отца его Степана и брата Федора Поминовых. «С великою азартностью бранил сторожей», хотел стулом с цепью ударить Городского голову. Передвигаясь по комнате, Алексей неожиданно выпрыгнул из помещения в окно и убежал в здание полиции.

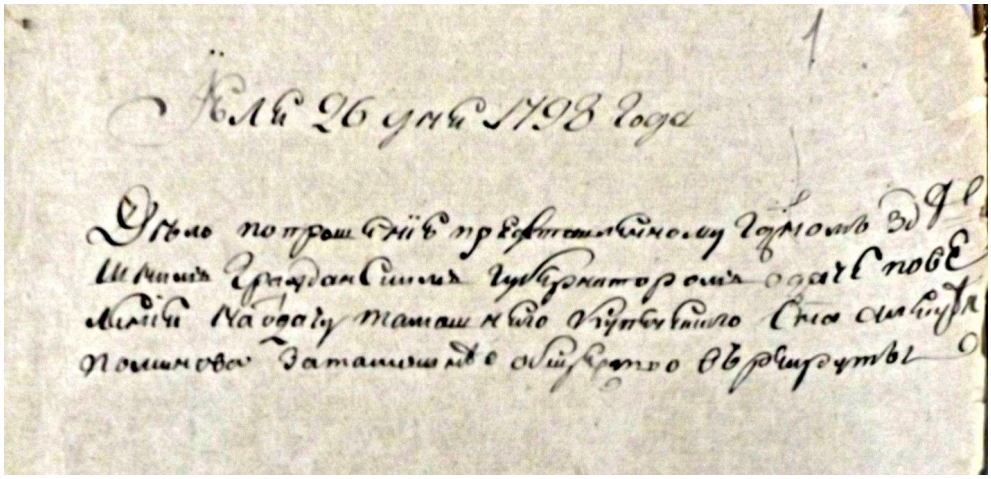
Охранники побежали за Поминовым Алексеем в полицию. Зайдя в помещение, они попытались задержать Алексея. Не выяснив обстоятельства дела, помощник-регистратор Иван Скашин, защищая Поминова, одного из сторожей — Кондрата Ганьшина начал бить по щекам. Пришедший в полицию Абрам Клюкин разъяснил сложившуюся ситуацию, и Поминова в полиции заковали. Но он продолжал Клюкину угрожать. Также высказывался о том, что при возвращении его городскому обществу городу будет плохо.

Поминова Алексея отвезли в губернский город Тулу. Но решения о его направлении в рекруты не было принято, и его возвратили обратно в город Ефремов.

Купеческое общество не согласилось с решением губернского начальства. И они

вновь пишут прошение, в котором указывают, что отказываются принять Поминова Алексея в купеческое общество за его хулиганское поведение и пьянство. Поручаться за него они не желали. Выступили со своими претензиями и мещане. Об этом высказались и подписали прошение о принятии мер к Поминову Алексею 30 человек из мещанского сословия.

Городской голова Абрам Клюкин составил покорнейшее прошение Его Превосходительству действительному статному советнику Тульской губернии, Гражданскому Губернатору и кавалеру Николаю Даниловичу Граве. В прошении указывалось о пьянстве Поминова Алексея, о недостойном его поведении в семье, о его хулиганских действиях и преступлениях, о принятых мерах в отношении Алексея. Также в прошении было отражено негативное отношение ефремовского общества к Поминову. Купечество города уже было согласно, что при отправке Алексея в рекруты защитать его не за рекрута, а за половину рекрута будущего набора «или куда соблаговолите сослать, что доставите обществу Ефремовскому безопасность». Можно предположить, что противоправные действия Поминова Алексея довели купечество и мещан города Ефремова до «точки кипения», грубо попирали устойчивость традиционных общественных установок. Прошение 15 июля 1798 года было направлено губернатору.



Фрагмент дела

Документы Ефремовского городского головы в Тульском губернском правлении были рассмотрены 26 июля 1798 года. Губернатор дал ответ на прошение. В ответе он разъяснял о правильном и законном оформлении документов для решения вопросов в отношении купеческого сына Поминова. В разъяснении говорилось, что в губернское правление было прислано прошение и решение купеческого общества об исключении Пименова из сословия. Но в городе Ефремове существовал свой магистрат и на основании решения местного купечества он должен был издать Указ об исключении Пименова из купечества за недостойное поведение. Только после этого, на основании его Императорского Величества Указа от 22 августа 1797 года, отправлять Поминова Алексея в рекруты. А если он по каким-то причинам не пригоден для направления в рекруты, то с ним принимать меры по законодательству, возложенному на магистрат.

Таким образом сложившиеся обстоятельства с пьяницей и хулиганом Поминовым должны были разрешиться в Ефремове. Как они разрешались, сейчас мы не мо-

жем сказать, т. к. это не описано в изученных источниках. Но из других известных документов усматривается, что Алексей исчез из поля зрения жителей города. В сообществах купечества и мещан он не значился.

Вот таким был ефремовский купеческий сын Алексей Степанович Поминов, как сегодня сказали бы,— непутевым. А мне все-таки хочется верить, что, уехав из города Ефремов, Алексей бросил пить. Думаю, он и его жена прожили долгую и счастливую жизнь. И никто и никогда из окружавших его людей не мог даже и подумать, что этот уважаемый в обществе человек — Алексей Степанович Поменов когда-то очень сильно выпивал, вел антиобщественный образ жизни, т. е. был непутевым парнем.

Публикация подготовлена по материалам Государственного архива Тульской области.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ» ВСЕРОССИЙСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

И «КОВЧЕГ» ПЛЫВЕТ...
Приветствие к выходу в свет десятого юбилейного номера альманаха «Ковчег»

Нас было много на челне...
А. С. Пушкин

Нас много — тех, кто однажды ступили на борт «Ковчега», как на палубу яхты, сняв обувь. И ни один не плюнет под ноги, не затопчет окурка. Нас много, тех, кто пустился в плавание. Тех, кто вышел в море, вверив судьбу свою Всевышнему.

Каждый номер альманаха на форзацах своих содержит фотографии авторов. Как бы смотр экипажа, выстроенного во фрунт при подъеме по трапу его превосходительства читателя. Я иногда всматриваюсь в лица команды: «А почему все здесь?» Люди разных поколений, мужчины и женщины, земляки и уроженцы совсем дальних краев, гражданские и под погонами, застенчивые и подчеркнуто артистичные, лукавые и серьезные, задумчивые и романтичные... Не могу избавиться от ощущения, что у всех есть что-то общее во взгляде.

На вымпеле «Ковчега» начертано: «Православие в наших душах». И трижды глуп будет тот, кто станет делить команду на «чистых» и «нечистых», определять степень, так сказать, православности каждого. Трижды глуп будет тот, кто станет в каждом стихотворении, рассказе, очерке искать куполов да свечечек. Не эмблемы, но дух православия объединяет авторов альманаха. А дух нашей веры издавна является благодатной основой всей жизни смиренного и смятенного, живущего своим мирком и рассеянного по лицу земли, богобоязненного и богоборческого, умиротворенного и ярящегося русского народа. Дух православия явил в нашем народе примеры непостижимой святости, самоотречения, верности долгу, героизма. Но сколь разнообразно на Руси проявление самых возвышенных черт! Полководцы не уступят молитвенникам, иноки становятся воинами, миряне уходят в затвор, юродивые идут в мир...

Нам ли, грешным, равняться с подвижниками? Мы всего лишь торим свою привычную тропу, длим обыденное бытование, изредка взлетая подранками на крыльях творчества... Но как тысячелетнее давление горных пород углерод прессует в алмаз, так под напором лет повседневная жизнь обычной семьи, теплящей огонек любви вопреки житейским бурям, простая и такая знакомая всем жизнь с ее радостями и горестями, с ее противостоянием соблазну, с ее сбережением друг друга обнаруживает со всей очевидностью суть православного духа. А человек, мыкающий дни свои в небогатом или даже скудном обиходе, но не теряющий облика человеческого... Такой человек не ближе ли к духу православия, чем причастные отправлению треб во храме, но остающиеся теплохладными? Тот, кто делится с ближним нажитым добром, тот, кто не забывает больных и сирых, тот, кто помогает узникам, тот следует духу православия. Так, может быть, и те, кто в меру скромных сил своих и талантов частичку сердца дарят читателям «Ковчега», уже тем помогают утверждению духа православия, что не дают искре Божьей угаснуть в себе?

Хотелось бы здесь сказать, что авторы «Ковчега» знают жизнь... Не совсем точно. Да, конечно, знают. Доподлинно. Житейский опыт трудно живущего нашего народа впитан ими самым сокровенным нутром, изведан на собственной шкуре. Только это не то знание, за которым отправляют в творческие командировки литераторов, засевших в башне из слоновой кости. Про «Ковчег» не скажешь: издание, повествующее о современности. Скорее, наоборот. Через авторов «Ковчега» сама совре-

менность обращается со словом правды к литераторам. Да не только к литераторам. Ко всем, кто от жизни прячется в разнообразных башнях (из слоновой ли они кости, из дурного ли «бабла», из чиновного ли чванства, из компьютерных сетей, из водочных бутылок или еще из чего...) И вот они, авторы «Ковчега», заветное свое слово доверчиво предлагают нам.

А слово, как известно,— великое дело. Особенно доброе слово. Кто-то словом врачует болезненный разлад в собственной душе. И только ради этого одного уже стоит браться за перо. Другой умеет словом согреть души близких людей, преодолеть разлад в семье, в дружеском кругу, среди сослуживцев. И это тоже важно. Иной незлым своим словом забавляет народ, и это тоже людям идет во благо, особенно когда смех не превращают в пустое зубоскальство, в ржание, в хрюканье, в вой. А кому-то дано сказать столь значимое слово, что отзовется оно благодарным эхом в родном народе, сплотит его, сделает сильнее, мудрее, выносливее. А кому-то предначертано свое слово адресовать всему человечеству, напомнить современникам о высоких и вечных истинах.

И каждое такое доброе слово надо искать. Ежедневно. Как приметливый старатель, промывать в лотке души своей мутные потоки льющихся в уши обывательских разговорчиков, выискивая среди грязи, сора и пустой породы золотые крупицы. Как рачительный садовник, осматривать сыплющиеся на наши головы бесчисленные плоды из интернет-дендрария, не пропуская ни ядовитых зелепух, ни переспелок с подгнившими бочками. Как заботящийся о желудках своих столовников повар, тщательно смывать липкую слизь с лапши, наваренной на всю нашу страну в радио- и телекастрюлях, будь то постоянно пригорающие алюминиевые котлы казенного угодливого верноподданичества или импортные скороварки со склизким либеральным покрытием.

Упорным неотступным трудом даются человеку важные слова. Приветствуя выход юбилейного номера «Ковчега», хочется об этом напомнить всему экипажу. И пожелать долгого плавания. Может быть, посчастливится нам дождаться голубка со свежим листиком в клюве? Как знать...

Игорь Карлов,
г. Эль-Кувейт, Государство Кувейт

К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «КОВЧЕГ»

Уважаемые авторы и читатели, поздравляю вас с первым десятилетним юбилеем литературно-художественного альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори»!

Казалось бы, что десять лет — это мгновение с исторической точки зрения. Однако, с другой стороны, десятилетие — это огромный срок, за который было сделано очень многое.

За истекший период альманах стал одним из центров литературной жизни не только Тульской области, но и России, и стран ближнего зарубежья — Белоруссии, Украины и Казахстана, то есть де-факто стал всероссийским и международным, приобрел совершенно определенный облик и направление, вырос до серьезного издания. И с каждым годом становится все солиднее.

Он нацелен на определенную аудиторию, а именно на «своего читателя», который может понять дух и направление издания.

Это можно заметить и по его внешнему оформлению. На обложке изображен православный храм на берегу реки, заросшем кустарником и деревьями. Окружающая природа навевает думы о бренности земной жизни, о православной вере. Для многих из нас очень важно, чтобы вера в Бога присутствовала в нашей жизни.

Необходимо сохранить веру и память. Они, как цемент, скрепляют нас в одно целое — русский народ! Для возрождения России необходимо возрождение русского национального самосознания, национальной идеи.

Альманах с самого начала задумывался как духовно цельное собрание произведений, где каждое дополняет и углубляет другие. Это литература о нашей жизни, в которой отражены психологические портреты наших современников, их взаимоотношения с обществом. Он отличается зрелостью, придает живую достоверность событиям, представленным в разнообразии проявлений и оттенков, ориентирован на высокие жизненные ценности: любовь, доброту, истину, красоту и патриотизм.

«Ковчег» издается в городе Туле с периодичностью один раз в год. Он довольно быстро встал на ноги и сумел собрать вокруг себя литературные силы.

Говорят, что «самые главные вещи — совсем не вещи». И это не только семья, любовь, дружба, а еще и творческое, интеллектуальное и духовное развитие. В альманахе мы находим и эту пищу для души и ума. Он заставляет задуматься о духовных ценностях, о смысле жизни, патриотизме, рассказывая о красоте земли, сердечных переживаниях, особенностях быта людей, их нравах и обычаях.

А чувство патриотизма многогранно: это и любовь к нашей великой Родине, гордость за нее, желание защитить и сохранить, приумножить славу и силу страны. Быть патриотом — значит ощущать себя неотъемлемой частью земли, на которой рожден и вырос.

Перелистывая страницы этого сборника, невольно восстанавливаешь в памяти всю историю создания и развития альманаха. В большинстве повествований чувствуется такая концентрация искреннего оптимизма, что беспрекословно начинаешь верить им.

У меня абсолютно нет никаких сомнений, что своей жизнеспособностью «Ковчег» обязан в первую очередь личности его главного редактора и составителя Якова Наумовича Шафрана — известного тульского поэта и прозаика, члена Академии российской литературы, члена Российского союза писателей, члена Союза писателей и переводчиков МГО СПР, лауреата всероссийских литературных премий и конкурсов. Его трудоспособность и энтузиазм лежат в основе издания альманаха, который выдержал, как мы видим сегодня, проверку временем. Большая роль в издании принадлежит зав. отделом прозы Крестьянкину Сергею Олеговичу и зав. отделом публицистики и литературоведения Алтуниной Людмиле Дмитриевне — известным тульским прозаикам, а также зав. отделом поэзии, известному поэту Тимохину Николаю Николаевичу из Семипалатинска (Казахстан) и бывшему зав. отделом поэзии, всероссийски известному поэту Резцову Владимиру Вадимовичу.

Десять лет они, неравнодушные и творческие люди, делали «Ковчег» все лучше и лучше. На его страницах публиковались и публикуются лучшие произведения литераторов России, Тульской области, ближнего и дальнего зарубежья.

Хорошая проза и поэзия всегда находят ключ к сердцу человека, надолго закрепляясь в его памяти.

Многим произведениям свойственна романтическая приподнятость и эмоциональная обостренность, которая придает им яркость, окрашенность и глубину.

Здесь много прекрасных стихотворений о любви, дружбе, природе, Родине, которые воспитывают в людях добрые чувства, помогают глубже познать и понять жизнь. Стихи искренние, щемящие, способные тронуть струны сердца, пропитанные очарованием, полнотой жизни. Живая энергия поэзии в них искренна и притягательна для человеческой души.

Поэзия — вечный, пронзительный и все проясняющий свет, песня души и сердца, сочетающая в себе силы всех четырех стихий. Она противостоит жестокости, злу и распаду.

«Прекрасный стих подобен смычку, проводимому по звучным фибрам нашего существа»,— писал Анатоль Франс.

Часть стихотворений, напечатанных в альманахе, положена на музыку местными композиторами, и песни исполняются. Это соединение поэзии и музыки очень многогранно. Но у каждой песни своя судьба.

Я не хотел бы перечислять те или иные публикации. Их очень много! Главное состоит в позиции альманаха, который быстро обрел свое неповторимое лицо, освещая проблемы человеческой личности, общества, бытия. Без этого невозможна культурная жизнь, воспитывающая в людях уважение к окружающему миру, к прошлому и заботу о будущем.

В разные годы постоянными авторами альманаха стали Алексей Яшин, Валерий Ходулин, Виктор Пахомов, Валерий Маслов, Геннадий Маркин и многие другие писатели, поэты, публицисты, составляющие славу и гордость нашей тульской и российской словесности. Публикация их произведений на страницах «Ковчега» задавала высокую планку для развития альманаха.

«Ковчег» всегда был открыт и для молодых авторов. Приоритетным направлением альманаха являлось и сейчас является удовлетворение интересов читателей и самореализация авторов как творческих личностей.

И надо понимать, что имена писателей и поэтов остаются в памяти народной гораздо дольше, чем людей других профессий. Забываются фамилии политиков, руководителей, когда-то решавших судьбы сотен и тысяч людей. А писатели и поэты еще живут в своих произведениях, пока их читают люди.

На страницах альманаха публикуются материалы на различные темы, так что читатель всегда может найти для себя что-то интересное и познавательное: стихотворения и рассказы, миниатюры и эссе, сказки для детей. Здесь постоянно находят отражение все актуальные темы в области литературного творчества.

Эта возможность и серьезно поразмыслить, и улыбнуться, и погрустить над текстом придает альманаху духовную полноту, объемность и многозначность.

В «Ковчеге» семь разделов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Литературоведение, литературная критика, рецензии», «Российское родословие», «О детях и для детей».

Альманах твердо стоит на позициях патриотизма, духовности, справедливости, сохранения и продолжения национальных традиций в литературе и культуре, сберегает в умах и сердцах людей многовековой непобедимый духовно-нравственный код народа.

Юбиляр отличается молодым и энергичным характером, пользуется авторитетом и нацелен на серьезную перспективу развития.

Отрадно, что альманах не забывает и об истории Тульской области и других регионов России. Ведь только уважая прошлое можно с уверенностью смотреть в будущее.

Альманах издается при всесторонней поддержке главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея Афанасьевича Яшина.

Алексей Афанасьевич Яшин — человек известный. Его деятельность поражает своей многогранностью: он самобытный прозаик, философ, поэт, ученый, главный редактор журнала. Писатель нестандартного мышления. Ему свойственно стремление к широкому охвату разнообразных жизненных явлений, а отличительной особенностью является дар предвидения. Он дает четкий и глубокий анализ исторических и современных событий, поднимая на рассмотрение и обсуждение острые проблемы политической жизни страны, экономики, военного строительства, образования. И все это благодаря способности охватывать мысленно всю ситуацию целиком.

Надо иметь в виду, что русская литература никогда не замыкалась в области чисто художественных интересов. Писатели всегда были учителями жизни. Они помогают человеку постичь самого себя и окружающий мир, прививают любовь к Родине, истории своего народа. Дают понятия о добре и зле, правде и кривде. Литература формирует нравственные принципы, идеалы поведения. Кроме того литература является главным хранителем языка. А ведь сбережение языка равноценно сбережению народа, его истории, характера и памяти. Она мощный источник воспитания личности. Роль литературы трудно переоценить.

Желаю редколлегии и авторам не останавливаться на достигнутом, добиваться дальнейших творческих успехов, сохранить популярность и высокий авторитет альманаха у читателей. Творческого поиска вам, острого пера, реализации новых планов и благополучия! А читателям — радости соприкосновения с качественной русской поэзией и прозой!

Евгений Трещев,
г. Щекино

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ «КОВЧЕГ» — ЮБИЛЯР!

Всем известно значение слова ковчег — судно-спаситель, ларец для хранения особо важных ценностей. Оба смысловых варианта идеальны для понимания роли нашего юбиляра в современной жизни скоростного 21-го века.

Неутомимо, с искренней радостью на протяжении десяти лет наш «Ковчег» приглашает читателей в незабываемые увлекательные путешествия по творческому океану художественного слова за сокровищами удивительных островов: «Духовная страница», «Поэзия», «Проза», «Публицистика», «Российское родословие», «Литературоведение» и «Произведения о детях и для детей». Сокровища этих островов поистине бесценны, ибо, являясь духовными, они не подвластны разрушению временем, не подвержены коррозии, не ломаются, не теряются. Однажды став их обладателем, человек остается с ними навсегда.

Находясь постоянно на плаву, «Ковчег» несет свет, надежду, радость, любовь, добро и веру в мир, делая его тем самым ярче и гармоничнее.

От всей души поздравляю с юбилеем всех авторов «Ковчега» и его главного редактора Якова Наумовича Шафрана, который, без преувеличения, является главной движущей силой, ритмом, пульсом, то есть сердцем литературно-художественного альманаха!

«Ковчегу» — успешно плыть по волнам времени во благо окружающего мира!

Людмила Пенькова,
г. Тула

ПОЭМА ЛЮБВИ
О книге Людмилы Алтуниной «Чайка с того света...»*

Любовь — это открытие себя в других людях и восторг узнавания.

Александр Смит

Любовь к людям — это и есть те крылья, на которых человек поднимается выше всего.

Максим Горький

Близилась к завершению работа с типографией по поводу издания литературно-художественного альманаха «Ковчег», журнала «Приокские зори», а потому всероссийского, издающегося под девизом «Православие в наших душах». Приходилось частенько ездить на другой конец города, хотя делать этого не хотелось из-за очень плохой погоды — холодной, дождливой, совсем не июльской, а, скорее, середины октября. Долго не было даже проблеска солнца...

И именно в это время мне в руки попала книга «Чайка с того света... Рассказы, новеллы, очерки, эссе», вышедшая под эгидой «Библиотеки журнала «Приокские зори». Словно солнце засияло на моих ладонях. Это восприятие было вызвано не столько оформлением обложки — а она праздничная, радостная и ликующая, несмотря на мистическое название книги (сразу оговорюсь, оно оправдано дальнейшим повествованием) — сколько содержанием страниц.

Следует сказать, что автор книги — известный писатель и журналист, Людмила Дмитриевна Алтунина, при встрече и в общении также всегда производит на человека солнечное впечатление. Книга — о ней, о ее жизни, о людях, с которыми она встречалась или встречается и поныне, о ее близких, о нашем обществе, стране и ее путях. Однако главное в ней — отношение автора ко всему и ко всем. Оно проникнуто глубоким нравственно-философским смыслом, тонко скрытым, в обычных, казалось бы, проявлениях разных граней повседневной жизни и человека в ней. Поэтому и название выбрано не случайно: Л. Алтунина знает, и все, кто с ней общаются, знают, что она обладает неистощимой светоносностью — признаком духовной принадлежности к светлым слоям Небесного мира. Этим светом пронизан и плод ее труда — данная книга. Как пишет автор в своем предисловии: «...Перечитала эту свою книгу, объединившую под одной обложкой рассказы, новеллы, эссе, написанные в общем-то на разные темы и в разные годы, но, как оказалось, пронизанные единым духом — духом православия, хотя не ставила себе именно такую задачу: написать на православные темы. Видимо, все логично: я сама — воцерковленный человек, впитавший этот дух православия,— в понимании нетленных духовно-нравственных ценностей: добро, милосердие, сострадание, внимание к другому человеку, совесть,— в своей семье и от родителей, и от бабушки и дедушки по материнской линии, в душе своей остававшимися верующими людьми... И, безусловно, это не может не отразиться на моем мировосприятии, а, значит,— и на творчестве, о ком или о чем бы ни было мною написано».

---

* *Алтунина Л. Д.* «ЛИКИ РОССИИ» Кн. 1: «Чайка с того света»: рассказы, новеллы, очерки, эссе.— М.: Бит-принт, 2019.— 424 с.— (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Этот свет отражают и герои повествования,— автор, как она сама обозначает свою творческую позицию: «...за то, чтобы высветлять жизнь и своих героев, а не сгущать краски...»,— люди, разные и по возрасту, и по социальному положению, «...но объединенные единым, характерным для всего моего творчества. Рассказы, во многом автобиографические, написанные в основном от первого лица, повествуют о реальных событиях и об обычных, так называемых простых российских людях, вроде бы и неприметных внешне; ничем, на первый взгляд, и не примечательных, но обладающих душевной глубиной, светлым мировосприятием и яркой индивидуальностью, а зачастую и жизненно умудренных, многие из которых живут и поныне. Данные рассказы, как и все, ранее написанное мной, отличает правда жизни: та самая правда, пережитая или увиденная собственными глазами или близкими и родными, или рассказанная другими, которая самодостаточна и самоценна сама по себе и не нуждается в особых писательских вымыслах, приукрашиваниях и бурных фантазиях; та самая правда жизни, о которой мой земляк В. М. Шукшин говорил, что она и есть нравственная основа творчества. Это — та самая правда, в которой в той или иной степени найдет свое отражение каждый...

Воистину, жизнь преподносит нам порой такое, что и нарочно не выдумаешь, даже обладая очень буйной фантазией и способностью брать сюжеты из головы. «Да, жизнь — отличный и неутомимый соавтор»,— Борис Полевой, считавший так, прав. Но сами рассказы нельзя воспринимать как документальные, ибо они являются художественными и литературные образы собирательны. Исключение составляют документальные очерки, помещенные в книге».

Объемная эта книга (424 стр.) включает восемь частей, охватывающих весьма широкий круг человеческого бытия в разных его проявлениях. Через человеческие судьбы, собственные мировосприятие и размышления автор ненавязчиво подводит читателя к определенным выводам, показывая нашу с вами повседневность как бы изнутри и во взаимосвязи с окружающим миром; во вселенской синергии, если можно так сказать, ведь человек — это микро- и макрокосмос, вселенская частица, все в себе соединяющий и все отображающий. Через рассказы о собственных внуках,— а их у автора — девять: опыт общения с детьми, что и говорить, немалый,— автор делится определенными наблюдениями за ними, размышлениями по вопросам их воспитания, психологии, мотивации поступков и так далее, учась жизни и у малышей. Эта часть книги так и называется «Простая философия жизни: чему нас учат наши дети. Рассказы с размышлениями».

Немалое внимание автор уделяет рассказам из своего детства и студенческой юности, житейским историям — притчам, природе, о чем ниже еще будет сказано подробнее. Нашлось место на страницах книги и отрывкам из повестей Л. Д. Алтуниной: «Солдат войны полковник Кутепов», рассказывающей о легендарном нашем земляке — уроженце тульской земли, командире 388 стрелкового полка 172 Тульской стр. дивизии, мужественно, геройски оборонявшей город Могилев в июле сорок первого; «Очень жду у окошечка...», повествующей о дочери «врага народа», прослеживая ее судьбу с военного детства до последних дней жизни. Включены в книгу и авторские стихи, в основном являющиеся как бы квинтэссенцией дальнейшего повествования той или иной ее части.

Один московский художник, человек немолодой, многоопытный, прочтя книгу Л. Алтуниной, сказал: «Ее автор — философ». И с ним нельзя не согласиться, поскольку, действительно, о чем бы ни говорила автор, в целом ее книга пронизана размышлениями о смысле человеческого бытия — его пребывания на земле, о ценностях нетленных; о том, что оставим мы после себя потомкам, в том числе собственным детям и внукам; чем приукрасим этот мир и какие посылы — добра или зла —

отправим в ноосферу, окружающую нашу планету. Такова будет и отдача землянам. Об этом надо помнить и не нарушать человеческой агрессией вселенского равновесия сил, которое может оказаться весьма хрупким,— к такой мысли подводит автор. Потому-то вполне органичен в книге включенный в нее цикл рассказов «Жизнь — дар Божий» и близкий к нему по внутренней духовной наполненности раздел «Мамин лес». Он, пожалуй, главный в этой книге, открывающий ее, как отмечает сама Людмила Дмитриевна, посвящен рассказам о матери — самому святому, что есть у нас на этом свете. Он так и называется «Мамин лес». Рассказы о материнстве». «Мамин лес»,— далеко не случайно раздел назван именно так,— одноименно с одним, основополагающим, рассказом, вошедшим в книгу. Мамин лес — это не только и не столько лес в прямом смысле этого понятия, как окружающая нас природа. Это, прежде всего, то главное, доброе,— в этом-то и заключен смысл повествования,— что сеет, закладывает и воспитывает в душах своих детей мать, и из чего потом вырастают добрые всходы, лишенные плевел,— лес доброго, светлого, вечного — духовно-нравственные непреходящие ценности. «Лес», посаженный мамой в детских душах,— это то, что останется и после нее и передастся другим, новым, поколениям. Мамин лес — как символ вечного, славного материнского начала, отражающегося, поселяющегося, продолжающегося и в ее детях, и во внуках, и в правнуках... И здесь, как и во всей книге, основа рассказов — реальные события, связанные с теми или иными людьми. Выдуманного почти нет, но сами эти факты впечатляют и не оставляют равнодушным.

Стоит отметить: эта книга открывает авторский проект Л. Д. Алтуниной «Лики России». Он, по ее замыслу, включит семь книг, в том числе повести, рассказы и стихи о ее малой родине — Горном Алтае (ныне Республика Алтай). Кстати, в данный момент она готовит к изданию две книги, которые войдут в этот проект: о Великой Отечественной войне и сборник «Созвучие. От Оки — до Катуни», авторы которого — поэты и прозаики из Тулы и из Республики Алтай.

Уместно ближе познакомить читателя с автором этого проекта и книги, о которой идет речь. Л. Д. Алтунина (урожденная Егуекова), журналист и прозаик, родилась и выросла в Сибири, в Горном Алтае, в высокогорном, самом южном удаленном в Республике Алтай райцентре Кош-Агач, пограничном с тремя государствами: Монголией, Китаем и Казахстаном, расположенном в Чуйской степи, в преддверии пустыни Гоби. Детство и юность прошли в предгорном селе Майма. Окончила факультет журналистики Казанского госуниверситета и высшие редакторские курсы Всероссийского института журналистики (Москва). Около сорока лет — в СМИ. Долгие годы была редактором многотиражной газеты Тульского госуниверситета и руководителем отделения журналистики студклуба этого вуза. Ею написано более четырех тысяч статей для региональных и центральных СМИ. Автор и соавтор более десятка книг. Отдельные литературные произведения печатались в местных, центральных и международных изданиях, в сборниках. Военно-патриотическая, православная тематика, тема малой родины занимают особое место в ее творчестве. Финалист и победитель ряда всероссийских и региональных творческих конкурсов. Награждена многими грамотами, в том числе федерального уровня, и благодарностями. Ее имя внесено в «Тульский биографический словарь. Новая реальность», в биографический словарь «Писатели земли тульской», в энциклопедии тульской журналистики и Тульского государственного университета. Член Союза журналистов России и Академии российской литературы. Член редакционного совета и зав. отделом литературно-художественного альманаха «Ковчег» (всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори»). Ветеран труда. Живет в Туле.

...Замечательный поэт и прозаик Вячеслав Алтунин*, член Союза писателей России и Союза журналистов России, супруг Людмилы Дмитриевны, написал о книге «Чайка с того света...»: «Законы литературного творчества допускают такой прием, как идеализация. Тем более допустим он в твоей книге, пафос которой — изобразить жизнь «...не столько такой, какой она есть или была, сколько такой, какой она должна быть, очищенная от житейской прозы» (Константин Паустовский). Я бы сказал, что это крайне нужно нынешнему читателю, обалдевшему от жестокости и насилия окружающего мира...»**

Что касается законов литературного творчества, то книга Л. Алтуниной вполне отвечает их требованиям. Герои ее — живые люди, их речь насыщенна, колоритна, не лишена разговорного стиля, диалоги выстроены интересно, содержательно и привлекательно для читателя, что позволяет более многогранно, психологически тонко раскрыть их характеры, мотивацию поведения и поступков; их монологи и действия полностью соответствуют той жизненной позиции, которую представляет нам автор на страницах книги. Писатель смогла заинтересовать читателя персонажами своего произведения, описания которых максимально точны, не оставила его равнодушным к их судьбе и в сомнении, как они поведут себя в различных жизненных ситуациях. Людмила Алтунина пишет естественным, свободным и понятным языком, без какой-либо неопределенности, неясности, двусмысленности, всегда находит нужное выражение, нужное определение, не создает чрезмерного скопления событий, происшествий, эпизодов, в то же время не пропуская необходимых, ярких, характерных эпизодов и деталей.

Чем больше окунаешься в чтение книги, тем больше понимаешь, что творчество автора направлено на врачевание души человеческой.

Еще Его Святейшество Патриарх Алексий II говорил, что в настоящее время происходит слишком много нечеловеческого, с чем мы постоянно сталкиваемся, и что отравляет, разрушает нас изнутри, особенно еще неокрепшие души молодых. И только воспитание и образование делают человека человеком.

Поэтому наибольшую ценность, особенно в наше время потери нравственных ориентиров, представляет творчество, возвышающее человека, исцеляющее его душу, укрепляющее его на пути к свету, имеющее глубокое воспитательное значение, возвращающее ему образ Божий.

«Чайка с того света...», объединившая три периода жизни автора: алтайский, казанский и тульский — это большая поэма о Любви. Большая не по количеству страниц (хотя книга толстая и хорошо организованная, с бросающимися в глаза заголовками), а по всеохватности такой Любви — от собственных детей и внуков, близких и друзей до, казалось бы, посторонних людей, как падших, так и простых, обычных и даже достигших высокого духовного уровня; от природных и городских пейзажей до милых сердцу родных краев и до большой великой Родины.

Это все так, несмотря на скромные слова Л. Д. Алтуниной: «Все, о чем я пишу,— это реальная проза жизни, наши повседневные будни и человек в них — в разных ситуациях, зачастую и весьма непростых. Причем мой герой — это, чаще всего, так

---

* Алтунин Вячеслав Васильевич родился в д. Песковатое Белевского р-на Тульской обл. Окончил историко-филологический факультет Казанского госуниверситета. Работал в районных и областных газетах Тульской обл., отдав журналистике почти сорок лет. Стихи пишет и печатается с четырнадцати лет. Автор семи книг (две — повести из пенталогии авторского проекта «Хлеб и душа», включающего пять книг) и соавтор нескольких книг, публикуется в литературных альманахах и сборниках. Лауреат литературной премии СПР «Бежин луг» имени И. С. Тургенева. Дипломант конкурса Центрального федерального округа «Потенциал России», номинант Национальной премии «Поэт года» (2016). Член СПР и Союза журналистов России.

** В. В. Алтунин. Из письма автору после прочтения рукописи этой книги.

называемый «маленький человек», обычный, казалось бы, ничем не примечательный, незнаменитый» *(Алтунина Л. Д. «Лики России» Кн.1: «Чайка с того света», с. 9).*

Поэма Любви начинается с любви к матери, ибо что может быть на свете священнее ее имени! Все самые дорогие святыни названы и озарены именем матери, потому что с именем этим связано и само понятие жизни. К тому же еще Иоанн Златоуст* говорил: «Та, что воспитывает живую душу,— талантливее любого живописца или ваятеля».

Мама — это первая любовь каждого из нас. Кто не испытывал теплых чувств, признательности, желания сделать благодеяние матери? Ведь порой только единственный человек в мире может понять и простить любое наше заблуждение и неверный шаг. Связь с матерью — это прочная, незримая серебряная нить, проходящая через всю жизнь человека, начиная от негромкой песни у детской кроватки, от ласкового прикосновения любимых рук, родных теплых губ, от бессонных ночей рядом с больным малышом, и навсегда, когда преградой не является и окончание ее земной жизни. Именно об этом — основанный на реальном явлении пронзительный мистический рассказ автора «Чайка с того света...», давший название всей книге.

Мать всегда является самым верным, благоразумным и благожелательным человеком и наставником для своего ребенка, проявляя ангельское терпение, благодаря мудрости и душевной доброте, сердечному теплу и преданности, учит всем лучшим человеческим качествам, независимо от его возраста, является самым надежным советчиком в трудных жизненных обстоятельствах.

Конечно, какой-то читатель скажет, что это идеальный образ матери и идеальное к ней отношение, что в наше «искривленное» время это — редкость. Позволим не согласиться с ним, хотя негативные явления, которые кому-то хочется видеть как всеобщие и повсеместные, имеют место быть в нашей современной действительности.

На земле не будет жизни без материнской любви. И мы обязаны в ответ дарить ей ту любовь, которую она нам дала и дает.

Людмила Дмитриевна как верующий человек знает Божью заповедь: «Уважай отца своего и мать свою»** и несет ее в свое творчество. И действительно без исполнения этого невозможно стать и быть уважаемым, достойным членом общества. Самый главный поклон после преклонения перед Богом — это поклон матери и отцу. Ибо за нелюбовь, неблагодарность к родителям Бог не прощает людей.

Любовь к собственной матери рождает в душе автора аналогичное чувство ко всем матерям и побуждает искать похожие черты характера и душевного склада. И автор через героев своей книги показывает примеры любви и почитания родителей.

Так описывает Л. Алтунина мать своего зятя Сергея: «...полная внутреннего сдержанного достоинства и какой-то неженской мужественности, всегда готовая впрячься в тяжелую упряжку и, все взвалив на свои плечи, нести молча, терпеливо, без малейшего ропота и жалоб на нелегкую судьбу, как будто так и надо — иного и не ждет. С детства привыкшая к тяжелому крестьянскому труду, она никогда не искала для себя никаких удобств, благ, скидок, да и отдыха не знала, как, впрочем, многие сельские жители, прикипевшие к своей земле» (Cit. op., с. 38).

А мамины уроки и наказы в рассказах автора! — Это евангельские слова, переложенные на современную жизнь. Многие могут позавидовать писательнице, имев-

---

* CITATY.SU. Цитаты и афоризмы про маму. https://citaty.su/mat-citaty-i-aforizmy-o-materyax Иоа́нн Златоу́ст (Златоу́стый) (греч. Иоанн Хризостом; ок. 347 — 14 сентября 407) — архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех Вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом.

** Библия. Современный русский перевод. Книга «Исход», 20:12 — М.: Российское Библейское общество, 2017.— 2640 с.

шей такую мать. «Любое дело в отношении людей, прежде... подумай сделать его или не сделать, особенно когда сомневаешься, ты, доча, моя милая, прежде всего, примерь на себя. Подумай: каково было бы тебе...» Да и как она могла не учить этому, если и ее мать, мама стара (бабушка — так говорят на Алтае.— Прим. авт.), говорила: «Прежде чем что-то сделать, хорошо подумай, вокруг головы обведи, да за пазуху положи»... (Cit. or., с. 144). И учила мать Людмилу и ее сестру и брата всегда, везде поступать, как велит совесть, учила, как относиться к самим себе, к людям, независимо от того родные они или чужие, к окружающему миру, и не забывать, что Бог рядом. «И сейчас я просто поражаюсь: сколько в них мудрости, нравственности — глубинной нравственности, данной... от земли, от корней, и передающейся из рода в род...» — пишет автор (Cit. op., с. 149).

Людмила Алтунина из многодетной семьи, и все близкие ее имели такие же семьи. «В нашем доме, вообще, всегда крутилось много детворы — всех привечали, кормили-поили. А мои подружки из необеспеченных семей, социально неблагополучных, как сейчас сказали бы, так и жили у нас: ночевали, питались, мылись в бане, носили мои платья, которых у меня было много. Мама... бывало... нашьет платьев... и моим подружкам...» (Cit. op., с. 105). Может быть, отсюда у нее и такая любовь к детям, и так близко ей женское мужество?

Большую роль в жизни автора, в ее воспитании сыграл отец. Вот что он пишет в одном из своих писем: «Дорогая моя, донюшка, ты задала мне очень важные и непростые вопросы: “Папа, в чем смысл жизни? Что такое счастье?” — Хорошо, что они тебя волнуют — это верный путь, чтобы стать человеком»... «Вы в больших городах получаете крепкие знания, выбрав по сердцу будущие профессии, стремитесь к свету, выходит, пойдете дальше вашего папки. И это радует и согревает меня; значит, прожили мы с мамой не зря — оставили свой след на земле... Так и должно быть: дети должны быть лучше своих родителей, идти дальше, иначе не будет доброго развития и народ выродится... Есть место, где ты родилась и выросла, никогда не забывай его, как бы ни сложилась твоя жизнь... Надо стремиться, моя ненаглядная, чтобы становиться лучше во всех отношениях, главное же — внутренне, духовно, чтобы приносить пользу не только себе, но и другим людям, своей стране...» (Cit. op., с. 162). Одобрение отца — самая сильная из мотиваций. К тому же эти слова являются подтверждением мысли А. П. Чехова, который писал: «Нужно стремиться к тому, чтобы каждый видел и знал больше, чем видел и знал его отец и дед»*.

Отец Л. Д. Алтуниной немногословен. Может быть, это одно из немногих наставлений, которые он давал дочери. Редкие отцовские похвалы были очень значимы для нее и до сих пор хранятся в памяти, ибо между ними была крепкая эмоциональная близость. Любовь отца — особенна, отличается от материнской, в ней мало речей, однако ей нет цены. Как неоценим и сам отец для девочки — первый и в ранние годы единственный, самый замечательный мужчина, защитник и эталон мужчины, товарищ и друг, который, хотя и строгий, требовательный, но никогда не был тираном или просто наблюдателем, любящий ее без каких-либо условий. Его любовь настоящая: внимательная и спокойная, которая делает честными детей. Отец Людмилы Дмитриевны очень любил ее мать, а это тоже было немаловажным в становлении личности дочери.

Естественно, воспитание дочери отцом непохоже на материнское. И во многом то, какой будет будущая жизнь девочки, более всего зависит от отца. Его роль здесь очень важна и ответственна. Мамы преподают умения семейной жизни, домовитости и женственности. А настоящий отец, как показывают все психологические исследо-

* ВикиЧтение. Оганян Ж. «Афоризмы великих мужчин». Антон Чехов — великий русский писатель и драматург. https://public.wikireading.ru/121533

вания и сама личность Л. Алтуниной свидетельствует об этом, представляет собой определяющую основу для формирования дочери: для развития эмоциональной самостоятельности девушки, для укрепления ее уверенности в себе, ее выдержки, владения собой, дисциплины и верных понятий о семейных обязанностях, для ее оценки самой себя, своих возможностей, для осознания своего места среди людей и для формирования способности принимать самостоятельные решения в жизни.

Вот и получается, что без хорошего отца, каковым являлся и отец автора, как говорил Н. М. Карамзин: «...Нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионаты»*.

В повествовании автор уделяет большое место и теме любви к родителям родителей, которая есть естественное и закономерное продолжение любви к матери и отцу. Ведь, как говорится, ближайший путь к любви Бога — это любовь к своим бабушкам и дедушкам. Вот как говорит автор, например, о своей бабушке: «Удивительная моя мама стара! Несуетливая, некрикливая, немногословная, не сюсюкающая с нами, детьми, даже с самыми маленькими, грудными, но всегда спокойная, полная внутреннего достоинства» (Cit. op., с. 20). И во многом эти черты передались от нее к матери автора.

Как любит она мать, ее «...милый, исцеляющий душу, голос...», как впитывала при ее жизни в себя его и «...всю атмосферу родного дома, все его запахи и шорохи...», заботу и тепло родителей и мамы, и папы старого. «Все это, сохраненное в памяти, в сердце, помогало вдали от родного дома и помогает доныне оставаться собой...» (Cit. op., с. 127).

Корни памяти Людмилы Алтуниной — в доме бабушки и дедушки по матери, Леонтьевых Марфы Сазоновны и Григория Яковлевича, «мамы стары и папы старого». «...Бабушка так и осталась простой русской неграмотной крестьянкой, хлебосольной, гостеприимной и доброй, но с высоким чувством человеческого достоинства...» — пишет автор (Cit. op., с. 18). «...Как сейчас я вижу бревенчатый бабушкин домик, с аккуратной, чисто выметенной оградой, в углу которой примостилась крохотная банька под высокими раскидистыми тополями...» (Cit. op., с. 18). «...Я остаюсь в доме, чтобы послушать бабушкины молитвы. Что-то завораживающее, светлое, наполняющее сердце трепетом, нежностью и чем-то невыразимо сокровенным, было для меня, восьмилетней, в этих, не всегда мне понятных, но таких гармоничных и благодатных, молитвах...» (Cit. op., с. 21).

В какую даль вглядываются наши бабушки и дедушки своим скрытым духовным взором? Этот взор проникает в свою корневую систему, в свой род. Ведь корни человека — это не только земля, на которой он родился. Но это еще и нравы, устои его народа; это и жизненное устроение его отцов, дедов и прадедов. Это то, к чему человек должен неизбывно испытывать благодарность и уважение.

Человек — это древо, у которого корнями является его семья и самые близкие. Эти корни питают человека, дабы он вырос подобно дереву высоким, ветвистым и краси-

---

* EPVR. Мудрые мысли. Н. М. Карамзин http://www.epwr.ru/quotauthor/297/txt5.php Никола́й Миха́йлович Карамзи́н (1 [12] декабря 1766, Знаменское, Симбирская губерния (либо село Михайловка (Преображенка), Оренбургская губерния) Российская империя — 22 мая [3 июня] 1826, Санкт-Петербург, Российская империя) — историк, крупнейший русский литератор эпохи сентиментализма, прозванный «русским Стерном». Создатель «Истории государства Российского» ... — одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791—1792) и «Вестника Европы» (1802—1803). Карамзин вошел в историю как реформатор русского литературного языка. Его слог легок на галльский манер, но вместо прямого заимствования Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими, как «впечатление» и «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Материал «Карамзин, Николай Михайлович» из Википедии — свободной энциклопедии.

вым, с богатой кроной, то есть настоящим, гармоничным и счастливым. Однако бывает, по той или иной причине, и разрыв связи с корнями. В этом случае человек начинает опустошаться, теряет смыслы жизни, превращается как бы в сухое, мертвое дерево.

Чаще же бывает нечто другое, когда дефицит корневых эмоций человек пытается компенсировать за счет своих жизненных партнеров, тем или иным способом требуя признания, востребованности себя, доверия, внимания, заботы и нежности, а порой и опоры. И наоборот, когда у человека с корнями все благополучно, он признает и уважает индивидуальность каждого человека, ее необходимость для жизни, внимателен и заботлив по отношению к тем, кто рядом, сам является поддержкой для более слабых.

Автор однозначно принадлежит не к первым и вторым, а к третьим, и доказывает это всей своей жизнью и творчеством, в частности, и книгой «Чайка с того света...».

Однако мать — это не только своя мама и бабушка, но и сама автор — мама. Поэтому в поэме любви Л. Д. Алтуниной много внимания уделяется любви к детям. И как мастерски отражена сила духа, любовь к своему ребенку, к жизни, вера в свои возможности в следующем отрывке: «...Я вдохну в него жизнь, даже если она остановилась для него. У меня же целая ночь впереди. Целая ночь для нас с моим малышом! Ночь, чтобы я оживила его. И я в это верю! Верю, наперекор им всем, убеждающим меня, что... не может быть. “Может!”... У меня хватит сил вдохнуть в него жизнь...» (Cit. op., с. 84).

Потому, наверное, верно высказывание Уильяма Теккерея: «Мама — это имя Бога на устах и в сердцах малышей»*.

Читая произведения Людмилы Дмитриевны, постоянно убеждаешься, что она действительно любит своих детей, любит их правильно и грамотно. Потому-то она понимает, что не все так просто в любви к ребенку. И вместе с другими настоящими матерями считает, что, прежде всего, необходимо задаться вопросом: «Зачем мы желаем иметь детей?» Кто-то ответит: «Это возможность построить для них такую безоблачную, сознательную и прекрасную жизнь, какой я не имел сам, в надежде, что и они будут помогать созидать такую жизнь и своим детям». Однако большинство людей проживают свою жизнь совершенно иначе, и потомство их просто связывает по рукам и ногам.

Л. Алтунина убеждена, что, говоря о любви к детям, важно понимать: какая любовь необходима им? Умна ли она, или ограничена, недостаточна или, наоборот, чрезмерна, целесообразна или ошибочна, когда дети порой считают родительской любовью то, что родители мне покупают и разрешают все, что я хочу». А с другой стороны, любящая мать, а также отец, могут быть равнодушны к интересам и насущным желаниям своих детей, к их просьбам. Поэтому и говорится, что в воспитании необходима мудрость и соответствующий уровень культуры, необходимо научиться безусловному принятию ребенка, необходимо построить с ребенком человеческие отношения. Да, ему меньше лет, он мало знает, у него практически нет опыта, но это наш друг, и мы должны понимать, уважать его и доверять ему.

«Любить — это значит смотреть на человека и видеть его таким, каким его создал Бог...» — говорила Марина Цветаева**. И родители должны задавать себе во-

---

* Цитаты известных личностей. У. М. Теккерей. https://ru.citaty.net/tsitaty/480957-uiliam-meikpis-tekkerei-mat-eto-imia-boga-na-ustakh-i-v-serdtsakh-malenkikh/ Уи́льям Ме́йкпис Те́ккерей (1811—1863) — английский писатель-сатирик, мастер реалистического романа. Материал «Теккерей, Уильям Мейкпис» из Википедии — свободной энциклопедии

** COKRATIFY.NET. Марина Цветаева, цитаты. https://socratify.net/quotes/marina-tsvetaeva Мари́на Ива́новна Цвета́ева (26 сентября [8 октября] 1892[7], Москва — 31 августа 1941, Елабуга) — русская поэтесса Серебряного века, прозаик, переводчица. Материал «Цветаева, Марина Ивановна» из Википедии — свободной энциклопедии.

прос: «Что я могу сделать, чтобы приблизить этого человека к его совершенному образу?» Именно так любит и воспитывает писательница своих детей, а ныне — и своих внуков, и говорит об этом: «...И такое щемящее чувство любви и нежности переполняло меня! Хотелось вобрать в себя весь этот теплый, нежно пахнущий молочком крохотный комочек... защитить его, уберечь ото всех невзгод, болей и болезней, которые могут поджидать в жизни...» (Cit. op., с. 96).

Любовь Людмилы Алтуниной выходит за рамки обычной «физиологической» любви, которая присуща, за очень редкими исключениями, подавляющему большинству матерей. Ее любовь к ребенку — это одна из граней любви к Богу. «...И вдруг меня осенило! Словно сквозь разбежавшиеся облака брызнули яркие солнечные лучи — это в детях являет нам Господь сокровенную частицу Самого Себя! Выходит, любя безумно свое чадо, мы, сами того не сознавая, испытываем через них и любовь к самому Богу, к ближним... Так вот в чем оно — великое таинство и смысл рождения, появления маленького Человека на земле: увеличить, прибавить любви на нашей планете, чтобы не осушилась эта благодатная, живительная Вселенская Чаша!» (Cit. op., с. 97).

К тому же автор книги понимает и доказывает всей своей жизнью, что невозможно родить, вырастить ребенка «для себя» (Cit. op., с. 64). Она считает, что с рождением ребенка заново открывается перед человеком мир: «...Проживаешь новую жизнь, острее и ярче воспринимая ее, с новым интересом вглядываясь в привычное» (Cit. op., с. 32). Вообще, идея «ребенок для себя» — ошибочная, это идея власти рабовладельца над рабом. А с другой стороны,— это попытка внешним образом разрешить свое глубинное затруднение. А итогом всего этого будут болезненные отношения с ребенком.

Потому-то Л. Д. Алтунина с неприятием относится к тому, что некоторые люди находят реализацию своего материнского инстинкта в воспитании собак и кошек. «...Лучше бы детей рожали и воспитывали. А если своих Бог не дал, то детдомовским бы помогали или усыновили ребенка, больше бы пользы было. Нельзя же любить животное больше, чем человеческое дитя» (Cit. op., с. 33).

И любовь Людмилы Дмитриевны, как у всякого верующего человека и гражданина, простирается дальше любви к собственным детям и внукам и распространяется на все подрастающее поколение. Она уделяет этому очень большое внимание, сама как многодетная мать придает этому огромное значение и чувствует большую ответственность за это дело. Но, кроме всего этого, нужно еще и, как было сказано выше, уметь воспитывать. О знании и умении ее, — памятуя о том, что, рассказывая о других, человек передает собственную сущность, говорит о себе, ибо что тебе нравится в других, то ты и есть, и наоборот, — сообщает нам следующий отрывок: «...Вера Ивановна по-матерински доверительно говорила о самом главном, что хотела передать не только сыну, но и всей молодежи: о том, как важно думать не столько о материальном, сколько о духовном, набираясь знаний; становиться людьми, готовыми откликнуться на чужую боль, прийти на помощь; неустанно совершенствоваться и при любых неудачах не опускать руки, не пасовать, а находить в себе силы при любых обстоятельствах преодолеть их...» (Cit. op., с. 74).

А сколько пользы или, наоборот, вреда мы можем дать еще бессознательному маленькому человеку, когда в его присутствии ведем разговоры. Л. Алтунина прекрасно это понимает, зная то, что любой звук, не говоря уже о слове, впитывается подсознанием ребенка и оказывает затем влияние на его развитие и становление: «Развращаем своими пошловатыми разговорами, недопустимыми в присутствии ребенка, да и вообще недопустимыми разговорами в пошловато-жаргонном тоне... американскими мультфильмами...» (Cit. op., с. 219) и т. д. И все это — вместо духовно-нравственного воспитания, в том числе и в семье. Писательница приводит пример

такой воспитательной беседы матери с ребенком: «...У человека есть самое главное, доченька моя, ...совесть, которая не велит ему делать что-то плохое, даже если никто не видит. Вот об этом помни всегда, как бы ни был велик соблазн... все это против тебя же и обернется, и с большей силой. И такому человеку не будет в жизни счастья и удачи. Это тебе — мое материнское слово...» (Cit. op., с. 143). «А от мысли о том, что врать уже не надо, и что, может, утром та, незнакомая девочка, прибежит и найдет свои босоножки на прежнем месте и очень тому обрадуется, на душе стало легко и даже весело» (Cit. op., с. 148).

Однако с воспитанием детей в окружении тотального влияния «зомбоящика», компьютера и гаджетов, собственно Интернета, газетного и книжного «чтива», а также сильнейшего, как и всегда, влияния сверстников, плохо обстоит дело в современном обществе. Вот и приходится потом перевоспитывать, порой в тяжелейших обстоятельствах, уже достаточно созревшего человека. Но никогда ни один человек, даже сильно оступившийся, даже глубоко упавший, не безнадежен для Сил Света. И это утверждает Людмила Алтунина в одном из своих рассказов: «Иди, Никита, по жизни смело. Каждый может оступиться, главное — не дать себе упасть... Ты можешь встретиться сейчас с тем, что многие знакомые закроют перед тобой двери, будут будто бы не узнавать тебя на улице, не ожесточайся, не замыкайся, не отчаивайся, не бравируй столь горьким своим жизненным опытом. Учись, трудись, тянись к свету, и все придет: обретешь твердую почву под ногами, и самоуважение, и уважение других. В этой жизни, мальчик мой, надо быть очень сильным и стойким, находить в себе силы подниматься из пепла...» (Cit. op., с. 182).

Добрые воспоминания о людях и былом — основа любящего сердца. Таких мест в книге автора очень много. Вот некоторые из них. «Сережа словно слышал то тут, то там, в орешнике, голос матери, и будто живая вставала она перед его внутренним взором» (Cit. op., с. 57). Ведь всю жизнь перед взором Л. Д. Алтуниной стоит ее дорогая и любимая мать. «И ничего нельзя вернуть назад, поправить, как ни желай, как ни сожалей, как ни старайся! Все на свете поправимо, непоправима только смерть! Сережа, ...ткнувшись ничком в прохладную, душистую траву, цепляя ее крепко сжимаемыми кулаками, заплакал: громко, навзрыд, как ребенок. И небо, словно вступив с ним в какое-то тайное согласие, пролило вдруг из вынырнувшей откуда-то со стороны леса легкой, белесой тучки, похожей на женский профиль в платочке, крупные, сверкающие на солнце, теплые, будто слезы, капли дождя — слепого дождя, как говорила о таком дожде мама. Может, это ее небесные слезы пролились... и соединились с его слезами. И они плачут вместе, светло и горько плачут» (Cit. op., с. 65).

Вот еще одно место из книги, из которого видно, что для Людмилы Дмитриевны характерна очень гуманная черта характера одной из ее героинь: «У Веры Ивановны уже давно вошло в привычку разговаривать с растениями, как с людьми, будь то деревья, помидоры или огурцы, и даже, как отметила она про себя, от такого ласкового общения они лучше растут и плодоносят» (Cit. op., с. 70).

Знаком полного любви сердца является добрая память о друзьях-товарищах. Потому много строк в книге Л. Алтуниной посвящено дружбе. И как здесь подходят строки А. С. Пушкина: «Ты сохранил в блуждающей судьбе / Прекрасных лет первоначальны нравы...»* (Cit. op., с. 298 — 306).

Для женщины очень важно и значимо чувство любви, проявленное к ней, и ее собственное. Поэтому писательница так трепетно пишет о любви к ней Вячеслава — будущего мужа ее. И о зарождении своего чувства к нему. И приводит с благодарно-

* А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Т. 2 Стихотворения 1823—1836. 1825 г. «19 ОКТЯБРЯ».

стью его стихотворение, обращенное к ней: «В исходе марта в лужицах дрожит / Неразбериха льда, небес и веток. / А в воздухе, прозрачны и свежи, / Уж крепнут волны зреющего света! / В исходе марта прядь твоих волос, / Следы ручьев. Прожилки тротуара, / Бред птичий... Все во мне отозвалось. / Как звонкая весенняя гитара» (Cit. op., с. 292—297).

Одним из проявлений Любви является материнская молитва. В книге хорошо показана ее сила. «...Потом, когда она подробно рассказала матери о своей аварии, и они по часам и минутам стали восстанавливать, кто из них и что делал в тот или иной момент, то пришли к однозначному выводу, что это именно мамина молитва спасла Лизу от гибели» (Cit. op., с. 82).

Молитва матери может и со дна моря поднять. Однако профессор Московской Духовной Академии и Семинарии Алексей Ильич Осипов говорит: «Мы должны понять, что такое молитва. Бесплодна та молитва, которая не сопрягается с понуждением самого человека к какому-то ограничению себя, к какому-то подвигу в отношении себя... Я знаю одного священника, его дочь сломала ногу. Он не пьяница, но прямо сказал: “Ни капли вина, пока сломанная нога моей дочери не станет такой же здоровой, как была”. Все исполнил, вот это молитва... Вот это будет акт любви... А мы порой не поддерживаем свое моление, страшимся и малостью пожертвовать. К тому же часто и молитва наша неправильна. Святые подвижники учили и учат, что надо молиться так, как это делал Иисус Христос в Гефсиманском саду. Это есть вечный образец обращения к Богу: “Отче, если возможно, пронеси мимо меня чащу сию, но не моя, а Твоя воля да будет”. Мощь молитва, в том числе и молитва матери, обретает при смирении и самоотречении, а не в требовании “дай мне, хочу”»*. Людмила Алтунина хорошо понимает это и пишет об этом в своих произведениях.

Большое место, как уже понял читатель, в прозе автора, в частности, и в книге «Чайка с того света...», занимает вера в Бога. И это не случайно, ибо Л. Д. Алтунина — православный человек. Этой верой она полна и несет ее и в своей жизни, и в жизнь окружающих ее людей, а потому и рассказы ее — это повествование, прежде всего, о подобных ей самой: «...Порой, случалось, хлеба-молока не на что было купить, но Елена не унывала: верила, что Господь и Пресвятая Богородица не оставят ее с детьми, ведь она знала, что каждому дается Всевышним по вере и силам его» (Cit. op., с. 30). Как уже говорилось, то, что писатель подмечает в своих героях, свойственно ему самому: «...В сознании мальчика сложилось, что понятия мама и храм — неразделимы» (Cit. op., с. 53). Или вот еще: «...Появился у них и свой духовник, отец Василий. Без его благословения они в тот трудный период и шагу не ступали: все делали, посоветовавшись с этим мудрым, умным, много пережившим священнослужителем» (Cit. op., с. 72).

«Вера в Бога принадлежит к самым глубоким, таинственным и духовно-драгоценным состояниям человека. Это есть благодатное переживание великой душевно-художественной ценности и жизненной силы, которым надо дорожить, которое надо беречь и к которому не следует подходить, умничая и произволяя»,— писал Иван Ильин**. Как часто вера спасала людей от пресыщения жизнью, от тоски и уныния. Ибо вера сильнее всего, а вера в Бога сильнее всех невзгод, она поистине творит чудеса. Она и всякому знанию сообщает силу. Бог познается нами по прояв-

* Профессор Московской Духовной Академии и Семинарии Алексей Ильич Осипов. «О материнской молитве». Телеканал «СОЮЗ» https://tv-soyuz.ru/qna/o-materinskoy-molitve

** Иван Ильин. «Аксиомы религиозного опыта». Глава 7. «Акт веры и его содержание». «Седмица.RU». Церковно-Научный Центр «Православная Энциклопедия».

лениям в жизни, по действиям, по излияниям благодати Его в сердца наши, а не логически. Задача человека держать сердце чистым, и тогда вера соединит с Богом, приведет в общение с Ним.

И еще очень важно: перед тем, как что-то сделать, вызвать в сердце своем образ Иисуса Христа и задуматься: мог бы Он совершить это, одобрит ли Он мои действия или нет — и ответ придет. Тогда наши действия будут соответствовать нашей вере.

Однако вера и понимание Бога не приходят сами собой, а воспитываются с детства. Людмилу Дмитриевну, как уже понял читатель, было кому воспитывать и в вере, и в порядочности. «...И тут меня обожгло еще больше, словно жгучей катунской крапивой стегануло по всему телу: Боженька ведь смотрит на меня и все видит, и ждет от меня, как я поступлю. А раз Он все видит и знает, и видит меня, значит, знает и как мне страшно. Но ведь я хочу исправить свою ошибку: совершить хороший, ... Богоугодный поступок, Ему угодный; значит, Он защитит меня и со мной ничего плохого не случится. От этой мысли страх мой... отступил» (Cit. op., с. 146). И еще очень важно отношение к продуктам, к хлебу: «Это ж продукт, на пропитание Богом дан, грех в мусорное ведро кидать...» (Cit. op., с. 350).

Любой, интересующийся православием, духовностью, знает, что небесная воля часто не сразу постижима человеком. Чтобы это происходило быстрее, необходима светлая, тонкая и отзывчивая душа и здраво- и благомыслящий ум его. Поэтому хорошо, что многое в жизни и в знании еще закрыто от нас, ибо душа и ум многих людей не готовы к восприятию. Л. Алтунина однозначно разделяет точку зрения, что для продвижения в этом нужно душе потрудиться, прежде всего, в плане милосердия, проявить его от самых глубин души, от сути человеческой. «Только такое милосердие и есть истинное» (Cit. op., с. 119).

Писательница не устает приводить примеры веры устами героев своих произведений, которые рассказывают об этом своими словами. Вот один из них: «Если ... Христос так за нас, людей, страдал, так почему и мне, простому смертному человеку, не пострадать за самого себя, за свои грехи и, пройдя через эти страдания, не подняться?! Ведь учит же меня чему-то Бог, коль такое испытание мне послал!.. — говорит (герой) — ...Стал я Евангелие и все другое, связанное со святыми, очень внимательно читать и серьезно размышлять... И, не поверите, как прозрение какое на меня сошло: сам себя и свою болезнь иначе понимать стал: страдаю, чтобы грехи тем самым искупить, покаяться и лучше стать» (Cit. op., с. 325). И действительно, всякий недостаток, вину и беззаконие, прежде всего, выискивать в самом себе необходимо. В жизни человек может лишиться всего, к чему был привязан душой. Но в любых обстоятельствах человек не один, Бог навсегда с ним, Бог всегда рядом, только к Нему по вере нужно обратиться с искренней молитвой, а не как слабый человек пребывать в тоске и сомнении и надеяться только на свои силы. «И чем глубже твоя вера, тем ближе Бог...» (Cit. op., с. 328).

Один из героев «Чайки с того света...» говорит: «Раз испытывает, значит, не потерян я еще для Него. Дает Он мне шанс все преодолеть и подняться, ведь зачем-то же Он послал меня на землю... И ни от кого, кроме Бога, не жду помощи» (Cit. op., с. 326).

Но испытывает ли Бог? Мудрый писатель, а таковым, несомненно, является Людмила Алтунина, позволит себе не совсем согласиться со словами героя. Ибо неужели Бог рад тому, что мы подвергаемся затруднениям и соблазнам? Он не шлет их нам и не хочет, чтобы они были у нас, так как Он, являясь Любовью, никогда не способствовал и не способствует существующему злу.

Все эти трудности и препятствия выпадают нам, ибо мы зачастую действуем противоположно Божьей мудрости, исходя из своей гипертрофированной в сторону зла свободы воли. Люди часто ставят высоко в жизни свои страсти, вещи, свою непогрешимость, потому и попадают в полосу неприятностей, а не по воле Божьей.

И вот здесь важно, как поведет себя человек: станет ли он крепким, сильным, несгибаемым, стойким в своей вере и поведении в жизни или, наоборот, падет. Человек, успешно прошедший через испытания и очистившийся от всего темного, нечистого, злого, становится подобным золоту перед Богом. И Он радуется этому.

Как и всякий верующий человек, автор, имея на то полное основание, ибо сама так старается жить, через повествование о своей жизни и через своих героев ненавязчиво дает читателю уроки экологии души. От этого зависит не только сама человеческая жизнь, но и состояние нашей окружающей среды. Кто не знает о глобальных экологических катаклизмах? И действительность говорит нам, что хорошее состояние природы невозможно без экологии человеческой души. Как правильно говорил германский писатель и мыслитель И. Гёте, «...растет то, что мы выращиваем в душе...»* В таких условиях, понимает Людмила Алтунина, важная задача — воспитать не только развитого, просвещенного и высококультурного члена общества, но и креативную личность, ответственную за все вокруг, в том числе и за состояние нашего общего дома. А для этого, считает писатель, мы должны возрождать духовные и нравственные основы, приобщать людей к народной культуре, развивать экологическое мышление и поведение. Эта тема пронизывает все творчество Л. Д. Алтуниной и живо перекликается с творчеством различных русских и зарубежных писателей. Так, в стихотворении «Природа» из «Стихотворений в прозе»** любимый ею (об этом несколько ниже) И. С. Тургенев соединяет воедино «жилой дом» и «храм». Храмина, в его изложении, это и Дом Природы, и церковь. Природа же является нам как царственная женщина. И герой стихотворения вначале думает, что гармония владычествует между Природой, которая, как мать, радеет о ребенке, о его благоденствии, и человеком. Однако это не так: зашоренный ум, чувства и неразумная воля отделяют людей от природы. Законы природы и людей различны. Поэтому Антуан де Сент-Экзюпери, выдающийся французский писатель, как-то сказалл: «Все мы пассажиры одного корабля по имени Земля, значит, пересесть из него просто некуда. Если у человечества не найдется сил, средств и разума, чтобы поладить с природой, то на умершей, покрытой пылью, безжизненной Земле стоило бы, пожалуй, установить надгробный камень с такой скорбной надписью: “Каждый хотел лучшего для себя”»***.

Книга Л. Алтуниной несет читателям убеждение, что нужно начинать с возрождения человеческой души и сохранения ее в чистоте; способствует правильному формированию ума человека, его воли и чувственно-эмоциональной сферы, то есть личности. Ибо от этого зависит жизнь всей нашей страны, а по большому счету, и всего человечества. И автор убеждена, что каждому человеку начинать необходимо с самого себя: творить сердце свое чистым и открытым, дабы каждое слово несло любовь и милость, радость и добро; что нужно прощать — ни на кого не иметь недоброй памяти, обиды, злобы; не разбрасываться людьми, взаимоотношениями с ними и чувствами; быть добрее, внимательнее, заботливее, предупредительными по отношению к ним. И верить, что все трудности, испытания, даже несчастья,— все, совер-

---

* Иоганн Вольфганг Гете. Цитаты. https://ru.citaty.net/avtory/iogann-volfgang-giote/ Иога́нн Во́льфганг Гете (с 1782 года фон Гете 28 августа 1749, Франкфурт-на-Майне — 22 марта 1832, Веймар) — немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель. Материал «Гете, Иоганн Вольфганг фон» из Википедии — свободной энциклопедии

** «Senilia. Стихотворения в прозе». И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 10. М.: "Наука", 1982. «Природа».

*** Антуа́н Мари́ Жан-Бати́ст Роже́ де Сент-Экзюпери́ (29 июня 1900, Лион, Франция — 31 июля 1944) — французский писатель, поэт, эссеист и профессиональный летчик.

шающееся с человеком,— ему в избавление и, в итоге, во благо. И еще благодарить за все и за каждую минуту жизни, ибо она, как и все, дана Богом.

Как уже было сказано, не может быть экологии души без приобщения людей к народной культуре. А кому говорить о ней, как не тем, кто живет в ней и ею. Одной из граней проявления любви Людмилы Алтуниной к народной культуре является любовь к русской народной песне (Cit. op., с. 156). Она впитала эту любовь, видимо, с молоком матери. «Песни эти, протяжные, грустные, сибирский народ любит, видно, в своих душах и нелегких судьбах находит созвучие с ними. Эти песни всегда пели и в больших компаниях, собиравшихся по праздникам в нашем доме. Папа запевал, мама подхватывала, потом включалась вся компания. Голоса у родителей были сильные, чистые, мелодичные. Пели компанией слаженно, мощно, красиво. Сибиряки, вообще, любят петь, и как поют! Все их песни и, впрямь "жизненные", до сих пор звучат в моем сердце. Услышу их или сама запою, и в памяти ясно встают те далекие картины из далекого детства» (Cit. op., с. 107). «...А уж как пели! Как пели! Аж, бывало, в окнах стекла дребезжат. Все русские народные песни, да на несколько голосов, да с подголоском... Мои папа с мамой почти всегда были запевалами. Хорошо они пели на два голоса. Отец начинал густым, красивым баритоном, по-особенному как-то глядя на маму, ...чтобы она не упустила нужный момент, когда ей нужно вступать в песню. ...Их голоса гармонично сливались, дружно и мощно подхваченные всей компанией...» (Cit. op., с. 128).

Другой гранью приобщения к народной культуре является любовь к народному языку. И этот народный язык, с детства слышимый и любимый автором, ярко представлен в книге устами разных героев. Не случайно одна из героинь, кстати, со школы и поныне подруга автора, рассказывает: «Бывало, баба, посмеиваясь, скажет: "Ну ты ноне, как цолок пять"...— "Баба, а што это значит?" — спрошу ее.— "А то и значит, што все у тебя седня из рук валитца, соберись уж с умом-то"»... (Cit. op., с. 90).

Однако культура не исчерпывается языком и фольклором. Передавая слова и действия Инны, героини другого рассказа, писательница говорит о том, что ей самой дорога живопись, музыка и поэзия, которые, по ее собственному мнению, врачуют душу и тело, ибо утверждают непобедимость любви к людям, к малой и большой Родине, к народу, ко всему Мирозданию и, главное, к Богу (Cit. op., с. 167). «Человеческое сердце не может жить без любви. Оно, как нежный росток на ветру и холоде, погибнет без тепла, которое дает любовь. И даже если кажется, что душа опустошена, сердце не может больше любить — это самообман, потому что всегда есть кого и что любить: солнце, небо, звезды, живая природа, а главное — Бог» (Cit. op., с. 175).

Наивысшая награда по-настоящему творческой личности, а Л. Д. Алтунина, несомненно, является таковой, в отличие от массы графоманов, пишущих обо всем и ни о чем,— передать через свое произведение, через слово дух и веру, Любовь читателю. Она выражает это, в частности, и в размышлениях еще одной своей героини — художницы: «...Да, и вот эти люди, попавшие в беду, многие из которых еще мальчики, за столь короткое время открыли для себя что-то новое, доброе, благодаря ее творчеству... поселяя надежды, уводя от отчаяния, неверия, безысходности и озлобления. Вон как по-иному — доверчиво и по-доброму — засияли их взгляды, просветлели в улыбках лица и — слезы на глазах» (Cit. op., с. 178).

Однако это слово должно пройти через период выдержки, чтобы обрести свой глубинный смысл. Так после длительного молчания «...у слов появился вкус и цвет» (Cit. op., с. 195). Это необходимо еще и для того, чтобы потом, когда человек остановится в своем жизненном беге и оглянется на пройденный путь, не было совестно за

многие слова и мысли, и поступки, которые тоже начинаются со слов. Вот и говорит Людмила Дмитриевна устами своего героя: «...Все хотят быть услышанными, а потому говорят и говорят, но когда сам много тарахтишь, никого и не услышишь, и тебя не услышат, потому что тоже тарахтят. И слова уже веса не имеют, шуршат, как прошлогодние листья» (Cit. op., с. 194).

Желания наши — источник страданий наших. Так говорит восточная мудрость. А вот устремленность к высокому, обозначенная высокая цель — великое дело. Они открывают путь к творению, благодаря им достигается духовная победа (Cit. op., с. 364). Это и есть высшая форма красоты. Однако красота важна и в обыденной жизни нашего серого дня, «...именно его глубинным ощущением всей красоты, полноты, многообразия и величия жизни даже в малых ее будничных проявлениях...» (Cit. op., с. 366).

Одним из свойств здоровой души является сорадование всему хорошему. Потому-то и красота природы вызывает у Л. Алтуниной радость. «Общение с природой, родство с нею, труд во имя нее есть древняя, неизменная, самая, быть может, надежная радость в жизни человека»,— писал В. Астафьев*. И автор описывает ее восторженно, как творит кистью на холсте картину с натуры:

«Летнее солнце, столь пронзительно яркое — глазам больно глядеть на него — нещадно печет землю. Пыль на дороге, песок на берегу речки и дорожки в ограде так раскалены, что жгут босые ноги. И мы стараемся наступать на травку, приятно охлаждающую разгоряченные ступни» (Cit. op., с. 19).

«Всюду жизнь, нескончаемая, вечная жизнь! Жадно вбирает в себя (герой рассказа.— Прим. авт.) все краски дня, наслаждаясь, упиваясь ими» (Cit. op., с. 49).

«Березовый лес, напоминавший ему пушкинские сказки, наверное, потому что он был таким же просветленным, ясным и солнечным, как стихи Пушкина» (Cit.op., с. 54).

Как настоящий художник Людмила Алтунина любит любое время года. И хоть пишет прозой, но очень поэтично, лирично, и описание это звучит как стихотворение.

Вот песня зимы: «...Легкий снег. Легкий ветерок. Легкий воздух. Легкий вдох и легкий выдох... Как все-таки хорошо быть! Просто быть на земле!» (Cit. op., с. 243). «...Когда-то все это уже было: и светлая от снега ночь, и этот робкий и нежный шорох снежинок, похожий на тихий-тихий и родной шепот» (Cit. op., с. 280).

Какой художник останется безразличным к проявлениям весны? «И что-то неведомое, невидимое оживило погрустневшее белое безмолвие, утверждая необратимость хода времени, всесилие прихода весны ... И весь мир вдруг наполнился каким-то невыразимым, ликующе-жизнеутверждающим гимном. Гимном весны, пробуждения, ожиданием счастья и верой в то, что все мечты и надежды непременно сбудутся у всех» (Cit. op., с. 242). А вот замечательная поэтическая картина: «Весна... выдалась крайне ранняя, дружная. ...У домов, в полях, в лесу, на огороде видела снег, еще позимнему белый-пребелый, искрящийся, слепящий глаза. И лишь глубокая, насыщенная голубизна неба, какая бывает только в марте, яркое, ясное солнышко, теплыми своими лучами уже пригревающее кирпичные стены дома, да редкие, едва проклюнувшиеся проталинки на кочках, да еще несмело вытекающие из-под снега ручейки талой воды говорили о приходе весны. Она необъяснимым каким-то чутьем угадывалась в свежести воздуха, в дуновении ветра, в моем внутреннем неугасающем ликовании от ожидания еще чего-то неясного, но непременно светлого и хорошего. Наверное, это состояние можно сравнить с пробуждением деревьев, которых весенний ток соков и сила жизни оживляют после крепкой зимней спячки и заиндевелости...» (Cit. op., с. 155). Хоть единое слово можно изъять из этого стихотворения?! «...Для меня пропустить мартовские весенние ручьи, как и майское цветение черемухи и

* Виктор Астафьев. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 8. Красноярск, "Офсет", 1997 г. «Паруня», с. 27

сирени, в ароматные гроздья которых люблю зарыться лицом,— значит потерять год» (Cit. op., с. 156).

Кто из читателей, познакомившись с описанием автора летней красы любимых сибирских мест, не захочет навсегда поселиться там? — «Середина лета. Вечереет. Грустные сумерки неспешно опускаются на горячую землю сгущающейся синевой. В природе всегда сквозит какая-то необъяснимая, едва уловимая грусть в предвечерье, когда день переходит в вечер. Говорят, именно на исходе дня природа вступает в самый тесный контакт и наивысшую гармонию с человеком и приоткрывает ему свои тайны. Все обволакивает умиротворение, тишина, покой, нарушаемые только пронзительным монотонным стрекотанием кузнечиков в росистой траве да ленивым лаем собак. С небес, с гор, с катунских островов, от реки веет прохладой, а от земли идет тепло с тем незабываемым запахом самой земли, который можно уловить только в это время суток или после теплого дождя. Но после дождя примешивается еще и запах воды, и свежесть озона, витающего в воздухе, а в предвечерье, без дождя, земля пахнет по-особому, первозданно самой собой — землей и травой» (Cit. op., с. 103).

В целом природа, которой посвящена довольно большая отдельная глава в книге с соответствующим названием: «Как дивна мира красота! Заметки о природе (зарисовки с натуры)», выступает в мироощущении Людмилы Алтуниной, как безотказный целитель, лучший врачеватель и надежный сотоварищ человека. С ней надо не просто тесно и преданно дружить, но дружить бережно, заботясь о ней, и бесконечно любовно — быть в неразрывном благодарном единстве. И не только брать от природы, но и давать что-то взамен: сажать деревья, кустарники и цветы, ухаживать за землей и реками.

Однако любящее сердце Л. Д. Алтуниной, как и все любящие сердца, ранимо и с горечью реагирует, если встречает несправедливость, зло, нищету, боль, если Родина находится в тяжелом состоянии, если любимая земля плачет и стонет. Судьба родного Отечества небезразлична автору. Она глубоко волнует и заботит ее — это очевидно по всему ее творчеству.

Она считает, что с прошлой страной мы потеряли и что-то хорошее...

«...В их совхозе, когда-то — до провальных 90-х годов прошлого столетия — очень богатом... в постсоветское время справное это хозяйство пришло в полный упадок: сады забросили, полеводство — тоже; не стало ни коров, ни свиней, завод почти остановился, ценное оборудование растащили, ...квалифицированные специалисты разбрелись кто куда...» (Cit. op., с. 42).

И это на фоне процветающих столичных городов, хотя и там есть большое расслоение среди населения. Людмила Дмитриевна через героев рассказов передает свое, прямо скажем, недоверие такому мегаполису с его большим скоплением людей, с его толпами, сутолокой и стремлением к обогащению, к потреблению, к разного рода развлечениям и наслаждениям. Она думает, что большинство того, чем завлекает, обвораживает и прельщает большой город, для человека совершенно лишнее и показывает, как, к сожалению, в ущерб духовно-нравственному самосовершенствованию укореняется дух потребительства, предпринимательства, стремление к обогащению и деньгам, к «красивой» жизни в роскоши, не присущий человеку, выросшему в советское время, как противится этому душа простого русского человека (Cit. op., с. 73). «Можно жить иначе, ... — несуетно. И надо уметь довольствоваться малым...» — говорит Л. Алтунина (Cit. op., с. 354). Ну а в провинциальных городах и городках жизнь не лучше, чем на селе, когда у большинства их жителей бóльшая часть пенсии и зарплаты уходит на оплату услуг ЖКХ и лекарства... Между строк произведения звучит голос автора, призывающий богатых: «Все деньги, деньги и

деньги. Нельзя так!» и малоимущих — не завидовать, ибо нет ничего хорошего там, где потребление поставлено во главу угла.

Чуткое ухо Людмилы Алтуниной различает гулкие удары колоколов над Россией. Они как бы говорят: «Господь вразумит и наставит вас, люди. Покажет путь на земле, научит любить ее. Веруйте и идите тем путем, молясь, без печали, уныния и сомнений. И даст вам Бог каждому этой дорогой, не плутая, в свое время дойти и обрести заповеданный град Китеж!»

Писатель приветствует людей, умеющих понять, кто правду и дельное говорит, а кто безответственный говорун или, того хуже, лжец, ведь говорят увлеченно, убежденно и чрезвычайно много. Как ее героиня, которая «...внутренним своим чутьем угадывала, чувствовала и безошибочно отличала... все настоящее от ненастоящего. Принимала жизнь именно во всех ее живых, истинных проявлениях, как и сама жила...» (Cit. op., с. 44).

Л. Д. Алтуниной, естественно, свойственен патриотизм. Не «квасной» или пустозвонный, а истинный. Это наглядно проявляется в ее реакции на гибель российского летчика Олега Пешкова в Сирии (Cit. op., с. 388). «...Как мы всей семьей радовались, когда видели по ТВ, что наши летчики уцелели и катапультировались... Как надеялись они выжить! Как болели мы за них!..» (Cit. op., с. 389).

Потому-то и память о Великой Отечественной войне жива у Людмилы Дмитриевны генетически. В ее ближней родне более десятка фронтовиков. Четверо ее родных дядей-сибиряков с войны не вернулись. Младшему из них, награжденному медалью «За Отвагу!» в жестоких сражениях за Воронеж, длившихся в сорок втором более двухсот дней и ночей, было всего восемнадцать, когда он ушел на фронт. Он умер от ран в дивизионном госпитале в сорок третьем на Курской дуге в неполных двадцать лет. Там и захоронен в братской могиле. Их имена — на обелиске в Парке Победы, в республиканской столице — городе Горно-Алтайске. Потому ей близки не только сами герои-фронтовики, но и те, кто находят, может быть, уже еле заметные следы траншей и окопов, а также каски, куски оружия, любят слушать рассказы о тех событиях, ухаживают за могилами, возлагают цветы к памятникам героев войны (Cit. op., с. 54). У автора есть и документальные книги о Великой Отечественной войне (Cit. op., с. 349). Ею немало написано о советских воинах (Cit. op., с. 399), представителях всех национальностей и народностей великой страны. Потому вспышки межнациональных противоречий восьмидесятых и девяностых годов вызывают у писателя глубокое неприятие. Так, Л. Алтунина пишет: «Жили дружно, весело. Было много друзей ... причем друзей со всего бывшего Союза. Не было никаких раздоров и с местными — все дружили между собой и по-соседски, и как коллеги. И все рухнуло, можно сказать, в одночасье, с развалом Советского Союза. Откуда-то вдруг у местных жителей возникли националистические настроения, все чаще стало звучать в адрес русских: “Понаехали тут...”» (Cit. op., с. 71).

Особое место в творчестве автора занимает любовь к Пушкину и Тургеневу. «У меня тоже есть и “мой” Пушкин. Есть и “мой” Тургенев. Сначала пришел ко мне Александр Сергеевич, потом — Иван Сергеевич. Я полюбила их всем сердцем. Они стали для меня как бы родными людьми» (Cit. op., с. 372) / «...Потрясением еще в детстве Тургенев вошел в мою жизнь и навсегда в ней остался. Герои тургеневских рассказов, некоторые события в них для меня — не только реальны, “списанные” с простых людей, но и вполне узнаваемы и даже близки...» (Cit. op., с. 373). А тургеневское ощущение родины, ее настоящего духа! «...Малую, как и большую свою Родину,

он всегда нес в сердце, был предан ей и верен. И сегодня читающему его он как бы заново многое открывает в этом нашем патриотическом мироощущении» (Cit. op., с. 377).

Вот и когда коренная сибирячка Людмила Алтунина приехала в центр России — на малую родину мужа, Вячеслава Алтунина, то полюбила «всю эту среднерусскую красоту» (Cit. op., с. 159). На земле у писательницы три, как она говорит, «не просто географических, но и душевных точки опоры: моя малая родина — Горный Алтай; Казань — лучший город на планете для меня, где прошли наши с мужем чудесные студенческие годы, и Центральная полоса России — Тула, где живу уже более сорока лет, где родились и выросли трое наших детей, а теперь растут и внуки» (Cit. op., с. 283). Но любит Л. Д. Алтунина все уголки Родины: и моря ее, и леса, и сады, и города, и другие места. И обо всех их говорит с любовью и поэтично (Cit. op., с. 307— 319).

Дорогой читатель! В заключение настоятельно и от всего сердца рекомендую — непременно прочтите книгу Л. Алтуниной «Чайка с того света...». Вы найдете в ней много ценного и полезного и для себя, и для воспитания своих детей. И самое главное, найдете там большую Душу, великое Сердце, душу и сердце Чайки Света — Людмилы Дмитриевны Алтуниной!

Яков Шафран,
г. Тула

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГУ НИКОЛАЯ МАКАРОВА «ВОСПОМИНАНИЯ ТУЛЬСКОГО ДЕСАНТНИКА»

НИКОЛАЙ МАКАРОВ — О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

В начале статьи расскажу немного об авторе книги «Воспоминания тульского десантника» Николае Алексеевиче Макарове. Родился он 11 декабря 1947 года в городе Мичуринске Тамбовской области. Образование высшее. Врач. Десантник.

С 1972 по 1993 год служил в армии. Участвовал в боевых действиях в Афганистане. Принимал участие в событиях на Кавказе. Привлекался (1975—1980) для обеспечения космических полетов по линии Поисково-спасательной службы ВВС.

Кроме того Макаров Н. А.— гвардии майор медицинской службы, член Союза писателей России, член редколлегии журнала «Приокские зори». Автор 23 книг, печатался в журналах, альманахах, газетах. Лауреат литературных премий: имени Л. Н. Толстого, «Левша» имени Н. С. Лескова, имени С. И. Мосина.

«Творчество всякого талантливого автора отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается вполне индивидуально, психикой художника»,— писал В. В. Воровский.

Читая книги Николая Алексеевича, мы видим, что творческий облик писателя неразрывно связан с особенностями его биографии.

Главный редактор литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори» Алексей Афанасьевич Яшин в предисловии к первому изданию книги «Записки батальонного врача» (часть «Записок» вошла в новую книгу) написал: «Семь лет назад, встретив Николая Макарова и зная его много лет, впервые услышал от него увлекательные рассказы о службе в Воздушно-десантных войсках, о его встречах с интересными людьми, о его профессии военного врача, о веселых и грустных приключениях — иначе и не назовешь — случившихся с ним самим за более чем двадцать лет службы в Армии, о его детстве, школе, институте...».

Жизнь представляет собой череду событий, открытий, совершаемых человеком. Жизнь — это путь, начиная от рождения до самой смерти.

Первые главы четвертого издания этой книги: «Истоки», «Восьмая школа», «Томск», «Институт» посвящены родителям автора, а также его детским и юношеским годам.

В главе «Истоки» автор пишет: «Где-то прочитал в детском возрасте у Марка Твена: «Дети, будьте осторожны при выборе своих родителей».

«Я не проявил ни йоты осторожности, нет, не в выборе места и времени рождения. Какая, на фиг, может быть осторожность, если на улице декабрьские морозы под сорок (заканчивался, как ни странно, сорок седьмой, аж прошлого века), а у матери тоже под сорок и более, только с противоположным знаком. И тифозный мужской барак, куда свозили со всего Мичуринска и окрестностей (Тамбовские бурые товарищи — мои земляки, и тем горжусь) послевоенных бедолаг умирать, а кому посчастливится, у кого где-то там, в Горних Высях, имеются покровители, то и выжить. Выжить вопреки логике и здравому смыслу. Мать в тифозном бараке рожала. Я в тифозном бараке родился. Мать и я выжили. Как выжил в сорок втором и мой отец — Макаров Алексей Дмитриевич».

Отец писателя — участник Великой Отечественной войны, фронтовой разведчик, потерявший в бою ноги и ставший инвалидом. После окончания института работал в сельской школе. Писал стихи. Мать автора — тоже преподавала в этой школе.

Далее Николай Алексеевич вспоминает учебу в институте, свою службу в Советской Армии. Он полон сил и надежд, он горит идеей и с большим энтузиазмом и огнем в глазах стремится к намеченной цели. И здесь на него обрушивается поток самых разных жизненных историй и приключений.

Советская армия — самое яркое воспоминание и в моей жизни, это не только армейская школа, но и школа жизни. Служба армейская, как и наша молодость, будут с нами всегда! И очень хорошо, что писатель сохранил на страницах книги атмосферу того времени, когда мы были молоды.

Армейский коллектив — сложная структура, которая функционирует по своим правилам. Здесь существует строгая иерархия, которая прописана в Уставе. Конечно, кроме деления военнослужащих на подчиненных и начальников, существует еще и неформальная иерархия. И я знаю по своему опыту, что порядок в подразделении зависит от командира. Если он честно служит, а не выслуживается, и переживает за свое дело и вверенных ему людей, то в его вотчине будет полный порядок.

За годы службы у Николая Алексеевича накопился огромный багаж воспоминаний. Они прошли через его душу, переживания, радости и надежды. Он открывается перед читателями, делясь личным и сокровенным. Ему есть что рассказать. За его плечами большая, насыщенная событиями, интересная жизнь.

Так, автор пишет: «Чем, в принципе, отличаются военнослужащие от гражданского населения?

Однообразием. Одинаковая форма одежды, одинаковый строевой шаг.

Одинаковая... Одинаковый... Одинаковое... «Безобразно, но однообразно!» Правильно, этим и сильна Армия.

Но, однообразие до разумных пределов. Не до маразматических выкрутасов и вывертов разнообразных. И что характерно, чем ниже по званию начальник, командир, тем изощреннее, тем унизительнее он старается задавить своих подчиненных. А если вдобавок не хватает знаний, не «тянет» интеллект — пиши, пропало. Вместо того, чтобы заниматься боевой подготовкой (стрельбой, рукопашным боем, тактикой), можно (что намного проще) проводить бесчисленные заседания и собрания, по всякому пустяку строить личный состав».

Макаров Н. А. не только интересный автор, но и, без сомнения, добрый и умный человек, способный больше отдавать, чем брать. Это писатель — жизнелюб, а его

проза — мировоззренческое осмысление жизни. Произведение носит мемуарный, автобиографический характер.

Основанное на реальных событиях, его произведение легко читается. Здесь есть место переживаниям, метким и тонким наблюдениям, психоанализу. Он просто называет вещи своими именами, используя свежие, незатасканные слова. Основное внимание сосредотачивается им на чувствах и ассоциациях.

В ней немало мест, исполненных живого и светлого юмора (главы: «Этюды армейской жизни», «Как я не стал»). Каждый человек по-своему уникален, руководствуется своими чувствами, побуждениями, желаниями. Проблема взаимопонимания — ключевой аспект этих глав. Автор подводит нас к мысли, что мы должны заботиться друг о друге и оказывать помощь. Стиль изложения подчеркивает комизм описываемых ситуаций, которые просты и понятны каждому. В них искрится живая наблюдательность, звучит берущая за душу задиристая нотка, чистая и светлая. Такая интонация рождает атмосферу особого доверия к автору.

Такое выдумать невозможно. Это нужно прочувствовать, испытать и понять.

В новостях и телевизионных передачах нам обычно рассказывают о подготовке космонавтов к полетам, стартах космических кораблей, научных космических программах. И довольно скупо говорится о том, кто встречает эти приземлившиеся космические корабли.

Радость от возвращения на землю из рискованного путешествия может омрачиться более серьезными испытаниями, чем в самом космосе.

Сразу найти приземлившихся космонавтов, оказать им необходимую помощь и поддержку входит в обязанности вертолетного полка, к которому был прикреплен в качестве врача-десантника автор книги — Н. А. Макаров.

В главе «О космосе» Николай Алексеевич рассказывает: «...Шесть лет. Шесть лет, с апреля 1975 года по декабрь 1980 года, меня привлекали по линии Поисково-спасательной службы ВВС для обслуживания космических полетов. В основном, запусков и спусков космонавтов. Привлекали, наряду с другими, в качестве врача-десантника. Из двадцати одного запуска за это время мне пришлось пропустить только три. В октябре 1976 года (Зудов — Рождественский на «Союзе-23») и в июле 1978 года (Коваленок — Иванченков на «Союзе-29» — «Салюте-6» и Климук — Гермашевский на «Союзе-30» — «Салюте-6»)». Обо всем увиденном и пережитом автор подробно написал в книге.

Писатель умеет изображать характеры людей и явления реальной жизни в их основных, ведущих чертах. Очень хорошо сказал об этом И. С. Тургенев: «Кто все детали передает — пропал. Надо уметь схватывать одни характеристические детали. В этом одном и состоит талант».

Читатели ищут и находят в книге строчки, созвучные их мыслям и чувствам. Их радует встреча с автором «по душе».

Н. А. Макаров — мастер обличения лицемерия, подлости, фальши и самообольщения (глава «О тех, с кем служил»). А функция литературы и состоит в том, чтобы правильно ставить вопросы в художественной форме с позиций нравственности и отвечать на них. Хочется верить в человеческую отзывчивость, доброту и честность. Ведь они творят чудеса, изгоняя недоверие, непонимание и враждебность.

В книге «Воспоминания тульского десантника» сохраняется память сердца, звучит авторский рассказ о времени и о себе.

Непростой проблеме нравственного выбора посвящена глава «Горячие точки и ГКЧП». Здесь Николай Алексеевич вспоминает о своих встречах с генералом А. И. Лебедем.

Как оценить этого человека? Для одних он — Герой, а для других — Предатель!

Решать для себя должен каждый в соответствии с собственным представлением о нравственности, долге и чести.

Так, генерал А. И. Лебедь не выполнил приказ Министра Обороны. Если бы он не предал — Б. Н. Ельцин не победил и не произошел бы развал Советского Союза, за сохранение которого проголосовало подавляющее большинство советских людей. Это знают все, кто был взрослым в девяностые годы. Если бы генерал исполнил присягу, сейчас могло бы быть все по-другому.

Приведу эпизод об этих событиях из книги Н. А. Макарова: «Кто-то на свой транзистор ловит «чужой» голос. Все ошарашены! Что он несет? Этот гадюшник? Какую ересь порет? Не может быть! Чтобы Лебедь? Наш Лебедь! Предал? Сдал? Нас с потрохами! То есть, с батальоном десанта перешел на сторону Ельцина!..

В этот момент в тактический класс входит Попов. Входит тень от Попова. Серая, враз осунувшаяся тень эталона настоящего русского Офицера.

— Звонил Лебедь! Просил не считать его предателем! — гробовую тишину прервал тусклый, с осипшим надрывом голос Попова.— Всем сдать оружие и по домам!».

«Настоящий человек является прежде всего сыном своей страны, гражданином своего отечества, горячо принимающий к сердцу его интересы,— утверждал В. Г. Белинский. А генерал Лебедь предпочел свои интересы интересам страны. И кто он после этого?

Писательский труд — это очень сложная и кропотливая деятельность, которая требует полной погруженности в рабочий процесс.

К книге «Воспоминания тульского десантника» с уверенностью можно отнести утверждение Вольтера, что «читая в первый раз хорошую книгу, мы испытаем то же чувство, как при приобретении нового друга. Вновь прочитать уже читанную книгу, значит вновь увидеть старого друга».

Книга действительно удалась, она изобилует запоминающимися эпизодами и деталями. От ее прочтения остается светлое ощущение. Так и держать, уважаемый Николай Алексеевич!

Евгений Трещев,
г. Щекино

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ НИКОЛАЯ МАКАРОВА «ВОСПОМИНАНИЯ ТУЛЬСКОГО ДЕСАНТНИКА»

Книга Макарова Н. А. «Воспоминания тульского десантника» является, по сути, его автобиографическим повествованием, рассказом о жизненном пути автора, начиная с детских лет и завершаясь службой в воздушно-десантных войсках и увольнением в запас.

Автор последовательно рассказывает о своей сельской, городской, школьной и институтской жизни. Он с любовью пишет о своем детстве, о людях, которые его окружали, о школьных друзьях и товарищах, о сельском и городском быте того времени, расцвечивая повествование интересными и сегодня для многих, особенно для молодежи, неизвестными или малоизвестными деталями.

Для понимания дальнейшей творческой судьбы автора важно то, что уже на студенческой скамье он начинает писать свои первые журналистские заметки, первые рассказы, часть из которых вошла в его книгу. Это уже тогда позволяло говорить о его проявляющемся литературном таланте.

Но, конечно, главное в книге — это повествование о жизни и работе офицера-

медика, более двадцати лет прослужившего в воздушно-десантных войсках. Что, учитывая их специфику, делает книгу и записки ее автора особенно интересными и привлекательными. Причем, не просто привлекательными, но и заслуживающими серьезного внимания, поскольку Макаров Н. А. принимал участие в Афганской войне, прошел многие горячие точки начинающегося разваливаться Советского Союза: Сумгаит, Тбилиси, Баку.

Не случайно, что самая большая часть книги посвящена службе автора в первом парашютно-десантном батальоне Тульского 51-го гвардейского Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка и в целом в 106-ой гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-ой степени дивизии.

Макаров Н. А. с любовью, уважением, а иногда и с восхищением пишет о солдатах и офицерах, с которыми его свела судьба в различных жизненных ситуациях. Дает им очень интересные, точные характеристики, отмечая особенности и своеобразие их характеров, подходов к выполнению ими своих служебных обязанностей. Причем делает это не заигрывая, не пытаясь что-то приукрасить, слащаво рассказать об этих людях, а давая им иногда даже жесткие, нелицеприятные оценки, которые делают героев его записок особенно узнаваемыми и интересными.

Автор профессионально рассказывает о буднях армейского быта, рисует характерные сценки службы десантников. Все это дается в тесной увязке с жизнью и деятельностью конкретных людей, солдат и офицеров Тульской воздушно-десантной дивизии.

Причем, как военврач парашютно-десантных войск, Макаров Н. А. занимался не только медицинской работой в батальоне и дивизии, но и своей военной подготовкой, в ходе которой лично совершил более ста прыжков с парашютом. Этому он уделил в записках особое внимание, рассказывая о своих ощущениях и парашютных прыжках своих товарищей.

Наверняка привлекут внимание читающих эту книгу записки автора о событиях августа 1991 года, связанных с образованием ГКЧП и участии в них тульских десантников.

Читателям будут, безусловно, интересны и малоизвестные детали деятельности Поисково-спасательной службы Военно-воздушных сил, куда автора привлекали на протяжении более пяти лет для обеспечения космических полетов.

Книга «Воспоминания тульского десантника» написана хорошим русским литературным языком. Иногда он несколько грубоватый, своеобразный, но точно передает живой армейский язык и армейскую лексику. При этом автор не переходит ту грань, которая отделяет нормативный русский язык от ненормативного, ставшего сегодня для некоторых так называемых «писателей» показателем их якобы «творческого таланта». Автора отличает хорошее чувство юмора. Книга читается легко, с большим интересом.

В целом книга Макарова Н. А. интересна тем, что ее автор, описывая реальные события, жизненные ситуации, не придумывает их, не старается приукрасить, показать себя в выгодном свете, а честно и правдиво рассказывает о своей жизни и жизни своих героев. Поэтому у читателя воспоминаний даже не возникает мысли об их придуманности или надуманности, нереальности или неправдоподобности рассказов автора.

При этом Макаров Н. А. четко определяет свою гражданскую позицию, с возмущением пишет о некоторых фактах хамства, грубости, а иногда и подлости, к сожалению встречающихся в армейской, да и не только в армейской, среде, но отмечает при этом, что в ВДВ они встречаются в меньшей степени.

Вообще книга проникнута чувством любви автора к воздушно-десантным вой-

скам, к своим товарищам по оружию, гордости за принадлежность к этому славному роду войск, исповедующему девиз: «Никто, кроме нас!».

Сегодня Макаров Н. А. стал, в первую очередь, писателем, героями которого являются люди в военной форме, выполнявшие и выполняющие гражданский и военный долг, защищавшие и защищающие нашу Родину. Он автор книг о туляках: участниках Великой Отечественной войны и Афганской войны, различных военных конфликтов, артиллеристах, суворовцах.

И это не случайно. Николай Алексеевич — сын героя Великой Отечественной войны Алексея Дмитриевича Макарова. Поэтому автор начинает свою книгу с рассказа об отце, фронтовом разведчике, семнадцатилетнем юноше, ушедшем добровольно на фронт и тяжело раненном во время одного из боев. Чудом оставшись в живых, но потеряв обе ноги, Алексей Дмитриевич сумел стать полноценным человеком, посвятив себя благородному делу воспитания молодого поколения, проработав тридцать четыре года в сельской школе учителем, а затем и ее директором.

Безусловно, пример отца стал путеводной звездой для его сына Николая Алексеевича Макарова, во много повлиял на формирование его характера, определил его жизненный путь. Офицер-десантник Макаров Н. А. прошел этот путь достойно и сегодня имеет полное право, обращаясь в своей книге «Воспоминания тульского десантника» к молодому поколению третьего тысячелетия, сказать, что оно должно иметь своих героев, которых будет всегда вдохновлять «мужественный образ наших героических дедов и прадедов».

А. И. Юрьев,
доктор исторических наук, профессор,
вице-президент Международной
педагогической академии,
ветеран боевых действий в Афганистане

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

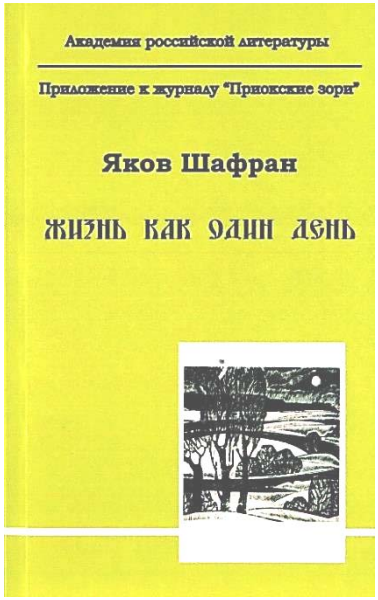
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

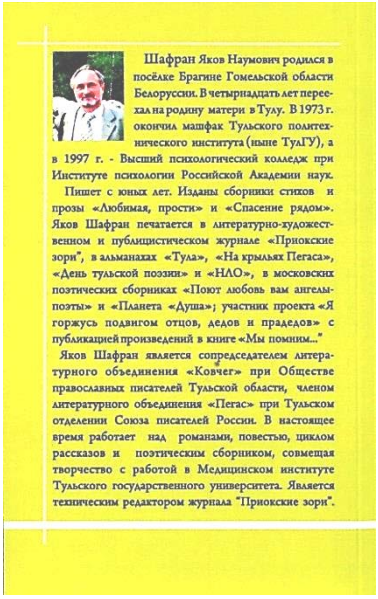
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2020.— №№ 1, 2.

2. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2019.— № 4—6 (в номере № 6 опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина), № 1.

3. *Московский Парнас:* Вестник Академии российской литературы — литературный альманах.— 2019.— № 3 (в номере опубликован материал Алексея Яшина), 2020.— № 1.

4. *Иртышъ и Омь:* Литературно-художественный журнал.— 2019.— № 1—2 (31—32) (в номере опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

5. *Врата Сибири:* Литературно-художественный и историко-краеведческий альманах.— 2018.— № 1(50) (в номере опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина); 2018.— № 2(51); 2019.— № 1(52) (в номере представлен альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» и его авторы: Яков Шафран, Олеся Маматкулова, Евгения Курганова, Александр Кердан, Светлана Макашова, Виктор Борисов).

6. *Тульское слово*. Сборник произведений тульских писателей. Вып. 2 / Ред. и сост. В. Я. Маслов.— Тула: Аквариус, 2019.— 332 с.

7. *Керим Волковыский.* Раньше книги сжигали: Стихотворения и поэмы.— М.: Время, 2020.— 192 с. (Серия «Поэтическая библиотека»).

8. *Владислава Васильева*. Нелюбовь: Сборник рассказов.— Тула: Аквариус, 2019.— 144 с.

9. *Грешневиков А. Н.* Уроки Валентина Распутина.— М.: Русскій Міръ, 2019.— 376 с. ил.

10. *Вячеслав Тебенко*. На своей стороне.— СПб: Изд-во ООО «Союз писателей Петербурга», 2019.— 432 с.

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *На лирической волне:* Альманах журнала «Приокские зори». Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 5.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 106 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Тульская сторонка:* Региональный музыкально-литературный альманах. Песни и романсы, стихи, рассказы, статьи и рецензии. Вып. 5.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 100 с. (Библиотека журнала «Приокские зори).

4. *Валерий Демидов*. Не силой строится судьба... Поэтическая публицистика / Предисл. Эдуарда Георгиевского.— Тула: «Полиграфинвест», 2019.— 357 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Яков Шафран*. Восхождение: психологический роман.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 340 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

6. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Кн. 1: Чайка с того света: рассказы, повести, очерки, эссе.— М.: Бит-принт, 2019.— 424 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

7. *Яшин А. А.* Житие наше оцифрованное: Новеллино: Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

8. *На крыльях Пегаса.* Альманах. Вып. 14.— 375 с.; Вып. 16.— 188 с.— Тула: ООО ПКФ «Полиграфинвест», 2018 и 2019 гг. (Библиотека журнала «Приокские зори).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2020-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые друзья, коллеги!

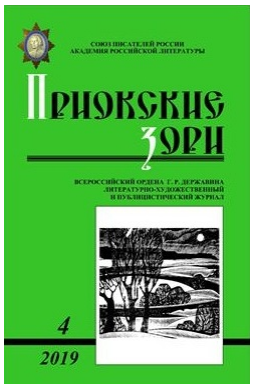
Представляем обзор новых тульских периодических изданий, поступивших в Правление Академии РЛ.

1. Музыкально-литературный альманах «НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ», выпуск 5, 2019 г. («Библиотека журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»)

2. Региональный музыкально-литературный альманах «ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА», выпуск 5, 2019 г. («Библиотека журнала «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»)

3. Литературно-художественный журнал «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» № 4 2019 г.

Редакция журнала «Приокские зори» приглашает авторов, пишущих музыку, тексты для музыкальных произведений, для возможной публикации в альманахе «НА ЛИРИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ».



Правление Академии поздравляет тульских коллег с изданиями и желает коллективу журнала «Приокские зори» новых творческих достижений!

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 1 ОТ 18 ФЕВРАЛЯ 2020 ГОДА

Уважаемые авторы и читатели «Приокских зорь», редакции дружественных нам литературных изданий, литературные общества и союзы!

В наступившем году исполняется 15 лет издания всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Подчеркнем: строго регулярного, по графику, издания, без «сдвоенных» номеров и пр. Инфраструктура журнала к настоящему времени включает в себя собственно периодически издаваемый журнал, его альманахи: «Ковчег», «На лириче-

ской волне» и «Тульская сторонка», продолжающиеся серии авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори». Без малого десять лет присуждается всероссийская литературная премия «Левша» им. Н. С. Лескова за лучшие публикации в журнале «Приокские зори» текущего года — в четырех номинациях. Редакция и редколлегия журнала признательны своим авторам, читателям и дружественным нам литературным изданиям за интерес к «Приокским зорям», литературную поддержку его издания.

В течение всего этого года — и особенно в юбилейном № 4, 2020 — мы планируем публиковать материалы наших авторов, посвященные указанной скромной — но, дате! Редакция принимает и публикует в очередных номерах журнала — по мере поступления — юбилейные материалы, а именно:

— очерковые статьи о современной литературной периодике с указанием роли в ней нашего журнала;

— аналитические обзоры по содержанию журнала за <все или отдельно взятые> годы издания журнала;

— литературоведческие или литературно-критические работы по всему спектру публикаций в «Приокских зорях»;

— поздравления отдельных авторов и читателей, а также официальные поздравления от литературных союзов всех уровней, редакций литературной периодики, любых иных общественных и других организаций;

— иные материалы, имеющие отношение к окружению и литературным традициям «Приокских зорь».

(С номерами журнала и выпусками его альманахов можно познакомиться на сайте журнала — http://www.pz.tula.ru)

Материалы слать по адресу: bonyans@yandex.ru **с пометкой**: «К юбилею».

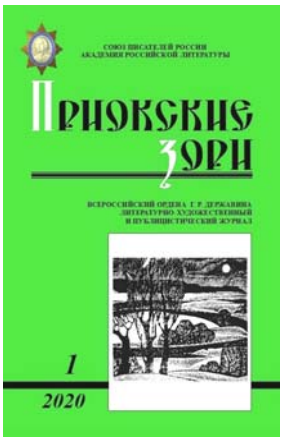
Приветствуем поздравительные публикации в других литературных изданиях. Наш «бумажный» адрес: 300025, Тула, а/я 920, Яшину А. А.

С признательностью, редакция «Приокских зорь»

* * *

Дорогие друзья! Накануне прекрасного весеннего праздника 8 Марта в известном тульском издательстве «Аквариус» вышел № 6 регионального музыкально-литературного альманаха «ТУЛЬСКАЯ СТОРОНКА». Песни, стихи, рассказы этого номера посвящены 75-летию Великой Победы. Оригинальный формат альманахов «Тульская сторонка» и «На лирической волне», в котором ноты романсов, песен и инструментальных пьес (для фортепиано, баяна) составляют не менее половины всех публикуемых произведений, пожалуй, не имеет аналогов в современной периодике России (по данным Роскомнадзора). Со всеми выпусками альманаха «Тульская сторонка» вы можете подробно познакомиться по ссылке:
https://yadi.sk/d/vJAs4RShUCeKvA

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ» № 5 ОТ 20 МАРТА 2020 Г.



Уважаемые читатели и авторы «Приокских зорь»!

Шлем Вам «Оглавление № 1, 2020 "ПЗ"» и страницы его обложки. Номер журнала выйдет в конце марта месяца. Заявки на приобретение его необходимо присылать не позднее 1 апреля 2020 г. В этом году наш журнал отмечает свое 15-летие выхода: точно по графику, без сдвоенных номеров, без копейки какого-либо финансирования, при полном отрицании нашего существования Тульской писательской организацией СПР <«лучше никто, если не мы»>, но зато с полным же одобрением Союза писателей России и Академии российской литературы, под эгидой которых журнал выходит. И, конечно же, великое спасибо нашим замечательным авторам и читателям — ведь журнал издается для вас!

15-летие суть пора начала взросления, а значит, учитывая опыт, «друг ошибок трудных», предыдущих годов издания, на пороге «совершеннолетия» следует и нам пересмотреть отдельные моменты, ибо quod licet bovi , non licet Jovi , то есть что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру... Эти моменты, конечно, несколько стесняют творческую свободу авторов, но они общеисполнимы литературной журналистикой (и наши, «приокские», авторы ранее порой грешили...)

1. Ранее мы не предъявляли авторам возражений в части печати уже опубликованных произведений; это сознательно делалось, исходя из: а) создание обширного круга «наших» авторов; (б) малотиражности нынешних журналов, каждый из которых «обслуживает» свой, узкий круг читателей; (в) обычное утверждение, что однажды опубликованное уже попадает в интернет и пр., полагаем необоснованным — как показывает анализ, в интернете читают (смотрят) что угодно, но не художественную литературу. Поэтому, начиная с № 1, 2020 «ПЗ», мы публикуем только новые, ранее не печатавшиеся в литжурналах произведения, что авторы подтверждают в сопроводительном письме своего предложения (после публикации в «Приокских зорях» авторы вольны печатать произведения в других литжурналах). Данное ограничение не относится к произведениям, ранее опубликованным в авторских книгах, коллективных сборниках и альманахах — учитывая их крошечные тиражи и полное отсутствие книгораспространительной сети.

2. Несмотря на наши многократные разъяснения, авторы предваряют свои произведения творческо-биографическими справками (ТБС) до 1,5...2 страниц объема (!). Любой отдел кадров позавидует таким подробным автобиографиям...

Поэтому настоятельно рекомендуем авторам: а) прилагать ТБС (с фото автора) объемом не более 8…10 стандартных машинописных строк (шрифт 14); б) в ТБС указывать только факты, связанные с литературной деятельностью; в) лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова обязательно указывают этот факт в ТБС.

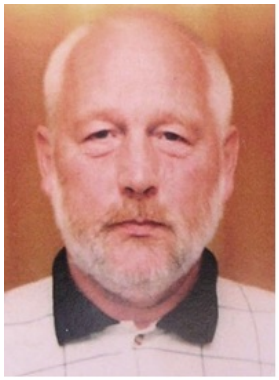
3. Мы всегда придерживались мнения, что в ежеквартальном журнале недопустимы публикации произведений крупного жанра (роман, повесть, «многотомные» мемуары и поэмы и пр.) с продолжением из номера в номер, что является нонсенсом: «ждать» продолжения по три месяца! Но как-то получилось, навроде как «тихой сапой», эта порочная практика стала разрастаться. И сами члены редколлегии здесь подкузьмили: вроде как по делу... но — раскаиваемся.

Поэтому, начиная с № 1, 2020 «ПЗ», журнал не печатает произведений «с продолжением». Если автору угодно представить свой роман, повесть (или см. выше, поэму свыше 1 а. л.) в «ПЗ», то он может дать сюжетно-центральные, литературно-выигрышные главы своего произведения объемом не более 1,5 а. л. (больше — только по предварительному согласованию с редакцией). Допускается в течение года представлять таковые главы дважды, но — без акцентации на «с продолжением».

...Как говорится, не корысти для, а только для придания журналу качества «повзрослевшего».

С уважением, редакция «Приокских зорь»

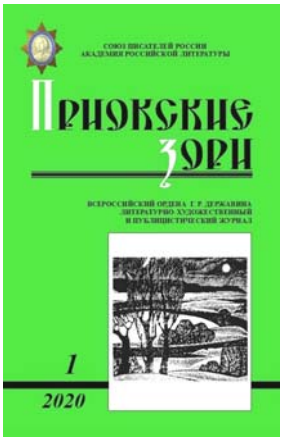
* * *



В рубрике «Представляем региональные издания Академии» предлагаем вашему вниманию статью главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула) Алексея Афанасьевича ЯШИНА «ГЛОБАЛЬНОЕ РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА»

Информационная группа Академии РЛ

* * *



ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вышел в свет № 1 всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори».

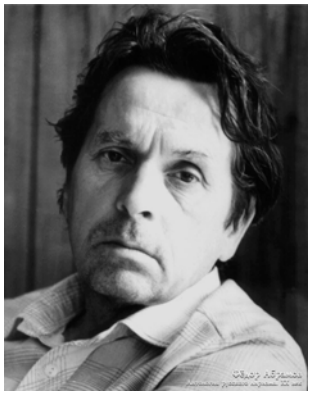
* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

Правление Академии российской литературы поздравляет членов Академии, независимых авторов, наших дорогих читателей со Светлой Пасхой Христовой и желает всем доброго здоровья, творческих сил и благополучия!

* * *

29 февраля 2020 года — 100 лет со дня рождения Федора Александровича АБРАМОВА (29 февраля 1920 — 14 мая 1983) — Елена Васильева



Федор Александрович Абрамов родился в многодетной крестьянской семье среднего достатка, жившей в деревне Верколе Архангельской области. С раннего детства трудился, так как умер отец. После сельской десятилетки стал студентом филфака ЛГУ (1938 г.). Добровольцем записался в народное ополчение в 1941 году, был дважды ранен (во второй раз очень тяжело) и чудом остался жив. После выздоровления служил в прифронтовой контрразведке «Смерше» («Смерть шпионам»)...

Еще в школе пробовал писать стихи; первая публикация — в 1937 году. После войны занялся филологией, защитил кандидатскую диссертацию. Резко выступал против Б. Эйхенбаума, М. Азадовского... Проза пришла позже: роман «Братья и сестры» — первый в цикле из четырех книг — опубликован только в 1958 году, а завершал тетралогию в 1978 году роман «Дом». Параллельно выходила в свет трилогия: «Деревянные кони» (1969 г.), «Пелагея» (1969 г.), «Алька» (1972 г.). Многие театры Советского Союза ставили спектакли по произведениям Ф. Абрамова.

Лауреат Государственной премии СССР (1975 г.), награжден орденами Ленина, Отечественной войны II степени, «Знак Почета», медалями. Умер в Ленинграде, похоронен в родной деревне, где в 1985 году был открыт литературно-мемориальный музей.

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ ВЫСТУПИЛ ЗА ИСПОЛНЕНИЕ ГЛАВНОЙ МЕЧТЫ ЖИТЕЛЕЙ ДОНБАССА

Союз писателей выступил за воссоединение Донбасса с Россией
(Федеральное агентство новостей / Александр Чикин)

Союз писателей России всегда поддерживал донбасские республики и выступает за то, чтобы они, в конце концов, оказались в составе России. Об этом в интервью Федеральному агентству новостей заявил председатель СПР Николай Иванов.

«Мы не скрываем своей позиции, хотя понимаем, что в данной исторической ситуации такой шаг руководству России будет сделать сложно»,— заявил собеседник ФАН.

По его словам, сегодня даже нет четкого понимания, как проводить границу в Донбассе, поскольку существует «серая зона», отделяющая Донецкую и Луганскую народные республики от территорий, контролируемых киевским режимом.

Недавно Николаю Иванову, который прошел несколько войн, имеет медаль «За Отвагу», руководство ДНР вручило Орден Дружбы.

«Мы, члены Союза писателей России, видим свою задачу в том, чтобы поддерживать свой народ там, где ему трудно. А в Донбассе живет наш народ, и ему трудно сейчас», — сказал Николай Иванов.

Союз писателей выступил за воссоединение Донбасса с Россией
(Федеральное агентство новостей / Наталья Макеева)

По его словам, задача писателей — не дать забыть о преступлениях, которые совершили «внуки бандеровцев» на донецкой земле.

«Если мы не напишем о том, что происходило все эти годы гражданской войны на земле Донбасса, наши враги это сделают за нас, и потомки будут судить обо всем по их книгам», — уверен собеседник ФАН.

Николай Иванов предложил сохранить часть разрушений, причиненных артиллерией ВСУ мемориальному комплексу советским солдатам на Саур-Могиле в ЛНР. Это тоже должно стать напоминанием будущим поколениям о преступлениях украинских властей и националистов.

Союз писателей России с первых месяцев гражданской войны в Донбассе оказывал гуманитарную поддержку жителям Луганской и Донецкой народных республик.

ЗНАМЕНОСЕЦ НРАВСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ Ю. В. БОНДАРЕВ

Склоняем головы пред светлой памятью писателя-фронтовика...

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и двух Государственных премий СССР, классик советской литературы, автор пронзительной мужской «лейтенантской» прозы.

На 97 году ушел из жизни большой русский писатель — Юрий Бондарев.

Юрий Васильевич Бондарев родился 15 марта 1924 года в Орске, а в 1931-м вместе с родителями переехал в Москву. В начале Великой Отечественной войны будущий писатель, которому тогда было всего 17 лет, участвовал в создании оборони-

тельных укреплений под Смоленском. Спустя еще год его направили на учебу в 2-е Бердичевское пехотное училище, а уже в октябре 1942-го юноша оказался под Сталинградом в качестве командира одного из минометных расчетов. Бондарев участвовал в боях под Котельниковским (где был контужен, получил легкое ранение в спину, а также обморожение), форсировании Днепра, освобождении Киева и сражении за Житомир, в ходе которого вновь был ранен. Войну Юрий Васильевич закончил с двумя медалями «За отвагу» и медалью «За оборону Сталинграда». После войны окончил Литературный институт имени Горького.

Бескомпромиссный и стойкий борец за справедливость, преданный идеям нравственности и доброты, свято веровавший, что «русская литература всегда была, есть и будет основой государства, утешением для народа и целительным родником».

Он много писал о войне, о личной солдатской правде и о том, как это жить после войны. Его герои реальные люди, со своими страхами и недостатками, поиском истины, мужеством и самоотречением. Вопросы нравственности всегда были для него важнее «правды о войне». «Любовь сильнее ненависти», а порядочный человек и под пулями останется порядочным человеком. В понимании Юрия Васильевича быть порядочным — «это значит уметь быть сдержанным, уметь слушать собеседника, не переступать границы гнева, а именно — уметь владеть собой, не опоздать прийти на зов о помощи в чужой беде, уметь быть благодарным». Такие простые и важные слова, но какой смысл они имеют у нас сегодня...

За шестьдесят лет работы в литературе Бондарев написал романы: «Тишина», «Двое», «Горячий снег», «Берег», «Выбор», «Игра», «Искушение», «Непротивление», «Бермудский треугольник»; повести: «Батальоны просят огня», «Последние залпы», «Родственники»; сборник рассказов «Поздним вечером»; циклы миниатюр «Мгновения»; книги статей «Поиск истины», «Взгляд в биографию», «Хранители ценностей». Его книги переведены на 85 языков мира.

В печати Бондарев дебютировал в 1949-м: его первые сочинения публиковались в таких журналах, как «Огонек», «Смена» и «Октябрь». Уже в 1951-м его приняли в Союз писателей СССР, а еще через два года вышел его первый сборник рассказов «На большой реке».

Некоторые его сочинения позднее легли в основу популярных советских фильмов — военная драма «Батальоны просят огня», созданная Александром Боголюбовым и Владимиром Чеботаревым, «Горячий снег» Гавриила Егиазарова и «Тишина» Владимира Басова.

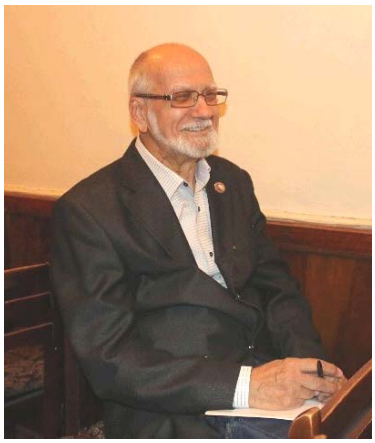
Кроме того, он был одним из авторов сценария киноэпопеи о Второй мировой войне «Освобождение».

«Вся жизнь — бесконечный выбор. Каждый день — от выбора утром каши и галстука до выбора целого вечера — с какой женщиной встретиться, куда пойти, каким образом убить проклятое время. Все совершается после выбора: любовь, война, убийство. В последние годы я часто думаю, что управляет нашим выбором при жизни? Но кто знает, есть ли выбор после смерти? Ад? Рай? Сон? Что там будет за краем?» (Юрий Бондарев «Выбор»)

Прощайте, Юрий Васильевич. Вы были и остаетесь для нас жизненным ориентиром, человеком-легендой, писателем на все времена.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь»
и Правление Академии российской литературы
поздравляют Романа Константиновича Тишковского с 85-летием!



Роман Константинович Тишковский — видный российский литературный критик, поэт, писатель и общественный деятель. Член Союза писателей России и Международного Сообщества писательских союзов. Председатель Правления Академии российской литературы (с 2019 года), главный редактор вестника Академии РЛ — литературного альманаха «Московский Парнас» (с 2018 года). Награжден: в 2007 г. МГО Союза писателей РФ «За верность традициям русской культуры и литературы» Золотой Есенинской медалью, в 2009 г. Международной ассоциацией писателей-баталистов и маринистов «за патриотическую и философскую лирику в книгах последних лет» — Золотой медалью имени Константина Симонова.

Роман Константинович родился 22 июня 1935 года, в самом сердце столицы — роддоме № 7 имени Грауэрмана, что на Арбате, по соседству с известным всей Москве рестораном «Прага». Родители жили на Брянской, 17. Двухэтажных домов с таким номером (их было три со сквозной нумерацией квартир) на Брянской улице уже нет. Сейчас на месте бывших домов — огромный автокомбинат в несколько строений, и все эти строения под четными номерами числятся по Киевской улице, параллельной Брянской.

Мама (1910—1974), Тишковская (Титова) Александра Георгиевна, родом из деревни Вашутино под Боровском. Отец (1912—1989), Тишковский Константин Петрович,— со станции Толстопальцево Киевской ж.д. Родители долгое время (до войны) работали на авиационном заводе №22 имени Горбунова в Филях. Директор завода Сергей Горбунов в 1933-ем погиб в авиакатастрофе. Отсюда, по ДК имени Горбунова, на нынешнем сленге возникло фамильярное *Горбушка*. Сам авиазавод в начале войны был эвакуирован в Казань и объединился с местным заводом того же имени.

В 1955 году, после семилетки, Роман Константинович окончил Московский Авиационный вечерний техникум (МАВТ). Техникум занимал первые два этажа корпуса НИИ-17 МАП (Министерства авиационной промышленности), выходящего на Кутузовский проспект, 34, не так уж далеко от метро Кутузовская. Сейчас это Московский НИИ приборостроения. У здания, где размещался техникум, в 2000-ом установлен памятник Валентине Гризодубовой — первой женщине-летчице, получившей звание Героя Советского Союза и проработавшей в НИИ почти 40 лет. С 1955 по 1958 — служил в Советской Армии. В 1965-ом окончил вечернее отделение Московского энергетического института (МЭИ), когда-то имени Молотова, по специальности общая радиотехника...

Первые поэтические строки родились в 1943-м, в эвакуации в Казани. Уже будучи старшеклассником Роман Константинович написал поэмы: «Гибель Ермака», «Песни про Степана Тимофеича (Разина)», «Корея» (Путь к возмездию), «Сталин», «Горы», «Охота», «Антарктида» и другие, охватывающие широким взглядом молодого поэта историю нашей страны. Конечно, стихи это были еще не «матерые», не

всегда зрелые, но разве они могут быть «зрелыми» в столь юном возрасте? Рос человек — рос поэт. Всю свою жизнь, помимо основной работы, Роман Константинович посвятил литературе.

Поэт пишет не только в общепринятой манере, но и берется за извечно трудные формы поэзии — сонеты, свободный стих, пьесы. Немало у него любовной и пейзажной, медитативной и философской лирики. И везде поэт пытается найти лишь ему присущие нюансы. Он не боится экспериментировать, нередко используя не совсем традиционную подачу материала. Но чтобы не делал поэт, к своему творчеству он всегда относится строго и ответственно, выверяя каждую строку и каждое слово. Стержнем его поэзии является искренность, так необходимая поэзии вообще. Немалую роль в его творчестве играет слегка прикрытая ирония, а то и сарказм.

Романа Тишковского можно назвать не только поэтом и литератором, но и художником, возможно, не уйди он с головой в литературу, он стал бы знаменитым портретистом или пейзажистом. Многие поэмы и стихотворения в его книгах оформлены личными рисунками автора, и здесь он предстает перед нами как самобытный художник. Талантливый человек — талантлив во всем.

На сегодня у Романа Константиновича издано более пяти тысяч стихотворений и более пяти десятков поэм. Публиковался в многотиражках, районных газетах, коллективных сборниках и периодических литературных изданиях общероссийского уровня. С 2006 г.— Роман Тишковский редактор ежегодного коллективного сборника «Созвучие» Московского Совета литературных объединений (Совет существует с 1986-го). Он призер ряда поэтических конкурсов, в том числе конкурса еженедельника «Неделя» (1984—85 гг.) «Плач Ярославны», посвященного 800-летию «Слова о полку Игореве». К настоящему времени изданы книги: «Я шел к тебе» (2002), «Пора комет» (2007), «Письма в никуда» (2009), «Поэмы 1960—1975» (2019), «Юношеские и армейские ПОЭМЫ, 1946—1960» (2018), «Белые туманы» (Люблин, 2019) — билингва: Biała mgła (Lublin, 2019).

В 2004 г. известный московский критик, создатель и главный редактор «Московского Парнаса» Леонид Ханбеков выпустил книгу «размышлений о творческой судьбе Романа Тишковского» — «Неискренности чувства убоюсь».

«Быть поэтом — значит всегда находиться в определенном состоянии. Перекличка поэтов, как перекличка состояний, вполне уместна. Брюсов работал «Шедевры» — есть они и у меня. «Высокая болезнь» Пастернака трансформируется в мой «Высокий слог». Мое «Романсеро» в чем-то созвучно Лорке. Бродя по Евпатории, я слышал рифмы Маяковского. А реминисценций из Блока в первой моей книге — можно и не считать» (Роман ТИШКОВСКИЙ).

Правление Академии российской литературы
Фото Ольги Карагодиной (23 апреля 2018 г.)

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

У **Аркадия Марковича МАРА** (Нью-Йорк, США), известного писателя и журналиста, члена Академии российской литературы, постоянного автора нашего журнала, вышла в свет новая книга «**Нескучные истории большого города**». Рассказы и повести (180 с., илл.) Книга издана в РОО «Литературное сообщество «НОВЫЕ ВИТРАЖИ», председателем которого является **Марина Юрьевна ЧАЙКИНА**. Под ее руководством авторские книги выходят качественными и оригинально изданными.

Проза Аркадия Мара проникнута добротой, искренностью и человеколюбием. Увлекательные и трогательные жизненные истории в рассказах и повестях автора понятны и близки нашим современникам и справедливо вызывают самые светлые и теплые чувства у читателя. Многие работы в книге — о детях и для детей, поэтому будут интересны самой широкой читательской аудитории.

Аркадий МАР — прозаик, член СП СССР, России, Москвы и международного ПЕН-клуба, главный редактор газеты «Русскоязычная Америка» (Нью-Йорк). Автор четырнадцати книг повестей, рассказов. Лауреат всесоюзных и всероссийских премий.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют Аркадия Мара с новым изданием в России и желают доброго здоровья и новых творческих успехов!

* * *

Творческий вечер Анатолия АВРУТИНА

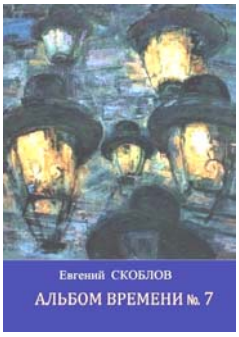
11 февраля 2020 года в Малом зале Центрального Дома литераторов состоялся творческий вечер знаменитого поэта, переводчика, публициста, литературного критика и общественного деятеля, члена Академии российской литературы, члена редколлегии нашего журнала Анатолия Аврутина (г. Минск). В мероприятии приняли участие представители Союза писателей, творческих организаций и объединений, литературных периодических изданий. С приветствием выступил председатель правления Союза писателей России **Н. Ф. Иванов**. Член Правления МГО СПР **И. Ю. Голубничий** вручил Анатолию Юрьевичу медаль И. А. Бунина «За верность отечественной литературе». От Правления АРЛ поэту была вручена Почетная грамота. На вечере был продемонстрирован хроникально-документальный фильм о жизни

и творчестве поэта, подготовленный по материалам белорусского телевидения и личных видеоархивов. А. Ю. Аврутин читал свои замечательные стихи. Они звучали также в исполнении друзей и коллег Анатолия Аврутина. На вечере Надежда Колесникова исполнила замечательные русские песни.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют Анатолия Юрьевича со знаменательным событием в его творческой жизни.

В прошлом году Анатолию Аврутину была вручена высокая государственная награда Белоруссии орден Франциска Скорины. Публикуем только что полученные фотографии:

* * *



Увидела свет новая книга Евгения Марковича СКОБЛОВА — первого заместителя Президента Академии российской литературы, замечательного прозаика, постоянного автора нашего журнала — «Альбом времени № 7». В книгу включены повесть «Альбом времени» и рассказы разных лет. Книга снабжена иллюстрациями известной художницы **Евгении Кокоревой**.

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» от всей души поздравляют Евгения Скоблова с изданием и желают новых творческих успехов!

* * *

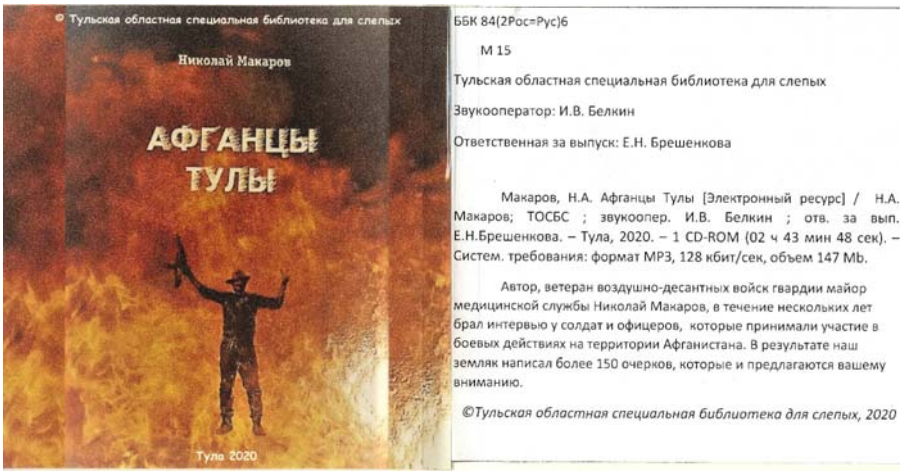
Новая книга Валерия САВОСТЬЯНОВА

Журнал «Приокские зори» поздравляет своего большого друга и постоянного автора Валерия САВОСТЬЯНОВА с выходом его новой книги «Вещий камень». Дальнейших достижений, Валерий Николаевич!

* * *

События в творческой жизни Николая МАКАРОВА

Накануне 31-й годовщины вывода советских войск из Афганистана (15.02.2020) Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиск в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова «Афганцы Тулы».



В Туле вышла в свет книга Члена Российского Союза ветеранов Афганистана, Союза писателей России, редколлегии журнала «Приокские зори» Николая Макарова «Воспоминания тульского десантника».

Книга о людях 106-й гвардейской воздушно-десантной Тульской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии, в которой автор прослужил более двадцати лет (1972—1993), о времени и о себе.

Приветствие

Уважаемые читатели!

Честь имею представить книгу активного участника Фонда поддержки земляков «Тульский край», писателя и патриота Николая Алексеевича Макарова. «Воспоминания тульского десантника» произвели на меня глубокое впечатление своей достоверностью, искренностью. Это не придуманные, а основанные на личных впечатлениях и переживаниях рассказы бывшего военного врача десантных частей, прошедшего вместе с воинами самых мобильных войск службу в степях и пустынях, в горах и лесах, и даже в далеком Афганистане.

Автор реально знает, что такое боль раненого бойца, сам не раз прыгал с парашютом в горячих точках, спасая от беды сослуживцев. Он с большим теплом пишет о солдатах и офицерах, военачальниках, интересно показывает их образы, избегая штампов и длиннот.

В этих описаниях я находил знакомые из моей далекой армейской молодости черты командиров и рядовых. Вместе с тем, каждый из персонажей индивидуален, что особенно важно.

Записки объективно и образно рисуют нелегкую службу в Воздушно-десантных войсках, но представляют ее как дело настоящих мужчин, дело, в котором есть место подвигу и романтике.

Николай Макаров уже много лет собирает материалы о земляках, которые внесли значительный вклад в защиту Отечества, укрепление оборонного могущества государства. Созданные на основе кропотливых исследований книги о туляках: суворовцах, военных медиках, артиллеристах, воинах-интернационалистах, орденоносцах и другие – стали важным фактором героико-патриотического воспитания подрастающего поколения в нашей области и всей России.

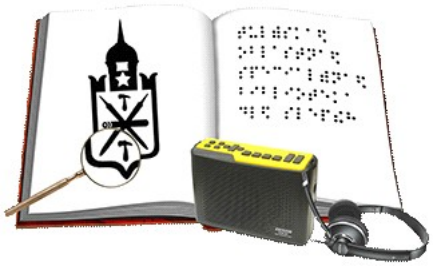
Желаем писателю, неутомимому популяризатору славных земляков Николаю Макарову новых творческих успехов.

Е. М. Давыдов,
председатель правления фонда «Тульский край»,
почетный гражданин Тульской области

О НАС ПИШУТ

Тульская областная специальная библиотека для слепых

Презентация журнала «Приокские зори» 19.02.2020



19 февраля 2020 года в Тульской областной специальной библиотеке для слепых состоялась презентация журнала «Приокские зори». На встречу с читателями пришла член редколлегии, заведующая редакцией журнала М. Г. Баланюк.

Марина Григорьевна рассказала, что литературно-художественному и публицистическому журналу «Приокские зори» в 2020 году исполняется 15 лет. Он издается в г. Туле при организационной поддержке Академии российской литературы, Тульского госуниверситета и Тульского регионального отделения Союза писателей России (председатель Н. А. Жуков). С самого начала журнал печатается попечительством Тульского государственного университета (ректор М. В. Грязев) и благодаря общественной работе редколлегии и редакции журнала.

Главным редактором с момента основания журнала и по настоящее время является тульский прозаик Алексей Яшин.

В журнале «Приокские зори» публикуются произведения писателей, поэтов и литературных публицистов Тульской области, представлено творчество литераторов из многих областей России, ближнего и дальнего Зарубежья.

За эстетическое отношение к литературному творчеству, формирование высокого читательского вкуса, верное служение отечественной литературе журнал имеет награды: орден Г. Р. Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим», медаль «300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова», медаль «К 190-летию со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова» — знак лауреата Некрасовской литературной премии.

Читатели были рады познакомиться с журналом, внимательно слушали отрывки из опубликованного в журнале произведения А. Яшина «Страна холода», который зачитала Л. Дементьева.

М. Г. Баланюк отметила, что эта повесть А. Яшина получила высокую оценку литературных критиков и много читательских отзывов. Теперь она вышла отдельной книгой и доступно всем желающим (Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гиперборeях): повесть / предисл. Л. В. Ханбекова; Петровская академия наук и искусств; Независимое литературное агентство «Московский Парнас».— М.: Моск. Парнас, 2009.— 351 с.). Несколько экземпляров книги М. Г. Баланюк подарила лично читателям библиотеки за активное участие, а также несколько экземпляров пополнили фонд Тульской областной специальной библиотеки для слепых.

Электронные версии всех номеров журнала «Приокские зори» за период 2006—2019 гг. доступны на сайте http://pz.tula.ru/

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ПРАЗДНИКОМ ПАСХИ:

Дорогой наш
Алексей Афанасьевич!

Поздравляю Вас с наступающим великим православным праздником — со Светлой Пасхой — С ХРИСТОВЫМ ВОСКРЕСЕНИЕМ! От чистого сердца желаю крепкого здоровья, нескончаемого семейного счастья, а также всех земных благ и радостей в жизни! И высылаю в качестве подарка «Пасхальные стихи».

Пасхальные стихи

1

Корчагиной Ксении

День Вам добрый, москвичка Ксения!
В стольном граде, поди, капель,
Растрезвонились дни весенние?
...А в Сибири — опять метель.
Вновь завьюжило над сугробами —
А сугробы у нас до крыш...
С Иннокентием* нынче оба мы
От забот отдохнем, глядишь.

...Перед Пасхой отбелит вьюгами
В наших душах и ржавь, и гнусь.
Все невзгоды осилим с другом мы —
Ради веры в Святую Русь.

2

Замечательному русскому поэту,
Юрию Сергеевичу Павлову

В мире ханжески суровом,
Где цена стоит всему,—
Окормляясь Божьим Словом**,—
Мы посыл даем уму.
...И хотя грозит нам строго
Лютой карой Сатана,—
Нас к Христу ведет дорогой
Православная страна...
И чтоб свет духовной жизни
В наших душах не погас,—
Бог с рожденья и до тризны
Окормляет Словом нас.

3

Памяти православного русского
писателя, Глеба Иосифовича Пакулова

Молясь светозарным иконам,
Воскресшего славя Христа,
С пасхальным малиновым звоном
Слились православных уста.
...Бессмертную жизнь воспевая
В соборах святыми людьми,
Ликуй, моя Русь горевая! —
Обретшего в муках прими!

С уважением, Владимир Корнилов, г. Братск

---

* *Иннокентий Медведев* — друг и собрат по творчеству.
** *Словом* — в начале Слово было Бог.

Евгений Артюхов

Алексей Афанасьевич! С Праздником Вас! Божьей милости, добра, света, веры, надежды и любви!

Людмила Воробьева

Христос Воскрес! С праздником, Алексей Афанасьевич! Желаю здоровья и благополучия.

С уважением, Е. Трещев

ПОЗДРАВЛЕНИЯ С ДНЕМ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА

Главному редактору
литературно-художественного
публицистического
журнала «Приокские зори»
Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите искренние поздравления с 75-летием Победы
*в **Великой Отечественной войне!***

Для нашего народа этот праздник всегда был и будет олицетворением силы духа и единения, мира и ратного подвига, добрых перемен и надежды на будущее.

9 Мая – это особый праздник, в котором слились воедино душевная боль о невосполнимых утратах и огромная радость Великой Победы. Это символ героизма, мужества и отваги людей, защитивших нашу Родину.

Вечная Память и Слава всем, кто пал на полях сражений, кто трудился в тылу и поднимал наши страны из руин, кто верил и ждал.

От всей души желаю крепкого здоровья, счастья и мирного неба над головой!

P.S. Высылаю в Ваш адрес подборку стихов «Эхо войны» для возможной публикации в журнале.

Почётный Генеральный консул
Республики Беларусь в Тюмени — *В.Ф.Шугля*

Добрый день, Алексей Афанасьевич!

Вас тоже с майскими праздниками! Я ожидал карантинного всплеска активности авторов, но особого наплыва материалов не наблюдается — изредка что-то присылают, раз в неделю. Зато у меня было время прочитать все три Ваши присланные книги. Читал с удовольствием, и про изобретателей, и о писательской кухне, поданное старинным слогом. Остроумно, поучительно, долго смеялся по поводу делегатов от «шайтан-арбы». Теперь у меня появилась идея-фикс — изучить всё ваше творчество. Очень люблю читать, у меня более оптимистичный взгляд на читателей, дочка собирает библиотеку, сестра на всё лето приезжает из Москвы и перечитала половину моей библиотеки. Если и на это лето сможет вырваться ко мне, дам ей почитать Ваши книги. Дальнейших творческих успехов!

С уважением — Евгений Асташкин,
г. Омск

Уважаемый Алексей Афанасьевич! Поздравляю Вас и весь коллектив издания «Приокские зори» с наступающим главным праздником года — Днем Великой Победы. В нынешнем году он, к тому же, еще и юбилейный, отмечающийся 75-й раз. Этот день был мечтой миллионов, надеждой, которой жили и ради которой умирали. Увы: на сегодня осталось так мало людей, кому мы лично можем сказать «спасибо» за этот подвиг... Низко поклонимся нашим ветеранам-орденоносцам! И пусть настоящие и будущие молодые поколения свято чтят и уважают этот особенный день и все, что за ним стоит. День Победы — это слезы радости и счастья, боль от утрат и искалеченных жизней и вера в то, что бедствия войны никогда больше не повторятся. Пусть эта майская дата станет для всех людей планеты символом силы и мужества народов, объединившихся против общей беды, и вечным напоминанием, что нужно беречь мир. Счастья, радости, добра, процветания и мирного голубого неба! С благодарностью за литературное сотрудничество, надеждой на его продолжение и с почтением — ***Федор Ошевнев***.

С наступающим Днем Победы, Алексей Афанасьевич! За нашу Победу!

Людмила Воробьева,
г. Минск

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) поля файла обычные;

2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;

3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);

2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его ещениже, левее фотографии, выравнивание по левому краю(шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.

2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 15.06.2020
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ

Парад Победы 24 июня 1945 года

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА НАД ГЕРМАНИЕЙ, ЕЕ СОЮЗНИКАМИ И САТЕЛЛИТАМИ

Парад Победы 24 июня 1945 года